

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Kazakh National Pedagogical University Abai

LingvLit

Научный альманах

Выпуск 3

Алматы, 2019

УДК 811:821
ББК 81.2
L 75

Рекомендовано к публикации ученым советом КазНПУ им. Абая

Редакторский коллектив:

д.ф.н., профессор КазНПУ имени Абая М.Ш. Мусатаева,
к.ф.н., доцент КазНПУ имени Абая З.Н. Поляк,
доктор PhD, ст. преп. КазНПУ имени Абая А.А. Джундубаева

L 75 LingvLit: Научный альманах / Под ред. д.филол.н., проф. КазНПУ им. Абая С.Д. Абишевой. – Выпуск 3. – Алматы: ТОО «КОПИТЕК». – 2019. – 284 с.

ISBN 978-601-298-822-2

«LingvLit. Научный альманах» – научный филологический журнал кафедры русского языка и литературы КазНПУ им. Абая. Издание ориентировано на презентацию научных направлений кафедры и вовлечение в современную лингвистику и литературоведение молодых исследователей из числа бакалавров, магистрантов и докторантов PhD. Приоритет отдается статьям, выполненным в соавторстве ученым-ученик, написанным на русском, казахском и английском языках и посвященным проблемам лингвистики, билингвизму, изучению литературы России и Казахстана, методике преподавания филологических дисциплин. Журнал может быть интересен не только университетскому сообществу, но и учителям, журналистам, школьникам старших классов. Периодичность – 1 раз в год.

«LingvLit. Ғылыми альманах» – Абай атындағы ҚазҰПУ-дың орыс тілі және әдебиеті кафедрасының филологиялық ғылыми журнал. Басылым кафедраның ғылыми бағыттарымен таныстыра отырып, бакалаврлар, магистрлер және PhD докторлар санынан қазіргі замануи лингвистика мен әдебиеттану мәселелерін зерттеуге тарту үшін бағытталған. Басымдық орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде жазылған, лингвистика, көстілдік, Ресей мен Қазақстан әдебиеттерін зерттейтін, филологиялық пәндерді оқыту әдістемесіне арналған ғалым – шәкірт бірлескен авторлық мақалаларға беріледі. Журнал тек университет қауымын емес, мектеп мұғалімдері, журналистер, жоғарғы сынып оқушыларын да қызықтыра біледі. Мерзімділігі – жылына 1 рет.

УДК 811:821
ББК 81.2

ISBN 978-601-298-822-2

© КазНПУ им. Абая, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА	5
<i>Мусатаева М.Ш., Куатова Г. А.</i> О некоторых функциях эксплицитных способов репрезентации футуральной семантики в постмодернистском тексте.....	5
<i>Мусатаева М.Ш., Алипова А.Т.</i> Эвиденциальная семантика как объект лингвистических исследований.....	11
<i>Мусатаева М.Ш., Нуржабаева М.О.</i> Языковая объективация ментальных способностей человека в национальных языковых картинах мира	16
<i>Мусатаева М.Ш., Кожяхметова А.С.</i> Реализация аксиологической семантики в языке казахстанских масс-медиа.....	23
<i>Мусатаева М.Ш., Аубакирова А.М.</i> Соматизмы со значением «вместилище эмоций» в русском и казахском языках	28
<i>Кажигалиева Г.А.</i> Тенденции современной лингводидактики	34
<i>Молдагали М.Б.</i> Сопоставительный анализ глаголов речи в русском, казахском и английском языках	44
<i>Абаева М.К., Айдарова А.</i> Особенности языковых средств современной прессы	53
<i>Абаева М.К., Батаева А.Н.</i> Лексикографическое описание концепта (на примере базового концепта «семья»).....	60
<i>Абаева М.К., Нуртажиева А.Ж.</i> Семантика черного цвета в русском и казахском языках на примере художественных текстов	67
<i>Абдрахманова А.Ж.</i> Языковое сознание русских и место русского языка в Республике Казахстан	78
<i>Шакир Ж.Б.</i> Динамичность фразеологической системы в русском языке	87
<i>Айткен Н.</i> Метфора войны в политическом дискурсе	93
<i>Абаева М.К., Бакир С.</i> Общетеоретические проблемы вариативности слова.....	103
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	109
<i>Алтынбек А.</i> Поэтика литературной сказки (на материале российских и казахстанских авторов).....	109
<i>Алтынбек А.</i> Структура сюжета современных литературных сказок	116
<i>Жуажанова Е.О.</i> Поэтика предметного мира святочного рассказа Н.С. Лескова «Неразменный рубль»	124
<i>Поляк З.Н., Наршаева Г.Ш.</i> Способы проявления авторской позиции в биографическом повествовании	133
<i>Абишева С.Д., Белоусова А.</i> Образ времени в творчестве поэтов группы «Московское время»	140

<i>Рустембекова Ж.Р.</i> Тип «героя-невидимки» в рассказах Виктории Токаревой	150
<i>Бузаубагарова К.С., Молдакулова А.С.</i> Художественное своеобразие рассказа Т. Толстой «Девушка в цвету»	155
<i>Молдакулова А.С.</i> О жанровой принадлежности «Памяти Бродского» Т. Толстой	161
<i>Ходжамуратова Ш.Б.</i> Развитие нарратологии.....	169
<i>Ходжамуратова Ш.Б.</i> Теория нарратива в современном литературоведении	176
<i>Lotova E.A., Muslimova A.B.</i> Features of the short story narrative structure	184
<i>Поляк З.Н., Ермек Н.С.</i> Признаки жанра фэнтези в повести З. Наурзбаевой и Л. Калаус «В поисках золотой чаши. Приключения Бату и его друзей»	188
<i>Нурлыбек А.Н.</i> Анализ системы персонажей в рассказе И. Одегова «Пуруша»	195
<i>Нурлыбек А.Н.</i> Типология персонажей в романе М. Земскова «Когда «Мерло» теряет вкус».....	201
<i>Кендебай Ж.</i> Полифония голосов в повести Николая Веревошкина «Городской леший, или Ероха без подвоха».....	207
<i>Кендебай Ж.</i> Интертекстуальность как одна из форм полифонического повествования в повести Н. Веревошкина «Городской леший, или Ероха без подвоха»	216
<i>Лебедева А.</i> Три сценария жизни в книге Д. Сабитовой «Три твоих имени»	224
<i>Нусупбекова А.</i> Парадоксы воспитания в книге Р. Даля «Матильда»	229
<i>Потапенко А.</i> История одной дружбы в книге М. Парр «Тоня Глиммердал»	236
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ	241
<i>Мусатаева М.Ш., Нусупбекова А.С.</i> Репрезентация духовно-нравственных и морально-этических ценностей в учебнике по русскому языку и литературе как социальный заказ	241
<i>Байбосинова Г.К., Божбанбаева М.М., Кривошеева Н.Ю.</i> Развитие критического мышления учащихся на уроках русского языка	246
<i>Мамыт М.Н.</i> Развитие творческих способностей учащихся в условиях обновленного содержания образования	260
<i>Айтмаганбетова А.Ж.</i> Критериальное оценивание как новая технология оценивания	270
Касенова А.К. Формирование коммуникативной компетенции на интерактивном уроке по русскому языку (в 5 классе).....	276
ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ	282

ЛИНГВИСТИКА

О НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИЯХ ЭКСПЛИЦИТНЫХ СПОСОБОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФУТУРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТЕКСТЕ

Мусатаева Манат Шаяхметовна
д.ф.н., профессор КазНПУ им. Абая

Куатова Гульзира Абибукировна
магистр, старший преподаватель
Каспийского государственного университета
технологий и инжиниринга им. Ш. Есенова

Аннотация. Футуральная семантика может быть репрезентирована в художественном тексте посредством различных языковых средств как эксплицитно, так и имплицитно. При этом выбор того или иного способа выражения семантики будущности зависит от интенций автора и выполняет определенную роль в тексте. В статье рассматриваются некоторые функции эксплицитных способов репрезентации футуральной семантики в постмодернистском тексте.

Ключевые слова. Футуральная семантика, постмодернистский текст, эксплицитный способ, морфологический способ, синтаксический способ.

Түйіндеме. Футуралдық семантика әдеби мәтінде әр түрлі тілдік құралдармен айқын немесе жасырын түрде берілуі мүмкін. Сонымен бірге, келер шақ семантикасын білдірудің әдісін таңдау автордың алдына қойған мақсаттарына байланысты және мәтінде белгілі бір рөл атқарады. Мақалада постмодерн әдебиеті мәтіндеріндегі футуралық семантиканы білдіретін айқын тәсілдердің кейбір функциялары қарастырылады.

Түйін сөздер. Футуралдық семантика, постмодерн әдебиеті, айқын тәсіл, морфологиялық тәсіл, синтаксистік тәсіл.

Abstract. Futural semantics can be represented in a literary text by means of various language means, either explicitly or implicitly. At the same time, the choice of one or another way of expressing the semantics of future depends on the intentions of the author and performs a certain role in the text. The article discusses some of the functions of explicit ways of representing futural semantics in a postmodern text.

Key words. Futural semantics, postmodern text, explicit way, morphological method, syntactic method.

Так как речь будет идти об эксплицитном и имплицитном способах выражения футуральной семантики, считаем необходимым введение пояснений, касающихся эксплицитного и имплицитного представления смыслового содержания. Эксплицитное содержание – явное, непосредственно выраженное тем или иным языковым средством. Имплицитное содержание – специально не выраженное, а лишь подразумеваемое, вытекающее из эксплицитного содержания или из связанной с ним контекстуальной или ситуативной информации. Только эксплицитное содержание, выраженное той или иной формой, может рассматриваться как ее значение. Что же касается имплицитного содержания, то оно может быть лишь семантическим элементом, дополнительно характеризующим те или иные реализации значений, но не самостоятельным значением формы. Так, значением форм типа *пишите!* является побудительность, тогда как темпоральная отнесенность действия к будущему (презентно-футуральная перспектива) – это элемент, вытекающий из значения побудительности, но не временное значение формы [1, 27].

Анализ языковых единиц позволяет выделить следующие способы репрезентации значения будущности: морфологический, лексический, лексико-синтаксический, синтаксический, безглагольный, модально-футуральный и контекстный (имплицитный). Из них эксплицитными являются морфологический, лексический и синтаксический способы, рассматриваемые ниже.

К *морфологическому способу* относится грамматическое время, то есть выраженность форм будущего времени (простое и сложное) глаголами совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ), а также сочетанием вспомогательного глагола с краткой формой причастия. Приведем примеры:

Согнет или *посадит* или *положит* – как ему будет угодно.

Я тебе во всем *пойду* навстречу, зачем он нам?

Сюда же относится и форма с частицей –ка, придающей слову оттенок намерения что-либо сделать, побуждение к действию: *Пошли-ка, покурим, побалакаем о чем-нибудь. Тормозни-ка у перехода.*

К *лексическому способу* нами отнесены случаи репрезентации футуральной семантики «лексическими указателями времени/темпоральности» [2, 38-55], целью употребления которых является «указание на положение события во времени».

Ученые отмечают, что наличие большого числа грамматических и лексико-грамматических средств, выражающих футуральную семантику в качестве дополнительного значения, определяет функционирование «уточнителей их временной семантики», иначе называемых «переключа-телями», целью которых является актуализация в них семы «будущее» [2, 38-55]. Вопросами классификации лексических указателей времени, составляющих основу лексического способа репрезентации футуральной

семантики, занимались многие известные ученые, такие как Дж. Лайонз, Бюлер, З. Латцель, В. Тиммерманн, В.Я. Мыркин, Е.В. Гулыга, Е.И.Шендельс, В.В. Морковкин, Е.В. Боднарук и др.

Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс отмечают, что функцию актуализаторов дополнительного значения будущего могут выполнять не только обстоятельства, выраженные наречиями, но и определения, выраженные существительными с предлогами, местоимениями, прилагательными, числительными, инфинитивом, причастиями, причем с наибольшей точностью [3, 67].

Так как в настоящей работе мы объединяем все виды лексических указателей футуральности в одном – лексическом способе, считаем, что нет необходимости приводить все виды их классификаций. Кроме того, как отмечает Е.В. Боднарук [2], при классификации временных указателей возникают трудности субъективного характера, так как «каждый человек по-разному воспринимает будущее: то, что одному кажется находящимся далеко в сфере будущего, другим может восприниматься как что-то совсем близкое», что может быть обусловлено разными обстоятельствами.

Отметим лишь объективно выделяемые учеными временные модели (шкалы), которые могут присутствовать в темпоральной семантике существительных: шкала природных явлений (весна и т.д.); суточная шкала (восход солнца и т.д.); возрастная шкала/шкала жизненного пространства (детство и т.д.); циферблат (8 часов утра); календарь (пятого октября 1977 года); событийная шкала (во сне, на Пасху) [4, 114– 115].

К лексическому уровню обозначения времени, в том числе и будущего, относятся и устойчивые выражения: *все время* – «постоянно», *на века* – «навсегда», *на время* – «на некоторое время» [4, 19-20].

За счет конкретных лексем-репрезентантов лексический способ характеризуется семантической «прозрачностью» и затруднений при анализе текста не вызывает. Приведем примеры: *Это у меня навеки! Мы его увидели в семье, уже когда стукнуло восемь месяцев беременности, привела его моя страдальца, моя вечная боль, моя Алена* (Л.Петрушевская. Время ночь) *Случайно, я сейчас.....Сейчас-сейчас...* (Л. Калаус. Тиран и народ. История любви). ... *Ажар все чаще думала: а что дальше?* (У.Тажикенова. Ось существования).

Синтаксический способ выражается обстоятельством-темпоральными придаточными предложениями, чаще всего придаточными цели и условия, в которых больше присутствует значение будущих действий. Например: *Ты шевельнулась в кресле, чтобы оживить затекущую ногу.* (А.Жакс., Дом суриката). *На минутку заглянул муж Райхан, чтоб пожелать им приятно аппетита. Патима же забирала очищенные овощи помыть, приносила назад, а Калдыгуль оставалась сидеть и ждала, чтобы начать нарезать эти овощи...* (У. Тажекенова, Ось существования). В последнем примере нарушена валентность слова

ждала, которое требует при себе существительное (субъект) в Р.П., но имеет придаточное цели.

В текстах также были выявлены случаи, когда придаточное цели было оформлено в отдельное предложение, например: *Каждый день по двенадцать-тринадцать часов рутинной работы. Чтобы выжить. Она зарывается в постель еще глубже. Чтоб сын не учуял спиртного* (У.Тажикенова, Ось существования).

Анализ фактического материала позволяет нам говорить о том, что расчленение сложноподчиненного предложения в анализируемых постмодернистских текстах позволяет сделать акцент на отдельно оформленной придаточной части, усиливая значимость сказанного. Подобные предложения, названные Н.С. Валгиной расчлененными, или сегментированными синтаксическими построениями, является демонстрацией языковых процессов, причиной которых, по мнению ученого, выступает «усиление влияния разговорного синтаксиса на письменную речь». Ученый отмечает, что в таких предложениях происходит выдвигание «семантически значимых компонентов предложения в актуальные позиции», а это в свою очередь требует от читателя расшифровки подобных конструкций с учетом существующих правил пунктуации, так как, по мнению Н.С. Валгиной, «оттенки интонаций, степень длительности пауз, разводящих слова и указывающих на их позицию в высказывании, подчас заключают в себе больше смысла, чем наличествующие в речи слова и сочетания слов» [5, 184].

Именно необходимость расшифровки подобных расчлененных предложений, как нам представляется, используется авторами-постмодернистами для вовлечения читателя в сотворчество, для реализации скрытого диалога между читателем и автором. Так, в подобных предложениях после чтения предшествующего предложения возникает вопрос:

1. Персонаж: – *Каждый день по двенадцать-тринадцать часов рутинной работы.*

Читатель: – *Зачем?*

Персонаж: – *Чтобы выжить.*

2. Автор: – *Она зарывается в постель еще глубже.*

Читатель: – *Зачем?*

Автор: – *Чтоб сын не учуял спиртного.*

Подобные конструкции встречаются и у Л. Калаус: *Потом вот эту прочтите. Чтоб ощутить себя еще более успешным и богатым.* Первое предложение приведенного примера также требует при себе вопроса:

1 Персонаж: – *Потом вот эту (книгу) прочтите.*

2 Персонаж: – *Зачем?*

1 Персонаж: – *Чтоб ощутить себя еще более успешным и богатым.*

Целью разбивки данного предложения на части, по нашему мнению, также является акцентирование на второй части, с той лишь разницей, что в этом случае постановка вопроса на реплику персонажа должна исходить не от читателя, а от второго участника диалога. Однако, в тексте произведения этого вопроса нет, а домысливается уже читателем, так или иначе вовлеченным в процесс конструирования ситуации совместно с автором.

У В. Пелевина читаем: *Тогда подпиши, – сказал он, кладя его перед Степой. – Чтобы я в арбитраж мог пойти в случае чего, хе хе хе...* (В.Пел., Числа) – также наблюдается усиление значимости второй части с вовлечением читателя в скрытый диалог.

В следующем предложении, содержащем конструкцию причины: *Коннозаводчики похлопотали – и головореза выпустили для срочной операции грыжи в швейцарской клинике...* присутствие семантики будущности обусловлено наличием относительного будущего, так как глагол *выпустили* выступает действием, предшествующим *операции грыжи в швейцарской клинике*.

Обратимся к следующему примеру: *Если ты продолжишь усилия, чип может убить тебя, вызвав инсульт (А. Жаксылыков, Дом суриката)* – данный пример также иллюстрирует наличие ситуации в будущем (=если продолжишь усилия), которое выражено условным придаточным предложением.

Последний пример демонстрирует наличие отношения обусловленности, которые основаны на строгой импликации «если А... то В», содержащие, по мнению Л.Н. Оркиной [6, 220-223], обязательный модальный компонент, отвечающий признакам реальности/ирреальности. Одно из основных значений этих признаков – актуальность/потенциальность (возможность, необходимость, гипотетичность и т. д.) – присуще рассматриваемым высказываниям с формами будущего времени в позиции антецедента.

В анализируемых текстах выявлены и такие усеченные предложения, как, например: *Он не знает, что я ничего не получаю, а ежели бы узнал, ежели бы узнал...* Использование подобных предложений с наличием первой части импликации «если А», но с опущенной второй частью «то В» с многоточием в конце, по нашему мнению, помогает автору вовлечь читателя в повествование, позволив ему домыслить последствия описанной ситуации в соответствии с его жизненным и социальным опытом.

Список литературы:

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.

2. Боднарук Е.В. Участие лексических маркеров времени в формировании футуральной семантики высказывания (на материале немецкого языка). – Язык как система, деятельность и пространство мысли: коллективная монография памяти профессора В.Я. Мыркина / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. автоном. образоват. учреждение высш. проф. образования «Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В.Ломоносова»; [сост. и отв. ред. Л.Ю. Щипицина, Т. А. Сидорова]. – Архангельск: КИРА, 2015. – 349 с.
3. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
4. Потаенко Н.А. Время в языке (опыт комплексного описания) // Логический анализ языка. Язык и время. – М: Индрик, 1997. – С.113–121.
5. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
6. Оркина Л.Н. О семантике форм будущего времени в высказываниях с отношениями обусловленности // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. материалов конференции 9–12 апреля 2013 г. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 367 с.

Литературные источники извлечения фактического материала:

1. А. Жаксылыков. Дом суриката. Четвертая книга романного цикла «Сны окаянных». – Алматы: Ценные бумаги, 2008. – 412 с.
2. Г. Королева. Роман с кровью и другие повести. – Алматы: Искандер, 2005. – 184 с.
3. Л. Калаус. ПИНЬЯТА: рассказы. – Алматы: Книголюб, 2015. – 252 с.
4. Л. Петрушевская. Персональная «черная» серия. – М.: Вагриус, 2001. – 174 с.
5. В. Пелевин. Омон Ра. – М.: Эксмо, 2007. – 56 с.
6. В. Пелевин. Роман «Числа» / «Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда»: Эксмо: Москва, 2007. – 352 с.
7. У. Тажикинова. Ось существования, роман-пунктир /«Лоза тамариска»/ У. Тажикинова. – Алматы: Алейрон, 2009. – 310 с.

ЭВИДЕНЦИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Мусатаева Манат Шаяхметовна
д.ф.н., профессор КазНПУ им. Абая

Алипова Асем Токтарбаевна
докторант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Изучение категории эвиденциальности, введенной в языковедческую науку Ф. Боасом, имеет вековую традицию. Как известно, Ф. Боас эвиденциальность определяет как универсальную грамматическую категорию, которая в различных языках выражается в обязательной или необязательной форме. В середине 20-го столетия изучение категории эвиденциальности получает новый импульс. Накопленный арсенал научных исследований по данной проблеме нуждается в определенной систематизации, в связи с чем нами проводится обзор посвященных данной проблеме исследований.

Ключевые слова: грамматическая категория, синтаксис, источник информации, посредник, сообщаемый факт.

Түйіндеме. Ф. Боастың лингвистикалық ғылымға енгізген эвиденциалдық категорияны зерттеу ғасырлық дәстүрге ие. Белгілі болғандай, Ф. Боас эвиденциалдылықты әртүрлі тілдерде міндетті немесе факультативті түрде көрсетілетін әмбебап грамматикалық категория ретінде анықтайды. XX ғасырдың ортасында эвиденциалдық категориясын зерттеу жаңа серпін алады. Бұл мәселе бойынша ғылыми зерттеулердің жинақталған арсеналы жүйелендірілуі қажет. Осыған орай, бұл мақалада айтылмыш мәселеге арналған зерттеулерге шолу жүргізіміз.

Түйін сөздер: грамматикалық категория, синтаксис, ақпарат көзі, делдал, мәлімделген факт.

Abstract. The study of the category of evidentiality was introduced into the linguistic science by F. Boas, which has a century-long tradition. As it is known, F. Boas defines evidentiality as a universal grammatical category, which in various languages is expressed in a mandatory or optional form. In the middle of the 20th century, the study of the category of evidentiality receives a new impetus. The accumulated arsenal of scientific research on this issue needs to be systematized, and therefore we conduct a review of the studies devoted to this problem.

Key words: grammatical category, syntax, source of information, mediator, reported fact.

Как известно, источником получаемой человеком извне информации о каком-либо событии может быть: говорящий сам как очевидец или участник события, о котором идет речь; опосредованно, через кого-либо; говорящий извлекает из памяти, вспоминая случай из своей либо из чужой жизни; ссылка на сон и др. В семасиологии это явление именуется термином *эвиденциальность* (evidence (лат. evidēntia) со значением «говорящий или другое лицо были автором или свидетелями описываемого в высказывании события»).

Безусловно, данный термин трудно назвать конвенциональным, о чем свидетельствует наличие целого ряда синонимичных терминов: *инференциальность/неинференциальность*, *очевидность/неочевидность*, *‘заглазность’*, *медиатив*, *засвидетельственность/ незасвидетельственность*, *конфирмативность/ неконфирмативность*, *дистантность*, *имперцептив*. Мы разделяем точку зрения Н.А. Козинцевой, согласно которой термин *эвиденциальность* может рассматриваться как родовой, включающий как очевидность, так и неочевидность [1].

Существует целый ряд работ, посвященный явлению эвиденциальности: Ф. Боас (1911), Р. Якобсон (1957, 1972), Е.И. Дёмина (1959), А. Аделяр (1977), А.П. Сытов (1979), З.К. Шанова (1979), Ив. Куцаров (1984), С. Де Лансей (1986), Т. Гивон (1986), Л. Гордон (1986), А. Шлитчер (1986), Р. Освальт (1986), М. Митун (1986), М. Хордман (1986), Д. Вебер (1986), А. Аксу-Кос, Д. Слобин (1986), В. Фридман (1986), А. Вудбери (1986), У. Чейф (1986), Дж. Николас (1986) Т. Уиллетт (1988), Т.Н. Молошная (1989), Ф. Джугсти-Фичи (1994), Ж. Лизард (1996), А. Вежбицкая (1994), Н.А. Козинцева (1994; 1998), Б.Я. Островский (1997), М.К. Сабанеева (1999), А.А. Мальчуков (1999), О.А. Хадарцев (2000), И.А. Невская (2001), С.И. Буглан (2000), Е.Е. Корди (1998; 2001), Ф. Де Хаан (1999а; 1999б; 2001) и др.

Впервые проблема эвиденциальности рассматривается Ф. Боасом [2] и дальнейшее развитие получает в работах Р.О. Якобсона, который понимает эвиденциальность как «глагольную категорию, учитывающую три факта (сообщаемый факт, факт сообщения и, кроме того, передаваемый факт сообщения, т.е. указываемый источник сведений о сообщаемом факте)» [3].

Существенный вклад в разработку онтологии данного явления внесла выполненная на материале английского языка работа У. Чейфа, в которой ученый в качестве основного принципа дифференциации эвиденциальности принимает ее функциональное значение [4]. Заслугой ученого является выявление сущности категории эвиденциальности и её функционально-семантических особенностей.

Сложная природа данного феномена вызывает расхождения во мнениях ученых по поводу существования эвиденциальности как коммуникативной категории. В связи с этим представляется целесо-

образным осуществление небольшого «экскурса» в историю разработки данной проблемы. Безусловно, описание истории данной категории неоднократно становилось объектом тех или иных публикаций [5, 6], но, поскольку в последующих наших публикациях будут освещены фрагменты исследования категории эвиденциальности на материале казахстанской прессы, считаем обязательным провести небольшой обзор научных исследований с целью выявления степени разработанности данной проблемы.

Разработка данной проблемы получает новый импульс в последние два десятилетия 20-го столетия в американской лингвистике. Знаменательным в истории разработки данного феномена можно считать посвященный проблемам филологии симпозиум, состоявшийся в 1981 году в Беркли, идейными вдохновителями которыми были У. Чейф и Дж. Николс. В его работе принимали участие такие видные ученые, как Р. Якобсон, Р. Освальт, Л. Гордон, М. Митун, М. Хордман, Д. Вебер, А. Аксу-Кос, Д. Слобин, В. Фридман, А. Вудбери, С. Делансей и др. В процессе работы данного форума обсуждались способы и средства выражения эвиденциальности в различных языках, анализировались различные маркеры эвиденциальности, их природа и сфера употребления.

Исследовательский интерес к данной категории объясняется, тем, что она может включать любую информацию об источнике высказывания как со знаком (+) – наличие источника информации, так и со знаком (–) – отсутствие источника информации или его неясность, неизвестность.

Большинство ученых считает ее грамматической категорией. Так, например, И.А. Мельчук, относит эвиденциальность к качественным грамматическим категориям (семантико-прагматический тип классификации), которые выражают отношение между говорящим и пропозицией [7].

Сложная природа данной категории способствует порождению различных теорий, которые можно условно сгруппировать в три направления, осуществляющих разные подходы к изучению эвиденциальной семантики. Рассмотрим каждый из них.

Группа ученых (А. Вежибicka, Р.П. Усикова и др.), представляющая первое направление, предлагает изучение эвиденциальной семантики через семантику и морфологические формы глагола. Со временем исследования показывают, что этот подход приемлем при исследовании данной проблемы через глагольные формы и семантику лишь близкородственных языков, и совершенно не оправдывает себя на материале разноструктурных языков [8, 9].

Но, как отмечает И.В. Недялков, «в основе категории эвиденциальности лежит выражение сведений о субъекте как источнике информации, которые уже заложены в парадигме глагола» [5].

Следующая группа ученых (М.В. Ляпон, Е.Е. Корди и др.) предлагает рассмотрение эвиденциальности посредством категории модальности. Этот подход значительно расширяет арсенал репрезентантов данной семантики, тем самым предоставляя больше возможностей для получения обоснованных и достоверных результатов. Достоинством данного подхода является привлечение для анализа не только глагольных форм, но и модальных слов. Тем самым обеспечивается выход и за пределы морфологии, в лексику [10, 11].

Представители третьего направления (Г.Н. Иванова, Ю.В. Шаропова и др.) категорию эвиденциальности рассматривают с литературоведческих позиций, посредством выявления тех или иных литературных доминант: автора и его позиции, лирического героя, нарратора и наррататора и др. на материале художественных произведений [12, 13].

Как видно, возможность изучения эвиденциальной семантики с различных позиций свидетельствует об универсальности данного феномена, заключающейся в ее онтологии.

Кроме того, эвиденциальная семантика включает в себя множество концептуальных слоев, находящихся в отношениях включенности: объектно-субъектные, пространственные и временные, типы объектных отношений и др.

Ряд ученых (Степанов Ю.С., Болдырев Н.Н. и др.) обращает внимание на таксономический характер эвиденциальности [14, 15]. Как известно, термин *таксономия* (от греческого *taxis* – построение, порядок, расположение и *nomos* – закон) со значением "совокупность принципов и правил классификации лингвистических объектов (языков и языковых единиц), а также сама эта классификация" в научный обиход введен Б.Л. Уорфом [16]. Таксономичность предполагает иерархичность, т.е. выражение эвиденциальности на разных уровнях языковой системы по принципу от *простого к сложному*.

Некоторые лингвисты (Бабёр Н.В. и др.) отмечают также лакунарный характер эвиденциальной семантики, т.е. отсутствие каких-либо признаков в тех или иных условиях [17].

Следует также отметить отсутствие оппозиции эвиденциальность – неэвиденциальность, поскольку любая информация эвиденциальна, т.е. всегда основана на конкретном источнике.

Таким образом, в качестве семантических компонентов эвиденциальности можно выделить: *универсальность, отношения включенности, иерархичность, лакунарность, отсутствие оппозиции*.

Список литературы:

1. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92-93.
2. Boas F. Handbook of American Indian languages. – Wash., 1911.

3. Jakobson R. Shifters, verbal categories, and the Russian verb. *Camb.*, 1957 // Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95-113.
4. Chafe W. Evidentiality in English conversation and academic writing It Evidentiality: the linguistic coding of epistemology in language. *Norwood, N.Y.*: ablex from Chafe and Nichols, ed., 1986. – P. 262-275.
5. Недеялков И.В. Проблемы классификации и иерархии грамматических категорий // Язык и речевая деятельность. – Т. 3. – Ч. 1. – СПб., 2000. – С. 45-63.
6. Hengeveld K. Layers and operators in functional grammar // *Journal of Linguistics*. – № 25. – 1989. – P. 127-157.
7. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: морфологические значения / Пер. с фр. Перцовой Н.Н., Савиной Е.Н.; Общ. ред. Перцовой Н.Н. Вступит, статья А.Е. Кибрика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 543 с.
8. Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
9. Усикова Р.П. Македонский язык: Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарём. – Скопје: Македонская книга, 1985. – 239 с.
10. Ляпон М.В. К вопросу о языковой специфике модальности // Изв. АН СССР. СЛЯ Т.30. – Вып. 3. – 1971. – С. 230-239.
11. Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке / Отв. ред. В.С. Храковский. – JL: Наука, 1988. – 165 с.
12. Иванова Г.Н. Авторизация и способы её выражения в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Л., 1981. – 18 с.
13. Шарапова Ю.В. Несобственно-прямая речь в функционально-коммуникативном и структурно-семантическом аспектах (на материале английского языка). Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – СПб, 2001. – 18 с.
14. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: семиологическая грамматика. – АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
15. Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола. Системный и функциональный аспекты. – Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1994. – 171 с.
16. Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 44-60.
17. Бабёр Н.В. Реализация категории эвиденциальности в немецком языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2012.

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ МЕНТАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Мусатаева Манат Шаяхметовна
д.ф.н., профессор КазНПУ им. Абая

Нуржаубаева Молдир Орынбайкызы
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Как известно, в результате когнитивной деятельности человек категоризирует мир, и в этом процессе идентификации огромную роль играют органы восприятия (слуховой, зрительный, тактильный, обоняния, осязания и др.) Благодаря им у него развивается чрезвычайная наблюдательность, вследствие чего он сравнивает или отождествляет объекты, свойства, качества, и т. п., выявляя сходства и контраст на ментальном уровне. При их вербализации выявленные сходства служат базой для выделения в языке синонимов, а контраст – антонимов. Совокупность понятий, сформированных в сознании человека на основании контраста/противоположности, составляют основу контрарных (антонимичных, бинарных) концептов. В них содержится качественная контрарность, состоящая из ступенчатых оппозиций и выражающаяся как на уровне слов, так и на уровне понятий. Это обстоятельство позволяет заключить, что заложенное в материальной оболочке слова понятие воспринимается сознанием носителей этих языков и культур как противоположные сущности. Исходя из данного тезиса, объектом данной статьи являются имена контрарных концептов *ум* и *глупость*, характеризующие ментальные способности человека и занимающие важное место в национальных картинах мира, в том числе в русской, казахской и английской.

Ключевые слова: контрарность, ментальность, язык, вербализация, интеллектуальные способности, языковая картина мира, ум, глупость; русский, казахский и английский языки.

Түйіндеме. Когнитивтік қызметтің нәтижесінде адам әлемді жіктейді. Осы сәйкестендіру үрдісінде қабылдайтын органдардың (есту, көруі, сезу, иіс, сенсор және т.б.) атқаратын рөлі зор. Олардың арқасында адам ерекше бақылау жасайды, нәтижесінде нысаналардың әртүрлі деңгейдегі ұқсастықтары мен контрасттарын анықтайды. Осы анықталған ұқсастықтар тілдегі синонимдерді, ал контраст – антонимдерді анықтау үшін негіз болады. Қарама-қарсылық негізінде адамның ақыл-санасында қалыптасқан тұжырымдамалар жиынтығы контрасты түсініктердің негізін құрайды. Бұл жағдай сөздің материалдық қабығына тән тұжырымдаманың осы тілдер мен мәдениеттер өкілдерінің тілдік санасында қарама-қарсы

объектілер ретінде қабылдануына негіз болып табылады.. Осыған орай, бұл мақаланың нысанасы ретінде адамның ақыл-ой қабілеттерін сипаттайтын және әлемнің ұлттық суреттерінде, соның ішінде орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде маңызды орын алатын *ақыл – ақымақтық* атты қарсы мағыналы концептер қарастырылады..

Түйінді сөздер: қарсы, оппозиция, ділдік, тіл, ауызша сөйлеу, интеллектуалды қабілеттер, әлемнің тілдік бейнесі, ақыл-парасат, ақымақтық; Орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде

Abstract. As it is known, as a result of cognitive activity, a person categorizes the world, and in this process of identification a huge role is played by organs of perception (auditory, visual, tactile, smell, touch, etc.) Thanks to them, he develops extraordinary observation, as a result of which he compares or identifies objects, properties, qualities, etc., revealing the similarities and contrast on the mental level. When they are verbalized, the identified similarities serve as the basis for the identification of synonyms in the language, and the contrast – the antonyms. The set of concepts formed in the mind of a person on the basis of contrast / opposites forms the basis of contra (ant-like, binary) concepts. They contain high-quality counter-opposition, consisting of staggered oppositions and expressed both at the level of words and at the level of concepts. This circumstance allows us to conclude that the concept inherent in the material shell of the word is perceived by the minds of the speakers of these languages and cultures as opposite entities. Based on this thesis, the object of this article is the names of the opposite concepts of the mind and stupidity, which characterize the mental abilities of a person and occupy an important place in the national pictures of the world, including Russian, Kazakh and English.

Key words: counter, opposition, mentality, language, verbalization, intellectual abilities, language picture of the world, mind, stupidity; Russian, Kazakh and English.

Как уже отмечалось, *ум и глупость* являются основными характеристиками интеллектуальных способностей человека и занимают важное место в любой национальной картине мира. Исследованные в данной статье концепты *ум-глупость/ ақыл-ақымақтық/ mind-stupidity*: всецело соответствуют описанным в лингвистической литературе характеристикам: *контрарность*, проявляющаяся в крайней симметричности членов упорядоченного множества (умный – неумный – глупый, ақылды – ақылсыз – ақымақ, clever – not clever – stupid), *комплементарность*, заключающаяся в отсутствии между противопоставляемыми промежуточного звена (разум – безумие, ес – ессіздік, mind – madness), *векторность* как противоположность разнонаправленных признаков (сообразительный – бестолковый).

Концепты *ум-глупость/ ақыл-ақымақтық/ mind-stupidity* в русском, казахском и английском языках репрезентируются лексическими, фразеологическими и паремиологическими единицами. Приблизительно равное соотношение паремиологических единиц в русском, казахском и английском языках (68/68/73) свидетельствует о том, что во всех сопоставляемых культурах эти категории играют важную роль и иллюстрируют соответствующую шкалу духовных и нравственных ценностей. Соответственно нет сомнения в том, что идиоэтнический характер когнитивных структур, лежащих в основе лексических, фразеологических и паремиологических единиц и выражающих концептуальное представление ума и глупости, опираются на национальные культурно-исторические традиции.

Анализируя словарные статьи лексикографических источников сопоставляемых языков, можно заключить, что:

✓ в *русском* языке ключевым значением имени концепта *ум* является «склад ума, интеллект», т.е. способность человека логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания;

✓ в *казахском* – один из компонентов этого понятия *пайым* «способность понимать как природная сила, данная каждому человеку, но получающее дальнейшее развитие в зависимости от уровня воспитания, образования, интеллекта, среды и др факторов», а другой – *парасат* как «когнитивная способность, т.е. умение, ведущее к созиданию: адекватно понимать, интерпретировать, анализировать, синтезировать, принимать решение и др.»;

✓ в *английском* – очень широкое понимание:

1.ум, разум/ рассудок/ память/ настроение/ состояние духа/ (откровенное) мнение/намерение, желание/дух, душа/ в вопросительных или отрицательных предложениях, а также в утвердительном ответе возражать, иметь (что-л.) против.

2. заботиться; волноваться, беспокоиться, тревожиться.

3. обыкн. в повелительном предложении: обращать внимание, считаться (с чем-л.).

Репрезентанты концепта *ум* представлены широким спектром репрезентантов во всех сопоставляемых языках. В ЯКМ носителей сопоставляемых языков с интеллектуальной сферой связываются *ум, разум, рассудок/ ақыл, парасат, пайым, ес/ mind, maind, memory*.

Так, в русском языке в разных ситуациях *ум* проявляется в разных своих оттенках, что отражается в одном из значений следующих полисемантических лексических единиц: *разум, рассудок, интеллект, сообразительность, находчивость, сметливость; здравая рассудительность, свобода от иллюзий, самообмана; толковость*. Каждому из этих лексических единиц соответствуют фразеологические единицы, подтверждающие отношение к ключевому слову: *ума палата, лишиться*

рассудка, здравый смысл, разумное основание, голос разума, голос рассудка, разумная мысль, без смысла, в смысле, в том смысле, что; умная голова, светлая голова, голова на месте.

В казахском языке лексема *парасат* также вбирает в себя значение *намыс* (честь, достоинство). Эти качества в казахской культуре социально значимы. Издревле любой асоциальный поступок казаха передавался по степи через *ұзын құлақ* «длинное ухо» (ср. русск. *сарафанное радио*) и могло ослабить человека и его род до седьмого колена. Очень важная поговорка для казахов по сей день – *намыс жаннан қадірлі* (честь дороже жизни). Ключевые для казахов ФЕ – *намысын жібермеу* (не позволять задевать свое достоинство), *намысын аяққа баспау* (дословно: не наступать на свое достоинство, ср. русск. не ронять достоинства), *намысыңды жастық шақтан сақта* (береги честь смолоду). Достоинство сродни чести, потому эти качества присущи лишь умному человеку – *намысқор* «человек чести».

В английском языке: *a good conscience is a continual feast (soft pillow)* – чистая совесть душу веселит, спокоен тот, у кого совесть чиста. Однако особенность английского языка – предпочтительное использование лексем *honour*, например: *the post of honour is the post of danger; a profit is not without honour save in his own country* – считать делом совести, чести сделать что-либо.

В сопоставляемых языках положительная степень ментального, интеллектуального состояния человека выражается в целом ряде фразеологизмов: *обладать здравым смыслом* – *ойлау қабілеті бар* – *have one's feet on the ground*; *быть умным не по летам* – *жасына қарамай ақылды* – *have an old head on young shoulders*; *бауша thinking mug* – *thinking mug*; *ума палата* – *as wise as Solomon*; *стать благоразумным* – *ақыл тоқтату* – *cut one's eye*; *довести до ума* – *ойдағыдай жасау* – *drive home*, *взяться за ум* – *ақыл кіру* – *come to one's senses*, *снять* – *eci ауысу* – *not to have all one's buttons*; *быть умным не по летам* – *жасына қарамай ақылды* – *have an old head on young shoulders*; *цепкий ум* – *өткір ақыл/ой* – *a mind like a steel trap* и многие другие.

Во всех трех языках в образовании фразеологизмов со значением положительной степени интеллектуальных свойств человека участвуют соматизмы, в частности *голова* и ее содержимое – *мозг*. Участие этого соматизма в переносном смысле можно объяснить тем, что голова какместилище разума. Подтвердим примерами сказанное:

- в русском языке: *светлая голова, ясная голова, умная голова, прийти в голову, ломать голову над чем – либо, шевелить мозгами, пораскинуть мозгами, вправлять мозги, утечка мозгов, голова на месте; в своём уме кто (разг.) «вполне нормален», до ума довести что (прост.) «закончить как следует, как нужно; довести дело до ума», за ум взяться «стать рассудительнее»; на ум наставить кого (разг.) «вразу-*

мить, научить чему-н. хорошему», раскинуть умом (разг.) «сообразить, подумать хорошенько», **прийти на ум** «о появлении какой-н. мысли, желания»: *жить своим умом*;

- **в казахском языке:** *басы жақсы жұмыс істейді, түсінігі мол, басын қатыру, басы орнында, ой-өріс, ақылы басында*;

- **в английском языке:** *clear head, to have a good head on the shoulders, to have one's head screwed on the right way; have one's feet on the ground, smart as paint. a mind like a steel trap.*

Как видно, во всех сопоставляемых языках обладающий интеллектуальными качествами человек умен и представлен во фразеологических оборотах положительно: *голова на месте – умный и находчивый* – и т.д.

Следует отметить и некоторые отличия в структуре фразеологических единиц. Так, в английском языке во многих глагольных фразеологизмах, существительные употребляются только во множественном числе. Это указывает на то, что обозначаемое ими действие осуществляется не одним лицом или обозначаемые ими сущности не являются единичными: *Come to one's senses – взяться за ум, have an old head on young shoulders – быть умным не по летам, a meeting of minds – полное согласие, полная договоренность* и т.д. Также обращает внимание, что ряд ФЕ в английском языке со значением «интеллектуальные способности», являются полисемантами, в которых отмечаются два и более значений: *Be of the same mind – 1) придерживаться одного или того же мнения; 2) оставаться при своем мнении; Do you mind – 1) будьте любезны; 2) вы не возражаете?; Make up one's mind – 1) решиться, принять решение; 2) (to smth.) примириться с чем-либо, свыкнуться с мыслью о чем-либо.* В русских и казахских ментальных фразеологизмах этого явления не наблюдается.

Большую роль в передаче положительной степени интеллектуальных качеств играют паремнологические единицы. Как известно, в них заложен многовековой опыт народа, его духовно-нравственные и морально-этические ценности и менталитет этноса. В них очень ярко отражается его менталитет: дух, ум и характер, на формирование которых оказывают большое влияние и образ жизни, и географическое положение, и история, и традиции.

Как свидетельствует фактический материал, в семантике русских паремий эксплицировано оценочное отношение к важнейшим человеческим качествам, что наиболее ярко выражает национальную специфику ментальности определенного этноса. Значительная часть исследованных паремий построена на принципе контраста, а сравнительный их анализ позволяет классифицировать лексические и грамматические средства его выражения с точки зрения полевого принципа на ядерные и периферийные.

В ядро включаются наиболее репрезентативные средства выражения контраста – абсолютные (узусальные, языковые) антонимы, которые являются таковыми в любом контексте. Их характерные признаки: принадлежность к одной части речи и лексико-семантической группе/семантическому полю. Контекстуальные (оккациональные) антонимы относятся к периферии поля контраста.

Если обратиться к словарям, то УМ определяется как фундамент разумной жизни.

Как видно, жизнь может быть разумной, если человек правильно понимает мироустройство, основанное на морали, соблюдении интеллектуального и нравственного, традиционных, общепринятых в социуме норм и правил этикета. Перефразируя русскую поговорку: «Талантливый человек талантлив во всем» можно сказать: «Умный человек умен во всем». Исходя из этого, можно утверждать, что разум четко практически направлен, и это находит отражение в паремии сопоставляемых языков. Приведем примеры:

- в русском языке: *одна голова – хорошо, а две – лучше; где глупый кичится – умный отмолчится; борода росла – разума не принесла; видит око далёко, а ум ещё дальше; где не возьмёт топор, там возьмёт смекалка; глупые друг друга губят да потопляют, а умные друг друга любят да пособляют; глупые мысли бывают у каждого, только умный их не высказывает; глупый киснет, а умный всё промыслит; действие – результат знаний; догадка не хуже разума; большие знай – меньше болтай; достигай всего своими способностями; живи своим умом, а чужого спрашивайся; от ученья человек с пути не сбивается; сколько голов – столько умов; смекалка и воду останавливает; смётка дороже богатства; тише едешь – дальше будешь; семь раз отмерь – один отрежь; ум кроется не в богатстве, а в сердце; ум хорошо, а два лучше; умный не тот, кто много говорит, а тот, кто много знает; умный рассудит, а глупый осудит; умный человек подобен роднику; тот не глуп, кто на слова скуп; умница-разумница, про то знает вся улица и др.*

- в казахском языке: *ақылдың қадыры – әдептілікте, байлықтың қадыры – жомарттықта, күштің қадірі – батырлықта; ақылдың қолы ашкөздіктің тізгінін тартар; ақыл ақшаға сатылмайды; аз болса да, өз ақылың болсын; ақыл базарда сатылмайды, ақыл сақалмен бірге өспейді, ақыл жаста емес, ақыл байлығы – тозбас байлық; ақыл – тізгін, мінез – ат, тізгінді біліп тұт, ақыл ақшаға сатылмас;*

- в английском языке: *a fool may ask more questions in an hour than a wise man can answer in seven years (умный семь лет не ответит на вопросы, которые дурак задаст за один час); a fool may give a wise man counsel (иной дурак может и умному посоветовать); a fool may sometimes*

speak to the purpose; a fool when he is silent is counted wise (молчи – за умного сойдешь).

Ядро номинативного поля концепта *ум* составляют лексемы *разум* (способность человека логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания), *интеллект* (мыслительная способность, умственное начало у человека, определяющее деятельность его), *рассудок* (способность к мыслительной деятельности, к осмыслению чего-либо).

Соответственно умный человек – носитель интеллектуальной способности. Интегральная сема лексемы *разум* в русской, казахской и английской языковых картинах мира – это способность человека, заключающаяся не только в направленности на познание цепи причин и следствий, но и на познание ценностей, универсальной связи всех явлений. Человек разумный способен свободно формулировать цель и организовывать свою деятельность в соответствии с поставленной целью. Его ум направлен на познание ценностей и выявление универсальной связи между явлениями и процессами концептуальной картины мира.

Список литературы:

1. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. – М., Т.1 – М.-Л., А-Б, 1950 г. – Т.17 – М.-Л., Х-Я, 1965.
2. Малый академический словарь в 4-х томах. – М.: Институт русского языка Академии наук СССР Евгеньева А. П., 1957-1984.
3. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Жанұзақов Т. А., Дайк-Пресс, 2008
4. Қазіргі тілінің түсіндірме сөздігі, М. Бұралқыұлы. – Алматы, «Мектеп» баспасы, 2007.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка/ С.И.Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Российская академия наук. Институт русского языкаим. В.В.Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 943 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь русского языка / В.И. Даль // Современная версия. – М.: Эскимо-пресс. 2001. – 736 с. / 676.
7. English-Russian-English dictionary of general lexis, the collection of the best dictionaries. 2012.
8. Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. – Алматы: DPS, 2011.

РЕАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В ЯЗЫКЕ КАЗАХСТАНСКИХ МАСС-МЕДИА

Мусатаева Манат Шаяхметовна
д.ф.н., профессор КазНПУ им. Абая

Кожасметова Асель Сабырбековна
докторант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Изменения в экономической, культурной, социальной жизни общества отражаются в языке прессы, что превращает ее в своеобразный социальный «барометр». Пресса представляет собой определенное когнитивное пространство как возможный мир, т.е. искусственно созданное пространство для взаимодействия людей (Г.Бенкинг). Именно этим обстоятельством обусловлен интерес лингвистов к языку прессы как к источнику извлечения фактического материала при изучении связи языка и духовной активности человека, языка и коммуникации, языка и культуры, языка в соотношении с ценностями, жизненно важными установками человека. В данной статье рассматриваются доминантные ценности казахстанского общества на современном этапе развития на материале текстов казахстанских масс-медиа, содержащих аксиологическую семантику, и выявляются языковые средства-репрезентанты.

Ключевые слова: аксиология, масс-медиа, языковые средства, стилистические фигуры, ценности.

Түйіндеме. Қоғамның экономикалық, мәдени және әлеуметтік өміріндегі өзгерістер баспасөздің тілінде көрініс табады. Сондық баспасөз әлеуметтік «барометр» сияқты көрінетіні ақиқат. Баспасөз белгілі бір когнитивті кеңістікті ықтимал әлем ретінде көрсетеді, яғни. адамдар үшін өзара әрекеттесу үшін жасанды түрде құрылған кеңістік (Г.Бенкинг). Бұл жағдай адамның рухани құндылығы, тілі мен қарым-қатынасы, тілі мен мәдениеті, адамның құндылықтары мен өмірлік көзқарастарына сияқты мәселелерді зерттеуге мүмкіншілік тудыратынына байланысты баспасөз тілінде тіл мамандары тарапынан зерттеу қызығушылығын тудырады. Бұл мақалада қазақстандық қоғамның дамуының қазіргі кезеңіндегі басымдық құндылықтардың аксиологиялық семантикасын білдіретін тілдік құралдар бұқаралық ақпарат құралдарының материалдары бойынша қарастырылған.

Түйінді сөздер: аксиология, бұқаралық ақпарат құралдары, тілдік құралдар, стилистикалық фигуралар, құндылықтар.

Abstract. Changes in the economic, cultural, social life of society are reflected in the language of the press, which turns it into a kind of social

“barometer”. The press represents a certain cognitive space as a possible world, i.e. artificially created space for people to interact (G. Benking). This circumstance is the reason for the interest of linguists in the language of the press as a source of extracting factual material when studying the connection between language and human spiritual activity, language and communication, language and culture, language in relation to the values and vital attitudes of a person. This article discusses the dominant values of Kazakhstani society at the present stage of development on the material of the texts of Kazakhstani mass media containing axiological semantics, and the language means representing them are revealed.

Key words: axiology, mass media, language means, stylistic figures, values.

Современное состояние развития общества характеризуется ростом значимости масс-медиа во всех сферах жизни. Средства массовой информации предоставляют различную информацию широкой аудитории. Они становятся неотъемлемой частью жизни не только отдельного человека, но и общества в целом. На данном этапе развития общества именно через прессу идет воздействие на читателя, создаются определенные стереотипы в политике, культуре, обществе и т.д. Очевидно, что трудно переоценить роль средств массовой информации в социуме и их психологического воздействия. Фактически они и формируют общественное мнение и, в значительной степени, мировоззрение отдельных граждан. Среди существующих СМИ центральное место занимает газета. Газета – старейшее средство периодической печати, в котором складывались и формировались основные стилистические приемы и средства, характерные для медиатекстов в целом. Газета отличается широкой повседневной доступностью, огромным диапазоном представленной в ней информации, информационной оперативностью и фиксированностью материала в удобной для пользователя форме. В связи с этим следует отметить оптимальность для читателя онлайн-изданий.

Язык современной газеты характеризуется неразрывным единством двух своих ведущих функций: информационной и функцией воздействия. Информационная ориентация связана с документальностью, объективностью, официальностью, логичностью и аргументированностью. Воздействующая направленность проявляется в побудительности, выражении авторского отношения к содержанию высказывания, изобразительности, образности (что собственно в совокупности и работает на создании оценочности текста).

В лингвистической литературе дается целый ряд определений оценочности. Наиболее полным представляется дефиниция, предлагаемая Колшанским Г.В. «как произведенная операция над предметом высказывания» [1], выражающая широкий спектр отношений субъекта к

объекту. Оценка как свойство человеческой природы отмечается в следующей формулировке данного понятия Н.Д. Арутюновой: «Оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием; она задает его мышление и деятельность, его отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [2].

Различные определения ученых-аксиологов (А.А. Ивин, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Е.М. Вольф, Е.Ф. Серебрянникова и др.) сводятся к следующему: категория оценки образуется в человеческом сознании путем сравнения разных явлений, осмысливая внешний мир, человек решает, что для него существенно, а что нет. Каждый объект получает свою оценку и представляет определенную ценность, на основании которой складывается соответствующее к нему отношение. Роль ценностей как в жизни отдельного человека, так и общества велика. В общественном сознании ценность представляется как отношение к вещи, явлению, событию, процессу. Ценности определяют отношения человека с природой, социумом, ближайшим окружением и самим собой. Одной из таких ценностей для много национального Казахстана является межэтническое согласие и толерантность. Например, Государство твердо держит руку на пульсе межэтнических и межконфессиональных процессов... Для одних стран и политиков она стала «болевым точкой», уязвимым местом, для других – сильным стратегическим ресурсом. (КП, 27.04.2018г.). Как видно, этот вопрос представляет государственную важность. Соответственно оно находится курсе происходящих событий, текущих дел, следит за их развитием.

К. Клакхон и Ф. Строберг определяют ценности как "сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем" [3]. В философской науке ценности трактуются как «специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества» [4]. Например, В Казахстане благодаря мудрой политике Главы государства многое сделано для повышения конкурентоспособности образования, трансформации мышления, изменения сознания, духовного обогащения, адаптация к современным реалиям меняют не только самого человека, но и его окружение, и все общество. (КП, 05.06.2018 г.).

Понятие вечных ценностей, которые не потеряли значения в наши дни, существует на протяжении многих столетий, начиная с древних времен. Человечество во все времена порицало: низость, неблагородство, вероломство, коварство, нечестность, злословие.

С помощью понятия нравственные ценности характеризуются значение для общества и человека социально-культурных явлений,

деятельно-заинтересованное отношение человека к миру и к самому себе, а также реализация актуальных нравственных потребностей в жизни. Духовность и нравственность являются основой ценностной ориентации личности. Духовность и нравственность, определяя основные приоритеты современного общества, способствуют укреплению стабильности и устойчивости его существования. Например, Награды потекли рекой ... Фильм «Река» приглашен в конкурсную программу Asian World Film Festival ... Фильм тепло встретили зрители .... (КП, 31.10.2018 г.).

Человеческие поступки регулируются моральными нормами, принятыми в данном обществе. Моральные ценности и нормы направляют и корректируют жизнедеятельность индивида по отношению к общественному мнению. Обычно личность ориентирована на общие нормы нравственности и сама выполняет свои этические обязанности. Под моральными ценностями понимают систему мировоззрения людей, оценивающую все существующее с точки зрения блага, объективности, пользы и иных качеств, соотносящих поступки человека с распространенным порядком общественных традиций. Высшие моральные ценности: добро и зло, счастье, наслаждение, долг и совесть, свобода и ответственность, стыд и вина, добродетель и порок, смысл жизни, удовольствие и польза, честность и справедливость, страдание и сострадание, милосердие, дружба и любовь. Универсальные ценности характерны и для казахстанского общества. Например, Здесь болели от души, сражались за победу и радовались успехам соперников, ведь лучшие поедут представлять область на республиканские соревнования... (КП, 17.04.2018 г.). Из статьи видно, что болельщики соперничают, в том числе и соперникам. У них есть милосердие, дружба, сострадание.

Таким образом, ценности отражают потребности – представления о том, каким человек хочет видеть мир для себя, нормы и взгляд на то, как должен быть устроен мир и какими качествами должны обладать люди. Ценности влияют на выбор самых значимых вещей и организуют человеческое поведение. Ценности не всегда связаны друг с другом, но некоторые ценности становятся доминантными в обществе и формируют его, стремятся быть длительными и разделяемыми всеми. Практически любое явление окружающей действительности соотносится человеческим сознанием с определенной системой ценностей, которая обуславливает его положительную или отрицательную оценку по морально-этическим, эстетическим, утилитарно-прагматическим или иным критериям. Именно в информационном обществе масс-медиа играют значительную, в большинстве случаев решающую роль в жизнедеятельности человека, в том числе в его ценностной ориентации, что может характеризоваться столкновением ценностей традиционного и обновляющегося общества. Особое место среди языковых средств, воплощающих авторскую интенцию, принадлежит стилистическим фигурам.

Использование стилистических фигур противопоставления позволяет эмоционально воздействовать на читателя, манипулировать его сознанием и таким образом вынудить его сделать нужный вывод. Самая распространенная из них лексическая антитеза. Например:

Многие знают эту женщину как знаменитую трактористку, известного общественного деятеля. За свою долгую жизнь немало времени провела она за рулем обычного МТЗ ... В воспоминаниях тех, с кем начинала трудовую карьеру, Камшат предстает как добрая, отзывчивая женщина, замечательная мать. Удивлять Камшат стала позже, когда справилась с «Кировцем». Именно она в 70-х годах прошлого столетия обратилась к женщинам и девушкам с призывом сесть за руль трактора, чтобы накормить страну. (КП, 08.10.2018г.). Ярким приемом вынесения оценки является прием противопоставления: добрая, отзывчивая женщина, замечательная мать – в кабине трактора, справилась с «Кировцем», сесть за руль трактора.

Формирование ценности труд путем противопоставления лексических единиц у читателя создает образ того, что и женщина может справиться с тяжелым физическим трудом. Именно отношение к труду в существенной мере определяет успех или неуспех общества в его продвижении по пути экономического и социально-культурного прогресса.

Исследователь оценочной картины мира в публицистическом тексте О.С. Синепупова подчеркивает: «Метафоры, эвфемизмы, окказионализмы – это имплицитные оценки как разновидность скрытой оценочности» [5]. Метафоры показывают, как картина мира отражается в общественном сознании. Метафора в языке СМИ становится популярным способом привлечения внимания и воздействия на адресата. Метафора, функционируя на уровне конструирования символического пространства социума, становится материалом формирования коллективных представлений. Например:

Обнять мелодией сердца ... Стоит Саиде сесть за рояль, как слушатели замирают в ожидании чуда. А первые шаги в большую музыку маленькая девочка сделала в прямом и переносном смысле .... рассказывать о себе и услышит окрылившее ее напутствие Нурсултана Абишевича ... Светом ее души стала музыка. Новой вершиной стало поступление в Казахский национальный университет искусств .... (КП, 14.11.2018г.).

Казахстан стал туристической Меккой, которая притягивает гостей как из ближайших приграничных государств, так и из дальнего зарубежья.

Мекка в данном случае означает место сосредоточия высшей духовности, вселяющее в души людей высокие помыслы, и вызывающее большой познавательный интерес.

Изобилие метафор в столь коротком тексте позволяет адресату увидеть ценность культуры, духовно-нравственные, возвышенные цен-

ности. Ограниченный объем газетного текста заставляет публициста тщательно отбирать языковые средства и таким образом их преобразовывать, чтобы наиболее эффективно воздействовать на читателя, комментируя и давая собственную оценку сообщаемому.

Таким образом, основой аксиологической картины мира являются ценности и нормы, связанные с оценками и вербализуемые в процессе коммуникации. Основными средствами вербализации ценностей являются языковые единицы различных уровней, используемые посредством стилистических фигур.

Список литературы:

1. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 2005. (Сер. «Лингвистическое наследие XX века») – С. 121.
2. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1982. – С. 5-23.
3. Klukhon F. Strodbewck F. Variation in value orientation. – N.Y., 1969. – С.157.
4. Новейший философский словарь. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 534.
5. Синепупова О.С. Оценочная «картина мира» в публицистическом тесте (на материале печатных СМИ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2006. – С.8.

СОМАТИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ВМЕСТИЛИЩЕ ЭМОЦИЙ» В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Мусатаева Манат Шаяхметовна
д.ф.н., профессор КазНПУ им. Абая

Аубакирова Алтын Мухамедовна
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Современная антропоцентрическая научная парадигма выдвигает на первый план изучение языка с позиций человека. Единицы любого естественного языка, так или иначе, связаны с человеком, поскольку сквозь призму его мировосприятия и миропонимания номинируются реалии окружающей его действительности. В познании мира человеком немаловажную роль играют органы восприятия, чем отчасти объясняется наличие в языке целого ряда базовых слов. Соответственно изучение национальных особенностей менталитетов

представляется целесообразным проводить в сопоставительном аспекте на материале отдельных лексико-семантических и тематических групп. В данной статье объектом являются – соматизмы, выступающие со значением «вместилище чувств» в русской и казахской языковых картинах мира. Предмет статьи – выявление в рассматриваемых соматизмах культурного компонента.

Ключевые слова: соматизм, менталитет, фразеология, эмоции, русский язык, казахский язык, языковая картина мира, универсальные черты, культурный компонент.

Түйіндеме. Қазіргі заманғы антропоцентриалды ғылыми парадигма тілдік бірліктер және тілдік құбылыстарды адамның тұрғысынан зерттеуді қажет етеді. Кез келген табиғи тіл бірліктері адамға байланысты, өйткені қоршаған ортада орын алған әр зат оның дүниетанымдық көзқарасына, түсінігіне, дүние қабылдау органдарына сай аталады. Осыған орай ұлттық менталитеттің ерекшеліктерін анықтау үшін салыстармалы зерттеулер жүргізу өте маңызды екені айқын. Бұл мақалада объект – орыс және қазақ ұлттық тіл бейнелеріндегі соматизмдердің «сезім контейнері» мағынасында қолданылуы. Мақаланың мақсаты – қарастырылып отырған соматизмдердегі ұлттық мәдени құрамдас бөліктерін анықтау болып табылады.

Түйін сөздер: соматизм, менталитет, фразеология, эмоциялар, орыс тілі, қазақ тілі, әлемнің тілдік бейнесі, әмбебап ерекшеліктер, мәдени құрамдас бөлік.

Abstract. The modern anthropocentric scientific paradigm highlights the study of language from the standpoint of man. The units of any natural language, one way or another, are associated with a person, because through the prism of his world view and world outlook the realities of the surrounding reality are nominated. In the knowledge of the world by man, an important role is played by the organs of perception, which partly explains the presence in the language of a number of basic words. Accordingly, the study of national peculiarities of mentalities seems appropriate to carry out in a comparative aspect on the material of individual lexical-semantic and thematic groups. In this article, the object is – somatisms, which are a “container of feelings” in the Russian and Kazakh language pictures of the worlds. The subject-matter of the article is the identification of the cultural component in the considered somatisms.

Key words: somatism, mentality, emotions, Russian language, Kazakh language, language picture of the world, universal features, cultural component.

Со второй половины XX столетия осуществлено множество научных исследований, сосредоточенных вокруг триады ЭТНОС – ЯЗЫК

– КУЛЬТУРА, компоненты которой тесно между собой взаимосвязаны и взаимообусловлены. Как известно, это обстоятельство обусловлено общей тенденцией в современной лингвистике, заключающейся в переходе от «Лингвистики – Как?» к «Лингвистике-Почему?» (Кибрик) знаменующей переход от лингвистики "имманентной", структурной к лингвистике антропологической, в центре которой находятся явления языка в тесной взаимосвязи с человеком, его деятельностью, системой культурных ценностей. Наиболее стабильным является язык.

Как отмечает Н.И. Толстой, неслучайно понятия языка и этноса в древнеславянской традиции объединялись одним словом *язык* («племя, род, народ, собственно язык») [1, 34]». Также уместно привести метафорические определения языка как «орудия культуры», «действительность духа», «ипостась, хранилище культуры», данное В. фон Гумбольдтом [2]. Человек как носитель определенной этнической культуры и национального языка, осваивая окружающее его культурное пространство, кодирует его символами и начинает с самого себя. Поскольку в осознании явлений, процессов, событий, происходящих в окружающем мире, принимают участие все органы восприятия, в процессе номинации человек соотносит свое психическое состояние с физическим через ощущения при помощи различных органов.

В результате рефлексии человека над собственным телом у человека формируется определенная система образов и представлений, отражающая личностные смыслы и принципы действий посредством установления связей между конкретной ситуацией и мировоззрением личности, лежащий в основе его самоконтроля и саморегуляции. Наличие в национальных языках целого ряда базовых слов является своеобразным подтверждением антропоцентрического понимания мира. В том, что мир семантики идиоэтничен, мы убеждаемся при анализе речи человека, поскольку в содержании его речи неизбежно варьируются национально специфичные языковые репрезентации. Как отмечают Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный, достаточно полное описание человека невозможно без учета его лингвистической природы, поэтому необходимо различать не только «три разных плана существования самого человека – общий, биологический, во-первых, социальный и более конкретный, во-вторых, и личностный, индивидуальный, самый конкретный, в-третьих» [3, 16].

Ю.Д. Апресян расширяет характеристики человека не только как разумного, но и говорящего, утверждая, это поможет воссоздать образ человека и через него и с его помощью «наивную» (языковую картину мира, описать основные системы, из которых складывается человек) [4, 348-384].

Анализ языкового материала позволяет судить о том, что у человека система восприятия физического мира находится в тесной связи с

когнитивными структурами. Следует также отметить универсальность этой связи. Приведем небольшой пример перцептивных глаголов русского и казахского языков:

Таблица 1 – Перцептивные глагол русского и казахского языков

Соматизм/ зрительное восприятие (рус)	Когнитивная семантика	Примеры	Соматизм/ зрительное восприятие (каз)	Примеры
Глаз / видеть	«понимать», «чувствовать», «осознавать»	<u>Вижу</u> , что мы не ждемся его.	Көз/ карау «смотреть»	<u>Қарап отырсам</u> , бұдан ешнәрсе шықпайды. (Смотрю: из него не будет толка)
Взгляд/ смотреть	Жизненная позиция	Он легко <u>смотрит</u> на жизнь – легкомыслен ное отношение	Көз/ карау «смотреть» – көзқарас «взгляд, точка зрения»	Бұл адамның өмірге деген <u>көзқарасы</u> өте жеңіл көрінеді.
Глаз	Сильное желание	У него <u>загорелись</u> <u>глаза</u> .	Көз	Көзі оттай жанып тұр (глаза горят)

Ряд примеров с когнитивной семантикой соматизмов, обозначающих орган зрительного восприятия в сопоставляемых языках, можно продолжить. Богатая представленность этого ряда Н.Д. Арутюнова объясняет следующим: «В целом можно предположить, что зрительные образы легче поддаются когнитивной обработке, чем слуховые восприятия. Первые больше связаны с чувственной и рациональной природой человека, вторые ассоциируются скорее с его иррациональным началом. В этом случае интуиция ближе, чем зрение. Для индоевропейских языков, по-видимому, характерно выдвижение на первый план глагола зрительного восприятия» [5, 113]. Параллельный ряд примеров в казахском языке свидетельствует о том, что это свойственно не только индоевропейским языкам.

В рамках данной статьи рассмотрим соматизмы русской и казахской ЯКМ, которые, помимо номинации частей тела, заключают в себе соматический культурный код, соотносящийся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Культурный код наиболее отчетливо фиксируется в соматической фразеологии, выступающей в качестве

метафорических универсалий и характеризующейся устойчивостью, разветвленностью семантической структуры и частотностью употребления. Как отмечает В.А. Плунгян: «Интересно наблюдать, как у разных народов локализируются ощущения в человеческом теле: для каждого из физических и психологических проявлений человека имеется определенный орган, являющийся местом их нормального пребывания» [6, 358].

Как известно, *сердце* является не только физиологическим органом человека, но и вместилищем его эмоций. Сопоставительное изучение наименования данного концепта в русском и казахском языках позволит выявить общие и специфические черты его языковой объективации в разноструктурных языках, а также особенности национального менталитета носителей указанных языков. Сопоставление разносистемных языков основывается на признании единства отражаемой действительности и законов человеческого мышления. На этом основано утверждение о том, что объективно существующий мир един и едино человеческое мышление. В этом проявляются универсальные черты. Между тем языки мира многообразны, соответственно отображение мира разными языками неидентично. «Доступ» к национальному менталитету носителей другого языка и культуры, понимание их мировоззрения, миропонимания и мироощущения становится возможным лишь благодаря сопоставительному изучению их концептосферы.

В русской ЯКМ эмоции локализируются в соматизме *сердце*, что отражается во фразеологии: *сердце радуется, сердце не на месте, сердце падает, отлегло от сердца, брать за сердце, на сердце камень, сердце кровью обливается* и др. *доброе/золотое/ мягкое/ чуткое/отзывчивое сердце, сердечный друг, отдать свое сердце кому-нибудь (полюбить), у него нет сердца, жесткосердный, бессердечный, сердобольный, милосердный, милосердие, чистосердечное признание* и др.

В казахской ЯКМ, как и в других тюркских языках, вместилищем души является *бауыр* «печень». В древних тюркских языках слово *bayır* – «печень», «сердце», «родственный», «кровный» [7, 96]. Он также означает «кровное родство», «единокровный брат», «единокровная сестра». Человек метонимически обозначается словом со значением «печень»: *бауырмашыл* «чуткий, заботливый». В современной казахской разговорной речи *бауырым* часто используется как обращение в качестве инструмента речевой стратегии по отношению к постороннему – попытка расположить с целью получения положительного ответа: *Бауырым, сағат қанша екен?* (Скажи, брат/сестра, который час?).

В русском языке соматизм *сердце* означает человека: *доброе/ золотое/ мягкое/ чуткое/отзывчивое сердце, сердечный друг, отдать свое сердце кому-нибудь (полюбить), у него нет сердца, жесткосердный, бессердечный, сердобольный, милосердный, милосердие, чистосердечное признание* и др.

С подобной семантикой и в казахском языке выступает соматизм *жүрек* «сердце»: *тасжүрек* «бессердечный», *ержүрек* «человек с храбрым сердцем, храбрец», *жүрек жұтқан* «храбрый, дословно: проглотивший сердце», *су жүрек* «трус, дословно: водяное сердце». Ср. производные: *жүректілік* «отважность, смелость», *жүрексіз* «бессердечный» и др.

В казахском языке, как и в русском, сердце выступает какместилище эмоций: *аяныштан жүрегі елжіреп* «от жалости сердце ждалось», *қуаныштан/ қорқыныштан жүрегі лүпілдеп* «от радости/ страха сердце забилося», *жүрегі тамағына тығылды* «от радости/ страха дыхание сперло, дословно: сердце уперлось в горло» и др.

Как видно, в национальных языковых картинах мира существуют культурно обусловленные средства выражения локализации эмоций, которые имеют как универсальные, так и специфические черты в образном восприятии мира.

Список литературы:

1. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
2. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М.: Просвещение, 1984. – 400 с.
3. Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
4. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Избранные труды, Т. 2. – М.: ЯРК, 1995. – С. 348–388.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
6. Плунгян В.А. К описанию африканской наивной картины мира (локализация ощущений и понимание в языке догон// Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – М.: Индрик, 2003. – С. 358-364.
7. Древнетюркский словарь/ под ред. Наделяева В.М. и др. – Л.: Наука, 1969. – 677 с.

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Кажигалиева Гульмира Абзалхановна

д.пед.н., профессор КазНПУ им. Абая

Аннотация. В настоящей статье анализируются особенности развития современной лингводидактики, формирующиеся в ее недрах тенденции и перспективы данной научной отрасли. Указанный обзор предваряется уточнением позиции автора в понимании содержания ключевого понятия (*лингводидактика*), поскольку среди специалистов нет единого мнения о дефиниции названного термина. Представляя складывающиеся тенденции в современной лингводидактике, автор выделяет семь направлений, которые, с его точки зрения, сформировались и имеют дальнейшую перспективу в рамках современной лингводидактики: проблема анализа языковой личности, компетентностно-коммуникативное направление, исследование явлений диглоссии, полиязычное и поликультурное образование, компьютерная лингводидактика, прагмалингводидактика, теория и практика казахстанского учебниковедения, активное обучение. Представление выделенных перспективных направлений современной лингводидактики сопровождается примерами и фактами из реального образовательного процесса.

Ключевые слова: тенденции современной лингводидактики, портрет языковой личности, компетентностно-коммуникативное направление, формирование явлений диглоссии, полиязычное и поликультурное образование, компьютерная лингводидактика, прагмалингводидактика, теория и практика казахстанского учебниковедения, активное обучение.

Түйіндеме. Бұл мақалада заманауи лингводидактиканың даму ерекшеліктері, оның тереңінде пайда болып жатқан үрдістері мен осы ғылыми саланың перспективалары талданады. Бұл талдау алдында негізгі тұжырымдаманың (*лингводидактика*) мазмұнын түсінудегі автордың ұстанымы анықталады, өйткені аталған терминді түсіну туралы мамандар арасында консенсус жоқ. Заманауи лингводидактикадағы жаңа үрдістерді көрсете отырып, автор өзінің тұрғысынан қазіргі заманғы лингводидактика шеңберінде қалыптасқан және болашақ перспективаға ие жеті бағытты анықтайды: тілдік тұлғаны талдау, құзыреттілік-коммуникативтік бағыт, диглоссия құбылыстарын зерттеу, көптілді және көп мәдениетті білім беру, компьютерлік лингводидактика, прагмалингводидактика, қазақстандық оқулықтартану теориясы мен практикасы, белсенді оқыту. Заманауи лингводидактиканың тандалған перспективті бағыттарының таныстыруы нақты оқу үдерісінен мысалдар мен фактілермен қатар жүреді.

Түйінді сөздер: заманауи лингводидактика үрдістері, тілдік тұлғаның портреті, құзыретті-коммуникативтік бағыт, диглоссия құбылыстарының қалыптасуы, көптілді және көп мәдениетті білім беру, компьютерлік лингводидактика, прагмалингводидактика, қазақстандық оқулықтартану теориясы мен практикасы, белсенді оқыту.

Abstract. This article analyzes the characteristics of the development of modern linguodidactics, the trends and prospects of this scientific industry that are emerging in its depths. This analysis is preceded by a clarification of the author's position in understanding the content of the key concept (*linguodidactics*), since there is no consensus among specialists about the definition of the named term. Representing the emerging trends in modern linguodidactics, the author identifies seven areas that, from his point of view, have been formed and have a further perspective in the framework of modern linguodidactics: the problem of linguistic personality analysis, competence-communicative direction, the study of diglossia, multilingual and multicultural education, computer linguodidactics, pragmalingvodaktika, theory and practice of Kazakhstan's textbook studies, active learning. The presentation of the selected promising areas of modern linguodidactics is accompanied by examples and facts from the real educational process.

Key words: trends of modern linguodidactics, portrait of language personality, competence-communicative direction, formation of diglossia phenomena, multilingual and multicultural education, computer linguodidactics, pragmalingvodactics, theory and practice of Kazakhstan's textbook studies, active learning.

Да, изучение языков действительно делает вас умней.

Нейронные связи становятся сильнее в результате изучения языка.

Мишель Гов

Лингводидактика – термин, в толковании которого в современной научной литературе не наблюдается единого подхода. Поэтому прежде чем мы определимся с тенденциями лингводидактики, проявляющимися в настоящее время, проясним ситуацию с ее содержанием.

Для этого выборочно процитируем одноименную статью из «Нового словаря методических терминов и понятий» Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина: Лингводидактика – это «общая теория языку. Термин был введен в научный обиход академиком Н.М. Шанским в связи с разработкой проблем описания языка в учебных целях. Описание, считавшееся лингводидактическим, включало в себя исследование сходства и различия языков, анализ содержания и структуры изучаемого языка, составление языковых минимумов в целях обучения и ряд других проблем, возникающих на стыке лингвистики и педагогики. Однако среди специалистов нет единого

мнения о содержании этого термина. [...]. Одни придерживаются расширительного толкования понятия как обозначающего совокупность теоретических и практических вопросов преподавания языка и фактически заменяющего термин *методика* (Н.М. Шанский, Р.К. Миньяр-Белоручев). Другие рассматривают понятия *методика* и *лингводидактика* как синонимичные. Третьи стремятся разграничить эти два термина и утверждают их право на самостоятельное существование (Н.Д. Гальскова, Л.В. Московкин). [В этом случае] лингводидактика трактуется как общая теория обучения языку, разрабатывающая ее методологические основы, в то время как методика характеризует сам процесс обучения конкретному языку в конкретных условиях его преподавания (частная методика) либо раскрывает закономерности обучения языку (группе языков) вне конкретных условий его изучения (общая методика)» [1, 126].

В этом разбросе мнений мы придерживаемся точки зрения о синонимичности понятий *методика* и *лингводидактика*, поскольку считаем отделение теории обучения языку от практики лингвообразования искусственным и недостаточно убедительным.

Итак, каковы сегодня тенденции современной лингводидактики или же лингвометодики?

Предваряя ответ непосредственно на этот вопрос, отметим, лингводидактика сегодняшнего дня, безусловно, стремится использовать новые методы, формы и виды обучения для решения методических проблем, которые рождает современная действительность. Эту ситуацию как нельзя лучше характеризуют слова выдающегося физика Альберта Эйнштейна, отметившего, в свое время, что «вы никогда не сумеете решить возникшую проблему, если сохраните то же мышление и тот же подход, который привел вас к этой проблеме».

Первое направление, которое нам хотелось бы отметить как имеющее перспективу, это проблема языковой личности в лингводидактическом аспекте, к тому же рассматриваемой в контексте актуализированной сегодня антропологической парадигмы научных знаний. Как подчеркивает Л.П. Клобукова: «...последние годы резко изменили языковой портрет среднего носителя современного русского языка, а поскольку эти перемены по существу бесконечны, проблема анализа языковой личности никогда не утратит своей актуальности ни для теоретической лингвистики, ни для лингводидактики» [2].

Этот же исследователь заявляет о необходимости введения в теорию и практику преподавания русского языка таких терминов, как *исходный и планируемый портрет языковой личности*. В частности она отмечает, что «приступая к процессу обучения в той или иной учебной группе, преподаватель должен уметь путем входного тестирования составить *исходный портрет языковой личности* каждого учащегося, а затем – *портрет планируемый*, то есть образ языковой личности, который должен

быть сформирован в результате учебного курса. И если содержание такого описания в принципиальных своих параметрах ясно, то форма подобного описания еще требует дополнительной серьезной проработки» [2, 30]. Кроме того, интересным и перспективным, на наш взгляд, является также предложение Л.П. Клобуковой о том, что в теории и практике преподавания русского языка как неродного / иностранного следует «разграничивать такие термины и стоящие за ними явления, как *базовый портрет языковой личности и вариативные его модификации*. Эта проблема особо явно актуализируется при анализе задач обучения того или иного крупного контингента учащихся» [2, 30]. Так, добавив от себя, требует своего создания базовый портрет языковой личности выпускника гуманитарных (филологического и нефилологических), а также неязыковых факультетов педагогического вуза.

В качестве следующей перспективной тенденции современной лингводидактики мы бы отметили компетентностно-коммуникативное направление, актуализировавшееся при смене парадигм в образовательной сфере – от «образования на всю жизнь» к «образованию на протяжении всей жизни». То есть указанная смена парадигм потребовала и смены курса движения самой образовательной сферы, для которой сегодня актуальна ориентация на результат. Поэтому в настоящее время и в перспективе, чтобы управлять развитием личности, обеспечивать качество его обученности и воспитанности, нужно быть компетентным. Компетентность представляет собой комплексный личностный ресурс, обеспечивающий возможность эффективного взаимодействия с окружающим миром с помощью соответствующих компетенций. Компетентностный подход открывает возможности для более качественной подготовки обучающихся к реальной жизни, включая знание предмета, осуществление продуктивной деятельности и актуализацию своих личностных ресурсов. Исследователи подчеркивают, что «компетентностный подход – реальная возможность универсальных учебных действий обучающихся, который позволяет им решать проблемы, организовать эффективную познавательную деятельность, стать субъектом собственной жизни» [3, 1404]; «ведущий фактор успешности профессиональной деятельности в системе образования» [4, 147].

В нашем случае компетентностный подход объединяется с коммуникативным направлением. И это неслучайно. Так, в большинстве из 37 видов компетентностей, выделенных в свое время Дж. Равеном, обнаруживается коммуникативная составляющая: «способность принимать правильные решения; способность к совместной работе; способность побуждать других людей работать сообща ради достижения поставленной цели; способность разрешать конфликты и смягчать разногласия; способность эффективно работать в качестве подчиненного и т.д. Очевидно, что коммуникативный компонент «окрашивает» все перечис-

ленные компетентности» [5, 257-258]. К тому же выраженный антропоцентризм коммуникативного направления открыл «второе дыхание» у языкового обучения (на основе коммуникативной методики) по уровневым моделям, у технологий проблемного, развивающего обучения. Тому также свидетельством, на наш взгляд, является доминирование идеи коммуникативного обучения языкам (русскому языку) в последних исследованиях на соискание ученой степени доктора педагогических наук, выполненных в казахстанском лингводидактическом контексте: 1) Мурзалинова А.Ж. «Формирование функциональной грамотности учащихся при обучении русскому языку как неродному на старшей ступени школы общественно-гуманитарного направления»: Дис. ...докт. пед. наук – Алматы, 2003; 2) Чан Динь Лам «Научные основы формирования культуры русского речевого общения студентов-вьетнамцев в условиях многоязычия»: Дис. ...докт. пед. наук – Алматы, 2004; 3) Чингисова А.А. «Коммуникативно-интегративная технология обучения русскому языку как иностранному в вузе»: Дис. ...докт. пед. наук – Алматы, 2005; 4) Булатбаева К.Н. «Функционально-коммуникативный подход к обучению русскому языку в казахской школе (5-9 классы)»: Дис. ...докт. пед. наук – Алматы, 2005.

В целом вопросы, связанные с формированием, воспитанием коммуникативной личности, представляют сегодня главную цель современного лингвистического образования, соответственно они обладают потенциалом ближайшей перспективы. В контексте вышеуказанного вполне естественным и логичным является обращение сегодня сферы родного (русского) языка также к дидактическим возможностям коммуникативно ориентированного обучения языкам. По мнению Е.С. Антоновой, одного из авторов коммуникативной концепции обучения русскому языку как родному, внедрившей в последнее понятие *урока-коммуникации*: «Хороший учитель понимает, что современные условия жизни ребенка требуют специально организованной ситуации, порождающей *мотивацию* к чтению и письму, без которых развитие речи и мышления невозможно; к изучению языковых средств, без которых не формируется языковая, коммуникативная и общекультурная компетенция» [6].

Что же привлекательного имеется в коммуникативном подходе?

В коммуникативно ориентированном обучении необходимо учить тому, что, прежде всего, понадобится в практике речевого общения говорящего и пишущего; изучается активная, динамическая система языка, что приближает обучающихся к реальным условиям его функционирования. Коммуникативный метод обучения вбирает в себя принципы речемыслительной активности, функциональности, индивидуализации, ситуативности, новизны, комплексности, овладение иноязычной культурой через общение [7, 77]. Коммуникативная методика направлена на концентрическое изучение языка в связи с потребностями речи; в этом случае ликвидируется разрыв между языком и речью в преподавании и

открывается реальная перспектива постижения языка на основе анализа его функционирования в речи. Здесь хотелось бы отметить, что только речь, как продукт мышления, способна отражать и картину мира в целом, и национально-культурную специфику, а также и любые другие изменения в обществе носителей соответствующего языка. С изменением образа жизни меняются люди, что влечет за собой и изменение в своем качестве и речевой продукции. Следовательно, коммуникативная методика строится на обучении речевой деятельности в ее постоянно трансформирующихся формах, что, безусловно, ставит перед необходимостью постоянного трансформирования и методики преподавания. Поэтому, с нашей точки зрения, коммуникативное направление будет всегда ведущим направлением в методике, поскольку основная функция языка – коммуникативная и люди изучают языки, чтобы общаться на них. То есть в этом случае диалогическая природа коммуникативных методов и приемов находит оптимальное созвучие с коммуникативной сущностью языка.

Таким образом, удвоенное, интегрированное функционирование компетентностного и коммуникативного подходов, к тому же учитывающее институализирующиеся полилингвальные условия современного языкового обучения, таит в себе, по нашему мнению, серьезный перспективный лингводидактический потенциал.

Единое лингвометодическое целое компетентностного и коммуникативного подходов обладает потенциалом окачествления языковой подготовки, конструктивного решения стратегически важной сегодня проблемы формирования *функциональной грамотности* личности. Функциональная грамотность предусматривает умение комплексно использовать знания о нормах и способах общения в единстве с имеющимися лингвистическими знаниями и речевыми умениями, а также оперативность и продуктивность, эффективность и гибкость общения. Функциональная грамотность личности сегодня – востребованная категория, атрибутивный признак личности, один из определяющих базовых факторов, способствующий активности людей в социальной, культурной, политической и экономической деятельности.

Перспективным, на наш взгляд, направлением является область лингводидактики, в которой рассматриваются вопросы, связанные с явлениями диглоссии, в частности проблематика целенаправленного формирования у учащихся явлений зрелой диглоссии. Как известно, явления диглоссии обнаруживают близость к явлениям билингвизма. И в том, и в другом случае отмечается различие говорящим или пишущим разных языковых кодов и обусловленность переключения с одного кода на другой ситуацией общения.

Однако диглоссия отличается от билингвизма тем, что она характерна для определенных социальных отношений, билингвизм же – это черта индивидуальной языковой личности. Помимо этого, диглоссия свидетельствует об овладении говорящим (или пишущим) разными

системами в рамках *одного* языка, тогда как билингвизм означает владение *разными* языками, что, безусловно, составляет существенное отличие сопоставляемых явлений.

Рассматривая проблемы функционально-стилистической дифференциации современного русского литературного языка в условиях и в процессе языкового обучения учащихся школы и вуза речевому общению на неродном / иностранном языке в рамках различных сфер их деятельности (социально-культурной, учебно-профессиональной, сфер делового, повседневного общения и др.), можно констатировать, что важнейшей задачей современной коммуникативно ориентированной методики преподавания русского языка как неродного / иностранного становится целенаправленное формирование у учащихся явлений зрелой диглоссии [2, 25]. Данная проблема оказывается непосредственным образом связанной с другой – проблемой языковой личности – о которой мы говорили выше.

В качестве актуального и перспективного направления современной лингводидактики можно назвать проблематику полиязычного и поликультурного образования, в которой, в частности, можно выделить вопросы выявления лингвистических и методических особенностей полиязычного и поликультурного образования детей дошкольного возраста, учащихся школы и вуза, рассмотрение принципов изучения нескольких языков, разработка методики поликультурного образования, учет родного при изучении второго, третьего языка, вопрос актуализации лингвокультурного, кросскультурного, транскультурного, межкультурного факторов на основе их взаимодействия в лингвообразовании и многое другое.

Перспективной тенденцией современной лингводидактики, можно определить, на наш взгляд, компьютерную лингводидактику, которая в настоящее время находится еще в процессе своей институализации и далеко еще не достигла в своем развитии апогея: лучшие ее достижения впереди, по нашему глубокому убеждению. Судите сами: уже сейчас обогащают учебный процесс современные технические устройства (девайсы): во время презентации новой лексики используются, к примеру, электронные словари, словари онлайн, смартфоны. Виртуальную образовательную среду сегодня создает использование учебного блога на занятиях: работа с онлайн-тестами, интерактивными упражнениями и т.д. Уже сегодня есть прецеденты электронных уроков, практикумов, виртуальных экскурсий, очных и дистанционных курсов, телемостов, веб-семинаров, электронных коллекций учебных текстов. Ближайшая перспектива в электронной лингводидактике – это смарт-технологии (Smart Education), проектирование смарт-учебника по русскому языку, возможности применения мобильных технологий в языковом обучении, web-quest как форма организации самостоятельной работы учащихся и т. д. [8].

Прагмалинговдидактика, на наш взгляд, является еще одним перспективным новым направлением современной лингводидактической сферы; она интегрирует в себе прагматику, социолингвистику и методику преподавания языков. Цель прагмалинговдидактики – исследование проблем обучения коммуникативной компетенции на неродном/иностранным языке, позволяющей обучающимся адекватно участвовать в реальной межкультурной коммуникации в зависимости от ситуации общения (формальной, нейтральной и неформальной). Приоритетная задача прагмалинговдидактики – реализация в практике подготовки студентов тех глобальных изменений, которые происходят в современных языках, что обеспечивает развитие диапазона коммуникации на неродном/иностранным языке, становление умения четко, ясно, логично и точно выражать мысли, адекватно используя языковые средства в соответствии с функциональным стилем речевого общения.

В собственно казахстанской лингводидактике вырисовываются такие направления как теория учебниковедения (как школьного, так и вузовского), лингводидактика активного обучения, в которой актуальным направлением является обобщение и систематизация накопленного в практической методике периода реформ и модернизации образовательной сферы, включая переход на обновленное содержание школьного образования. Так, к примеру, ждет своего лингводидактического исследования система принципов последнего [обновленного содержания школьного образования]: принцип завершенности (или ориентации на высшие конечные результаты); принцип непрерывной и безотлагательной передачи знаний, информации; принцип разновозрастности и разноразностности состава образовательного коллектива; принцип обучения в соответствии со способностями каждого учащегося; принцип всеобщего сотрудничества и товарищеской взаимопомощи; принцип педагогизации деятельности каждого участника занятий; принцип разнообразия тем, учебных заданий как особый случай разделения труда; принцип интернационализации процесса обучения (многоязыковой основы обучения).

Или та же теория и практика казахстанского учебниковедения. Здесь также много узловых вопросов ждут своего научного исследования. К тому же учебниковедение, как отрасль методики, сосредотачивающая в себе теоретические основы создания учебников, у нас в Казахстане еще не имеет таких богатых и давних традиций как в той же соседней России. Вместе с тем в казахстанском школьном учебниковедении накопился за последние десятилетия определенный опыт по разработке учебников нового поколения, который в настоящее время нуждается, с нашей точки зрения, в научно-методической кодификации и систематизации.

Если же взять сферу казахстанского вузовского учебниковедения, то здесь, к сожалению, практические наработки еще не достигли той

критической массы и того качества, которые позволили бы рассматривать их в качестве предметов научно-методического исследования.

Как преодолеть сложившееся отставание?

В первую очередь потенциальных авторов на создание учебников для вузов должен мотивировать опыт, накопленный в сфере школьного учебниковедения. Более того, в вузовских учебниках необходимо учитывать фактор школьных учебников в целях обеспечения преемственности содержания языкового образования, форм и методов обучения и воспитания на материале учебников.

В целом, чтобы изменить сложившееся положение дел в прогрессивно развивающуюся сторону, необходимо, на наш взгляд, решить ряд задач:

- проводить мониторинг состояния обеспечения системы вузовского преподавания русского языка учебной литературой, при этом делая акцент на учебниках;

- переиздавать те учебники, которые смогли в свое время продемонстрировать свою успешность, но в силу разных обстоятельств не переиздавались (к примеру, учебник «Основы методики преподавания русского языка в 5-10 классах казахской школы», под редакцией М.М.Копыленко, вышедший еще в 1986 году);

- разрабатывать преемственные учебники по линии: *школа – вуз – послевузовское образование*;

- возобновить практику Республиканских конкурсов вузовских учебников;

- организовывать и проводить научно-практические конференции, семинары, совещания, посвященные проблемам разработки вузовских учебников, практической целью проведения данных форумов должна стать выработка практических рекомендаций по составлению, апробации, внедрению в образовательный процесс учебников;

- практиковать выпуск профессионального периодического издания «Учебник» в системе вузовского образования РК, а также разработать систему мероприятий поддержки и развития данной инициативы;

- совершенствовать систему оценки качества и сертификации учебно-методического обеспечения, включая учебники, для системы вузовского языкового образования;

- создать республиканский электронный каталог учебной, учебно-методической и другой литературы, выпускаемой образовательными учреждениями Казахстана, к которому имели бы доступ все вузы страны;

- создавать учебники, которые, наряду с языковым обучением, могут стать средством подготовки будущего специалиста к деятельности в инновационном культурно-образовательном пространстве нового тысячелетия;

– строить концепцию, содержание будущих вузовских учебников по русскому языку с учетом языковой действительности Казахстана, с учетом того, что современным образовательным идеалом является «человек культуры», наконец, с учетом достижений, результатов, полученных казахстанскими методистами в проведенных ими научно-методических исследованиях.

Итак, мы выделили семь перспективных тенденций современной лингводидактики. Цифра семь обозначает самодостаточное множество. Вместе с тем, если речь идет о тенденциях и перспективах современной лингводидактики, то, безусловно, представленный нами обзор направлений развития лингводидактики является открытым: он будет развиваться и расширяться, что вполне логично, если иметь в виду диалектику процесса развития.

Список литературы:

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1997. Вып. 1. – С.25-31.
3. Акапьев В.Л., Немыкина Н.В., Немыкин Н.И. Роль компетентностного подхода в современном образовании // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11 (часть 7) – С. 1402-1406.
4. Родиков А.С. Компетентность как ведущий фактор успешности профессиональной деятельности в системе образования // Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль». – 2015. – Т.7. №8. – С. 142-148.
5. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление и развитие / Дж. Равен; пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2002. – С.257-258.
6. Антонова Е.С. Новый подход // Газета «Русский язык» издательского дома «Первое сентября». – 2004. – № 11.
7. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 268 с.
8. Лингводидактика информационной образовательной среды: сб. науч. тр. – М.: МЭСИ, 2013. – 345 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В РУССКОМ, КАЗАХСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Молдагали Мадина Бауыржанқызы
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Статья посвящена анализу семантики глаголов речи в русском, казахском и английском языках. Задача исследования состоит в том, чтобы сопоставить глаголы речи и найти между ними семантические и функциональные сходства и различия. Анализ показал, что глаголы сопоставляемых языков способны фокусировать внимание на разных проявлениях процесса речи (монологической и диалогической речи, эвиденциальности и др.).

Ключевые слова: глаголы речи, семантика, русский язык, казахский язык, английский язык.

Түйіндеме. Аталмыш мақала орыс, қазақ және ағылшын тілдеріндегі сөйлеу етістіктерінің семантикалық талдауға арналған. Зерттеудің міндеті сөйлеу етістіктерін салыстырып, олардың арасында семантикалық және функционалдық ұқсастық пен айырмашылығын табу. Талдау көрсеткендей, салыстырмалы тілдердің етістіктері сөйлеу үдерісінің түрлі көріністеріне (монолог және диалогтық сөз, дәлелдер және т.б.) назар аударады.

Түйін сөздер: сөйлеу етістіктері, семантика, орыс тілі, қазақ тілі, ағылшын тілі.

Abstract. This article is devoted to the semantic analysis of speech act verbs in Russian, Kazakh and English. The aim of the article is to compare the speech act verbs and find out their semantic and functional similarities and differences. Analysis showed that speech act verbs of the compared languages are able to focus attention on various manifestations in the process of speech (monologue and dialogic speech, evidence, etc.).

Key words: speech act verbs, semantic, Russian, Kazakh, English.

0. Вводные замечания

Изучение глаголов речи уже давно привлекает внимание ученых-лингвистов. В современном языкознании эти глаголы рассматриваются на материале как одного языка, так и группы языков, например русского (М.А. Кронгауз [1], В.Г. Гак [2], Е.В. Падучева [3], Е.В. Рахилина [4]), казахского и тюркских языков (М. Оразов [5], А. Ысқақов [6], Н.К. Дмитриев [7], Н.З. Гаджиева, А.А. Коклянова [8], Ш.М. Майгельдиева [9]), английского языка (J. Verschueren, H. Parret [10]).

Интерес к глаголам речи не случаен: этими глаголами обозначается важнейшая сторона деятельности человека, т.е. речь, опосредующая другие виды его деятельности.

В центре нашего внимания находится семантика глаголов речи в русском, казахском и английском языках.

Статья состоит из четырех разделов. В первых трех речь идет, соответственно, о глаголах *говорить/сказать* в русском языке, глаголах *сөйле/айт/де* в казахском языке, глаголах и *say/tell/speak/talk* в английском языке. В заключении подводятся итоги.

1. Глаголы речи в русском языке

В русском языке видовая пара глаголов *говорить/сказать* является основным средством обозначения речи. Прямое значение данных глаголов – «выражать, изъяснять устно какие-либо мысли; сообщать что-либо» [11, 132, 743]:

(1) – *Я уже говорил об имитации.* (Материалы Упсальского корпуса, коллекция 721) [12].

(2) *Поэтому то, что Вам сказала тётя в военкомате, может свидетельствовать только об одном: она вам просто не поверила и решила, что Андрей скрывается где-то в Москве.* (Письмо пары студентов паре студентов (2004).

Видовое различие глаголов речи *говорить/сказать* не влияет на их прямое значение, но стоит отметить его влияние на системы их грамматических форм (глагол *сказать* не имеет форм настоящего времени), а также переносные значения и употребление в составе устойчивых сочетаний.

Глагол *говорить* может выражать следующие значения [11, 132]:

1. вести беседу, разговаривать:

(3) *Я говорю: не зорите, еще пожар будет.* (Гадания Архангельская область, 1994);

2. высказывать мнение, суждение о ком-л., чём-л., обсуждать что-л.:

(4) *Кто-то, наоборот, говорит: не прибедайся, ничего вас не бомбят, я ж видел по телевизору...* (Александр РОГОЗА. И почему я не пишу о птичках? // Комсомольская правда, 2014.07.24);

3. произносить, выговаривать звуки речи, слова и фразы:

(5) *Сперва говорил я по-русски, а потом Оксана то же самое изображала по-английски* (Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами, 1966);

4. для усиления высказанной мысли или приказа:

(6) *Жи-, и ши-. – Говори, какие правила помнишь? Главред могла бы не издеваться, а просто сразу уволить.* (Эд БАККАНСКИЙ («КП» – Киев)). В Киеве писали «Тотальный диктант» 37 человек // Комсомольская правда, 2014.04.12);

5. выражать удивление, негодование, радость:

(7) *Я недооцениваю эту команду? О чем вы говорите! Я специально*

ездил на матч Алжира в Женеву, чтобы вживую убедиться в ее потенциале. (Тимур Ганеев. «Выложимся на 300%, чтобы страна понимала наше отношение к футболу» // Известия, 2014.06.26);

б. выражая, излагая, рассматривая что-л. каким-л. образом (так, как обозначено наречием или существительным):

(8) – *Проце **говоря**: если вы заключили договор с автошколой и начали учиться до 12 августа, то и заканчивать ее вы будет по старым правилам.* (Александра КРЫЛОВА . 9 из 10 автошкол могут лишиться лицензии // Комсомольская правда, 2014.08.11).

Глагол *сказать* тоже имеет переносные значения. Ср. [11, 743]:

1. высказаться:

(9) *Все исполнители – разные. Кому есть что **сказать**, пусть говорит. Хорошо бы всем вспомнить, в честь кого этот конкурс устроен.* (Виктория Иванова. Пианисты сыграют в память узницы ГУЛАГа Веры Лотар-Шевченко // Известия, 2014.06.27);

2. сообщить:

(10) *Я хотела **сказать**, что скоро, очень скоро...* (Светлана Алексиевич. Время секунд хэнд, ч. 2, 2013);

3. велеть, приказать:

(11) *Отдай, папа. **Скажи**, куда ты их спрятал. Девушка смотрела на отца о такой мольбой, что, казалось, и камень бы дрогнул.* (Борис Акунин. Ф. М., 2006);

4. предположить, подумать, заключить:

(12) – *Теперь ты – иностранец! А с виду не **скажешь!**.. А ежики вкусные?* (Андрей Курков. Закон улитки, 2005);

5. выразить уверенность и неуверенность:

(13) *Можно ли **сказать**, что Бог равно взывает как с одной, так и с другой?* (Вестник Германской епархии РПЦЗ, № 5-6, АBBYU LingvoPRO, 2007).

Как видим, полного совпадения в системах переносных значений двух глаголов не наблюдается.

Поскольку глаголы речи тесно связаны с указанием на источник информации (значение эвиденциальности), интересно отметить, что глаголы *говорить/сказать* могут употребляться в неопределенно-личных предложениях и в этих случаях указывают на то, что говорящий не уверен в достоверности сказанного (*говорят, сказали* и т.п.), см. [13, 318].

Следует отметить, что в составе устойчивых выражений данные глаголы речи далеко не всегда взаимно заменяются: *говорить само за себя* – не нуждается в объяснении, в подкреплении какими-нибудь сторонними доказательствами: *как говорят* или *говорят, что* – ходят слухи; *что и говорить* – верно, конечно; *иначе говоря* – другими словами [11, 132]; так *сказать* – употребляется для смягчения какой-либо формулировки или указания на ее неточность в значении [11, 743].

2. Глаголы речи в казахском языке

В казахском языке главными глаголами речи являются *сөйле*, *айт* и вспомогательный глагол *де* [5, 175].

Прямое значение глагола *сөйле* – «тіл қату, айту» (умение говорить, рассказывать)¹: [14, 304].

(14) *Қазақша жақсы сөйлей* білетін адам қасындағы төрелер алдында орысша ойланып қазақша сөйлегендіктен сөзі орашолақтау, созолаңдау шығып жатыр (Ұлпан, Ғабит Мүсірепов, 1974) [15].

Значение глагола *айт* – «сөзбен ой-пікірді білдіру, ауызша сөйлеу» (донести мысли словами, разговаривать устно) [14, 105].

(15) *Маусымның соңғы күндері қазылар алқасының хатшылығынан хабарласып, екінші орын алғанымды айтты* (Айқын, 2013).

Как и в русском языке, прямые значения данных глаголов похожи, даже в определениях толкового словаря казахского языка они заменяют и описывают друг друга. Но системы их переносных значений разнятся.

Глагол *сөйле* имеет значения [14, 304]:

1. пікір білдіру (высказать свое мнение)

(16) *Сөзге келмей, «шығыңдар!» деп жүрмесе қайтсін өнерің болса көрсете, орай сөйлеп арбай бастау керек-ті.* (Ғабит Мүсірепов прозасының аудармалары, С. Әшімханова, 2013);

2. әңгімелесу (беседовать). Данное значение выражается, когда глаголу *сөйле* добавляется суффикс совместного залога (ортак етіс) *-с*.

(17) *Ал, Жәдігержан, айналайын... көлденең кісі қатыстырмай, ағалы-інілі боп өзара оңаша сөйлесетін тығыз шаруа болып қалды.* (Соңғы парыз, Әбдіжәміл Нұрпейісов, 1999);

3. өлең, жырға айналдырып, шешен тілмен ағытыла баяндау (ораторствовать)

(18) *Қазақша қара сөз, арам сөз болса да май тамыза сөйлейтін жырынды сарқындылар.* (Іздер, Мұхтар Әуезов, 1932);

4. оиды ауызша түрде баяндау (передавать мысли посредством языка)

(19) *Сәлден соң көзімнің жасын тежеп, бойымды жигандай қайта сөйледім.* – *Әкемнің жаманатын үйден естідім.* (Әзілхан Нұршайықов, 1922–2011).

Форма глагола *айт*, по мнению Н.К. Дмитриева, является вторичной: изначально *айт* представляет собой понудительный залог. Исторически он разлагается на две части: корень *ай-* + аффикс понудительного залога *-т*. Таким образом, предполагаемое значение этой формы: `заставить / позволить говорить`, а не просто *говорить*. Однако семантика понудительного залога здесь давно уже выветрилась [7, 204]. Лишь в одном из переносных значений оттенки понудительного залога еще сохраняются:

¹ Перевод выполнен мной. – М.М.

1. тапсыру, сұрау (поручать, просить) [14, 105].

(20) *Тәре, бір ауыз сөзге мұрша бер.–Айт датыңды.* (Көшпенділер. 3: Қаһар, Илияс Есенберлин, 1945-1969).

Айт во многих случаях в отличие от *сөйле* употребляется с существительным в винительном падеже или со вспомогательным глаголом *де* [16, 20]. Ср.:

(21) *Менің қарағым келіп айтады дейді: «шешелеріңе жаның ашыса, Мәрденге барғаның жөн емес пе? (Қорғансыздың күні, Мұхтар Әуезов, 1921)*

Де – вспомогательный глагол, который чаще всего используется для оформления прямой и косвенной речи. Одной из особенностей употребления глагола *де* в конструкциях с прямой речью является то, что он в форме деепричастия, как правило, сопровождает другие глаголы речи: *деп сөйледі, деп бақырды, деп айтты* и т.д. Это конструкция, обычная в тюркских языках, в одних языках может иметь синонимичные конструкции без деепричастной формы глагола *де*, в других – является единственно возможной [8, 327]. Так, Н.К. Дмитриев пишет: «Интересно то, что глагол *дию* всегда может употребляться один, тогда как два других глагола (*әйтү* и *сөйләү*) в некоторых случаях могут употребляться лишь в сочетании с деепричастием от глагола *дию*» [7, 212].

Важно подчеркнуть, что в казахском языке имеются грамматические средства выражения эвиденциальности. Сообщая о действии совершенном в прошлом, говорящий не может уклониться от того, чтобы сообщить, каким образом он узнал о нем [13, 318]. В случае, если говорящий был очевидцем этого действия или уверен в нем, то к глаголу добавляются суффиксы очевидного давнопрошедшего времени (бұрынғы өткен шақ) *қан/кен* и *ған/ген*. Если говорящий не был очевидцем этого действия или в его достоверности не уверен, то используются формы неочевидного давнопрошедшего времени (бұрынғы өткен шақ) с суффиксами *-ып, -іп, -н* [17].

(22) *Енді, міне..- Зейнептің қойшы келіні айтыпты әкеңе: кемпіріңнің ескіден қалған тай-тұяқ күмісі бар екен.* (Әзілхан Нұршайықов, 1922–2011).

(23) – *Он жігітті жалғыз қуатын мен жынды емеспін! – депті күйеуіміз* (Ғабит Мүсірепов прозасының аудармалары, С. Әшімханова, 2013).

Казахские глаголы речи также могут употребляться в составе устойчивых выражений:

Алғыс айтты – риза болғанын білдірді (поблагодарил); *ақыл айтты* – дұрыс кеңес беру (давать правильный совет); *сыр айтты* – құпиясын ашты, сырласты (открыл тайну, задушевно беседовали); *айтқаным айтқан* – дегенім деген, сөзім сөз, айттым бітті (сказал свое последнее / окончательное слово) [14, 106]; *күн-түн демей* – үздіксіз, тынымсыз (безперерывно), *ләм демеді* – үндемеді, жауап қатпады (не произнес ни слова) [14, 91].

3. Глаголы речи в английском языке

В английском языке главными глаголами речи являются *speak, talk, say, tell*.

Указанные глаголы могут использоваться в двух разных языковых ситуациях. В то время как *say* и *tell* употребляются для передачи прямой речи, т.е. передачи речи другого человека, глаголы *talk* и *speak* употребляются для обозначения речевого акта как такового. Попытаемся разъяснить их различия по парам.

Прямым значением глагола *say* – «utter words so as to convey information, an opinion, a feeling or intention, or an instruction» (произносить слова, чтобы передать информацию, мнение, чувство или намерение или инструкцию)² [18, 1551].

(24) *PAMELA and MRS. JERVIS say the Lord's Prayer together.* (Pamela, or, The reform of a rake : a play adapted from the novel by Samuel Richardson. Morgan, Fidelis and Giles Havergal. UK: Amber Lane Press, 1987, pp. 5-77, 1853 s-units.) [19].

Tell означает «communicate information to someone in spoken or written words» (сообщать кому-либо информацию устно или в письменной форме). После использования глагола *tell* обязательно должен быть указан адресат, которому передается информация. При этом может быть использовано имя человека или местоимение [18, 1813].

(25) *Also listen carefully to what they tell you.* (New South Wales Department of Health. Family issues: how to deal with the drug problem in your family, 2011).

Следовательно, если *say* передает речь говорящего в прямой или косвенной форме, то глагол речи *tell* указывает, что сообщение предназначено для определенного адресата.

Переносные значения глагола *say*:

1. *assume something in order to work out what its consequences would be; make a hypothesis* (предполагать, делать заключение, делать гипотезу):

(26) *Well, maybe double chin is a little unfair: let's say a mere jowlswipe of pork tenderloin.* (Talking it over. Barnes, Julian. London: Pan Books Ltd, 1992, pp. 1-128. 2735 s-units.);

2. *give an information in the form of written words, numbers or pictures – used about signs, clocks, letters, messages etc.* (информировать в письменной форме, цифрами или картинками, чаще всего используется для определение времени, знаков, сообщений и т.д.);

(27) *The arms say the light of day in a short sleeved dress and they are like the arms of a prize fighter* (Smallholder. King's Lynn, Norfolk: Smallholder Pubs Ltd, 1991, 1476 s-units.);

3. *to speak the words that are written in a play, poem or prayer* (произносить слова, которые написаны в пьесе, поэме или в молитве)

² Перевод выполнен мной. – М.М.

(28) *I will say a prayer for you* (The Daily Mirror. London: Mirror Group Newspapers, 1992, 5648 s-un.);

4. to pronounce a word or a sound (произносить слово или звук)

(29) *But sir, did you say in the house?* (Pamela or, the reform of a rake: a play adapted from the novel by Samuel Richardson. UK: Amber Lane Press, 1987, pp. 5-77. 1853 s-un.).

Глагол речи *tell* тоже имеет несколько переносных значений:

1. to say that somebody must to do something (сказать кому-что что надо делать).

(30) *Tell them what is in the Act, and what to do.* (King Cameron. Craig, David. Manchester: Carcanet Press, 1991, pp. 15-113. 2685 s-units.);

2. to know something or recognize something because of certain signs that show this (знать или осознавать что-то по определенным знакам, которые указывают на правду)

(31) *The moment Kramer walked in, I could tell that things were not going well* (Mask of deception. Wood, Sara. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993, 5063 s-units.);

3. to be able to see how one person or thing is different from another (видеть, что кто-л. или что-л. отличается от другого).

(32) *How can you tell a fake Vuitton handbag from the real thing?* (Ransacked heart. Bauling, Jane. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993, 3352 s-units.).

Перейдем к следующей паре: *speak* обозначает «to say words, to use the [voice](#), or to have a [conversation](#) with someone» (произносить слова, использовать голос или разговаривать с кем-то) [18, 1688], а *talk* определяется, как «to say words [aloud](#); to [speak](#) to someone» (произносить слова громко, разговаривать с кем-то) [18, 1798]. Выходит, что прямые значения идентичны:

(33) *Then there was a long sigh, and Lulu spoke very quietly.* (Lemony Snicket, The Carnivorous Carnival)

(34) *Alex and I talked about how we were both embarking on a new stage in our lives, how we were lucky to be doing it together.* (Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada).

Рассмотрим переносные значения глагола *speak*:

1. to be able to talk in a particular language (разговаривать на определенном языке):

(35) *...and for those that speak German, their rolling accent can be fun to try and mimic!* (Germany Switzerland Austria – GTF Tours. London: German Tourist Facilities Ltd, 1992, 853 s-units.)

2. to make a formal speech (выступать с официальной речью):

(36) *She asked me to speak to her students about my work* (Bradford Metropolitan Council: meeting (Pub/instit). Rec. on 21 May 1991 with an unknown number of partics, 135 pp.).

3. to say something that express your ideas or opinions (выражать свои идеи и мнения):

(37) *I speak as a father. So you lost your allowance?"* (Willoughby's phoney war. Fox, William. Lewes, East Sussex: The Book Guild Ltd, 1991, 4013 s-units)

Значения глагола речи *talk*:

1. to **discuss** something with someone, often to **try** to **find** a **solution** to a **disagreement** (обсуждать что-то с кем-то, зачастую, чтобы найти решение какого-то разногласия):

(38) *I don't take any notice of this pessimistic talk about statistics being against Leger winners in the Arc.* (The Daily Mirror. 7680 s-units.)

2. to give a **lecture** on a **subject** (проводить лекцию):

(39) *The next speaker will be talking about endangered insects.* (The Daily Mirror. London: Mirror Group Newspapers, 1992, 5648 s-units.)

Следует отметить, что эти глаголы различаются по признаку эвиденциальности, прямым источником которым является сенсорные ощущения, а именно слуховые [13, 321]:

(40) *They speak in French.*

Перевод: *Они разговаривают по-французски.* Говорящий выражает уверенность по поводу сообщаемого факта.

(41) *They talk French.*

В этом случае говорящий лишь предполагает, что они разговаривали на французском языке [20, 553].

Английские глаголы речи нередко встречаются в составе устойчивых выражений: *say no/ say yes* – agree/disagree (согласие/ несогласие); *to say nothing* – not to mention (не говорить/не упоминать) [18, 1552]; *be all talk* – spoken someone who is talk talks a lot what they intend to do, but never actually does it (когда говорящий говорит очень много, но не делает этого); *talk is cheap / small talk*– used to say that you do not believe someone will do what they say (пустые слова) [18, 1799]; *I can't tell you* – used to say that you cannot tell someone something because it's a secret (не могу говорить об этом) [18, 1812].

4. Заключение

Итак, несмотря на общее указание на речь, глаголы в сопоставляемых языках фокусируют внимание на разных аспектах этого процесса. Среди этих аспектов можно выделить следующие:

1. Монологическая речь

Для указания на монологическую речь в русском языке употребляются оба глагола. В казахском языке употребляется только устойчивое сочетание *сөз сөйлеу* (произносить речь). В английском языке данную функцию выполняет глагол *speak*.

2. Диалогическая речь

В русском языке глагол речи *говорить* и в казахском языке глагол *сөйле* (особенно его форма *сөйлесу*) выражают значение 'вести беседу, разговаривать'. В английском языке данную функцию выполняет глагол речи *talk*.

3. *Чужая речь: прямая и косвенная*

Если в русском языке оба глагола выполняют функцию оформления чужой речи, то в казахском языке к ее выполнению тяготеют глаголы речи *айт/де*, а в английском языке – *say/tell*.

4. *Способность говорить на определенном языке*

Умение говорить на определенном языке описывают глаголы: в русском – *говорить*, в казахском – *сөйле*, в английском – *speak*.

5. *Значение эвиденциальности*

Глаголы речи *говорить/сказать* в неопределенно-личных предложениях указывают на неизвестность источника информации. Значение эвиденциальности в казахском языке имеет грамматическое значение (формы неочевидного давнопрошедшего времени). В английском языке различия в указании на источник информации связаны с противопоставлением *speak* и *tell*.

Как видим, глаголы речи в сопоставляемых языках различаются между собой семантически и функционально. Если в русском мы наблюдаем, как два глагола, образующих видовую пару, покрывают практически всю семантическую зону речи, то в казахском и английском языках имеет место закрепление и спецификация разных глаголов за тем или иным проявлением речи.

Список литературы:

1. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика, – М.: Школа – «Языки русской культуры», 1998. – 288 с.
2. Гак В.Г. Речевые рефлексy с речевыми словами/ / Логический анализ языка. Язык речевых действий, Российская академия наук, Институт языкознания, – М.: Наука, 1994. – С. 6-10.
3. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики, – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
4. Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. – 584 с.
5. Оразов М. Қазақ тілінің семантикасы. – Алма-Ата: Рауан, 1991. – 216 с.
6. Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі. – Алматы: Ана тілі, 1991. – 384 с.
7. Дмитриев Н.К. Глаголы речи в языках тюркской группы // Строй тюркских языков. – М.: Изд-во вост. литературы. 1962. – С.570-576.
8. Гаджиева Н.З. Коклянова А.А. Глаголы речи в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков, – М.: Академия наук СССР, 1962. – С. 322-460.

9. Майгельдиева Ш.М. Лексико-семантические группы глагола русских и казахских языков (лингвистические и лингводидактические аспекты). – Алматы: Қазақ университеті, 1998. – 186 с.
10. Verschueren J. Parret H. On Speech Act Verbs. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1980, – 83p.
11. Большой толковый словарь русского языка / гл. редактор С.А. Кузнецова, 1 изд. – СПб: Норинт, 1998. – 999с.
12. Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
13. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику, Учебное пособие. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
14. Қазақ тілінің түсіндірмелі сөздігі / бас ред. Ысқақов А. – Алматы: Қазақ ССР-нің «Ғылым» баспасы, 1976. – 695 с.
15. Алматинский корпус казахского языка // URL: <http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search>
16. Грамматикалық талдау әдістемесі, оқу-әдістемелік кешен, – Семей: Қазақ тілінің териясы мен әдістемесі кафедрасы, 2013. – 50 с.
17. Грамматика казахского языка, URL: <http://kaz-tili.kz/index.htm>
18. Longman Dictionary of Contemporary English, editor Della Summers. – London: Pearson Longman, 2009. – 9998 pp.
19. Британский национальный корпус английского языка. // URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
20. Swan M. Practical English Usage. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 658 pp.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ

Абаева Мадина Кабылкызы
к.ф.н., доцент КазНПУ им. Абая

Айдарова Аймторы
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. В статье дается характеристика функционального стиля и языка современной прессы. Особое внимание уделено текстам политического характера и использованию в них экспрессивно-лексических языковых ресурсов. Отдельно указано на роль и место публицистической метафоры в современной прессе.

Ключевые слова: функциональный стиль, публицистика, пресса экспрессия, экспрессивная лексика, метафора.

Түйіндеме. Мақалада қазіргі заманғы баспасөздің функционалдық стилі мен тілінің сипаттамасы берілген. Саяси сипаттағы мәтіндерге және оларда экспрессивті-лексикалық тілдік ресурстарды пайдалануға ерекше назар аударылды. Қазіргі баспасөзде публицистикалық метафораның рөлі мен орны бөлек көрсетілген.

Түйін сөздер: функционалдық стиль, публицистика, экспрессия баспасы, экспрессивті лексика, метафора.

Abstract. The article describes the functional style and language of the modern press. Special attention is paid to the texts of political nature and the use of expressive and lexical language resources. The role and place of the journalistic metaphor in the modern press is separately indicated.

Key words: functional style, journalism, press expression, expressive vocabulary, metaphor.

Начиная со средств массовой информации, как телевидения, пресса, радио и т.д., публицистический стиль является очень сложным и многообразным функциональным стилем. Но почему интерес к изучению текстов газет под лингвистическим углом до сих пор не теряет актуальности?

Для начала начнем с того, что такое функциональный стиль и что он из себя представляет. Со времен школы известно, что обычно выделяют пять видов функциональных стилей речи, отличающихся целями общения, средствами выражения, употребляемой лексикой и областью использования: научный, официально-деловой, публицистический, разговорный, художественный.

Если коротко описать каждый функциональный стиль, то каждый отличается жанровыми разновидностями и используемыми ресурсами. Например, научный стиль – это стиль научных сообщений, основанных на том или ином исследовании, подкрепленные истиной, основанных проведенных экспериментах и в изучении заинтересовавших ученых вопросов, к нему относятся научные монографии и учебные тексты и т.п., официально-деловой используется для информирования в официальной обстановке, в таких областях как законодательство, административно-правовая деятельность, в частности, он служит для оформления документов: законов, приказов, справок, деловых писем и т.д., публицистический стиль – это язык средств массовой информации, который встречается в виде статьи, очерка, репортажа, ораторской речи и т.п.

Исходя из этого, функциональные стили имеют свои отличительные черты, свою специфичную лексику и синтаксическую структуру, область использования, которые более или менее реализуются в каждом жанре данного стиля. Тем не менее, являясь богатым и гибким, в русском языке нет абсолютно чистого стиля, который не выходил бы за рамки шаблонов,

рамки которых довольно размываются в зависимости от ситуации. Они все в малой или большой степени переходные, допустим, один стиль может использовать лексику, стиль другого, как и, наоборот, или менять значение слов, тем самым делая речь более красочной для приспособления к сложившейся ситуации.

Самым сложным, на наш взгляд, в стилевой системе русского литературного языка является публицистический стиль, с этим согласны специалисты Кожина М.Н. и Костомаров В.Г., которые отмечают, что данный функциональный стиль «...оказывается особенно сложным и разветвленным, с многочисленными переходными, межстилевыми явлениями» [1]. Ему свойственна «материальная неоднородность, заданная гетерогенностью, стилистическая антигомогенность» [2], что также является актуальным и на сегодняшний день. Так как газетно-публицистический стиль ориентирован на широкую публику читателей, язык должен быть общедоступным, и как всем известно, несет в себе две основные функции: информирующую и оказывающую воздействие на читателя [3], а из-за функции воздействующей, язык современной прессы является очень гибким, приспособляемый и инновационный.

Мы упоминали ранее, что одна из главных функций публицистики является информативность, «язык прессы отличается своей шаблонностью и каноничностью письменной речи» [4] пишет Винокур, они заполнены штампами, это объясняется тем, что газеты выпускают еженедельный и серийный продукт, невозможно непрерывно в такие короткие сроки выпускать что-то новое и правильное, также необходимо чтобы информация была короткой, четкой и точной для того, чтобы сообщение довольно быстро могло охватить массовое количество читателей достигли понимания авторской мысли.

Рассматривая язык СМИ, мы уже коротко разобрали идеи Винокура о стандарте (штампах), как о главной особенности языка газеты, вместе с тем отмечают, что, кроме как информирующей функции, языку газеты характерна и другая, не менее важная функция – функция оказания влияния. Концепцию диалектического единства экспрессии и стандарта которую В.Г. Костомаров выдвинул как основу газетного языка: «Модель газетного языка раскрывается как обязательное и прямолинейно-постоянное соотношение стандартизованных и экспрессивных сегментов речевой цепи, их чередование и контрастирование, характер которого в деталях материализации зависит уже от частных особенностей моделируемой газетной действительности. Иными словами, ее языковая модель – газетный язык – создается (...) ориентацией на экспрессию и стандарт, составляющий единый конструктивный принцип» [2].

Нельзя забывать, что сама пресса подразумевает коммуникационный акт между читателем и журналистом, и нет лучше способа налаживания связи с читателем, чем создание эмоциональной связи с

аудиторией, а эмоциональная окраска речи – это прежде всего экспрессия чувств (положительных, отрицательных), попытка воздействия на мнение или оценка данного вопроса. Об этом пишет Шмелев Д.Н.: «Присущая публицистическим произведениям направленность на воздействие и убеждение устанавливает особые взаимоотношения между сторонами общения – обращающимся с речью и адресатом речи. Это не констатирующая, а императивная речь, она призвана не только сообщить о чем-то и не только выразить отношение к сообщаемому, но и внушить это отношение адресату» [5]. Все выше сказанное делает язык прессы релевантной, бросающейся в глаза и делает ее креативной.

Об экспрессии языка газеты также пишет Г.Я. Солганик, выделяя роль разговорной лексики как наделяющей речь выразительностью: «Широкие возможности разговорной лексики объясняются тем, что в газетно-публицистическом стиле, книжно-письменном по своей природе, она выступает как маркированная. И поэтому любое разговорное слово в газетной речи экспрессивно, обладает известным потенциалом выразительности. Многообразие использования элементов разговорной речи в публицистике объясняется также общей демократической окраской, простотой, доступностью разговорной речи – качествами, важными для языка средств массовой информации» [6].

В газетно-публицистическом стиле невероятен своим возможными любыми стилистическими окрасками, от низких до высоких, причем само сочетание носит нарочитый конфликтный характер. Так, например, только лишь в одной статье «Блэджек с тремя топорами» («НОВАЯ ГАЗЕТА», №19, 07.05.2019г.) сочетаются с одной стороны, такие нейтральные слова, как *борьба, онлайн-казино, рекламодатель, банки, платежные системы, легализовать, патологическое влечение*, а с другой стороны, такие эмоционально-оценочные и разговорно-просторечные слова, как *лохотрон, отмывочные, пагубная практика, финансовый омбудсмен, выкорчивать*.

В собственно информативных жанрах преобладает стандартный язык, используются в основном стилистически нейтральные языковые средства, лишённые эмоциональной окраски. Например, статья «Трагедия в Шереметьево»

«Вечером минувшего воскресенья принадлежащий «Аэрофлоту» самолет SSJ-100 совершил аварийную посадку в Шереметьево спустя некоторое время после вылета из Москвы в Мурманск. Разрешение на возвращение в аэропорт вылета командир экипажа запросил из-за технической неисправности. Во время посадки у лайнера подламились стойки шасси и загорелись двигатели. Огонь перекинулся на фюзеляж. На борту находились 78 человек, включая пять членов экипажа, 41 из них погиб. Список выживших пассажиров размещен на сайте «Аэрофлота». Вчера в экстренных службах сообщили, что они извлекли тела всех погибших из фюзеляжа самолета» («ВРЕМЯ», №69, 07.05.2019г.).

Однако и такие материалы оживляются экспрессивными заголовками: «*В главных ролях*» – информационная статья о выдаче удостоверений кандидатов в президенты – («ВРЕМЯ», №69, 07.05.2019г.); «*УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ – Ум, Честь, Совесть и ... «НАРОДНЫЙ АКИМ»*» – о кончине бывшего мэра города Караганды; («ДАТ»- №17 06.05ю2019) «*Жизнь в Перу неподвластна перу*» – («ВРЕМЯ», №171, 01.11.2018г.); «*Дон Кихоты эмиграции и ее Франкеништейны*» («НОВАЯ ГАЗЕТА», №19, 07.05.2019г.), («Аргументы и факты» №46,2009 г.)

Газетная речь может быть выражена экспрессивными средствами в различных формах. Рассмотрим некоторые из них.

Изучение метафоры показывает взаимосвязь лексико-семантических процессов и социально-политических изменений, поскольку метафора наиболее эффективна как средство отражения изменений в жизни общества.

На сегодняшний день часто встречающейся в газетно-публицистическом тексте становится «*политическая метафора*». Политическая метафора – это речевое воздействие с целью формирования у общества либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)» [7] – пишут Лакофф, Дж., Джонсон, М..

Характер политической метафоры представлен в следующем примере:

«Заг. *Никакой митинговщины!*» – о выступлении ветеранских организации против политических акций – средствами экспрессии служат: активизация некоторых

-), -уха (комнатуха), -щина (дедовщина), в данном случае используется суффикс -щинас несущий в себе оттенок собирательности и неодобрительности и риторические восклицания.

«*Мы, ветеранские организации, ответственно заявляем, что не позволим использовать святой праздник 9 мая для каких-то политических инсинуации и митингов. Это священный день памяти погибшим в Великой Отечественной войне, и превращать его в политическое шоу – полное кощунство и варварство по отношению к нашим дедам и отцам, погибшим на полях Великой Отечественной войны.*

Мы не позволим никому устраивать политические торги на 9 мая с использованием акции «Мәңгілік Даңқ – Бессмертный полк Казахстана»...» («Время» №73 15.5.2018).

Латышева А.И. пишет: «Более широкий диапазон и большая частотность в использовании экспрессивной лексики, как новый показатель актуализации языка современной прессы, одновременно сопровождается более тесным, чем ранее, совмещением лексики разных стилей, выстроенным на противопоставлении средств. При этом возникают контрастные словосочетания различной стилевой окраски [8],

например, *инсинуация* – (от лат. *insinuatio* – букв. – вкрадчивость), клеветническое измышление, злостный вымысел. (БАС); синоним слова *диффамация* – публичное распространение сведений, порочащих кого-либо (Современный толковый словарь русского языка Ефремовой), *клевета*, книжн. (Словарь синонимов), кощунство –.. оскорбление религиозной святыни, (образовано в старославянском). (БАС);

арство, варварства, мн. нет, ср. (книжн.). Варварское отношение к культурным ценностям, разрушение их.(син.) грубость, дикость нравов; поведение варвара – с пометой «книжное» (СО), приобретает отрицательную окраску. Термин *инсинуации*, метафоризация с лексикой *политическое шоу, политические торги*, с разговорным словом *кощунство и варварство*. Также повторение слова *политический* три раза, усиливает параллелизм и приобретает в контексте отрицательную окраску, благодаря этим средствам объект характеристики – митинги – предстают как интриги, заговоры тайно борющихся за власть.

Исследованный газетный материал продемонстрировал появление новых в тематическом отношении метафор: концептуальных полей, которые приспосабливаются к контекстам современной политической тематики. Например: «Спорт и азартные игры» – «Заг. Прыжок в элиту», «Театр и зрелища»- «В этой дуэли решалось ...», «Человек – больной организм» – «Подзаг. Обострение конфликта», «Сутки станут критичными», «Быт» – «Виток насилия» «Природа» – «Актюбинская полиция в очередной раз перехватила пальму первенства по коррупционным правонарушениям.», «Ирреальный мир» – «Снизить градус разговора» («Время» №73 15.5.2018).. Метафоры традиционных концептуальных полей «Война» – «Подзаг. ...завоевала путевку в высший дивизион», «Разгромили Литву». Часть метафор создана на основе специальной лексики, которая вступая в контекстуальные связи с общеупотребительной лексикой современного русского языка.

В газетном тексте политическая метафора функционирует как лексико-семантическая единица, так как процесс метафоризации (образование метафор и их употребление) обусловлен прежде всего семантическим фактором слова. Подавляющее большинство метафор развивается из слов конкретной семантики («Бюрократия – как лернейская гидра», «убогость и серость окружающей действительности», «Да такие, что душу прожгли!» и т.д. «Комсомольская правда» №50 15.05.2018).

В газетном тексте политическая метафора функционирует как лексико-семантическая единица, поскольку процесс метафоризации (формирование метафор и их использование) обусловлен прежде всего семантическим фактором слова. Подавляющее большинство метафор развивается из слов специфической семантики «...хроническую проблему», «Заг. Полный брак», «Подзаг. Его Величество план».).

По отношению к употреблению слова в метафорическом смысле различают две группы слов:

А) слова, образное, переносное значение которых зафиксировано в толковых словарях);

Б) слова, образное значение которых не зафиксировано толковыми словарями.

Оценочный характер метафор может определяться наличием у слова в его прямом значении тех или иных коннотаций. Содержащаяся в метафорах оценка является образным представлением чувства-отношения к обозначаемому классу объектов, а, следовательно, осознанной эмоцией.

Таким образом, мы приходим к заключению, что: публицистический стиль тесно связан с внеязыковой реальностью. Это обуславливает его постоянное развитие. Политические преобразования последних лет привели к ощутимым переменам в контенте газет и характере функционирования публицистического стиля.

Анализ прессы показывает, что в газетах представлены новостные и информационные материалы, но в статьях преобладают аналитические, критические и политические дебаты. Главной особенностью такого типа текстов является экспрессия.

Язык современной прессы характеризуется разнообразием и новизной выразительных ресурсов, во многом обусловленных идеологическим плюрализмом, изменением роли СМИ в обществе.

На материале газет выявлены несколько тенденций развития современного журналистского стиля.

Прежде всего, это усиление функции воздействия по сравнению с информационной. В результате возрастает роль выражения в текстах.

Специфика анализируемых газет заключается в том, что ведущую роль в них играют такие выразительные ресурсы, как политическая метафора, фразеологические единицы, авторские неологизмы и др. Политическая метафора в анализируемых текстах наряду с традиционной функцией средств выражения наиболее точного, адекватного смысла приобретает новую функцию – скрытой речи. Большинство изученных нами метафор приобретают в контексте негативную эмоционально-оценочную коннотацию.

Газетная публицистика характеризуется антропоцентрическими фразеосемантическими полями, что свидетельствует о стремлении автора публицистической речи влиять на сознание и эмоции читателя. Случаи аналитического преобразования различались. Происходит ироническое переосмысление традиционных фразеологических единиц.

Большинство анализируемых примеров показывают явное доминирование негативной экспрессии и ее скрытый характер. В этой связи проблема реальной, а не декларативной независимости средств массовой информации остается нерешенной и очень важной.

Список литературы

1. Кожина М.Н. Стилистика. – М.: Прогресс, – 1983. – 220 с.
2. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. – М.: Изво Моск.ун-та, 1971. – 267 с.
3. <http://cyclowiki.org>
4. Винокур Г.О. Культура языка. – М.:ЛКИ, 2006. – 352 с.
5. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика: Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
6. Солганик Г.Я. Стиль репортажа. – М., 1970.
7. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] // Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
8. Латышева А.И. Язык современной прессы.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТА (НА ПРИМЕРЕ БАЗОВОГО КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ»)

Абаева Мадина Кабылкызы

к.ф.н., доцент КазНПУ им. Абая

Батаева Акмарал Нурғалиевна

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Статья посвящена лексикографическому описанию концепта «Семья» сквозь призму антропоцентризма. Антропоцентризм в лингвистической науке выражается в отказе от господствовавшего в течение первой половины XX в. видения языка как самодостаточной и саморазвивающейся системы и в становлении нового подхода к рассмотрению языка в контексте человека, через призму его носителя.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, языковое сознание.

Түйіндеме. Мақала антропоцентризмнің призмасы арқылы «Отбасы» ұғымының лексикографиялық сипаттамасына арналған. Лингвистикалық ғылымдағы антропоцентризм XX ғасырдың бірінші жартысында басымдықты бас тартумен көрінеді. өзін-өзі жетілдіретін жүйе ретінде тілдің көрінісі және адамның контекстінде тілге назар аударудың жаңа тәсілін қалыптастыру, оның тасымалдаушысының призмасы арқылы.

Түйінді сөздер: тұжырымдамасы, элементтің тілдік бейнесі, тілдік сана.

Abstract. The article is devoted to the lexicographic description of the concept of "Family" through the prism of anthropocentrism. Anthropocentrism in linguistic science is expressed in the rejection of the dominant during the first half of the XX century. the vision of the language as a self-sufficient and self-developing system and in the formation of a new approach to the consideration of language in the context of a person, through the prism of its carrier.

Key words: concept, language picture of the world, language consciousness.

Конец XX – начало XXI вв. в науке о языке характеризуется отчетливо выраженным антропоцентризмом, пристальным вниманием к «человеческому фактору» в языке, к картине мира.

К.С. Карданова отмечает, что «понятие картины мира маркирует формирование новой исследовательской парадигмы, характеризующейся особым вниманием к человеку, в котором преломляется действительность и формируется новая реальность. Вероятно, именно в это время в языковедческих трудах стали широко использоваться такие термины, как языковая картина мира, языковая личность, языковое сознание и пр.» [1, 63].

Исследователи полагают, что функциональное свойство картины мира заключается в ее «космологической ориентированности» (она есть глобальный образ мира) при одновременной антропоморфичности, поскольку она несет в себе черты специфического миропостижения. «Ее изучение поэтому закономерно связано с активно развивающимися в настоящее время исследованиями в области теории языковой личности, отвечающими смене парадигмы с системоцентрической на антропоцентрическую в современных гуманитарных науках, в том числе и в лингвистике...», – пишут И.В. Голубева и Н.А. Минаева [2, 48].

В работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, Е.С.Кубряковой, И.Б. Левонтиной, П.В. Чеснокова, А.Д. Шмелева и других предлагаются различные определения языковой картины мира и подходы к ее исследованию. Учеными выдвинута и доказана гипотеза о существовании двух картин мира: концептуальной и языковой, которая понимается как часть концептуальной, как «зафиксированная в языке схема восприятия действительности» [3, 9]. Картина мира находит свое отражение в языке, и в процессе овладения языком формируется языковая картина мира, поэтому многие исследователи находят возможным говорить о специфической детской языковой картине мира (работы В.В.Абраменковой, М.Я. Добря, М.Л. Кусовой, Е.Ю. Никитиной, В.В.Сальниковой, Е.В. Тарасенко).

Согласимся с мнением Л.Н. Тухарели о том, что «ребенок – это особый тип языковой личности, формирующий свой, особый взгляд на мир и на себя в этом мире. Образ мира, запечатленный в языке детей, во многом отличается от «картины мира» взрослых носителей языкового

сознания, что объясняется свойствами мышления детей, своеобразием их мироощущения и мировосприятия» [4, 316].

Ведущим направлением исследования языковой картины мира, в том числе и детской, является изучение процесса концептуализации и анализ отдельных концептов. Оставляя за рамками данного исследования не утихающие на сегодняшний день споры ученых о сущности и определении концепта, подходах к его изучению, согласимся с авторитетным мнением В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, рассматривающих концепт как «многомерную ментальную единицу с доминирующим ценностным элементом» [5, 245]. Концепт формируется вокруг некоей «сильной» точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Наиболее актуальные для носителей данного языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – его периферию. Четкие границы концепта очертить трудно, по мере удаления от ядра происходит постепенное «затухание» ассоциаций. В структуре концепта выделяют понятийный (хранится в сознании в вербальной форме, содержит признаки, отражающие составные части обозначаемого фрагмента действительности, его место в ряду других предметов и явлений, основные функции), образный (включает воспринимаемые органами чувств характеристики предметов, явлений) и ценностный компоненты.

Дальнейшие исследования в избранном направлении могут быть, на наш взгляд, связаны с проведением подобных ассоциативных экспериментов с носителями языка других возрастных групп (дошкольников, взрослых), что позволит расширить и углубить представление о детской языковой картине мира и специфике реализации в ней концепта «семья».

Одним из базовых концептов является концепт «семья». В силу своей культурной значимости и социальной важности он уже становился предметом специальных лингвистических исследований. Однако к реализации концепта «семья» в детской языковой картине мира внимание исследователей пока не привлекалось, что и обусловило тему данной работы.

«Концепт «семья», – пишут Ю.В. Харузина и О.В. Чибисова, – принадлежит к понятийно-языковому ядру лексики многих языков, воспроизводя как общечеловеческие (совокупность родственных отношений), так и культурно-специфические (социальные, нравственные, этические) представления о родственных отношениях» [6]. Под семьей понимается:

1) группа живущих вместе близких родственников. *Многодетная с. Глава семьи. Член семьи. В семье трое детей.* 2) перен. Объединение людей, сплоченных общими интересами (высок.). *Дружная школьная семья. Студенческая семья.* 3) Группа животных, птиц, состоящая из самца, самки, детенышей, а также обособленная группа некоторых животных, растений или грибов одного вида. *С. медведей. С. бобров. С. берез. С. груздей* [7, 711].

Концепт «семья» обладает сложной структурой. Одни исследователи говорят о модели этого концепта, включая в нее когнитивные классификаторы кровного родства (*отец, сын, племянник* и др.), некровного родства (*кум, зять, тесть* и др.) и социально-хозяйственного объединения (*домочадцы, слуги, гувернантки* и др.), другие – понимают под семьей совокупность живущих вместе родственников (семья – дом) или совокупность кровных родственников (семья – родные), связанных различными межличностными отношениями. Пока единой непротиворечивой модели концепта «семья» еще не построено, но ученые сходятся во мнении, что «в обыденном сознании современных русских концепт «семья» обладает положительной коннотацией».

Последнее обстоятельство весьма примечательно в свете кризиса современной семьи, о котором говорят многие ученые – социологи, психологи, педагоги и др. специалисты. «Еще несколько десятилетий назад наиболее распространенной была нуклеарная семья, создававшая четкие и ясные границы, нормы поведения, обеспечивавшие и социальный контроль, и чувство защищенности, приобретение опыта семейности. В современной семье родители более свободны в том, чтобы не длить неудачный брак, «соединять» детей от разных браков и др.

Само понятие «семья» начало принимать размытые формы. Теперь оно включает все разнообразие «союзов», совместно воспитывающих детей – мать и отец, мать и бабушка, бабушка и дедушка, партнеры, проживающие вместе и др.» – пишет Е.В. Голубева [8, 28].

Языковое сознание представляет собой динамическое явление, постепенно изменяющееся с течением времени от одного поколения к другому. Основным фактором его трансформации являются перемены, происходящие с образами, сложившимися в нем, на формирование которых оказывают значительное влияние средства массовой информации, литература, социальные и политические преобразования в обществе. Понятие языковое сознание чрезвычайно близко к понятию образ мира. Человек воспринимает и фиксирует окружающий мир в своем сознании в виде различных образов, которые он «активно вычерпывает» из объективной реальности.

С развитием национальной культуры начал свое развитие и язык. Язык как зеркало культуры, отражает ее во всех значениях и интерпретациях. Но для того, чтобы понять в полной мере все эти значения, нужно в первую очередь изучить язык той или иной культуры. В процессе изучения языка мы можем столкнуться с различными словами-терминами, которые носители культуры используют и употребляют в повседневной жизни. И во время изучения любого языка, изучающий язык всегда сталкивается с определенным уроком, где рассматриваются слова по отношению людей друг к другу по родству и использованию их при обращении. В научном обиходе эти слова называют терминологией

родства. Термины родства во многих языках относятся к древнейшему периоду и являются наиболее древним и устойчивым словарным запасом. В первую очередь происхождение терминов родства связано с развитием сознания общества и формированием «семьи» как неотделимой части культуры. Нужно отметить, что термины родства – это относительные слова, которые используются по отношению одного лица к другому. Тем самым, одно и то же лицо, например, отец, может быть и сыном, и дедом, дочка может быть и внучкой и дочерью и т.д. Можно сказать, что термины родства – это слова, которые используются в кругу определенных людей, которые связаны между собою кровными, брачными или духовными связями. И этот круг людей представляет собой одну отдельную «семью».

Нас интересует концепт Семья в языковом сознании современного учащегося. Но для начала определим наше понимание концепта.

Языковая картина мира отражается в ключевых словах – концептах. Термин *концепт* в лингвистике и старый и новый одновременно. В 1928 г. С.А.Аскольдов опубликовал статью «Концепт и слово», где определял *универсалию* (концепт) как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [9, 267]. Но до середины прошлого века понятие «концепт» не воспринималось как термин. Лишь в 80-е гг. XX в. вновь возникает понятие «концепта» как термина, который послужит объяснению единиц психических процессов нашего сознания.

Лингвокультурный концепт – термин современный, интегративный, хотя и прочно утвердившийся в методике русского языка, но до сих пор не имеющий единого определения. Исследованиями концептов плодотворно занимаются такие учёные, как Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, А.Вежбицкая, Е.С. Кубрякова, С.Е. Никитина, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина и др.

Концепт «семья» играет важную роль в формировании сознания человека как личности. Поэтому этот концепт имеет различные определения. Но главным во всех толковых словарях выделяют одно определение, в котором говорится, что семья – это «группа близких родственников, (муж, жена, родители, дети и т.п.) живущих вместе». Так, как концепт – это базовое понятие лингвокультурологии, то концепт «семья» в первую очередь отражает общечеловеческие и национально-специфические представления о феномене семьи.

Семья, являющаяся структурообразующей единицей общества, подчиняется основным закономерностям его функционирования. Изменения, происходящие в обществе в результате межкультурных взаимодействий, оказывают непосредственное влияние и на эту важную ячейку общества, которая, изменяясь, постепенно переживает переход от традиционного уклада функционирования к обновленной модели XXI века. Необходимость изучения динамики образа семьи в языковом сознании носителей разных культур обусловлена и тем обстоятельством,

что в условиях глобализации и становления рыночных взаимоотношений происходят существенные изменения системы семейных ценностей, которые находят отражение в языковом сознании молодых людей. Последствия подобной трансформации традиционных взглядов и норм сложно предугадать, но их содержание уже можно исследовать с помощью методов, применяемых в психолингвистике с целью дальнейшего научного прогнозирования жизнестойкости семьи.

Семантический анализ дефиниций слов семья по данным толкового словаря русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, русского семантического словаря под редакцией Н.Ю. Шведовой, толкового словаря русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой, словаря русских синонимов показал, что семья в русской лингвокультуре тесно вплетена в систему родственных отношений. Вместе с тем Большой энциклопедический словарь, определяя семью как основанное на браке или на кровно-родственных отношениях объединение людей, связанное хозяйственно бытовой общностью и взаимной ответственностью, имеет следующее дополнение к общему толкованию: индустриализация разрушает связь семьи с домашним производством, оставляя у нее из экономических функций лишь организацию быта; таким образом, в современных условиях наиболее распространенными становятся расширенные семьи, состоящие из супругов и их детей.

Рассмотрим этимологию слова семья. Корень в этом слове – сѣмь. Но это не числительное. Этим словом сѣмь в глубокой древности славяне называли «личность», и в таком случае собирательное имя, образованное от этого корня, будет сѣмиа, сѣмья. Заметим попутно, что в старину существовало слово сѣминь (с суффиксом единичности). Так называли раба. И этот пример красноречиво свидетельствует о том, что сѣмиа включала в себя не только родственников, но и челядь, слуг, рабов. В древнерусском языке это новое значение у слова семья можно обнаружить во многих памятниках письменности.

Современное значение слова «семья» в русском языке отличается от того, которое было у него в прошлые века, то есть сейчас отсутствует противопоставление: «сам», «муж», «хозяин» «семья, ему подвластная», то есть его владение. В старину семьей называли «большой хозяйственный коллектив из лиц родственных и неродственных, в том числе и прислуги». Другими словами, семья – это все те, кто садился за один общий стол.

Семья – в устном народн. творчестве также в знач. "жена", укр. сім', др.-русск. сѣмиа "челядь, домочадцы, семья; муж, жена", сѣмьца "младший член семьи", русск.-цслав. сѣмь "persona", сѣмиа ѿ дврѣлоа, сѣминь "невольник, домочадец". Сѣмья представляет собой собир. отсѣмь, подобно братия.

Петербургский профессор В.В. Колесов отмечает, что «в деловом языке Древней Руси (до начала 15 века) слово семья стало уже употребляться и в значении «группа близких родственников (муж, жена, родители, дети)», то есть уже без челяди в её составе. В наше время это слово мы употребляем именно в этом значении.

В русском языке синонимический ряд слова семья представлен следующим образом: Семейство, *семья*, фамилия, дом, род, династия; домашний очаг. Собраться всем домом. Он устроил себе на чужбине теплое гнездышко (свил себе теплое гнездо).

Список литературы:

1. Карданова К.С. Языковая картина мира: мифы и реальность / К.С.Карданова // Русский язык в школе. – 2010. – № 9. – С. 61-65.
2. Голубева И.В. Фрагмент языковой картины мира детей младшего школьного возраста: концептуальное пространство (на материале концепта «вина») / И.В. Голубева, Н.А. Минаева // European Social Science Journal. – 2012. – № 7 (23). – С. 48-52.
3. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира / Е.С.Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
4. Тухарели Н.Л. Имена «вещей» в детской языковой картине мира / Н.Л. Тухарели // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы Межд. конгресса русистов-исследователей. – М., 2001. – С. 316-317.
5. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр./ под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
6. Харузина Ю.В. Родственные отношения в практике научного анализа / Ю.В. Харузина, О.В. Чибисова //Гуманитарные научные исследования. 2015. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.nauka.ru/2015/11/12976> (дата обращения: 12.11.2015).
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.:Азбуковник, 1999. – 944 с.
8. Голубева Е.В. Психологический портрет современного подростка/ Е.В. Голубева // Развитие современных подростков в условиях семейного неблагополучия: монография / Под.ред. О.Н. Истратовой. – Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2015. – С.27-28.
9. Аскольдов С. Концепт и слово. Русская словесность: Антология под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997 г.

СЕМАНТИКА ЧЕРНОГО ЦВЕТА В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Абаева Мадина Кабылкызы
к.ф.н., доцент Каз НПУ им. Абая

Нуртажиева Алия Жорабаевна
магистрант Каз НПУ им. Абая

Аннотация. Статья посвящена семантике цвета черный на материале художественных текстов на русском и казахском языках, имеющих в своем составе цвет, где устанавливаются сходства и различия. При исследовании цветообозначений русских и казахских текстов были отмечены значительные зоны совпадений в картине мира обоих народов. В данной статье рассматриваются слова и фразеологизмы казахского языка и русского языков, связанные с цветом черный, широко используемые в художественных текстах как в положительном, так и отрицательном значениях.

Ключевые слова: семантика, цветообозначение, фразеологические единицы, национальные и культурные особенности.

Түйіндеме. Мақала құрамында ұқсастықтар мен айырмашылықтар белгіленетін түсі бар орыс және қазақ тілдеріндегі көркем мәтіндердің материалында қара түсті семантикаға арналған. Орыс және қазақ мәтіндерінің түс-таңбаларын зерттеу кезінде екі халықтың да әлем картинасында сәйкес келетін елеулі аймақтар белгіленді. Бұл мақалада Қазақ тілі мен орыс тілдерінің қара түсімен байланысты, көркем мәтіндерде оң және теріс мағынада кенінен қолданылатын сөздер мен фразеологизмдер қарастырылады.

Түйінді сөздер: семантика, түс тағайындау, фразеологиялық бірліктер, ұлттық және мәдени ерекшеліктер.

Abstract. The article is devoted to the semantics of black color on the material of literary texts in the Russian and Kazakh languages, which have a color in their composition, where similarities and differences are established. In the study of color meanings of Russian and Kazakh texts, significant areas of coincidence in the picture of the world of both peoples were noted. This article discusses the words and phraseological units of the Kazakh language and Russian languages associated with the color black, widely used in literary texts in both positive and negative meanings.

Key words: semantics, color meanings, phraseological units, national and cultural features.

Многие явления культуры не могут быть поняты без учета значения цвета. «Цвет является одной из констант или одним из принципов культуры, который может служить своеобразной моделью развития, отображающей пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только общих, но и национально окрашенных культурно-значимых концептов» [1, 109].

Цвет выступает одной из основных категорий культуры, «фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностях художественного видения мира» [1, 109]. Цвет становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей, так как он является компонентом культуры и окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований.

Мир дается человеку через богатство форм восприятия, которые, в свою очередь, обеспечиваются способностью различать разные качественные характеристики предметов окружающего мира. Среди воспринимаемых человеком признаков предметов значительное место занимают цветовые. Представители различных научных областей всегда интересовались природой цвета, его свойствами, эстетическим воздействием и т.д. Понятие цвета является одним из центральных в отношении человека и реальности.

Будучи важным фактором жизнедеятельности человека, цвет является частью образа мира во всех компонентах, выделенных А.Н.Леонтьевым в структуре сознания, – и чувственной ткани, и значений, и личностного смысла [2]. Уровень значений цвета далеко не однозначен. Еще в детстве ребенок благодаря органам чувств и опыту начинает не просто воспринимать цвет и другие свойства предметов, но и обозначать эти свойства с помощью языка, усваивая при этом сложившиеся в культурной картине мира способы категоризации явлений, системы значений. «Значение представляет собой отражение действительности независимо от индивидуальных отношений к ней отдельного человека; человек находит уже готовую, исторически сложившуюся систему значений и овладевает ею, так же, как он овладевает орудием, этим материальным носителем значения» [2].

Цвет вызывает у человека не только физиологические и эстетические реакции, но также и интеллектуальную рефлексию: пытаюсь осмыслить действие цвета, человек объективирует его, т. е. для него цвет – это носитель некоторого сообщения, подобно тому, как слово – носитель какого-либо смысла. Так возникает «язык цвета», своего рода знаковая система, к изучению которой применима методология семантики. Исходная проблема семантики цвета – происхождение его значений. Цвет может получать свои значения разнообразными путями: по аналогии с объектами и явлениями, по ассоциации с любыми ощущениями и

эмоциями, по принципу отождествления с абстрактными понятиями, а также непосредственно-чувственным путем.

В национальном сознании казахов, значительное место отводится символике цвета. Система цветообозначений и цветовых символов являются одним из основополагающих кодов в традиционном мировосприятии любого этноса. По мысли А.И. Белова, «Связь цветообозначений с определенными, культурно – закрепленными эмоциональными состояниями и ситуациями позволяют рассматривать цветообозначения как своеобразные концепты «мировидения» [3, 50].

Казахский язык, как и другие тюркские языки, богат фразеологизмами, которые используются в различных стилистических целях в устной и письменной речи. Фразеологизмы были объектом различных исследований, но до сих пор не было выполнено когнитивного исследования познавательной и этнокультурной функций фразеологизмов. Поэтому одной из актуальных проблем является рассмотрение когнитивного и этнокультурного аспектов фразеологизмов с точки зрения взаимосвязи языка и культуры, культурно-познавательных функций языка.

Человек и его особенности познания окружающего мира, мировосприятие народа со сложившейся языковой культурой, его обычаи и традиции наиболее ярко вырисовываются не из отдельных слов, а из фразеологизмов как сокровищницы и хранилища этнокультуры, из их способности сохранить сложившуюся языковую культуру, систему мировосприятия народа. Во фразеологизмах отразилась традиционная система знаний народа – носителя языка о Человеке, Обществе, Природе.

Рассмотрение фразеологизмов с точки зрения познавательной лингвистики требует выхода за границы языкового аспекта и связи с дисциплинами, рассматривающими научные проблемы общих принципов управления ментальными процессами человеческого сознания, в частности с этнолингвистикой, психологией, философией.

Казахский народ воплотил во фразеологизмах священные слова, взгляды, выражающие его миропознание. Он научился кратко и точно выражать свои мысли, экономно и эффективно использовать слова.

Казахское национальное миропознание тесно связано с окружающей средой и природой. В то же время свое миропознание, эстетическое мировоззрение, эмоциональное состояние, понятие о нравственности казахский народ выражал через цвет. Окружающая среда, мироздание, любая вещь материальной культуры, одежда, оборудование или обычаи и традиции, связанные с духовной культурой, воспринимаемые вне цвета, теряют свое культурное содержание. Цветовые наименования, отражающие особенности национального миропознания, четко прослеживаются во фразеологизмах, поэтому фразеологизмы, включающие цветовые понятия, рассматриваются как целостные сложные номинативные понятия, выражающие, наряду с номинативными, и познавательные функции.

Наиболее сложные отношения у казахского народа с белым и черным цветами. Эти понятия вошли глубоко в сознание и язык народа.

Прежде всего цветообозначения белый и черный в познавательном понимании казахского народа применялись для разграничения хорошего и плохого.

Если белый цвет – знак благородных качеств: оправдал материнское молоко – исполнил с честью долг, исполнил заветные желания родителей; то черный цвет – знак негативного, плохого: стал черней земли – пал низко.

Белый цвет до сегодняшнего дня в казахском языке – символ хорошего, позитивного, чистоты, невинности: ақ пейіл (светлая душа), ақ жүрек (доброе сердце), ақ ниет (добрые пожелания), ақ жан (чистая душа); символ радости, благосостояния: ақ түйенің қарны жарылу (благая весть), ақ тілеу (чистые пожелания); символ святости: ананың ақ сүті (материнское молоко), ақ жауып арулау (проводить благословениями); символ красоты, стати: ақ мандай (белолицая, светлолицая), ақ дидар (белолицая, светлолицая); символ родовитости, принадлежности к ханскому, аристократическому роду: ақ сүйек (аристократ), ақ орда (ханская орда), ақ үй (дом правителя), ақ киізге (выбрали правителем); символ почета, признания: ақ сакалды (белобородый аксакал), ақ жаулық (мать), ақ бас (светлая голова).

Черный цвет, символ страдания, казахский народ использовал как для преувеличения плохого, негативного, так и для гиперболизации хорошего, позитивного. По мнению ученого-этнографа Гроссе, для казахов черный цвет – полисемантический [4, 29]. Академик А.Н. Кононов, исследовавший смысл наименований цвета в тюркских языках, особо отмечает, что в данных языках прилагательное черный имеет около двадцати дополнительных переносных значений. В действительности переносных значений у слова черный в тюркских языках значительно больше, а в толковом словаре казахского языка [5, 36-55] слову черный дано девять прямых и переносных значений.

Основное значение слова черный – цвет угля. В этом смысле оно явилось основой зарождения многих фразеологизмов со значением неприятный, бесстыдный, злодей, неблагодарный, бесстыжий и др., со значением проклятия: Чтобы ты захлебнулся кровью! Пусть покарает тебя! Пусть кара спустится на твою голову! и др. Они представляют в современном казахском языке производные переносные значения на основе номинативного смысла слова черный.

У слова черный переносное коннотативное содержание превалирует над его номинативным смыслом. Сочетаясь со многими номинациями со значением вещи, явлений и деятельности, слово черный явилось основой создания символов. Например, черный флаг, черная кочевка, черное намерение, черное сердце и др.

В казахском миропознании в большинстве случаев слово черный связано со смертью, страданиями. Об этом обычае Курбанали Халид в книге «Тауарих хамса» писал: «Казахи после захоронения покойного устанавливают черное. "Черное" значило – привязать к концу длинной пики знак, если покойный был молод – красный, взрослому – белый, среднего возраста – с одной стороны черный, с другой – красный или шили из белой ткани. У казахов при захоронении правителей-ханов устанавливали стяг того же цвета, что был при жизни, у ханов молодые и старые равны, какого бы цвета не был бы стяг, его называли "черный". Черная ночь – знак стяга» [6, 180].

Значение слова черный во фразеологизмах: облачиться в черное, черные помыслы, выражающие страдание, наказание, траур, символизирующие уход в вечность, – определяется как лингвокультурная коннотация.

В казахском языкознании к познавательному характеру фразеологизмов относят национальное видение, сущность этноса в языковом мире, национальное восприятие, народные традиции, сознание, этнические познания. Национальной чертой теории языкопознания (языковой картины мира) считается собрание справок и правил, свидетельствующих о языковой картине мира этническими ценностями [7, 203].

Исходя из данного познавательного характера, у слов, соотносящихся по семантике со словом черный, можно определить следующие значения: цвет, неизвестность, печаль, жестокость, святость, простоту. Эти слова выражают понятийный, познавательный характер значения слова черный, точнее сказать, его знаковую сущность. Следует отметить, что познавательное содержание компонента черный во фразеологических сочетаниях существенно отличается от семантики цвета в составе сложных по компонентам номинаций или в составе топонимических или антропонимических номинаций.

Вместе с тем в казахской фразеологии в качестве антипода к цвету белый употребляется черный цвет, составляя бинарную систему бело-черный. Таким образом, белое – символ дня, черное – символ ночи. В национальном миропонимании все сущее состоит из противоречий, без противоречий немислимо развитие, движение. Это доказанный диалектический закон. Точнее сказать, белое и черное выражают различные языковые понятия, такие как порядочность и непорядочность, честность и подлость, милосердие и жестокость, польза и вред, счастье и несчастье и др.

Таким образом, если жизнь представляет собой единство и борьбу противоположностей, то в казахском восприятии мира это понятие уместается в семантике слов белый – черный.

Но нельзя категорически утверждать, что черное во фразеологических сочетаниях означает только плохое, негативное. В национальном миропознании можно выделить и позитивные стороны черного цвета.

Изначальное значение слова **черный** – цвет, противоположный белому. Это его основное значение. Но это номинативное значение не может быть основой для более поздних коннотативных значений. Например, часто встречающееся в системе тюркской топонимики словосочетание **черная вода** связано не с водой, а с землей. А во всех средневековых тюркских памятниках встречается термин **черный народ**, не связанный с цветом, внешностью народа, а связанный с общественно-социальным положением – простой (низшей ступени) народ. Также известно деление по социальному происхождению: **чернь** (черный народ)

– низшая ступень общества и белая кость

– высшая аристократия, – основано на этих символах.

У номинации **черный цвет** в казахском языке есть символическое значение святости, священности. Это можно наблюдать на примере использования слова **черный** в составе словосочетаний **черный шанырак** (святая семья, дом), **черный казан** (священный очаг). Многие исследователи тюркских языков отмечают употребление слова **черный** и в значениях **большой, хороший, много**. Например, в словосочетаниях **черный кипчак** (букв.) слово **черный** характеризует не внешность кипчаков, а употребляется как перифраза в значении **многочисленный народ, разноплеменной, многоплеменной народ**. В таком же значении употребляется сочетание **черное слово** (букв.) – **длинное** (буквально), то есть **содержательное, глубокое слово**. **Кара шанырак** – **черный шанырак** (букв.) – **большая, святая семья, черная сила** (букв.) – **(большая) сокрушительная сила, черная тяжесть** (букв.) – **очень тяжелая и др.**

В случаях, когда слово **черный** употребляется отдельно, оно может выражать значения **очертание, облик, человек, форма, происхождение, род и др.** Употребляющееся в языке слово **қарашық** (зрачок глаз, **черный глаз**) является производным от слова **қарак**. У М. Кашгари **қарак** – **зрачок глаза, черные глаза**. В связи с этим **қарғам, қарағым** (милая) – не производные слова от названия птицы **қарға** – **ворон**, а связаны с вышеуказанным значением. Полное значение слова **қарғам, (қарағым)** – **милая, милый**.

Такие фразеологические сочетания со словом **черный**, как **черный казан** (букв.), **черный шанырак** (букв.), употребляются в значении **святой, священный**. Фразеологические сочетания, которые употребляются в значении **не омрачать жизнь детей, защищать спокойствие семьи, выражаются понятиями черный казан, жить заботами сына**. В песенном наследии казахов встречаются следующие строки: **Мы выступили против Махамбета, чтобы защитить родной священный очаг и сохранить жизнь детей**. Сочетание **кара казан бай** (обладатель черного казана) содержит информацию о бедняке, который разбогател. Например, **«Жылкыбай – только недавно разбогатевший бедняк (обладатель черного казана), его добродетель распространяется только на тех, кого он побаивается – толстосумов»** (Г. Мустафин).

Результаты семантического развития цветowych слов явилось существование в языке их прямых, переносных, символических значений на разных этапах развития языка.

Каждый поэт, используя общеязыковые значения и отношения слов, создает свою картину мира.

Черный цвет в поэзии М. Макаева употребляется очень часто в значении святости, красоты, как нечто хорошее и позитивное. Например, в стихотворении «(Қара өлең – букв. «Черная поэзия» – древняя разновидность стихотворных произведений, относящихся преимущественно к казахскому народному творчеству».

...Қасиетіңнен, қара өлең, айналайын,
Қазақтың дәл өзіндей қарапайым.

Қаламасаң қамшымды аулақ жүргін.
Қараша үйдің есігін ашпа, ағайын!

Қара өлеңі қазақтың қаза болса,
Қара көзден неге қан ағызбайын.

В стихотворении казахского поэта М. Макаева «Қап-қара, ғажап, сиқырлы...» черный цвет назван 11 раз и 8 раз назван белый цвет.

В сложных, построенных на подтексте произведениях поэтов все окрашено психологическим состоянием героев. Эта психологическая окрашенность воплощается, в частности, и в однотонности цветowych эпитетов, то черных, то белых. Они помогают нам понять внутренний мир и состояние поэтов.

В эмоциональном воздействии цвета большое значение имеет характер цветowych сочетаний. Одни сочетания радостны, другие – унылы, третьи – раздражающи, «кричащи». Это используют не только художники, но и поэты.

«Қап-қара, ғажап, сиқырлы
Қашпандар қара бояудан!
Қандырып уыз-ұйқымды,
Қап-қара түннен оянғам».

Как и живопись, литература использует контрастные цветowe сочетания.

«Қап-қара түнді көрдім де,

1. Жап-жарық таңға кездестім» (М. Макаев). Подобные столкновения темных и светлых тонов в стихотворениях М. Макаева как бы олицетворяют столкновение ночи и дня, тьмы и света, человеческой слабости и человеческой силы, поражения и победы. Необходимо отметить, что в казахском языке есть морфема «қап» в слове «қап – қара» используется для усиления цвета соответствует прилагательному «черный – пречерный» или «глубокий черный», что отсутствует в русском языке.

2. В исследованных текстах ни разу не встретилось значение черного цвета в соотношении с негативным содержанием.

Итак, в казахском языке черный цвет отличается широтой (продуктивностью) употребления и семантическими особенностями. Черный – один из цветов в казахском языке, имеющий множество переносных, условных, символических значений. В тюркских языках цвет часто употребляется в виде устойчивых сочетаний, имеющих отношение к этому слову, они с течением времени обновляются, дополняются. В казахском языке название цвета черный, как и название белый, имеет много значений:

- во-первых, это связано с тем, что он представляет собой превалирующий, выразительный и сложный по природе цвет, который встречается в составе многих цветов;

- во-вторых, этому способствует схожесть с цветообразом многих явлений общественной жизни. Например, вид темных (черных) вещей, неизвестный образ шайтана – злого духа, демона, черные дни скорби-печали, образ бедного люда, вода, текущая по черной скорбной земле, и облик человека, наказанного за злодеяния, черные дела – все это, согласно логике казахов, характеризуется черным цветом.

Черное в казахском мировосприятии может быть не только плохим, но и хорошим. Позитивная семантика черного цвета в казахском языке в виде особенностей познавательной и художественной смыслов определяется следующим образом:

1. Справедливость:

кара кылды қак жару (разрезать посередине черный волос): решить спор по

справедливости.

2. Святость:

Қара өлең, (черная поэзия): простой, мелодичный стих, принадлежащий казахскому народу;

кара сөз (черные слова): мудрые слова;

кара жер (черная земля): святая земля, земля, которая кормит.

3. Хорошее, позитивное:

кара канат болу (стать черным крылом): помочь подняться, утвердиться;

кара күш (черная сила): сокрушительная сила, сила, способная защитить.

4. Красота:

Сүмбіл кара шаш (иссиня-черные волосы);

Мойылдай кара мұрт (прекрасные черные усы);

кара қасы қиылып (черные брови вразлет);

кара көз (черные глаза): красивые глаза;

5. Умиление:

Қарағым (милая, милый);

Қарашығым (милая, милый);

Қара домалағым (милая, милый).

Черный, в русской культуре являясь антагонистом белого, выражает идею абсолютного отказа, как смерти. Так же символизирует ночь, как время темных сил, сна, временного небытия. Наиболее конкретизированной и однозначной символикой черный обладает в значении мрака, земли, смерти, траура.

Определить художественную функцию каждого эпитета, сравнения и т. д. – трудная задача. У каждого поэта средства выразительности художественно многозначны, сложно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Однако нет сомнения, что, многообразно воздействуя на ум и чувства читателя, мастера слова нередко обращаются и к его цветовому зрению.

Для наглядности сравним значения слов с цветообозначениями у поэтов.

Держать в чёрном теле

Не разреши ей спать в постели

При свете утренней звезды,

Держи лентяйку в черном теле

И не снимай с неё узды! (1958г).

В стихотворении Николая Заболоцкого «держать в черном теле» означает сурово, строго обращаться с кем-либо, заставляя много работать; притеснять кого-либо. Это выражение произошло от тюркских выражений, связанных с коневодством, означающих – умеренно питать, недоедать (кара кесек – мясо без жира). Буквальный перевод этих фраз – "черное мясо" (кара – черный, кесек – мясо). От буквального значения выражения и произошло "держать в черном теле".

Таким образом, значение различных цветов, безусловно, влияет на семантику фразеологических единиц. Но это происходит не всегда и не все значения цветов получают отражение во фразеологии казахского и русского языков. Может наблюдаться ситуация, когда в одном языке то или иное значение цвета представлено фразеологическими единицами, а в другом – нет. В других случаях в обоих языках могут быть фразеологизмы с анализируемым компонентом, в которых семантика цвета совпадает со значением.

«Цвет – важнейшая зрительная характеристика – активно представлен в творчестве И.Бродского, что обусловлено ведущей системой представлений поэта – визуальной» [8].

Как воздействует на читателя цветовая одноцветность. В стихотворении И.Бродского «В тот вечер возле нашего огня...» (1962) черный цвет назван 16 раз. И каждый раз один и тот же – черный. Кроме того, в стихотворении упоминаются ночь, тьма, мрак, что также является косвенным указанием на черный цвет, который имеет негативное отношение к черному цвету.

У И. Бродского есть целые стихотворения, построенные на активном использовании черного цвета. Остановимся на некоторых из них: «Снаружи темнеет, верней – синеет, точней – чернеет...» (1993 г.), «Был черный небосвод светлей тех ног...» (1962 г.), «Черные города...» (1963 г.).

«Снаружи темнеет, верней – синеет, точней – чернеет»

«Темнеет, точней – чернеет, вернее – деревенеет»

Происходящее за окном изображено с постепенным накоплением черного цвета. Постепенно же переводя черноту в бесконечность:

«и в итоге – темнеет, верней – ровнеет, точней – длиннеет».

В стихотворении «Был черный небосвод светлей тех ног...» (1962 г.) чернота даже обретает зловещую романтическую красоту. Словно адское видение у костра является чёрный конь.

Он чёрен был, как ночь, как пустота.

Он чёрен был от гривы до хвоста.

Также сказано, что конь чёрен, “как негатив”, ночь «как пустота». Хочется подчеркнуть, что данное произведение является примером, где наиболее употребительными являются слова с основой –черн-. Данные слова активно сочетаются со словами: «ночь», «пустота», «тьень», «мгла» и т.п. Тем самым подчеркивая трагизм происходящего.

В исследованных текстах ни разу не встретилось значение черного цвета в соотношении с позитивным содержанием. Оппозиционирует «черному» в произведениях Бродского чаще всего белый цвет.

«Глаза его белели, как щелчок»

(«Был черный небосвод светлей тех ног...» (1962 г.),)

«Виден беды рельеф,

Где белее еще

Лампочка, перегорев...»

(«Черные города...» (1963 г.).)

В казахских художественных текстах и поэтике цвет очень часто встречается в виде фразеологических сочетаний. В целом фразеологические сочетания, выражающие цвет, используются в казахской традиции в познавательных и стилистических смыслах, потому что цвет является составной частью явлений, встречающихся в природе, и в связи с этим их символическая особенность часто используется для установления отношений.

Нами предпринята попытка небольшого научного исследования семантики цвета в сопоставительном аспекте. Мы попытались на материале казахских и русских художественных текстов раскрыть значимость черного цвета в культуре народа, позволяющих отразить «специфику языкового сознания этноса и самобытность национальной культуры», которые невозможно представить без цветового спектра [9, 1772-1775].

Примечательно, что в культурной традиции как у русского, так и у казахского народа чёрный цвет одежды символизирует траур, смерть, утрату. Однако поэты не используют цветоименование в этом символическом значении. Колоратив "чёрный" не имеет положительных или отрицательных эмоционально-оценочных коннотаций в сочетании с существительными тематического разряда "Одежда человека". Если У И.Бродского чёрный цвет ассоциируется со смертью, с трауром, с негативом, то в поэзии М. Макатаева чёрный цвет употребляется в положительном, позитивном значении.

Список литературы:

1. Жаркынбекова Ш.К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. – Братислава, 1999.
2. Леонтьев А.Н. Психология образа Текст. / А.Н. Леонтьев // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – М., 1979. – № 2. – С. 3-13.
3. Белов А.И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихоллингвистики. Этнопсихоллингвистика. – М., Наука, 1988г.
4. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. – М., 1978.
5. Толковый словарь казахского языка. – Алматы, 1977. – Т. 4.
6. Курбангали, Х. Тауарих хамса / Х. Курбангали. – Алматы, 1999. – 288 с.
7. Оразалиева Э. Когнитивная лингвистика: становление и развитие / Э. Оразалиева. – Алматы: Арыс, 2006. – 312 с.
8. Кривомазов А.Н. Поэт ИОСИФ БРОДСКИЙ и российские читатели: детали, частности, наблюдения. – компьютерная хроника, 1995. – №12. – С. 119-132.
9. Mazhitaeva Sh., Kaskataeva Zh. Lexical and Symbolic Meaning of Some Colors in Kazakh Language // European Resercher. 2012. – Vol. (32), № 10-2. – P. 1772-1775.
10. Цегельник И.Е. Лингвоцветовая картина мира: монохромность в поэтике Иосифа Бродского [Текст] / И.Е. Цегельник // Концептуальные проблемы литературы: / художественная когнитивность: Материалы Международной научной конференции (22 ноября 2005 г.). – Ростов н/Д: РГПУ, 2006.
11. Цегельник И.Е. Бело-чёрный мир Иосифа Бродского [Текст] И.Е.Цегельник // Словесность: традиции и современность. – Ростов н/Д: РГПУ, 2006.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ РУССКИХ И МЕСТО РУССКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

*Абдрахманова Анель Жомартовна
магистрант КазНПУ им. Абая*

Аннотация. В данной статье рассматриваются теоретико-методологические основы изучения сознания, психолингвистическая и социолингвистическая дескрипция языкового сознания, сопоставительный анализ языкового сознания русского этноса, место, занимаемое в обществе и степень выраженности языковых сознаний у представителей разных этносов, проживающих в Республике Казахстан.

Ключевые слова: Языковое сознание, этнос, менталитет, черты национальности, язык межнационального общения.

Түйіндеме. Бұл мақалада сананы зерттеудің теориялық-әдіснамалық негіздері, тілдік сананың психолингвистикалық және элеуметтік-лингвистикалық дескриптациясы, орыс этносының тілдік санасының салыстырмалы талдауы, қоғамдағы орны және Қазақстан Республикасында тұратын түрлі этностар өкілдерінің тілдік санасының көрініс беру дәрежесі қарастырылады.

Түйінді сөздер: тілдік сана, этнос, менталитет, ұлт белгілері, ұлтаралық қатынас тілі.

Abstract. This article discusses the theoretical and methodological foundations of the study of consciousness, psycholinguistic and sociolinguistic description of linguistic consciousness, comparative analysis of the linguistic consciousness of the Russian ethnic group, the place occupied in society and the degree of expression of linguistic consciousness among representatives of different ethnic groups living in the Republic of Kazakhstan.

Key words: Language consciousness, ethnos, mentality, features of nationality, language of interethnic communication.

Этническое самосознание, возникая и развиваясь вместе с самой этнической общностью, проходит различные исторические стадии, проявляется с различной степенью интенсивности – от слабоосознанной принадлежности к своему этносу, перекрываемой чувством принадлежности к другим группам (религиозным, территориальным и т.д.) до сильно развитого патриотического чувства, связывающего воедино личную судьбу и судьбу этноса (нации), подчиняющего личные интересы и саму жизнь индивида интересам этнического (национального) целого.

Исследования разных культурных общностей через сравнение их образа мира особенно важно в настоящее время, когда расширяющиеся межэтнические контакты обнажают различия в сопоставляемых культурах.

Русский менталитет, как ядро национального самосознания, представляет совокупность различных психологических свойств и качеств, присущих русскому этносу, проявляющимся в конкретном виде в форме этнического поведения как способе реализации этнического стереотипа на индивидуально – личностном уровне. Система ценностных ориентаций, представления о традициях, обычаях, запретах, о языковом коде, заложенном в структуре менталитета, есть «социально-детерминированный тип программирования поведения» [1, 17].

Национальный менталитет русского народа сформировался в иных природно-географических условиях (Юго-Восточная Европа). На формирование его повлияли основное занятие – род деятельности русского населения – земледелие, а также внутренняя структура этноса, способствовавшая появлению особого стереотипа поведения, присущего русскому человеку, норм отношений между коллективом и индивидом этнических и этических норм, воспринимаемых в данном этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития.

Русский менталитет или русское языковое сознание выражены в национальной форме, свойственной для русского мировоззрения. В нем проявляются противоречивые черты, присущие русской национальности. По словам В.В.Воробьева [2], русский менталитет представляет собой совокупность противоречивых черт, уживающихся в его структуре: с одной стороны высокое самопожертвование во имя общих целей, с другой – деспотичность власти. Бескорыстная любовь к родине сочетается с неуважением к его историческому прошлому. Долготерпение, граничащее с самоотречением, и склонность к разгулу, эсхатологически – мессианская религиозность и внешнее благочестие, коллективизм – вот черты, освещающие самобытность менталитета русских.

В русской натуре есть большая доля пассивности, а наряду с нею есть что-то необузданное, какой-то дух, ломающий все преграды. Менталитет русских подвижен, меняется в течение тысячелетий, как менялись общественно – политические структуры России, но доминирующие концепты, отложенные в его сознании, сохранялись всегда. К ним относятся: общинность, соборность, православная вера, православие, самодержавие, народность, коллективизм.

По мысли Н. Бердяева, Н. Лосского, И. Ильина первоосновой русского национального характера является обусловленность его психологическими мировоззренческими представлениями, смыслом, верой [3]. Н.Бердяев считает исходным положение о том, что парадоксальность и крайность составляют то главное свойство, которое является стержнем национального характера. Именно в этой особенности национального самосознания и следует видеть объяснение его силы, динамизма, открытости и толерантности» [4, 108]. Однако в национальном массовом сознании русских, сохранивших черты кризисного менталитета, все еще

имеется ряд модальных ценностей, которые препятствуют саморазрушению. Такими ценностями, являются по мысли З.В. Сикевича, следующие: эгалитаризм, патернализм и этатизм [5, 147].

Эгалитаризм – это неприятие социальной стратификации, предпочтению «равенства в бедности – неравенству в богатстве». В массовом сознании русских продолжает удерживаться представление о несправедности богатства «от трудов праведных – не наживешь палат каменных».

Ценность равенства – ядро русской советской самоидентификации, ориентированной на коллективизм (православную соборность, крестьянскую общину; трудовой коллектив), суть которого выражена в пословице «с миру по нитке – голому рубаха», в отторжении индивидуализма. Коллективизм предполагает усредненность, информативность, маргинальность всего индивидуального. Коллективизм был взлелеян советской педагогикой, нацеленной на формирование членов общества (вспомним труды А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского).

Коллективизм и равенство – это пересекающиеся понятия. Равенство воплощает для нынешних россиян потерянный рай, «когда все были вместе в счастье и в горе», людей объединяло братство, чувство локтя. Размежевание людей по уровню доходов, социальная стратификация общества не может восприниматься носителем советского менталитета как нечто чужеродное и несправедливое по традиционной шкале ценностей.

Понятию коллективизм предстает соборность, составляющими которой являются понятия «бескорыстной любви», «добра и совести», «любви и свободы» – духовное ядро традиции русской культуры. «Живя, мы соборуемся, – писал П.А. Флоренский, – сами с собою – в пространстве и времени, как целостный механизм собираемся воедино из отдельных взаимоисключающих – по закону тождества – элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр.» [6].

Соборность – вовсе не «соборность элементов», а та целостность, которая определяет специфику русского менталитета. По поводу соборности Бердяев Н.А. пишет следующее: «Это есть таинственная жизнь Духа. Мы в соборности не есть коллектив. Коллективизм не соборность, а сборность. Он носит механический рациональный характер» [7, 109].

Итак, в менталитете русских уживается с одной стороны, понятия равенства, с другой стороны – соборность – антирационалистичность, основывающиеся на интуиции и состоящие в религиозно- эмоциональном толковании жизни [8].

Патернализм – это проявление отеческой заботы со стороны государства по отношению к рядовым гражданам, выступающим в роли «детей» и оценивающих государство «отца» по выполнению им родительских функций.

По данным исследований, патернализм выражен в менталитете россиян еще более зримо, чем эгалитаризм. Почти 88 процентов опрошенных полагают, что уровень материального благополучия людей зависит от властей, а не от собственных усилий. Люди уверены в том, что государство проявит заботу о них, что их «не оставят без куска хлеба».

Российский авторитаризм (царская власть) основывался на том, что государь и «око государево» и «надежда», принимая на себя попечение о благе подопечных, взамен требовал жесткого беспрекословного подчинения интересам государства. Подобные отношения выразились и в языке, и в социальной практике: с одной стороны «царь – батюшка» или «царица – матушка», с другой стороны – миллионы «маленьких людей», «ходоков за правдой», простаивающих у парадных подъездов в надежде на «отеческую справедливость»

Этатизм – державность. Ценностное отношение к государству, обеспечиваемому национальную консолидацию. Показателями модальности державной установки русских являются ценностные представления о прошлом, гордость победами прошлых лет. На вопрос «какие события в национальной истории лично у вас вызывают чувство гордости? А какие – чувство стыда?», большинство русских и казахов – респондентов ответило, что Великая Отечественная война и победа в ней вызывают чувство гордости (71% – русских и казахов), Отечественная война с Наполеоном (20% – русских), Анкаракайская битва (12% – казахов); чувство стыда вызывают преклонение перед всем западным (русские и казахи – 15, %); присоединение Казахстана к России (гордость – 12%, чувство стыда – 30% казахов).

Сторонниками концепции Евразийской школы рассматривают прошлое Восточной Европы с позиций господствующего влияния Востока. Согласно этой точке зрения, Русь рассматривается как Евразия с преобладанием в ней не Европейского, а туранского начала [9, 107].

Большую роль в формировании Евразийского характера менталитета сыграло географическое положение России – на стыке Европы и Азии. Философская концепция Евразийства, которое выразил в стихах А.Блок (Скифы мы, да, Азиаты мы, с раскосыми и жадными очами) основана на двойственности природы народа и государства в равной мере и европейского и азиатского.

Л.Н. Гумилев [10, 112], говоря об Евразии, имеет в виду не только континент, но и суперэтнос с тем же названием. По его концепции, Россия стала наследницей в равной степени и Византии (третий Рим) и Тюркского Каганата, и Монгольского улуса, а ей традиционно противостоит – на Западе – Европа, на Востоке – Китай, на Юге – исламский мир. Разнообразие ландшафта Европы повлияло и на этногенез ее народов. Русские осваивали поймы рек, финно-угры – водораздельные пространства, тюрки и монголы – степи, а палеоазиаты – тундру. Именно

поэтому, по мысли ученого, при разнообразии географических условий для народов Евразии, объединение оказалось не только естественным, но и выгодным процессом.

На протяжении тысячелетий истории своего развития Русь то приближалась к Европе (Древняя Русь, Петровская Русь, Россия 80-х годов), то отдалялась то нее (татаро-монгольское нашествие, советский период). Порубежное состояние России отразилось и на ее языке. Именно в русском языке большинство слов составляют тюркизмы.

Державность в понятии россиян – это нормально устроенное государство с разделением властей и законопослушными гражданами. Державность как «власть твердой руки» (В.В. Путин) видится единственной альтернативой тому хаосу и беспределу, который царит в новом формирующемся государстве. Державность в традиционном для национального самосознания смысле вбирает в себя и другие модальные ценности наших современников: «величие державы предполагает не только мощь и силу направленную вовне», но и отеческую заботу о своих детях, способность обеспечить равенство и социальную справедливость.

Но в настоящее время, отношение к западу меняется, ибо с формированием рыночных отношений и привлечением инвесторов в государстве нового типа, упрочением культурно-торговых, научно-деловых связей с ним, начинает формироваться положительное отношение к западному образу жизни, развиваются модальные ценности, распространенные в менталитете иностранцев, такие как «деловое отношение», педантизм, аккуратность, точность.

Этапизм и восприятие Запада (на настоящем этапе) также составляют противоречивые признаки ментальности россиян.

О подвижности русского менталитета свидетельствует также изменчивость черт национального характера. Так, в прошлом и в настоящем основные черты национального характера не совсем совпадают. Сравним черты национального характера в прошлом и настоящем: а) положительные (человеколюбие, доблесть, гуманизм, незлобивость, отзывчивость, жертвенность, сила, отвага); б) отрицательные (лень, пьянство, пустые мечты, мотовство, подобострастие). В настоящее время оцениваемые как положительные: мудрость, отвага, терпение, удаль, жалостливость, лукавость; оцениваемые как отрицательные: лень, расхлябанность, «валяние дурака», пустые мечты, пьянство, подражание Западу, необязательность, расточительность [11, 375-376].

Вся история России – это борьба взаимоисключающих противоположностей, заложенных в коллективное самовыражение не только необъятным пространством, но и евразийским характером культурно-исторической почвы. По мысли английского исследователя М.Беринга, «в русском человеке сочетаются Петр Великий, князь Мышкин и Хлестаков» [79]. А российский философ В.Н.Сагатовский предлагает в

качестве портрета россиян четырех братьев Карамазовых: «бескорыстие любви Алеши, неудержимость эмоционального порыва Дмитрия, до конца идущая рефлексия Ивана, подлая маргинальность Смердякова» – все это, по его мнению, сочетается в русском народе [12, 169].

По мысли Н. Ильина, противоречия сочетаются в русском характере с возможностями, возникающими при решении этих противоречий; ср.: «Доселе он колеблется между слабыхарактерностью и высшим героизмом. Столетиями строили его монастырь и армия, государственная служба и семья. И когда удавалось им их дело, то возникали дивные, величавые образы: русские подвижники, русские бессеребренники, претворяющие свой долг в великую преданность, а закон – в систему героических поступков, и в них «свобода» и дисциплина становились живым единством» [13, 5].

Русские достоинства и недостатки отмечены также Н.О. Лосским, который подчеркнул, что «гостеприимство и мягкость, любовь к детям, женственность, ловкость, любовь к пассивным удовольствиям, доброжелательность, гуманность, жалость к страдающим, широта природы и щедрость парадоксально соотносятся в народной душе с экстремизмом, максимализмом, требованием всего или ничего, невыработанностью характера, отсутствием дисциплины, дерзким испытанием ценностей, анархизмом, чрезмерностью критики» [14, 353].

Русский язык принадлежит к восточнославянской подгруппе славянской группы индоевропейской семьи языков. Русский язык – язык русской нации и средства межнационального общения многих народов, живущих в СНГ и других государствах, входивших в состав СССР. Русский язык является одним из официальных и рабочих языков ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций; входит в число «мировых языков».

В конце XX в. в мире в той или иной мере владеют русским языком свыше 250 миллионов человек. Основная масса говорящих на русском языке проживает в России (143, 7 млн., по данным Всесоюзной переписи населения 1989) и в других государствах (88, 8 млн.), входящих в состав СССР. По тем же данным, русский язык назвали родным 163,5 млн. человек, живших в СССР (при переписи 1970 – 141,8 млн., при переписи 1979 – 153, 5 млн.), из них 144, 8 млн. русских и 18,7 млн. представителей других национальностей. Кроме того, 69 млн. чел. заявили, что они свободно владеют русским в качестве второго языка (в 1970-41, 9 млн. чел., в 1979 – 61, 3 млн. чел.) [15].

В соответствии с Конституцией РФ (1993) русский язык является государственным языком РФ на всей территории. Одновременно русский язык является государственным языком или официальным языком ряда республик, входящих в РФ, наряду с языком коренного населения этих республик.

Как государственный язык РФ русский язык активно функционирует во всех сферах общественной жизни, имеющих всероссийскую значимость. На русском языке работают центральные государственные учреждения РФ, осуществляется официальное общение между субъектами Федерации, а также в армии, издаются центральные российские газеты и журналы. Он активно функционирует во всех сферах общественной жизни, имеющих всероссийскую значимость.

Русский язык преподается во всех школах и высших учебных заведениях России (в республиках, входящих в ее состав, – наряду с родным языком), а также во многих учебных заведениях государств СНГ и других стран. Преподавание на русском языке ведется в большинстве школ и вузов России и во многих учебных заведениях государств СНГ [15, 437-439]. Численность русского этноса, как и других этносов, проживающих в Казахстане значительно сократилась в 1994-1997 годы в связи с ростом миграционных процессов, протекавших в направлении «Казахстан Россия, страны СНГ, Запад». В 1997 году удельный вес русских из-за естественной убыли, а также отрицательного сальдо внешней миграции снизился с 38 до 32 % (Аргументы и факты, 06.1997, № 24). В настоящее время удельный вес русского этноса в Республике Казахстан составляет 30 %. 3). Дисперсный характер проживания русских в Республике. Русский этнос проживает сегодня практически во всех регионах Казахстана, а в Астане, Костанайской, Акмолинской, Северо-Казахстанской, Павлодарской, Западно-Казахстанской, Актюбинской, Карагандинской они составляют этническое большинство, например, в Костанайской области насчитывается: казахов – 30,9 %, русских – 42,3 %. [16].

Как отмечает Б. Хасанулы: «В связи с функциональным принципом формирования лингвистического поля в РК, которое закреплено Конституцией Республики Казахстан и нашло отражение в Законе «О языках в Республике Казахстан», представляется целесообразно осуществление языкового строительства по трем направлениям на основе дифференцированного подхода: 1) расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного языка; 2) сохранение общекультурных функций русского языка; 3) развитие других языков народов Казахстана [16].

Дифференцированность подхода оправдана различием задач, которые стоят перед каждой из функционально-лингвистических групп. Вектор развития казахского языка определяется необходимостью реализации его государственного статуса; генеральным направлением деятельности по обеспечению функционирования русского языка является сохранение за ним функций языка, официально употребляемого наравне с казахским в государственных организациях и органах местного самоуправления.

Известно, социальные функции казахского и русского языка дифференцированы юридически, во-первых, Конституцией Республики Казахстан, Законом Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан», Государственной программой функционирования и развития языков на 2001-2010 годы. Юридическое регулирование общественных функций языков не совпадает с их живым функционированием.

Русский язык в Казахстане отличается от русского языка в России. «Русский язык в Казахстане – социально-историческая категория, которая обозначает язык, функционирующий во внутринациональном и межнациональном общении в стране, официально употребляемый «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским», выступающий в двух формах: устной и письменной».

Наряду с казахским он используется и в отношении Казахстана с зарубежными странами и организациями, поэтому он является «надгосударственным языком» для Казахстана.

Далее Б. Хасанулы продолжает, «русский язык функционирует в условиях языкового суверенитета Казахстана изолированно от основной этнической массы, под непосредственной заботой русской общественности и русскоязычной части населения Казахстана. Русский язык в Казахстане – не локальный вариант русского языка, стоящий за пределами нормы, а своеобразная его литературная норма, развиваемая в условиях языкового суверенитета Казахстана. Основная масса русского населения нашей страны говорит на литературном языке, на местах – и на диалектах. Однако ни один диалект в регионах Казахстана не является универсальным средством общения. В отличие от россиян казахстанским русским не характерно городское просторечие. Основным средством русскоязычного общения является литературная форма языка» [16].

Русский язык во многих вузах Казахстана является средством приобретения специальности «Русский язык и литература». В среднем ежегодно по специальности «Русский язык» защищают по одной докторской диссертации. Однако у нас нет Ученого совета по защите докторских диссертаций по специальности «Русская литература».

Русский язык в Казахстане де-факто является распространенным средством межнационального общения и средством общения нерусских в собственно национальной среде – наряду с их родными языками. Одно из доказательств этому: 75 % казахского населения Казахстана свободно владеет русским языком (1999).

Функционирование русского языка в иноэтнической среде поддерживается школьным и вузовским русскоязычным обучением и теми, кто получил образование на русском языке, а также семьями госслужащих. Поэтому двуязычие с русским языком имеет тенденцию развития.

Если взять в масштабе СНГ, то русский язык, по Великой традиции, служит (официально/неофициально) средством межнационального обще-

ния многих народов, живущих в СНГ и других государствах, входивших в состав СССР. Русский язык является одним из официальных и рабочих языков ООН, ЮНЕСКО и других международных языков; входит в т.ч. клуб «мировых языков».

В соответствии с Конституции Российской Федерации, русский язык является государственным языком на всей ее территории. Одновременно русский язык является государственным или официальным языком ряда республик, входящих в РФ, наряду с языком коренного населения.

Одноязычие в странах СНГ процесс вполне распространенный в прошлом и в настоящем. Это объясняется бывшей языковой ориентацией, широко распространенных в бывших союзных республиках. Былая языковая ориентация и мощный фактор многоязычия способствуют этой традиции. Пример тому языковая жизнь русских в Казахстане. Как и прежде, они остаются наиболее одноязычным населением, если не сказать единственным. Все они (их в Казахстане 4479620 человек), почти 100%, владеют языком своей национальности (4479527 человек, всего 93 казахстанских русских не владеет языком коренной национальности), 14,9% русских – государственным языком, 0,9% – английским, 0,4% – немецким. Сегодня третья часть русских (1 322 270 человек) изучает государственный язык. В целом, у казахстанских русских заметный сдвиг в овладении государственным языком» [16, 203-218].

Список литературы:

1. Брозович Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод // Вопросы языкознания. 1967. № 1. – С. 67-74.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы. – М.: РУДН. 1997. – 331 с.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера национального языка как воплощение концептосферы русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1993. № 1. – С. 39-45.
4. Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. – М., 1990. – 251 с.
5. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений: учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А. 1999. – 203 с
6. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. – М., 1992. – 167 с.
7. Мырзахметов М. Қазак қалай орыстандырылды. – Алматы: Атамұра – Қазақстан. 1993. – 89 с.
8. Алексеев А.Н., Владыкин В.А., Дудченко В.С. Некоторые проблемы контент-анализа массовой коммуникации // Проблемы контента анализа в социологии. – Новосибирск. 1970. – С.23-29.
9. Русские (этносоциологические очерки) – М.: Наука, 1992. – 464 с.

10. Baring M. The Russian people. – 1911.
11. Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? – СПб., 1994. – 152 с.
12. Ильин И.А. О России. – М.: Наука. 1991. – 194 с.
13. Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра. – М., 1992. – С. 65-72.
14. Русский язык. – М.: Большая Российская Энциклопедия. 2003. – 704 с.
15. Калентьева Т.Л. Исследование языкового сознания в контексте деятельностного подхода / Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 30 мая-2 июня 2006 г. / Редактор Е.Ф. Тарасов. – Калуга: Эйдос. – 366 с.
16. Хасанулы Б. Дифференциация общественных функций русского и казахского языков в Республике Казахстан и изучение российского опыта развития государственного языка – социальный заказ многоязычного казахстанского социума // Межкультурная коммуникация и актуальные проблемы казахской, русской филологии. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Году России в Казахстане и 60-летию Казахского государственного женского педагогического института. (г. Алматы, 29-30 октября 2004 года). – КазГосЖенПИ. – Т. 1. – Алматы, 2004. – 904 с.

ДИНАМИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

***Шакир Жарас Бердыбекұлы**
магистрант КазНПУ им. Абая*

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются фразеологические единицы со значением «высокий» с точки зрения динамичности их употребления в русском языке.

Ключевые слова: фразеологизмы, словарь, мотивирующие признаки, образы сравнения.

Түйіндеме. Осы мақалада қазіргі заманғы орыс тілінде «ұзын» мағынасында қолданылатын фразеологиялық бірліктердің динамикалық сипатының түрғысы қарастырылған.

Түйін сөздер: фразеологиялық бірліктер, сөздік, ынталандыру белгілері, салыстыру бейнесі.

Abstract. In this article, we consider phraseological units with the meaning “high” in terms of the dynamic nature of their use in the Russian language.

Key words: phraseological units, dictionary, motivating signs, images of comparison.

Учеными давно замечено, что фразеологический образ актуален до тех пор, пока осознается соответствие между прямым и переносным значением сочетания, а актуальность прямого значения самым тесным образом связана с тем, насколько важны для носителей языка, насколько актуально значимы отражаемые в ней представления.

Общеизвестно, что язык представляет собой сложную динамическую систему, находящуюся в постоянном развитии. Ярким доказательством социальной обусловленности языка и динамического характера его развития служит появление в языке новых слов, значений слов и целостных выражений, что «отражает изменения в бесконечно разнообразном мире вещей и явлений, общественную детальность человека, работу человеческого сознания, результаты бесконечно познавательного процесса» [1, 3-12].

Факт обогащения языка новыми единицами, как следствие его динамичности традиционно связывается с лексическими единицами, о фразеологических единицах, как правило, почти не упоминается.

До определенного момента это было оправданным в силу того, что фразеология как отдельная наука выделилась сравнительно недавно (50-е гг. XX в.). И на первых порах основное внимание фразеологов было направлено на решение методологических и теоретических вопросов. Очевидно по этой причине «долгое время исследовательская мысль не выходила за рамки небольшого круга старых, освещенных давней традицией фразеологизмов», что невольно создавало «представление о фразеологии как о чем-то окаменевшем, прекратившем свое развитие» [2, 82]. Между тем можно констатировать что обогащение языка фразеологическими единицами различного типа отмечалось еще в первые десятилетия XX века, т.е. значительно раньше того момента, когда фразеология выделилась в самостоятельную науку. Главной причиной этих лингвистических процессов ученые в тот момент считали социальный сдвиг огромного значения.

Появление новой языковой единицы может иметь как экстралингвистическую, так и интралингвистическую обусловленность. Для обогащения фразеологического состава новыми единицами не характерна экстралингвистическая обусловленность, если под этим понимается

обогащение языка единицами, обозначающими новые реалии в связи с развитием науки, техники т.п. Если же рассматривать процесс общения как один из важных экстралингвистических факторов, то в таком случае он играет важную роль в появлении новых фразеологических единиц, так как именно в процессе общения возникает стремление наиболее ярко передать мысль. Таким образом, уже сама коммуникативная необходимость стимулирует появление новых фразеологических знаков. Но необходимо все же отметить, что новые фразеологические единицы, являясь обусловленными внутриязыковыми процессами (имеется в виду интралингвистическая детерминированность пополнения фразеологического состава), в то же время являются и обусловленными «внешним стимулом».

На наш взгляд, в фразеологии наблюдается тот же процесс (характеризующий динамический характер ее развития), что и в лексикологии, который может быть представлен следующим образом: «... автономные процессы, происходящие внутри лексической подсистемы языка и направленные на совершенствование системы обозначений, в конечном счете опосредованы внешним стимулом, в частности актуализацией каких-либо общественных явлений, понятий. Последнее приводит в действие языковой механизм, стремящийся дать уже известному понятию удобное для данного состояния языковой системы обозначения... Таким образом, внешние стимулы как бы «оформляют» внутриязыковые факторы [3, 45].

Как в лексике выходят из употребления слова, обозначающие уже не существующие в реальной действительности предметы и явления, так и во фразеологии устаревают ФЕ, содержащие отжившие представления. Но фразеология специфична в том плане, что утрата реалии, вызвавшей к жизни фразеологический образ, не всегда ведет к исчезновению ФЕ.

Двойственная семантика ФЕ создает возможность функционирования ее после исчезновения исходного образца только в переносном значении, что связано со спецификой функции ФЕ в языке.

Архаичное слово в составе ФЕ не обязательно является показателем архаичности самой ФЕ. Подтверждением этого служат ФЕ «коломенская верста». Длинный как «столб», активно функционирующие в современном языке несмотря на то, что слова «верста» не сохранились в лексической системе языка и план прямого значения этих ФЕ находится в забвении.

Именно ФЕ обладают способностью сохранять в своей структуре «элементы старого качества языка», что было показано Р. Н. Поповым, выявившим около тысячи ФЕ в современном русском языке с архаичными значениями и формами слов. [4, 199].

Но вместе с тем процессы устаревания ФЕ неизбежны. И, изучая ФЕ со значением «высокий», находящиеся в век технического процесса в общем уже в утраченном состоянии или определенном образом, видоизмененным в ряде профессий, нельзя обойти вниманием функционирование этих единиц в современном языке.

Как показал изложенный ранее материал, устаревание ФЕ не связано в первую очередь с особенностями ее лексического состава. Здесь, по-видимому, сложный комплекс факторов лексического, семантического, стилистического, социального и иного свойства.

Б.А. Ларин по данному поводу высказался так: «Большинство фразеологических сочетаний носит печать своей эпохи и социальной среды, а потому в ходе столетий они утрачивают широкую применимость, начинают вызывать отрицательные характеристики и потускневшие представления, и тогда свойственный им привкус «пылы веков» заставляет избегать их; выводит их из активного фонда языка, если они не подвергаются обновляющему преобразованию в произведении какого-нибудь мастера слова» [5, 103].

Анализ устаревших ФЕ, как отраженных сегодня в словарях, так и отсутствующих, позволяет наметить некоторые тенденции в процессах перехода ФЕ со значением «высокий», в пассивный запас языка и дальнейшей их утраты.

Рассмотрим сначала устаревшие ФЕ со значением «высокий», в которых тем не менее отражаются понятные современным носителям языка представления, например, ФЕ "коломенская верста".

Размышляя над причинами устаревания подобных ФЕ со значением «высокий», надо, по видимому, принять во внимание тот факт, что отражаемые названными ФЕ представления, хотя и понятны сегодня, но не соотносятся уже с определенными процессами производственного характера, типичными для профессиональных групп, вследствие чего ассоциативная связь между прямым и переносным значением ФЕ не является актуальной, стабильной в общественном сознании. Например, ФЕ "коломенская верста" а последние не имеют тех условий, которые вызывали, скажем, ассоциацию «занятие-говорение». Внутренняя форма таких ФЕ, не осознаваемая как образ, функционирующий в сознании широких масс, уводит ФЕ на периферию употребления, она постепенно забывается, тогда как в целом словарное значение словосочетания, лежащего в ее основе, понятно.

Вопрос о способах образования фразеологических единиц остается одним из наименее разработанных в фразеологии. Необходимо отметить также и существующий разноречивый в определении способов фразеобразования. Как отмечает В.М. Мокиенко, здесь «постоянно смешиваются лингвистические и экстралингвистические критерии, а также факторы разного порядка» [6, 134].

Наиболее полный перечень способов образования ФЕ мы находим у Е.Л. Архангельского. К их числу автор относит: троп свободных словосочетаний или предложений, «отслоение» крылатых выражений из художественной литературы и устного народного творчества, фразеологическую интеръективацию, синтаксическую специализацию, семанти-

ческое фразеобразование (т.е. расщепление фразеологических единиц на омонимы), алогизмы, фразеологическую тавтологию, аналогию и фразеологическое моделирование, фразеологическую деривацию и др. [7, 3].

Представляется, что в этой обширной классификации также наблюдается смешение путей («отслоение» фразеологизмов из художественной литературы и произведений устного народного творчества) и способов фразеобразования (троп, семантическое фразеобразования и т. п.).

Некоторые из исследователей в качестве основного способа фразеобразования склонны считать моделирование и таким образом рассматривать образование ФЕ как процесс, осуществляемый по определенному (исчисляемому) количеству моделей [8, 65]. Большинство же фразеологов называют основными способами образования ФЕ метафорические и метонимические переносы (Б.А. Ларин, В.В. Виноградов, В.П. Жуков, Л.Я. Костючук, В.М. Мокиенко и др.).

Другими словами, в тех случаях, когда ФЕ, отражающие в целом понятные современному человеку представления, устаревают, причину этого видеть в социальной неактуальности внутренней формы. Язык сохраняет чаще всего то, что имеет личностный смысл. Например, перебиваться с хлеба на квас со значением «жить кое – как, бедствовать», сформированные на базе жизненно важных для человека понятий, в то время как ФЕ с пюговки на петельку перебиваться, имеющая такое же значение, перешла в пассивный запас.

Иное дело, когда ФЕ отражает представления, не существующие в реальной действительности, например: «... эдакая *«коломенская верста»* в широкополой шляпе и эффектном красном костюме, облегающем ее роскошные выпуклости». Во ФЕ подобного рода обычно присутствуют архаичные компоненты. Устаревшие в этом случае проходит согласно логике выхода из языка единиц, обозначающие не существующие в действительности реалии.

ФЕ может устареть, если утрачено, то значение ее компонента в качестве единицы лексической системы, которое формировало внутреннюю форму. Это положение можно отнести к ФЕ «Держался он прямо, как *коломенская верста*, носил небольшие бачки и закрученные кверху усы, шею повязывал черным платком, а в одном ухе висела у него серебряная серьга». Значение слова «верста» сегодня осталось только в словарях. По – видимому, этот факт сыграл свою роль в устаревании названных ФЕ. Сюда можно отнести и эллиптический характер перечисленных ФЕ, усиливающий отрыв от внутренней формы. Показательно, что ФЕ, на базе которой они образованы, а именно *«верста»* (старая мера длины) не функционирует в современном языке.

Замечен и такой факт. Переходит в пассивный запас часть ФЕ из ряда имеющих одну и ту же структуру, однотипные образы, различающиеся частными деталями, и общее фразеологическое значение.

Сравним ФЕ в таких рядах:

Таблица 1 – Фразеологические единицы

Устаревшие ФЕ	Функционирующие ФЕ
высокий как «коломенская верста»	высокий как «жираф»

ФЕ может устареть в том случае и в том случае, если свойственное ей значение способно передаваться словом языка (обычно в переносном значении), входящим во ФЕ в качестве компонента.

В современную эпоху происходит неофразеологизация. Она направляется новыми тенденциями в осмысленными реалий, появляющимися ярко выраженными моделями. Кроме того, происходит трансформация фразеологизмов.

Таким образом, изменение фразеологических системы и активность ФЕ происходит по трем основным направлениям: перемещение в пассивный словарь приращение фразеологического словаря за счет афоризмов и новообразований, метафорических переносов.

Список литературы:

1. Котелова Н.З. Предисловие. – В кн.: Новые слова и значения. Словарь – справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. – М., 1984. – С. 3-12.
2. Бурмистрович Ю.Я. К проблеме фразеологических неологизмов. – В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1972. – С. 82-88.
3. Волков С.С., Сенько Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития. – В кн.: Новые слова и словари новых слов. – Л., 1983. – С. 43-47.
4. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. – М., 1976. – 199 с.
5. Ларин Б.А. О народной фразеологии// Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – С. 149-162.
6. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М., 1980. – 134 с.
7. Гаврин С.Г. Проблема фразеологического моделирования. – В кн.: Проблемы образования фразеологических единиц. – Тула, 1976. – С.58-75.
8. Бурмистрович Ю.Я. Образование фразеологизмов как ономазиологический процесс, осуществляемый по модели. – Воронеж, 1982.

МЕТОФОРА ВОЙНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Айткен Нурсултан

магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Метафора традиционно изучается в курсах риторики и стилистики как элемент художественного украшения речи. Кроме того, с середины XX столетия, когда наука перешла на антропологическую парадигму, метафору активно рассматривают как важную когнитивную составляющую мыслительного процесса и как неотъемлемый языковой феномен. Создание метафоры представляет собой исключительную способность естественного человеческого языка, в чём заключается отличие от любого искусственного языка. Феномен метафоры рассматривается как базис когнитивных процессов и всего знания о мире. В статье раскрывается на основе методов лингвистического анализа и описания национально-культурную специфику метафоры в политическом дискурсе и её функцию как инструмента формирования языковой картины мира.

Ключевые слова: политический дискурс, военная метафора, метафорическая модель, коммуникативная стратегия.

Түйіндеме. Метафор дәстүрлі түрде риторика және стилистика курстарында сөйлеудің көркемдік безендіру элементі ретінде зерттеледі. Сонымен қатар, XX ғасырдың ортасынан бастап, ғылымның антропологикалық парадигмаға ауысқан кезде, метафора ойлау процесінің маңызды танымдық компоненті және тұтас лингвистикалық құбылыс ретінде қаралды. Метафор жасау – бұл табиғи тілдің ерекше қасиеті, кез келген жасанды тілден айырмашылығы. Метафор феномені когнитивтік үдерістердің негізі және әлем туралы барлық білімдердің негізі ретінде қарастырылады. Мақалада лингвистикалық талдау әдістерінің негізінде және саяси дискурста метафораның ұлттық-мәдени ерекшелігін сипаттау және оның әлемнің тілдік бейнесін қалыптастыру құралы ретінде оның функциясы көрсетілген.

Түйінді сөздер: саяси дискурс, әскери метафора, метафоралық моделі, коммуникативтік стратегия.

Abstract. Metaphor is traditionally studied in courses in rhetoric and stylistics as an element of the artistic embellishment of speech. In addition, since the mid-twentieth century, when science has moved in the anthropological paradigm, the metaphor actively considering how important cognitive components of thinking process and as an essential linguistic phenomenon. Creating metaphors is an exceptional natural capacity of human language, what is the difference from any artificial language. The phenomenon of metaphor is regarded as the basis of cognitive processes and of all knowledge about the

world. In the article based on the methods of linguistic analysis and description of national-cultural, specificity of metaphor in political discourse and its function as a tool of formation of the language picture of the world.

Key words: political discourse, the military metaphor, metaphoric model, communication strategy.

Современные подходы к изучению метафоры включают в себя ее рассмотрение как художественного устройства, с одной стороны, и как проявление асимметрии языкового знака в познавательном процессе – с другой, что способствует целостному и всестороннему пониманию метафоры.

Метафора играет важную роль в формировании языковой картины мира, поскольку она является неотъемлемым и необходимым лингвистическим феноменом. Лингвистическая картина мира, хотя и не быстро, со временем меняется, и одним из ярких примеров динамизма языковой картины мира является создание новых значений с помощью метафоры. Языковая картина мира делится на варианты (научная, профессиональная и бытовая / наивная картина мира). И, в свою очередь, в пределах этих параметров, в зависимости от сферы применения, может быть много вариантов.

Язык политики проявляется во время политического общения – процесса общения между политическими деятелями [1, 31]. Коммуникация играет центральную роль в политике из-за специфики ее задач завоевания и удержания власти – и эти цели могут быть достигнуты только посредством политического общения.

Политическое общение осуществляется на разных уровнях, начиная с устных заявлений простых людей на социальные и политические темы, политических дискуссий о структуре общества и государства, газетных статей политических обозревателей, новостных программ о мировых событиях и комментариев к ним, заканчивая с официальными выступлениями глав государств и правовыми документами, описывающими отношения между мировыми державами или закладывающими основы внешней политики государств. Целями политического общения являются информирование получателя по вопросам политики, выражение авторской точки зрения, влияние на адресата, формирование позиции, необходимой автору/заказчику, побуждение их предпринять необходимые действия. В качестве одного из средств достижения этих целей авторы используют метафору, которая, будучи не только художественным и стилистическим средством, но и глубоким познавательным процессом, позволяет адресату кодировать необходимую информацию с помощью метафоры, и адресат расшифровывает его, опираясь на знание источника метафоры и исходя из объема метафоры цели.

Метафора в политической коммуникации изучалась с середины 20-го века, и интерес к ней постоянно возрастал. Появление теории концептуальной метафоры, а также методов дискурсивного анализа способствовало росту такого интереса к метафоре.

Политическое общение происходит в рамках политического дискурса. При изучении политического дискурса важную роль играет анализ сопутствующих экстралингвистических факторов, в том числе мнений, установок, целей отправителя и получателя, их познаний в мире по отношению к политике, текущей политической ситуации и т.д.

Существует много толкований термина «дискурс». Если с точки зрения Н.Д. Арутюновой дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» [2, 137], то для Т.А. Ван Дейка дискурс представляет собой сложное единство языковой формы, значения и действия, что соответствует понятию «коммуникативное событие» [3, 46]. Кроме того, «дискурс – это тематически определенный текст, задуманный и предполагаемый как целостный и завершённый, но рассматриваемый в ситуации общения, в которой он разворачивается» [4, 9]. Текст как таковой отличается от дискурса тем, что текст является чисто лингвистическим понятием как высшей единицей синтаксиса, а дискурс носит лингвистический и социальный характер, представляя «предмет изучения лингвокультурологии, социолингвистики, политической лингвистики» [1, 41].

Соответственно, политический дискурс – это все множество текстов, созданных в языковом социальном пространстве политического общения. При изучении метафор в политическом дискурсе исследователи обращаются к различным видам политических текстов и вместе с ними рассматривают многие сопутствующие экстралингвистические факторы, такие как мнения, отношения, цели адресата и адресата, их знания о мире по отношению к политике и многие другие языковые социальные факторы.

В рамках когнитивной теории метафоры [5] считается, что в любой метафоре есть когнитивная структура источника и когнитивная структура цели. В терминологии, предложенной А.Н. Барановым [6, 31], это зона отправления функции отображения и зона прибытия. Согласно гипотезе инвариантности, Дж. Лакоффа, метафоризация происходит из-за того, что некоторые значения источника метафоры отображаются на области его цели и повторяются в ней. Такое выравнивание значений целевой области в соответствии со структурой источника называется метафорической проекцией.

Метафоричность и метафоризация также «запускают» механизм действия рефлексивного характера как при производстве, так и при получении текста. Для удобства составления метафорических словарей и автоматического поиска А.Н. Баранов вводит понятие «парадигматическая модель метафорической проекции» [6, 35], который понимается как упорядоченная комбинация значимых (из исходной области) и

денотативных (из целевой области) дескрипторов. Метафорические модели (М-модели) будут «тематически связанными полями значимых дескрипторов» [6, 38]. Метафора определенного дискурса объединяет не только набор метафор, относящихся к нему, но и набор метафорических моделей, типичных для этого типа дискурса. Типичные метафорические модели образуют «дискурсивные практики». Такие М-модели важны для изучения метафор того или иного типа дискурса. Таким образом, метафорическая модель является областью источника метафоры или, другими словами, областью вылета функции отражения метафоры.

Метафора является важным источником нового значения. В политической коммуникации, то есть в политической коммуникации субъектов политической деятельности, коммуникаторы активно используют возможности метафоры для воздействия на адресата. Поскольку вся политическая деятельность подчинена принципу борьбы за власть, функция эмоционального воздействия на реципиента, в том числе посредством метафоры, оказывается чрезвычайно важной. Метафора в политическом общении имеет две основные функции: информационную, то есть функцию моделирования реальности, и выразительную, то есть функцию эмоционального воздействия [7, 150-161].

Соответственно метафоры делятся на «стёртые» (или «мертвые») и «живые» [8, 42]. Так называемые «стертые» метафоры представляют собой устоявшиеся, знакомые, стереотипные выражения, которые обычно не воспринимаются получателями как метафоры и используются авторами с целью ознакомления получателя с определенной информацией, такие метафоры имеют смысл с точки зрения взгляд адресата только функция понимания. Напротив, «живые» метафоры являются ярким образным выражением, в котором метафорический перенос из исходной области в целевую область может быть четко прослежен в сознании реципиента через четкое изображение источника метафоры и легко выводится из его метафорического значения образа целевой метафоры обогащается новыми значениями и производит сильный эмоциональный эффект. «Живые» метафоры имеют не только функцию понимания, но и распознавание их как структур с высоким эмоциональным «зарядом» и воздействием на реципиента. В связи с понятием «стертая» метафора представляется необходимым говорить о стереотипах в понимании языка и их связи с метафорой.

Концептуальные метафоры, глубоко укоренившиеся в сознании носителя уникальных культурных структур и лежащие в основе его системы представлений о мире, фактически представляют стереотипы человека, «навязанного» ему устоявшимися метафорами. Стереотипы являются необходимым элементом развития общества, становясь одной из предпосылок сохранения культурной преемственности. Стереотипирование является необходимой умственной операцией в процессе понимания

реальности, и в этом смысле стереотип близок к термину «стертая» метафора. Одним из конкретных выражений стереотипов является использование переносимых значений слов типа «собачья жизнь» [9, 77]. Подобные выражения могут быть использованы метафорически и в текстах политического дискурса для достижения автором определенного влияния на адресата.

Политическая коммуникация и политический дискурс изучает политическую лингвистику, которая является разделом лингвистики, который занимается вопросами использования языка в политических целях. По мнению Е.Ю. Алешиной можно считать политическую лингвистику, с одной стороны, сформировавшейся отдельной лингвистической тенденцией, а с другой стороны, этот термин может обозначать изучение политической коммуникации [10, 11].

Современные исследователи рассматривают политическую лингвистику как часть прикладной лингвистики, но подчеркивают специфические особенности политического языка. Отличительными чертами политического языка являются:

- смысловая неопределенность (обобщённость);
- фантомность (отсутствие реального денотата);
- эзотеричность (иносказательность, понятная избранным);
- театральность (расчет на производимый эффект, стремление убедить собеседника с помощью красочных языковых средств) [1, 20].

Языковая политика проявляется во время политического общения – процесса общения участников политической деятельности [1, 31]. Коммуникация играет центральную роль в политике в силу характера ее задачи по достижению и поддержанию власти – и достичь этих целей можно только посредством межличностного общения. При изучении политического дискурса исследователи обращаются к разным видам политических текстов и вместе с ними рассматривают многие связанные с ними лингвистические факторы, такие как мнения, отношения, цели отправителя и получателя, свои знания о мире по отношению к политике, и так далее.

Одним из быстроразвивающихся направлений политической лингвистики считается сравнительный дискурсивный анализ политических метафор. Е.В. Будаев в статье «Сравнительный дискурсивный анализ политических метафор» выделяет четыре типа сравнительного анализа политических метафор из более тысячи исследований, которые он анализировал. Это этнокультурное, социальное, мультимодальное и диахроническое сравнение [11, 35].

Одним из способов изучения характеристик политического дискурса является рассмотрение использования метафор в политической коммуникации. Как отмечает А.П. Чудинов, говоря о политическом

дискурсе в целом и политической метафоре в частности, интересно изучить особенности отдельных политиков, составить их «речевые портреты», определить взаимосвязи между харизмой политика с точки зрения о реципиентах и речевых особенностях его политических высказываний. Чтобы влиять на слушателей, политические деятели используют «речевые маски», используя различные речевые приемы, тактики и стратегии [1, 25].

Например, с помощью контент-анализа было доказано, что во время кризисов число метафорических употреблений увеличивается, а степень их агрессивности возрастает [1, 25]. В число современных исследователей политического дискурса, активно использующих метод контент-анализа, входят такие ученые, как В. Бенуа, А. Харткок, В. МакХейл, Л. Бразеаль, В. Уэллс, А. Клюковски, П. Пир и другие. Дискурс политологии, выполненный с использованием контент-анализа, предназначен для определения с помощью статистики количественных и качественных характеристик использования в политическом дискурсе определенных языковых явлений (например, политических метафор), различной тактики критики, защиты, похвалы и стили выступающих перед аудиторией. Например, в результате исследования голландского политического дискурса был сделан вывод о том, что во время политических и экономических кризисов число политических метафор в политическом дискурсе значительно увеличилось. Кроме того, исследования показали, что политики, придерживающиеся радикальных взглядов, чаще используют метафорические образы в речи. Отмечается (Указ. Там же.) То, что в условиях кризисов, предстоящих выборов, форс-мажорных ситуаций и других событий, несущих высокий эмоциональный уровень, степень агрессивности речи политиков в целом возрастает, а использование агрессивных метафор в речи политиков также возрастает. [1, 25] Речевая агрессивность подразумевает использование угроз, оскорблений, клеветы, лжи, а также ругательств и нецензурных слов.

Рассмотрение использования метафоры в политической коммуникации является одним из способов изучения характеристик политического дискурса. Важную роль играет метафора в политическом дискурсе, изучение которого проводят многие отечественные ученые, такие как А.Н.Баранов и Ю.Н. Караулов, А.П. Чудинов, Е.Ю. Алёшина, Э.В. Будаев, П.И. Болдаков, Н.В. Бугакова, Е.В. Дзюба, М.В. Ларионова, Т.Г. Попова и другие исследователи.

В конце XX века сформировался когнитивно-дискурсивный подход к изучению политических метафор, в котором психологические и лингвистические социальные аспекты создания и использования метафор в речи попадают в центр внимания исследователей. Так, Д. Дэвидсон сравнивает познавательный процесс понимания значения метафоры с творческим толкованием снов, поскольку «понимание (как и создание)

метафоры является результатом творческих усилий» [12, 173]. Кроме того, метафора должна быть изучена в соответствии с эффектом, производимым на слушателя. В то же время Д. Дэвидсон считает, что нет смысла пытаться истолковать содержание метафоры: это абсолютно невозможно, потому что метафора воспринимается слушателем как неверная, ложная информация, то есть как ошибка связи [12, 173].

По данным исследований, А.Н. Баранов и Ю. Караулов, модель персонификации – самая распространенная из всех метафорических моделей политического языка. [8, 45] Объяснение этому факту легко найти, обратившись к теории антропоцентрической парадигмы в научных исследованиях. В конце двадцатого века наука перешла к антропоцентрическим векторным исследованиям, что в целом означает, что человек является мерой всех вещей. Человек судит обо всем происходящем в мире, отдавая собственное понимание и чувства ведущей роли в новых знаниях.

Как известно, метафора – это новое знание со знакомым и интуитивное со старым. Наиболее близкими к человеку являются его личные чувства, и, используя метафорическую модель персонификации или олицетворения, он описывает явления, которые не связаны напрямую с человеческим телом, но приобретают некоторые его черты, свойства, характеристики. Таким образом, абстрактные явления приобретают человеческие характеристики, становятся ближе и легче для понимания. Обращаясь к знакомым вещам для описания сложных понятий, человек преодолевает хитрое подозрение во всем новом и неизвестном, потому что это новинка с, в частности, метафорическими переносами, является хорошо знакомыми функциями и, следовательно, не несет в себе угрозы и доступна для обучения.

Примеры метафорической модели персонификации великого множества независимо от языка, а также способность метафорического мышления является важнейшей когнитивной функцией и частью психической деятельности человека. По большей части люди не чувствуют влияния эмоционального воздействия метафоры, сформированной на модель персонификации, поскольку такие метафоры в основном «стираются», они только выполняют функцию моделирования реальности и не распознаются адресатом как метафоры. из-за их частого использования в речи [7, 150-161].

В новостном отрывке радиостанции Би-Би-Си за 02 октября 2016 года речь идет о юридических последствиях, вызванных решением большинства жителей Великобритании на референдуме в июне 2016 года о выходе из состава Евросоюза. Рассмотрим некоторые метафорические модели, использованные автором в этом отрывке.

– «Премьер-министр Великобритании Тереза Мэй начнет процедуру выхода Соединенного Королевства из Евросоюза не позднее конца марта 20 17 года» [13].

– «Министр транспорта Великобритании Крис Грейлинг, ранее занимавший пост министра юстиции и выступавший за выход Великобритании из ЕС, заявил, что при окончательном выходе из Евросоюза в законодательстве Соединенного Королевства произойдут эволюционные, а не революционные изменения. Он привел в пример закон о социальных пособиях, выплачиваемых детям вне территории Великобритании, от которых можно отказаться, в то время как некоторые нормы по защите окружающей среды можно оставить без изменений» [13].

В данном отрывке модель персонификации реализуется в метафоре «Великобритания покидает ЕС», где страны действуют как люди, которые намерены расстаться друг с другом. Великобритания выступает активным действующим субъектом: она «покидает/оставляет/бросает/уходит» от Евросоюза. Метафора «развода» в приведённом выше примере логически связана с таким пониманием отношений между двумя сторонами.

Далее видим метафору «законодательство, которое может быть пересмотрено», в которой метафорической моделью-источником можно назвать «артефакт», причём осуществлен переход от существительного «кусок, обрывок» к глаголу «удалить, отменить», и в целом метафора понимается как «отказаться от закона».

Можно отметить, что в политическом дискурсе, как и в других типах дискурса, используются разные типы метафор. Чаще всего в политических контекстах был выбран метафорический модели исходной области, относящейся к большой категории онтологических метафор. Использование в политической коммуникации метафор, направленных на реализацию эмоционального воздействия на адресата с целью получения и удержания власти («живая» метафора), а также функционирует как констатация факта в случае использования так называемых «стёртых» метафор [14, 174].

Таким образом, дискурс является сложным понятием, означающим набор утверждений (текст) наряду с экстралингвистическими факторами, которые вызывают создание этих утверждений. Такие факторы могут включать мотивацию, оценку, отношения, мнения как отправителей и получателей. По образному определению Н.Д. Арутюновой, дискурс представляет собой «речь, погруженную в жизнь» [2, 136-137], и в связи с этим при изучении дискурса рассматриваются современных речевые произведения. Древние тексты не изучают с помощью дискурсивного анализа. В отличие от речи, «дискурс включает в себя систему, он обладает свойством целостности, имеет внутреннюю организацию, форму, применяет понятие вида, жанра и стиля» [15, 20].

Под политическим дискурсом понимают класс жанров, ограниченных социальной сферой, а именно политикой. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, выступления политиков – те жанры, которые относятся к сфере политики [16].

Множество интересных метафор развивается в газетных и журналистских текстах о действиях политиков. Это может быть вызвано сильной эмоциональной реакцией авторов на них. Чтобы политика могла быть как позитивной, так и негативной, но этот факт не исключает создания ярких метафор, описывающих общественного деятеля, – главное, что эта политика вызывает сильные эмоции, стимулирующие активную познавательную деятельность, ведущую к формированию нового значения. И эти новые характеристики очень часто получают путем метафорических сдвигов.

Так, например, имя Дональда Трампа, неожиданно для многих одержавшего победу на выборах президента США в 2016 году, связано с рядом метких выражений, в основе которых лежит метафора [17, 248]. Это такие определения Д. Трампа как «антипригарный» Трамп, «пуленепробиваемый» Трамп, в которых с помощью метафорического переосмысления автор передает мысль о том, что Дональду Трампу не страшны скандалы и сложности, они не могут причинить ему никакого вреда, ведь несмотря ни на что он стал Президентом США. Отношение Д. Трампа к своим недоброжелателям характеризуется через метафору «чума на их дома» / «будь они прокляты». Имеется в виду ситуация, когда во время предвыборной кампании от Д. Трампа отвернулись даже некоторые республиканцы, его товарищи по политической партии, – он не придавал этому большого значения и продолжил свой путь к победе. В цитируемом комментарии также содержится большое количество метафор, образованных по модели «Политика – это война». Так, метафоры войны в тексте статьи встречаются в следующих предложениях:

– «Он выстроил трон из черепов своих основных оппонентов из республиканской партии».

– «Он справился с ними всеми (буквально «побил их всех»)».

– «Однако, никто лучше него не смог понять протестные настроения общества и «ухватиться» за них, что и позволило ему завоевать Белый дом».

– «Кампания Д. Трампа волной обрушилась туда, куда было необходимо. И удар был мощным».

– «Эти выборы, совершенно точно являющиеся самыми неординарными выборами в истории США, стали народным восстанием против господствующих правящих кругов».

Приведённые метафоры поясняют идею автора о том, что предвыборная кампания в США была схожа с боевыми действиями, и победителем в них стал Дональд Трамп. Метафора войны в политическом дискурсе встречается весьма часто. Это так называемая концептуальная [5, 25-27], то есть общеизвестная и общепринятая метафора.

Употребление в политической коммуникации метафор направлено на осуществление эмоционального воздействия на адресата с целью получения и удержания власти («живые» метафоры), а также на моделирование действительности (констатация факта) в случае использования т. н. «стёртых» метафор.

В рамках политического дискурса возникают характерные, относительно устойчивые модели метафоризации, обладающие национально-культурной спецификой. Национально-культурная специфика метафорической модели создаётся главным образом за счёт тематического источника метафоры.

Список литературы:

1. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 256 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. I – XV, 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Дейк Т.А., ванн. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Блох М.Я. Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. – 2013. – № 1. – С. 5–10.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. (George Lakoff and Mark Johnson. *Metaphors We Live By*. The University of Chicago Press, Chicago and London) / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
6. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. (*Studia Philologica*) – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
7. Алексеев К.И. Функции метафоры в политической речи // Познание. Общество. Развитие. / Ред. и сост. Д. В. Ушаков. – М.: Ин-т психологии РАН, 1996. – С. 150-161.
8. Баранов А.Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: «Помовский и партнёры», 1994. – 333 с.
9. Бартмицкий Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: [пер. с польского]. – М.: Индрик, 2005. – 512 с.
10. Алёшина Е.Ю. Политический дискурс: к вопросу о понимании и определении. Журнал «Профессиональное образование и общество». – М.: Изд-во Колледж современных технологий им. Героя Советского Союза М.Ф. Панова, 2014. – С. 11-17.
11. Будаев Э.В. Сопоставительный дискурс-анализ политических метафор. Материалы Международной научной конференции «Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления». Главный редактор А.П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2014. – С. 35–37.

12. Дэвидсон Д. Что означают метафоры. Перевод с английского М.А.Дмитровской // Теория метафоры. М., Прогресс, 1990. – С. 173–194.
13. PM to trigger Brexit by end of March // информерагентство Би-Би-Си. 02.10.2016 // URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-37532364>
14. Уразова Е.А. Особенности использования метафоры в политическом дискурсе / Е.А. Уразова // Общество, язык, культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке: Мат-лы Одиннадцатой Международной конференции (Москва, Московская международная академия, 25 ноября 2016г.). – Вестник ММА. – Москва, 2017 г. – С. 170-176.
15. Уразова Е.А. Метафора в репрезентации публицистической картины мира / Е.А. Уразова // Наука. Образование. Культура: Вклад молодых исследователей: Мат-лы IV Международной научной конференции (Новочеркасск, ФГБОУ «ЮРГПУ (НПИ) имени М.И. Платова», 24 апреля 2018 г.) – Новочеркасск, 2018а. – С. 19-24.
16. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. Под ред. Кожиной М.Н. [Электронный ресурс]. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с. // URL: http://onlineslovari.com/stilisticheskij_entsiklopedicheskij_slovar/page/janryi_publitsisticheskogo_stilya.33
17. Уразова Е.А. Репрезентация метафоры в выступлениях политических деятелей / Е.А. Уразова // Военно-гуманитарный альманах: лингвистика: Мат-лы XII Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации (29 июня 2018 г.). – Т. 1. – М: Военный университет, 2018 г. – С. 241-251.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВАРИАТИВНОСТИ СЛОВА

Абаева Мадина Кабылкызы
к.ф.н., доцент КазНПУ им. Абая

Бакир Сымбат
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. В данной статье анализируются различные общетеоретические проблемы вариативности слова. Главной целью исследования является определение основных теоретических понятий вариативности.

Вариативность языковых форм существовала в каждом языке всегда в той или иной степени. Для каждого современного литературного языка характерны не только определенная степень константности в использовании различных языковых средств, но и некоторый набор вариантов, проявляющихся наиболее полно в процессе функционирования языка. В связи с этой особенностью и возникает причина заинтересованности лингвистов в исследовании вариантности на всех уровнях языковой системы.

Ключевые слова: вариантность, вариативные нормы, классификации формальных вариантов, проблемы вариативности, вариативность языковых структур.

Түйіндеме. Бұл мақалада сөздің әртүрлі теориялық мәселелері талқыланады. Зерттеудің негізгі мақсаты вариацияның негізгі теориялық тұжырымдамаларын анықтау болып табылады.

Лингвистикалық нысандардың өзгермелілігі кез-келген тілде әрқашан бір деңгейде болды. Әрбір заманауи әдеби тіл әртүрлі лингвистикалық құралдарды пайдалануда белгілі бір дәрежеде тұрақтылықпен емес, сондай-ақ тілдің жұмыс істеу процесінде өзін толық көрсететін опциялардың белгілі бір жиынтығымен сипатталады. Осы ерекшеліктерге байланысты тілдік жүйенің барлық деңгейлеріндегі өзгерістерді зерделеуге қызығушылық туады.

Түйінді сөздер: өзгермелілігі, ауыспалы нормалар, ресми нұсқалардың жіктелуі, ауыспалы мәселелер, тілдік құрылымдардың өзгермелілігі.

Abstract. This article analyzes various general theoretical problems of word variation. The main objective of the study is to determine the basic theoretical concepts of variation.

The variability of linguistic forms always existed in every language to one degree or another. Each modern literary language is characterized not only by a certain degree of constancy in the use of various linguistic means, but also by a certain set of options that manifest themselves most fully in the process of language functioning. In connection with this feature, a reason arises for the interest of linguists in the study of variation at all levels of the language system.

Key words: variability, variable norms, classifications of formal variants, problems of variability, variability of language structures.

Если одна группа ученых понимает вариантность более в узком смысле (на понятийном уровне), изучает варианты слова как способы бытности их существования и как функционирования последнего в синхронии этих вариаций меж собой. Другая же дает свое понимание о вариантности максимально развернуто. Относительно развития языковой среды, ученые предлагают рассмотреть варианты разных проявлений

языковых единиц (последних как вариаций). Эта же группа подразумевает применение всех сопутствующих языкознанию инструментов для определения аналогичных или одних и тех же проявлений.

«Широкая общезначимость, не знакомая с закономерностями развития языка и его сложной внутренней структурой, часто требует «искоренения» вариантности, показа в словарях лишь одного способа выражения определенного содержания. Как отмечал К. С. Горбачевич, языковеды призывают устранить колебания, стандартизировать язык, так сказать, декретом сверху» [1].

Главная задача в исследовании вариантности слова заключается в создании общей классификации формальных вариантов слова. Среди ученых, занимающихся проблемами изучения развития языка, отсутствует единое мнение о законах и принципах того, как строится классификация. Причиной является тот фактор, что понятие *вариант слова* уже изначально таит в своей внутренней смысловой природе – интерпретации разного толка и происхождения. Основа расхождения взглядов ученых заключается в том, что разного рода понимание и принятие различий между вариациями слова являются, в отношении определенной языковой единицы, совместимыми, а при рассмотрении других единиц могут и не совпадать. Отсутствие определенности статуса орфографических вариантов служит помехой в разработке единой классификации единиц, так как единицы то включаются в орфографические вариации при систематизации формальных вариантов, то исключаются за пределы данной классификации.

Ярким примером подобной неурядицы очевидно может послужить категориальное свойство при формировании однокоренных слов. К примеру: «нормализовать – нормализировать, абрикосный – абрикосовый и др.». Некоторые ученые подобные формообразования включают в группу вариантов, определяя их словообразовательными вариантами (к примеру, О.С. Ахманова, С.Н. Бережан и пр.). Другая группа лингвистов относит их к однокоренным синонимам как различные слова, состоящие в синонимии (Н.М. Шанский, Ф.П. Филин и пр.) [2].

На фоне такого разнобоя, в языковедческой среде представляется общеустановленной и применимой классификация, соотносящая внешние различия вариантов. Применительно к элементу, создающему вариативность, значится четыре основных вида формальных вариантов: фонетические, морфологические, акцентные и фонематические. Пятый дополнительный вид варианта – это графический.

Акцентные варианты определяются в группе вариантов в соответствии выражения фонетического окраса: ударение – это способ определения характерной орфоэпической единицы в составе слова более сложного уровня, таким образом этот способ сам по себе, как феномен, является частью состава слова [3].

Акцентная вариативность – довольно распространенное явление в языке (примерно четыре тысячи пар). Она образует огромный поток моделей (слова, содержащие подобное строение и различающиеся одинаковым видом варьирования), из которых более всего проявляются в действительности на этой стадии эволюции языка, следующие:

а) изменение ударения между первым и последним слогом у двух-трехсложных существительных мужского рода, типа:

бОндАрь, лОжкАрь...
ОбУх, кОжУх...
лОмОть, крЕмЕнь...
дОговОр, прИговОр...
нефтепрОвОд, электропрОвОд...

Большое количество из данных вариантов имеют равные права в аспекте нормы, так как те или иные формы обладают аналогиями:

КремЕнь – ремЕнь, кистЕнь, ячМЕнь
КрЕмень – кАмень, брЕдень, стУдень
ТвОрОг – порОг, пирОг
ЛОмОть – кОготь, нОготь, лОкоть

б) изменение ударения у заимствованных существительных, которое создается при удержании ударения языка – происхождения и наклонность к адаптации, например:

<i>КвАртАл</i>	<i>портАл</i>
<i>КилОмЕтр</i>	<i>децимЕтр</i>
<i>ДисАнсЕр, дебаркАдер</i>	<i>револьвЕр</i>
<i>ДокУмЕнт, апартАмЕнт</i>	
<i>НекрОлОг, катАлОг</i>	

в) изменение ударения у существительных женского рода на -а, -я, типа:

петлЯ – нЕтля; баржА – бАржа; танцОвица – танцовиЦа

г) изменение ударения между греческой и латинской моделью существительных женского рода на -ия:

ИндУстриЯ – индустрИЯ; металлУргия – металлургИЯ

д) изменение ударения между корневой частью и суффиксальной у инфинитива, типа:

абонИровАть, нормИровАть, принУдить

е) изменение ударения у глаголов в виде 2-,3-го лица ед. и мн. числа(в примере ед.ч.) :

ворОтИшь, зарЯдишь; вАлИт, подАрит

ж) изменение ударения у приставочных глаголов прошедшего времени:

нАлИл, ИзбрАл, нОнял

з) изменение ударения у полных прилагательных:

тОждЕственный, хУторскОй

и) изменение ударения у кратких прилагательных:

белЫ – бЕлы, плавнЫ – плАвны

По месту вида изменения все акцентные варианты делятся на:

а) варьирование встречается в разных формообразованиях слова:

И.п. бОндарь – бондАрь

Р.п. бОндаря – бондарЯ

Д.п. бОндарю – бондарЮ

Мн. число бОндари – бондар'

б) варьирование в отдельных формах слова:

И.п. зорА'

Р.п. зОры

Д.п. зорЕ'

В.п. зорУ' – зОру [4].

Фонетические варианты включают фонетические адаптации, характерные выразительному русскому языку, получающие своеобразие ввиду особенностей произношения русской речи.

Фонематические варианты являют собой варьирование, которое сопряжено с процессом потери основных функций фонем в период исторического развития.

Графические варианты выделяются различным рядом графических методов передачи для определенной звуковой единицы.

Единообразная орфографическая структура системы уменьшает динамичность подобных вариантов, и по этой причине, их система работает лишь в индивидуальной письменной речи.

Часто графические варианты представляют собой остаточностью норм орфографии: *пошёл – пошол* [5].

Морфологические варианты являются сопутствующими образованиями, представляющими отличия в морфологической сущности при сходстве значения. Проще говоря, включают различные морфемные модификации единицы в области одной категории грамматики. Как и фонематические варианты, морфологические имеют несовпадения в фонемном составе, вне обусловленности современными фонетическими законами. Однако, в отличие от первых, они соотносятся с регулярными явлениями грамматического порядка, что дает возможность употребления термина «варианты норм». Основную черту морфологического варьирования составляет функциональное отождествление грамматического значения.

При формировании групп морфологических вариантов группобразующими факторами представляются следующие:

А) в условиях какой грамматической категории происходит видоизменение (характер варьирования);

Б) в условиях какой части речи происходят изменения (место варьирования).

Понимание смысловой части морфологической вариантности исследователями языка отличается не только его исходными теоретическими принципами, но и по широте понимания самого происхождения.

Многие лингвисты предпочитают сокращенные интерпретации вариантности, когда варьируемые элементы не представляют каких-либо заметных отличий в отношении диахронии, нормы, стиля, прагматики – подобные варианты свободно взаимозаменяемы или позиционно зависимы. Мы, вслед за Е.Г. Лукашанец, к морфологическим вариантам приписываем категорию вариантов с вариативностью грамматических характеристик: рода, числа, типа склонения [5].

Подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что вариативность языковых единиц, это одна из причин явления избыточности современного русского, в том числе и литературного языка. Она не может быть ни результатом произвольной речевой небрежности, ни произведением разумной и целенаправленной языковой функции, а имеет свое представление объективного и необходимого условия деятельности языка. К. И. Чуковский в своей знаменитой книге «Живой как жизнь» подмечает следующее: «Каждый живой язык, если он и вправду живой, вечно движется, вечно растет. Но одновременно с этим в жизни языка чрезвычайно могущественна и другая тенденция прямо противоположного свойства, столь же важная, столь же полезная. Она заключается в упорном и решительном сопротивлении новшествам, в создании всевозможных плотин и барьеров, которые сильно препятствуют слишком быстрому и беспорядочному обновлению речи» [6].

Основы варьирования заложены в самой системе деятельности языка и проявляются в сочетании и конфронтации двух языковых тенденций – сохранение, устойчивость языка с одной стороны и развитие, активность – с другой. Такое положение до сих пор не нашло в языковой системе единогласия среди лингвистов и, по сути, конкретного определения вариантности слова.

Список литературы:

1. К.С. Горбачевич Вариантность слова и языковая норма: учебное пособие. – Москва, 1978. – 48 с.
2. Немченко В.Н. Вариантность производных слов как особый тип взаимоотношений однокоренных образований в словообразовательном гнезде // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. науч. ст. /отв. ред. А.Н. Тихонов. – Ташкент, 1982. – С. 46-49, 202.
3. Немченко В.Н. Вариантность слова в русском языке: фонематические варианты. – Н.-Новгород, 1992. – 222 с.
4. Немченко В.Н. Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма: учебное пособие. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1998. – 282 с.
5. Норма и статистическое варьирование: межвуз. сб. науч. тр. "Горький: ГГПИ, 1987. – 163 с.
6. Чуковский К.И. «Живой как жизнь». – Москва, 1978. – 24 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ (на материале российских и казахстанских авторов)

Алтынбек Акерке
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. На фоне актуализации вопросов преемственности традиций и самоидентификации народов на постсоветском пространстве в последнее десятилетие XXI века обращение авторов к литературной сказке стало особенно массовым, причем как в российской, так и в казахстанской литературе. В литературной сказке объединены черты народного фольклора и элементы литературных жанров, поэтому в статье рассматриваются особенности современных литературных сказок с учетом традиций поэтики фольклора и новаторства современных писателей.

Ключевые слова: литературная сказка, двоемирие, иномир, современный литературный герой, позиция автора, персонаж, структура сказочного текста.

Түйіндеме. XXI ғасырдың соңғы онжылдыктарында дәстүрлердің сабақтастығы мен өзін-өзі тану мәселелерінің өзекті мәселелері аясында авторлардың әдеби ертегігеуіндеуі ресейлік және қазақстандық әдебиеттерде танымал болды. Әдеби әңгіме фольклордың ерекшеліктерін және әдеби жанрлардың элементтерін біріктіреді, бірақ олардың жасы бірдей емес: халық әңгімесінің пайда болуы алыс өткенге, ал әдеби ертегі – ең жас жанрлардың бірі. Мақалада фольклор мен инновациялардың халық дәстүрлерін ескере отырып қазіргі заманғы әдеби ертегілердің ерекшеліктері талқыланады. Авторлардың пікірі бойынша, бүгінгі күні әдеби ертегі қоғамның өзгеріс қатынасын әдебиетке аударуда.

Түйінді сөздер: әдеби ертегі, екі дүние, сыртқы әлем, қазіргі әдеби кейіпкер, батырлықтың мотиві, поэзияның элементі, автордың позициясы, кейіпкер, құрылымды қалыптастыру біріліктері.

Abstract. Against the background of the actualization of the issues of continuity of traditions and self-identification of the people in the last decade of the twenty-first century, the authors' appeal to a literary tale has become especially popular, both in Russian and in Kazakhstan literature. The literary fairy tale truly incorporates the features of folklore and elements of literary genres, but their age is not the same: the origin of the folk tale goes back to the distant past, while the literary tale is one of the youngest genres.

Key words: literary tale, double world, foreign world, modern literary hero, hero's motive, element of poetics, position of the author, character, structure-forming units.

Литературная сказка отличается от народной наличием определенного автора и представляет собой особый жанр. Определение литературной сказки указывается в “Литературном энциклопедическом словаре”: «Сказка – это повествовательное, обычно народно – поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил” [1, 112].

“Литературная сказка – это повествовательный жанр с волшебнo-фантастическим сюжетом, с персонажами реальными и (или) вымышленными, с действительностью реальной и (или) сказочной, в которой по воле автора поднимаются эстетические, моральные, социальные проблемы всех времен и народов” [1, 167].

Главными чертами литературной сказки являются отражение эстетики и мировоззрения своей эпохи, заимствование сюжетов, образов, стилистики и поэтики у народной сказки, стремление к психологизации персонажей, ярко выраженной позицией автора, его социальной оценкой происходящего и сочетанием вымысла и реальности.

Таким образом, мы видим, что литературная сказка несет нормы поведенческой модели и этические принципы народа и общества в целом через призму авторского видения, которые доступно и иносказательно он доносит до подрастающего поколения.

На фоне актуализации вопросов преемственности традиций и самоидентификации народа в последнее десятилетие XXI века, обращение авторов к литературной сказке стало особенно массовым, причем как в российской, так и в казахстанской литературе.

Нередко литературную сказку почти полностью отождествляют с фольклорной: “При жанровой дифференциации, которая свойственна в одинаковой мере фольклору и литературе, есть некоторые жанры, общие для той и другой разновидности поэтического искусства. Различие зафиксировано терминологически лишь добавлением слова “литературная” [2, 178].

В литературной сказке действительно объединены черты народного фольклора и элементы литературных жанров, однако возраст их неодинаков: происхождение фольклорной сказки уходит корнями в далекое прошлое, в то время как литературная сказка является одним из самых молодых жанров.

Как пишут отечественные ученые, в первой половине XX века впервые к структурному изучению казахских сказок обращаются известный казахский исследователь, доктор филологических наук М.О.Ауэзов, профессора П.А. Фалев и Л.В. Соболев. М.О. Ауэзов и Л.В.Соболев называют сказку наиболее древним жанром.

Мухтар Ауэзов внес весомый научный вклад в изучение соотношения действительности и вымысла в сказках: “В свои рассказы люди не вставляли ничего им незнакомого и вымышленного, наоборот, казалось бы, все, что вошло в сказки в старину, бесспорно, является реальностью. Как и реалии сегодняшних дней, те сказки казались правдивыми событиями. Уже позднее, с возрастом, человек выдает сказку за вымышленное. Это результат интеллектуального развития человечества по сравнению с прежними поколениями. Собираение и детальный разбор многочисленных казахских сказок является нашей ближайшей задачей” [5, с 249]. В то время, как периодом возникновения жанра русской литературной сказки одни исследователи, такие как Т.Г. Леонова, М.Н.Липовецкий, И.П. Лупанова, Л.В. Овчинникова, Р.В. Иезуитова, называют XIX век, другие – Н.В. Новиков, Э.В. Померанцева, считают, что это XVIII век. На основе изучения данных работ мы предлагаем считать периодом становления классической литературной сказки все-таки XIX век.

Как и любое авторское произведение, литературная сказка может принадлежать к одному из трех литературных родов. Различают прозаическую, поэтическую и драматическую художественные конструкции литературной сказки. Ярким представителем прозаической литературной сказки был, например, Г.Х. Андерсен. В этом жанре работали и В.Ф. Одоевский, и А. Линдгрэн, а также многие другие авторы детских и взрослых книг. Прекрасные образцы поэтических сказок оставил А.С. Пушкин. Пример драматической сказки – «Двенадцать месяцев» С.Я. Маршака. Аналогично сюжеты авторских сказок можно разделить на три группы: эпические, лирические и драматические.

Известны случаи, когда автор, написав литературную сказку, на этом не останавливается, развивает свой замысел и создает авторизованный эпос.

В данной статье мы ставим перед собой задачу произвести сравнительный анализ российских и казахстанских авторских сказок Ю.Серебрянского, Е. Айла (Е. Клепикова), Н. Сакавова и др., используя методологию В.Я. Проппа как одну из самых продуктивных, и Е.М.Мелетинского, продолжившего исследования В.Я. Проппа и объединившего выделенные им сказочные функции в крупные структурообразующие единицы.

Монография "Морфология сказки" В.Я. Проппа была издана в 1928 году, и по настоящее время, переведенная на многие языки мира, она является одной из самых популярных книг в мировой фольклористике. Однако в работах В.Я. Проппа и Е.М. Мелетинского рассматриваются в большинстве своем русские и европейские сказки, в то время как исследований восточных, азиатских и, тем более, современных центрально-азиатских сказок не так много [4, 178]. Одним из признаков

сказки В.Я. Пропп называет необычность событий, не соответствующих реальности. Изучение формы волшебной сказки привело В.Я. Проппа к открытию ее типологической структуры. Изучая морфологию сказки, В.Я.Пропп обнаружил, что важнейшим ее компонентом являются действия сказочных персонажей, которые образуют основу развития сюжета. “Особенностью жанра литературной сказки является не только и не столько разработка распространенных в русском фольклоре сюжетов и мотивов, сколько стремление к овладению системой типичных для сказки образов, ее языком и поэтикой” [7, 200]. Пространственно-временная композиция сказки позволила В.Я. Проппу открыть определяющую композиционную однотипность, закон волшебной сказки, т.е. их классификацию “по совершенно четкой композиции, по своим структурным признакам” [4, 235]. Поэтика волшебной сказки обуславливается единством структуры мира, образов героев и языковых средств.

В.Я. Пропп классифицирует жанр волшебной сказки по наличию "Битвы – Победы" или "Трудной задачи – Решение трудной задачи" в ее кульминации.

Проанализируем творчество современных казахстанских авторов и рассмотрим более детально схемы В.Я. Проппа на примере сказок Ю.Серебрянского, Е. Айла (Е. Клепикова) и Н. Сакавова.

В сказках Юрия Серебрянского можно встретить множество аллюзий на национальный колорит и особенности природной зоны Казахстана: большая тубетейка – юрта, королевский арык – река Бутаковка, горящий на солнце орел – флаг Казахстана и другое. Нередко он пользуется таким литературным приемом, как олицетворение: моря-братья Каспий и Балхаш, ожившая гора-великан [8, 78].

Во всех его произведениях, согласно В.Я. Проппу, можно выделить не более трех героев (если группу людей брать обобщенно как одного героя, то это герой, антагонист и иногда ложный герой). По классификации кульминационных моментов сказки Ю. Серебрянского можно отнести к категории “Трудная задача – Решение трудной задачи”. Согласно Е.М. Мелетинскому, они соответствуют типу архаических сказок. Ю. Серебрянский словно представляет нам историю сотворения мира, в частности, Казахстана и в ее национальной версии. Тем не менее, несмотря на наличие антагониста, нельзя полноправно отнести к нему великана, соседнюю деревню, к примеру, поскольку они, все-таки, выступают не как враги непосредственно, а, скорее, делают нечто противоположное в силу обстоятельств и даже не сказать, чтобы преграждали путь герою, скорее, затрудняли, но приводили к новому интересному решению.

Писательница Е. Айла тоже создает сказки-мифы, ее сказки о простых людях и животных, с которыми происходят необычные вещи. По классификации В.Я. Проппа их также можно отнести к категории

“Трудная задача – Решение трудной задачи” (например, серия “Сказки нашего двора”). Е. Айла в своих сказках использует литературный прием антропоморфизма, наделяя человеческими качествами животных, предметы, явления, мифологические создания (воробьи, ворон, кошка Липочка) [10, 110].

По концепции Е.М. Мелетинского, ее сказки попадают в категорию о семейно-гонимых, отданных во власть лесным демонам, так как главные герои сталкиваются с мифическим существом, которого просят решить их проблемы, однако решение оказывается, в итоге, совершенно другое, нежели думали герои. В сказках Е. Айла можно выделить до 4 героев: даритель, герой, помощник, семья героя (т.н. царевна или ее отец).

Изучая структуру произведений Н. Сакаова трудно определить их жанровую принадлежность, поскольку единственным волшебным моментом в них является лишь гиперболизация истории Баки, – «мол, слишком много приключений на одного героя». Согласно классификации Е.М.Мелетинского, данная сказка относится к семейно-гонимым без мифического элемента. В качестве мотива отправления героя выполнять задания в истории берется не семья, а армия.

Если рассматривать цикл по отдельным частям, по составу героев, то в произведениях Н. Сакаова можно выделить четыре персонажа: героя, отправителя, помощника и ложного героя. А по принципу строения сюжета они относятся к категории “Трудная задача – Решение трудной задачи”.

Таким образом, мы можем заметить сходные черты сказок данных казахстанских писателей, несмотря на разные стилистики повествования, сюжет и жанровые особенности. Во-первых, это неполный состав персонажей, если брать как эталон семь персонажей по В.Я. Проппу: герой, ложный герой, антагонист, отправитель, помощник, даритель, царевна или ее отец. Также мы видим, что несмотря на преодолеваемые сложности, наличие антагониста и/или отправителя, в сказках казахстанских авторов не происходит битвы и победы, – все они достаточно лиричны и спокойны, даже если это сказки военной тематики. Можно заметить, что стиль сказочных произведений казахстанских авторов размеренный, повествовательный, лирический, и имеет прозаическую конструкцию, а повествование идет от имени рассказчика в третьем лице.

Чего не скажешь о сказках российских авторов. Для сравнения мы взяли сказки таких современных российских авторов, как П. Бомор, Н.Абрамцева, В. Кротов, М. Мейстер, Ардлен, А. и Е. Малышевы и др., чьи произведения в той или иной степени имеют сходство с казахстанскими сказочными текстами.

Читая сказки П. Бомор, например, “Сказку про шамбамбукли” читатель сразу замечает вставку в произведение современных девайсов, а,

точнее, их характеристик в сюжете создания Вселенной (книга "Creation, Professional Edition", "расширение Вселенной? – 600-800 стандартных единиц", "следить за равномерностью потока" и т. д.), а также просторечных выражений, характерных для народной сказки ("Мышка бежала, хвостиком махнула... И грянул Великий Взрыв!").

Подобно сказочным текстам Ю. Серебрянского, у П. Бомора создан свой миф о сотворении Вселенной, но его стилистика, художественный подход к ее изображению совершенно различны. П. Бомор обращается в своей сказке к комедийному жанру, смешивает современную стилистику с научными терминами и архаизмами, ведет повествование от третьего лица и создает главы-диалоги. Сказка Бомора намного больше по объему, составляет целую книгу, поэтому и не удивительно, что в сюжете, по В.Я.Проппу, встречаются все семь персонажей. А по Е.М. Мелетинскому, сказка соотносится с героической по типу квест, т.к. герой выполняет ряд задач как отправителей, так и те, что появляются по ходу сюжета. По классификации сюжетов она относится к категории "Трудная задача – Решение трудной задачи". Стиль повествования напоминает стиль Терри Пратчетта – такой же юмористичный с отсылками в нашу реальность, но в сказочном ключе.

Для сопоставления со сказочными текстами Е. Айла можно выбрать сказки Абрамцевой. У обеих сказочниц можно наблюдать схожий стиль повествования – рассказчицы акцентируют внимание на чувствах, внутреннем мире своих героев, выводят эмпатийный стиль на передний план, и обе используют антропоморфизм, олицетворение в своих произведениях, а также оставляют некую мини-тайну, которая остается нераскрыта либо героем, либо его окружением (плавание зайца у Абрамцевой, особый гриб у Айла). Однако стилистика Абрамцевой более упрощена: предложения короткие, слова широко известные и доступные для понимания для детей с 7-летнего возраста.

В своих произведениях обе писательницы-сказочницы используют легкую добрую иронию. По типу сюжета их можно отнести к категории "Трудная задача – Решение трудной задачи". Но несмотря на большое количество сходств, сказки Абрамцевой, по Е.М. Мелетинскому, являются сказками без мифических предметов, так как волшебство кроется не в повествовании, а в передаче видения ситуации через призму предметов, растений и животных.

Для сопоставления со сказочными текстами Сакаковой были выбраны тексты сказочников Малышевых. Их объединяет сложность языкового состава, из-за которого их можно причислить даже скорее к рассказам, нежели к сказкам, и принадлежность к типу безмифических сказок, по Е.М. Мелетинскому. Также, что немаловажно, этих авторов объединяет и то, что зачин сказок ознаменовывается как рассказ, услышанный от кого-то третьего, то есть вначале сказке появляется один

герой, но он оказывается ложным, он всего лишь рассказчик, а главный герой словно спрятан за двумя фигурами – писателя и рассказчика. Однако, в отличие от сказок Сакаковой, в сказках Малышевых представлены сказки от первого лица, словно объединяя писателя и рассказчика в одно лицо.

Таким образом, можно сделать вывод, что если ранее народные сказки отличались сюжетами на основе постоянной борьбы добра и зла, испытаний героя ради того, чтобы заслужить признание царевны, и часто встречающимися на пути героя волшебными предметами, то в современном сказочном творчестве эти элементы поэтики совсем необязательны. Литературные сказки обходятся без волшебных предметов, которые не требуются сегодня для преодоления препятствий (прохождения инициации) и самореализации героев. И не важно, от чьего лица ведется повествование, главное заключается в том, как сам герой оценивает себя в конце сказочного текста. Либо, как в сказках Айла, читатель слышит напутствие автора, что волшебство, может, и осуществит то, чего ты просишь, но действительно ли оно тебе надобно, быть может, лучше обойтись без него?

Список литературы:

1. Литературный энциклопедический словарь. // Под общ. ред. В.М.Кожевникова и П.А. Николаева. – М., 1996. – С. 100-253.
2. Бахтина В.А. Литературная сказка в научном осмыслении последнего двадцатилетия 19 в. – Уфа, 1979. – С. 166-189.
3. Сафронова Л.В., Жанысбекова Э.Т. Мифологические образы и мотивы в современной казахстанской литературной сказке (на материале цикла сказок Л. Калаус из сборника «Пиньята») // Ауэзов М.О. и духовное возрождение нации. Материалы международного научного симпозиума, посвященного 120-летию со дня рождения М.О. Ауэзова., 2018. – С. 247-254.
4. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. – М., ИВЛ. 1958. – С. 264.
5. Фалев П. А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий. – Ташкент, 1922.
6. Пропп В. Я. Морфология сказки. – М.: Наука, 1969.
7. Серебрянский Ю. Казахские сказки. – Алматы, 2017.
8. Калаус Л. Пиньята. – Алматы, 2015 г.
9. Айла Е., Сакаова Н. Сказки для взрослых. – Алматы, 2013.

СТРУКТУРА СЮЖЕТА СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗОК

Алтынбек Акерке
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Пристальный интерес исследователей к проблемам духовности, народности, национального менталитета обуславливает необходимость осмысления культурных ценностей народов в их историческом аспекте, раскрытия богатейших сокровищниц национального искусства. Литературная сказка – актуальный и востребованный жанр в современном литературном процессе. Отследить причины популярности и механизмы функционирования данного жанра в современном литературном процессе представляется нам особенно актуальным и необходимым. В статье рассматриваются поэтика литературной сказки, понимаемая нами как система эстетически значимых, действенных свойств, специфика авторских сказок, проявляющаяся на проблемно-тематическом, образном, сюжетно-композиционном и языковом уровне, обуславливающая их жанровые разновидности.

Ключевые слова: литературная сказка, поэтика, сюжет, композиция, жанр, мономиф, позиция автора, персонаж, структурообразующие единицы, психологизация, статус кво, сепарация, инициация, возвращение.

Түйіндеме. Зерттеушілердің руханилыққа, ұлтқа, ұлттық ойлауға деген қызығушылығы халықтардың мәдени құндылықтарын, олардың тарихи аспектілерінде түсінуді, ұлттық өнерді анықтауды қажет етеді. Әдеби ертегі – бұл қазіргі заманғы әдеби процесте өзекті және сұрыпталған жанр. Осы жанрдың қазіргі заманғы әдеби процесте танымал болуының себептері мен механизмдерінің қадағалануы біз үшін аса маңызды және қажет деп санаймыз.

Мақалада эстетикалық маңызды, тиімді қасиеттері, авторлық ертегілердің өзіндік ерекшеліктері, олар тақырыптық, фигуративті, сюжеттік-композициялық және лингвистикалық деңгейде көрініс табатын әдеби ертегілердің поэтикасы талқыланады.

Түйінді сөздер: әдеби ертегі, поэтика, сюжет, композиция, жанр, мономиф, автордың позициясы, сипаты, құрылымды қалыптастыру бірліктері, психологизация, статус-кво, бөліну, бастамашылық, қайтару.

Abstract. The keen interest of researchers to the problems of spirituality, nationality, national mentality makes it necessary to comprehend the cultural values of peoples in their historical aspect, to reveal the richest treasures of

national art. A literary fairy tale is an actual and sought-after genre in the modern literary process. Tracking the reasons for the popularity and mechanisms of the functioning of this genre in the modern literary process seems to us particularly relevant and necessary.

The article discusses the poetics of a literary tale, understood by us as a system of aesthetically significant, effective properties, the specifics of the author's tales, which manifests itself in a problem-thematic, figurative, plot-compositional and linguistic level, causing their genre variations.

Key words: literary tale, poetics, plot, composition, genre, monomyth, position of the author, character, structure-forming units, psychologisation, status quo, separation, initiation, return.

Русская литература значительно повлияла, и отчасти вносит свои определенные культурные отпечатки в развитие отечественного русскоязычного фольклора. Исходя из присутствия такого влияния, тема нашей статьи актуальна, так как подразумевает аналитический срез особенностей развития сюжета в произведениях современных авторов России в настоящий период времени. Предметом изучения в статье являются особенности поэтики литературной сказки, прежде всего волшебной. Именно в “волшебстве” сказок автор находит влияние бессознательного нации.

“Морфология волшебной сказки” В.Я. Проппа, посвященная вопросам поэтики русских сказок, изданная в 1928 году несет в себе важнейшую идею: «Если мы не умеем разложить сказку на её составные части, то мы не сумеем произвести правильного сравнения. А если мы не умеем сравнивать, то как же может быть пролит свет» [1]. В частности, наш анализ будет происходить по двум критериям. Критерий первый: выразительность русских литературных сказок исходя из концепции “путешествия героя” Джозефа Кэмпбелла (западный взгляд).

Рассмотрим структурированное исследование Джорджа Кэмпбелла, взгляд ученого, так сказать, “с другого материка”. Метод его успешен как в коммерческом смысле (известная сага “Звездные войны” писалась по его методологии), так и в культурном.

Свой научный труд “Тысячеликий герой” Кэмпбелл выпустил в 1949 году. Американский ученый исследовал сотни и тысячи мифов, сказок, легенд народов мира и нашел общую, повторяющуюся последовательность построения сюжета в разных культурах мира. В своем научном труде “Тысячеликий герой” он приводит простую схему этой последовательности мономифа – единой структуры построения сюжета для мировой культуры в целом (см. рисунок 1).

Рисунок 1 – 17-тиэтапный мономиф Джозефа Кэмпбелла

Второй же критерий представляет интерес как соответствие сюжетного построения современных литературных сказок типологии схем (функций персонажей), данной А.И. Никифоровым ещё до В.Я. Проппа.

Внесем ясность в исследовательскую задачу. Важно знать различие между жанрами народной и литературной сказки. Отличие литературной сказки от народной заключается в том, что указанный жанр имеет определенного автора, и особенности художественной выразительности произведения обуславливаются личным мировоззрением сочинителя.

На восприятие жанра как такового напрямую влияет читательский опыт коллективного бессознательного. Что нам известно о горизонте читательского ожидания?

Современные авторы, пишущие в жанре литературной сказки, неизбежно оказываются наследниками читателя исторического, и главными чертами литературной сказки являются отражение эстетики и мировоззрения своей эпохи, ярко выраженная позиция автора, его социальная оценка происходящего, выраженная в иносказательном сочетании вымысла и реальности.

Таким образом, литературная сказка несет нормы поведенческой модели и этические принципы народа и общества в целом через призму авторского видения, которые он доносит до подрастающего поколения в форме литературной сказки.

На фоне поднятия вопросов преемственности традиций и самоосознания себя как народности, желание сохранения и преумножения имеющейся культуры обращение современных авторов к жанру литературной сказки стало массовым явлением.

Итак, чтобы приступить к первой части исследования, следует дать немного информации о мономифе Джозефа Кэмпбелла [3]. Путешествие главного героя согласно этой схеме, разворачивается в трех основных этапах: сепарация, инициация и возвращение.

На первом этапе происходит отделение главного персонажа от статуса кво и он отправляется в Другой мир в следующей последовательности: слышит зов к приключениям, ощущает (или даже предпринимает!) отказ от зова, но затем поспекает волшебная помощь, и герой совершает переход в Другой мир, с другими порядками, разительно отличающийся от Обычного мира, в котором он пребывал ранее.

На этапе инициации герой проходит все испытания, сталкивается с соблазнами, и, встретившись со смертельной опасностью, внутренне перерождается. Заключительные ступени этапа инициации заключается в том, что герой получает сокровище, и затем возникает зов возвращения. Причем этот зов возвращения может быть иницирован читателем, другим персонажем, или даже самой тоской героя. Герой преодолевает отказ от возвращения, отправляется в некий “полет”, и во вновь возникшей кризисной ситуации перед самым возвращением он получает “помощь из ниоткуда”. Герой возвращается в Обычный мир.

На третьем, заключительном этапе, именуемом “возвращение”, герой прибывает в Обычный мир, но теперь он обладает сокровищем и знаниями, опытом, полученными в Другом мире. Таким образом, согласно мономифу, он становится “повелителем двух миров”, мостом, передающим опыт. На последней ступени он ощущает свободу выбора: выбирает, кем ему теперь быть после такого захватывающего

путешествия. Главный герой возвращается в стабильное состояние новообретенного статуса кво.

Вторым критерием анализа современных литературных сказок российских писателей является типология схем построения сюжета, данная А.И. Никифоровым [4]. Исследователь делит все волшебные сказки на три основные группы: женские, мужские и нейтральные.

Так, в мужских сказках наиболее часто встречаются три типа схем сюжета: сказки о добывании возлюбленной, о трудных задачах (испытаниях), и о небывалой хитрости (ловкое воровство во благо добрых сил, победа в соревнованиях с волшебными и неволшебными существами и т.д.).

Женские же сказки, по мнению ученого, делятся главным образом на две основные группы: о женских страданиях и о добывании (чудо-средства, жениха и т.д.).

Нейтральные же сказки включают все остальные виды сюжетных схем. Данное деление является архетипичнейшим и потому достоверным (дуальность и многообразие свойств).

Приступим к анализу по мономифу Кэмпбелла. Итак, начнем с “Курочки Рябы – современницы” авторства Дмитрия Пирожкова [5]. В начале сказки описывается статус кво Рябы. Идет описание фермы и бытия самой курочки, но вскоре начинается “зов приключения”: курочка осознала, что жизнь в золотой клетке со всеми удобствами не приносит ей настоящего счастья – захотелось ей деток-цыпляток. Затем происходит “отказ от зова приключения”: ни одна из курочек обычных не знает как ей помочь, только удивляются, что Ряба несет золотые яички. Поспевает “волшебная помощь”, все-таки одна из курочек решается сообщить ей о волшебных витаминках, от которых у курочек появляются цыплятки. Вот только интернет, через который можно заказать витаминки, находится у бабки с дедом в роскошных хоромах, то есть в Другом мире, куда и предстоит отправиться Рябе. Ряба отправляется на этап “чрево кита”, то есть проходит через вход в опасный для нее мир, проникает в дом, проходит “дорогу испытаний” (проползает мимо камер видеонаблюдения, залетает в форточку). Происходит “встреча с Богиней”, дарующей покой: приходит посылка, и Рябе удается перехватить ее раньше. Этап “женщина как искушение” в этой сказке пропускается. Курочка пьет витаминки, и в конце курса в курятник врываются дед с бабкой, размахивая пачкой витаминов. Дед в ярости. Этап “примирения с отцом” пропускается, Ряба переходит на этап “апофеоза”: “перья её взъерошились. Она попрощалась с мечтой”. На следующее утро персонаж переходит на этап “сокровище” – сносит простое яичко. Она несет простые яички, вылупляются цыплятки и Ряба их прячет от деда с бабкой (этап “отказ от возвращения” в Обычный мир). Этап “полет” пропускается. Дед с бабкой находят цыпляток, курочка пугается за деток, но возникает неожиданный фактор “спасения из

ниоткуда”, – деду с бабкой уже не нужны дорогие яхты, они уже богаты, добра было нажито достаточно и они разрешили Рябе жить счастливо и вкушать материнство. По типологии Никифорова, это ярко выраженная “женская” сказка с женскими страданиями и добыванием “жениха” – витаминок.

Проанализируем вторую сказку – “Сказку про ленивого Сурка” авторства В. Вишенина [6]. Здесь стандартно описывается статус кво Сурочка, маленького и ленивого, который спал целыми днями и не трудился. Возникает “зов к приключению”: в норку заглядывает Солнце и пытается разбудить его. Сурочек только переворачивается на другой бок – это этап “отказ от приключения”. Зов приходит трижды от самой природы: будит Солнце, Деревья и Ветер. Но Сурочек спит. Дважды приходит зов от его родителей, но Сурочек отказывается, придумывает отговорки. Этап “волшебная помощь” пропускается. Время, суровое время заставило выйти Сурка в “Другой мир”, попасть в “чрево кита”: кровать мала, одеяло короткое, запасов нет, голод. Начинается этап “дорога испытаний” – Сурок отправляется на поиски еды, застревает в дупле, а на дворе зима, холод, речка замерзшая, так и прожил он впроголодь до весны. Этапы “встреча с Богиней”, “женщина как искушение”, “примирение с отцом” пропускаются. Сурок переходит на этап “апофеоз” – всю голодную зиму думает о своей жизни, о ее смысле, о советах родителей. Затем переходит на этап “сокровище” – овладевает силой здравомыслия, обустроивает норку, делает летом запасы на зиму. И Сурок сразу же переходит на финальный этап – новообретенный статус кво (трудолюбивый мудрый герой, забывший навсегда про лень).

В этой сказке большую роль сыграл первый этап сепарации, этап инициации прошел практически молниеносно, обозначенный в паре предложений. Обретя инициацию (взросление было главной целью сказки), сурок свою миссию, как воспитательного элемента для маленьких читателей, выполнил и сразу же обрел статус кво. Сказка относится к нейтральным – поскольку главной схемой ее является урок добывания, а он нейтрален и практически присутствует во всех сказках, можно сказать, здесь сама схема стала смыслом сказки.

Рассмотрим третью сказку – “Три снежинки” авторства Марии Шкуриной [7]. Первый основной этап сепарации: сразу же момент статуса кво пропускается, начинается сюжет с этапа “зов к приключению” – девочка смотрит в новогоднее небо, медленно падают снежинки и шепчут Лерочке о том, чтобы она загадала желание. Сразу же Лерочка переходит на этап “отказ от зова приключения”: она сомневается, что это возможно, ведь никто из ее знакомых так не делает. Но снежинки все же предлагают ей “волшебную помощь”. Снежинки закружили вокруг Леры, и она попадает в Другой мир, полный волшебства, и переходит на второй основной этап инициации. Этап “чрево кита” пропускается. Возникает

“дорога испытаний”: Лера впадает в соблазн исполнить свои заветные желания или помочь близким людям, попавшим в неприятности. Все последующие ступени этапа инициации мономифа пропускаются, Лерочка сразу же переходит к третьему основному этапу – “возвращение”. Возвращается в Обычный мир, являясь уже “повелительницей двух миров”, рассказывая маме-авторитету обычного мира о снежном волшебстве. Этап “спасение из ниоткуда”, случившееся до возвращения (родители тайно покупают ей желанные в мечтах девочки коньки), раскрывается на третьем этапе возвращения в полной мере. Такая перестановка подчеркивает мораль сказки о важности чистоты сердца и возвращает девочке новообретенный статус кво. Теперь она владеет секретом исполнения желания – это чистое сердце. Эта сказка относится к нейтральным: она не о женских страданиях, не о трудных мужских задачах – она замыкается на моральных ценностях.

Рассмотрим четвертую сказку – “Часовщик и механическое сердце Каролины” авторства Ленивого Жени [8]. Статус кво главного героя описывает бытие юноши-часовщика, наследника ремесла династии часовщиков. Ступень “зов к приключениям” здесь обыгрывается так, что юноша решил навести порядок в доме и собрать из всех валяющихся повсюду деталей одни большие диковинные часы. Ступень “отказ от зова” пропускается. Герой переходит на ступень “Волшебная помощь”, когда осознает, что случайно собрал часы – машину времени. Герой переходит на второй этап инициации, переходя в Другой мир – путешествия во времени. Этап “чрево кита” пропускается, так же, как и “дорога испытаний”. Однако происходит “встреча с Богиней” – он встречает в прошлом девочку Каролину (прототип невесты). Он переходит на ступень “женщина как искушение”, когда обнаруживает, что в будущем девочка погибла от порока сердца, и он решил спасти девочку своим искусством часовщика. Ступень “примирение с отцом” пропускается. Герой входит в “апофеоз”: злодеи стремятся забрать могущественный механизм, его жизнь уже не будет прежней. Герой принимает важное решение и переходит на ступень “сокровище” – он собирает из машины времени маленький механизм – механическое сердце для Каролины, сохранившее ту же способность перемещать во времени. Успешно выполненная пройденная ступень сразу же переносит главного героя на третий заключенный этап, где Каролина становится “повелительницей” двух миров, путешественницей во времени. Юноша обретает статус кво, ремонтирует часы, которые приносит ему Каролина. По типологии Никифорова, сказка относится к мужской: есть и символическое спасение невесты, и решение трудной задачи, и хитрость, примененная часовщиком, чтобы выиграть состязание со злодеем (кому владеть могущественным механизмом).

Рассмотрим пятую литературную сказку – “Кот, который умел петь” авторства известной Людмилы Петрушевской [9]. Статус кво показывает кота, который любит петь, но его возлюбленная кошка не обращает на него внимания, так как занята просмотром телевизора. Кот слышит “зов приключения” – решает выступить на телевидении. Он переходит на второй основной этап – инициацию. Входит в Другой мир – мир телевидения. Этапы “волшебная помощь” и “чрево кита” пропускаются. Он ступает на “дорогу испытаний”. Раз за разом люди с телевидения отказывают ему в просьбе. Затем, что интересно, сказка превращается в диалог реакций: кота, рвущего антенны на телевизшке, и зрителей (в том числе и кошка), которые пытаются смотреть искореженное ТВ. Круг путешествия Кэмпбелла успешно разрывается и перестает быть применимым с появлением средства массовой информации. Все ступени до “спасения из ниоткуда” успешно перекрываются влиянием телевизора. На ступени “спасения из ниоткуда” кот случайно уничтожает телевидение, и сразу же переходит на заключительный этап (возвращение), на ступень “повелитель двух миров”. Ведь он и победу одержал над Другим миром телевидения, и героем к своей кошке пришел. Так, ступень “свобода выбора” коту ни к чему – его целью было исполнить любимой кошке свои песни. Кот обретает статус кво – он исполнитель песен для мурки. Мечта его сбылась. По типологии Никифорова, сказка относится явно к мужской группе – храбрый рыцарь преодолевает все преграды, чтобы завоевать сердце возлюбленной.

В итоге можно резюмировать: литературные волшебные сказки, основанные на народных (курочка Ряба, к примеру), переживают мутации согласно новым ценностям, в которых нуждается сообщество (ценность материнства, например). В них сквозит отражение технологичности нашей эпохи (есть и интернет, и телевидение, и яхты, и камеры видеонаблюдения). Также средство массовой информации в сказке о котепевце сразу же сокращает путешествие героя, создавая чистые эмоциональные реакции, т. е. налицо еще одна мутация. Шоу в прямом эфире сказки, то есть современный предметный мир, бросает определенные вызовы современным писателям.

В современных литературных сказках полностью мономиф не проживается, используются только некоторые его ступени, словно специально отобранные для того, чтобы развернуть цель героя. Это сказки в основном сюжетно упрощенные, подсвечивается только та или иная их смысловая грань.

Например, в сказке о Каролине и часовщике миссия героя заключалась в ремонте машины времени – человеческой жизни – и это оказалось самым важным. И по исполнению этой миссии главный герой сразу же обретает новый статус кво (пропускает ступени). То же самое происходит и в сказке о трех снежинках. Как только Лерочка исполнила миссию сказки (подготовить все ингредиенты для осознания главной

морали о чистом сердце), путешествие героя сразу же приводит ее на этап возвращения (ступени пропускаются).

Сказанное приводит нас к выводу о том, что актуальность исследования поэтики современной литературной сказки обусловлена несколькими значимыми факторами.

Во-первых, проблема поэтики жанра литературной сказки остается все еще недостаточно изученной в отечественном литературоведении и нуждается в глубоком, всестороннем и объективном исследовании.

Во-вторых, актуальность избранной нами темы обусловлена тем, что казахстанская литература – это составная часть литературы мировой, поэтому учет ее особенностей становится объективной необходимостью при разработке закономерностей развития литературного процесса в целом.

Список литературы:

1. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2001. – 144 с.
2. Кэмпбелл Д. Герой с тысячью лицами: Миф. Архетип. Бессознательное = The Hero with thousand faces / ред. И. Старых; пер. с англ. К. Семёнов. – СПб.: София, 1997. – 336 с.
3. Литературный энциклопедический словарь. // Под общ. ред. В.М.Кожевникова и П.А. Николаева. – М., 1996. – С. 100-253.
4. Никифоров А.И. Сказка, ее бытование и носители. – М., 1930.
5. <https://moi-skazki.ru/russkie-skazki/kurochka-ryaba-sovremennitsa>.
6. <https://moi-skazki.ru/russkie-skazki/skazka-pro-lenivogo-surka>.
7. <https://moi-skazki.ru/russkie-skazki/tri-snezhinki>.
8. <https://moi-skazki.ru/ukrainskie-skazki/chasovshchik-i-mekhanicheskoye-serdtse-karoliny>.
<https://peskarlib.ru/l-petrushevskaya/kot-kotoryy-umel-pet>.

ПОЭТИКА ПРЕДМЕТНОГО МИРА СВЯТОЧНОГО РАССКАЗА Н.С. ЛЕСКОВА «НЕРАЗМЕННЫЙ РУБЛЬ»

*Жумажанова Еркеназ Омирсериковна
магистрант КазНПУ им. Абая*

Аннотация. В статье раскрывается поэтика предметного мира на материале рассказа Н.С. Лескова «Неразменный рубль» в аспекте сравнительно-типологического, системного, мифопоэтического методов анализа. Представлена классификация предметного мира данного рассказа, ставится задача построения его общей модели.

Ключевые слова: святочный рассказ, образ вещи, образ монеты, предметный мир.

Түйіндеме. Мақалада Н.С. Лесковтың «Неразменный рубль» әңгімесінің мысалы арқылы объективті әлем түсінігі ашылып айтылады, оның зерттеулеріне салыстырмалы-типологиялық, жүйелік, мифті-поэтикалық амалдар анализделді. Объективті әлемнің поэтикасы мен классификациясының анализінің қажеттігі шешімі қабылданып, оның жалпы моделін құру тапсырмасы қойылады.

Түйін сөздер: Рождество әңгімесі, зат бейнесі, тын бейнесі, объективті әлем.

Abstract. In this article will be revealed understanding of the thing's world on the example of the story of N.S. Leskov "Nerazmennyi rubl", will be analyzed comparing-typological, systematic, myth-poetical approach for its searching. The conclusion is necessity of analysis of poetics and classification of thing's world and the task is building its general model.

Key words: Christmas story, image of things, image of a coin, thing's world.

Н.С. Лесков – великий художник, относящийся к числу русских писателей, которые мучительно пытались определить нравственные ориентиры, дающие точку опоры в жизни. Писатель был озадачен поисками нового жанра, в котором его герои находят подсказки и получают определенные уроки жизни, проходя при этом разные испытания. Одним из таких жанров является святочный рассказ – самый читаемый жанр того времени. Н.С. Лесков дает жанру новую жизнь, его святочный рассказ занимает свое независимое место в ряду произведений представителей этого жанра.

Происхождение жанра святочного рассказа связано с Рождеством Иисуса Христа, что преобразовало весь строй нравственной жизни человечества. *«В классическом святочном рассказе действие разворачивается в течение одной ночи – рождественской. В течение этой ночи с героями происходили невероятные приключения, но главное – в эту ночь изменялись сами герои. Они переживали душевные метаморфозы, отказывались от ложных ценностей, приобщались к гуманистическим идеалам»* [1]. В святочных рассказах в большинстве случаев присутствует дух *«мистической сверхчувственности»* [2].

Таким образом писатель акцентирует внимание на изображении спасения или чуда. По мнению исследователей, Лесков создал свою концепцию святочной словесности, разрушив, при этом, штампы того времени, и проложив новые пути развития жанра святочного рассказа: *«Я думаю <...> что и святочный рассказ, находясь во всех его рамках, все-*

таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время, и нравы» [3, 4].

В святочных рассказах писателя Рождество Христово играет особую роль, являясь самым счастливым праздником христианской культуры. Он так важен для людей, так как в основе этого праздника заложена идея добра, чуда, любви. Воспроизводя атмосферу Рождества и святок, Лесков немаловажное значение отводит изображению мира вещей. Читатель, припоминая содержание его святочных рассказов, обязательно вспоминает различные образы вещей: жемчужное ожерелье, «неразменный» рубль, шкатулку с деньгами, часы, упавшую палку и др. Вещь является важной составляющей образной системы в рассказах Н.С. Лескова. Читатели сразу же обращают внимание на название рассказов, где изначально у них формируется определенное, зависящее от фоновых знаний, содержание образов, а в процессе повествования содержание этих образов приобретает символические смыслы.

Одним из таких святочных рассказов является «Неразменный рубль», напечатанный в 1883 году под заголовком «Рождественская история», в заглавии которого уже присутствует ключевая описываемая вещь. В названии рассказа «Неразменный рубль», в отличие от других произведений, уже заложена возможность символического толкования образа рубля: рубль неразменный – это талисман удачи, прибыли, привлечения денег; с ним связаны магические действия (заговоры), проводимые с целью получения прибыли, а также – указание на элементы чудесного, связанные с данным талисманом. Неразменный рубль – предмет, который сыграл значимую роль в жизни маленького мальчика.

Основным сюжетом, где неразменный рубль является ключевым предметом, является сюжет сна. Сон героя, имеющий мистический сюжет и занимающий объемное место в рассказе, обусловлен символикой образа неразменного рубля. Во сне мальчика неразменный рубль выступает как *«новенькая, чистая серебряная монета»* [4, 18], которую подарила на Рождество его бабушка. Особенностью рубля является его возвратность, но, в то же время, присутствует и *«невыгодное»* свойство: *«неразменный рубль не переведется в кармане до тех пор, пока ты будешь покупать на него вещи, тебе или другим людям нужные и полезные, но раз ты изведешь хоть один грош на полную бесполезность – твой рубль в то же мгновение исчезнет»* [4, 18]. И именно во сне герой претерпевает серьезные испытания и искушения, которые связаны с неразменным рублем. Взаимопроницаемость сна и реальности особенно наглядна в финале рассказа, когда рождественское приключение, уже осознанное героем как сон, переходит в реальное действие: *«я хотел все мои маленькие деньги извести в этот день не для себя»* [4, 18]. Основное действие рассказа происходит во сне ребенка, о чем не может догадаться до самого финала даже самый опытный читатель. Так, именно во сне,

происходит становление сознания и нравственного чувства ребёнка. Сон Миколаши можно отнести к «вещим снам», как говорил сам Лесков, и к снам-видениям, позволяющим познать себя. Мальчик сам выводит альтруистическую аксиому: *«В этом лишении себя маленьких удовольствий для пользы других я впервые испытал то, что люди называют увлекательным словом – полное счастье»* [4, 18]. Но Лесков все же не делает окончательных выводов, предоставляя это право читателю, и в то же время отработывает до совершенства границу между сном и явью, между чудом и реальностью, где одно перетекает в другое.

О самом неразменном рубле и о способах его применения говорится в поверье, с которого и начинается рассказ: *«есть такой рубль, который, сколько раз его не выдавай, он все-таки опять является целым в кармане»* [4, 17]. Писатель искусно сочетает занимательность и поучение, не забывая при этом придерживаться основных законов святочного жанра. Опираясь на любовь детей к вымыслу, фантазии, Лесков с первых же строк старается увлечь маленького читателя занимательным поверьем – сказочным и в то же время своеобразной самостоятельностью ребёнка, который начал получать первые карманные деньги: *«Есть поверье, будто волшебными средствами можно получить неразменный рубль, т.е. такой рубль, который, сколько раз его ни выдавай, он всё-таки опять является целым в кармане»* [1, 3].

Следующим, что раскрывает значение неразменного рубля, является легенда о его добыче, которую рассказывает бабушка мальчика: *«на деревне очень многие не спят, а гадают, рялятся, ворожат и, между прочим, добывают себе неразменный рубль»*<...> *«люди должны лицом к лицу встретиться с дьяволом на далеком распутии и торговаться с ним за черную кошку; но зато их ждут и самые большие радости»* [4, 18]. Изначально писатель предупреждает о непростой добыче такого сокровища: *«нужно претерпеть большие страхи»* [4, 20]. К описанию этих «страхов» можно отнести, с одной стороны, святочный колорит традиционного «страшного» повествования, а с другой – учитывается одна из интересных особенностей детской психологии – «тяга» к страшному, которая помогает ребёнку преодолевать настоящий страх. Отсюда – так называемые «страшилки» в устном детском творчестве.

Лесков как будто рассказывает такую «страшилку» со всеми её признаками: полночь, перекрёсток четырёх дорог, кладбище, чёрная кошка, неизвестный пришелец и т. д., но повествование дано в виде поверья. Для взрослого человека очевидно усмешка писателя, который собрал здесь, почти спародировал весь обычный арсенал фольклорной истории о нечистой силе. Но маленького читателя, который и впрямь может испугаться или принять всё как руководство к действию, мудрый автор спешит успокоить: *«Конечно, это поверье пустое и нестаточное; но есть простые люди, которые склонны верить, что неразменные рубли*

действительно можно добывать. Когда я был маленьким мальчиком, и я тоже этому верил» [4,20]. Так, очень тонко и осторожно вплетается в повествовательную ткань мотив чудесного, что связано с характером главного героя – ребёнка. Так пересекаются мир фольклорный и мир детский. Ведь, по Лескову, «*в младенческой наивности*» есть «*оригинальность и пронизательность народного ума и чуткость чувства*» [4, 20]. Услышав легенду, герой с нетерпением дожидается и, наконец, получает долгожданный рубль. Ожидание этого подарка было томительно для ребенка, поэтому он старался быстрее уснуть, чтобы наутро проснуться и получить рубль. Стоит отметить, что подарок герой получает как в реальной жизни, так и во сне, но все приключения происходят с ним в его сновидении, что говорит о взаимосвязи двух реальностей.

Н.С. Лесков показывает читателю функции неразменного рубля на примере покупок героя: это подарки бедным детям и знакомым, которые он старался делать из добрых побуждений, где золотая монета постоянно оставалась нетронутой. Таким образом, через материальную вещь автор показывает духовный мир ребенка. Наконец получив долгожданный неразменный рубль, мальчик совершает «нужные» покупки по совету бабушки, испытывая после этого законное удовлетворение. Миколаша предстает добрым, отзывчивым и внимательным мальчиком. С каждой покупкой герой волнуется: «*Я опустил руку и... мой неразменный рубль был в моем кармане*» [4, 19], что подразумевает страх потери дорогого подарка и его особую ценность. Характер и поведение Миколаши меняется по мере приобретения разных вещей, он становится самонадеянным, появляются самомнение и гордость. Чем больше мальчик совершает покупок, тем больше трансформируется чувство удовольствия от собственного благородства, и мы уже видим самоуверенного героя: «*...я уже не допрашивал её выразительных взоров. Я сам был центр всего...*», «*мне хотелось, чтобы... все обо мне говорили – как я умён, богат и добр*» [4, 18]. В то же время ему становится скучно, и он забывает про добрые дела, что уже не приносит радости и чувства удовлетворения его душе. По мнению В.П. Руднева, такой тип характера людей именуется обсессивным неврозиком, у которого появляется страсть к коллекционированию: «*чрезвычайно важной обсессивной особенностью является коллекционирование*» [5, 3]. Таким образом, возникает чувство страха от потери монеты и приобретаемых вещей, что можно тесно связать с ограждением от страха смерти.

Лесков передает психологическое состояние мальчика на тот момент, когда от него все отворачиваются, что проявляется в прерывистой, отчаянной речи мальчика. Миколаша испытывает нехватку внимания, ему хочется любви окружающих, тем самым он пытается купить это внимание, однако он понимает, что это невозможно. В борьбе его нравственного

чувства и гордыни побеждает совесть. Но дается эта победа с трудом. Ребенок плачет, причем дважды: от страха и вместе с бабушкой, когда происходит очищение души слезами, подобно тому, как при Крещении вода смывает все прегрешения. Герой многое осознает и начинает разбираться в своих поступках и в себе. Так, оригинальный поворот получает освещение рождественского мотива «смеха и плача». В то же время реализуется известная педагогическая мысль о ребёнке «проснушемся» и «непроснушемся» [6, 5]: перед нами пробудившийся – в прямом и переносном смысле – ребёнок, разбужены его сердце и разум.

В реальной жизни неразмennyй рубль для героя – это обычная серебряная монета, подарок бабушки на Рождество. Во сне же героя образ рубля символичен: «*Неразмennyй рубль – ... это талант, который Провидение даёт человеку при его рождении. <...> Неразмennyй рубль – это есть сила, которая может служить истине и добродетели, на пользу людям, в чем для человека с добрым сердцем и ясным умом заключается самое высшее удовольствие*» [4, 18]. Таким образом, неразмennyй рубль – это сам человек, его душа, которую нужно сохранить в чистоте, гармонии и нравственной целостности.

Образ неразмennyго рубля содержит авторское понимание человека, его качеств и поступков. В жизни маленького героя образ рубля становится символическим указанием на смысл человеческой жизни, о чем свидетельствует христианская мораль-заповедь, завершающая повествование.

В рассказе помимо неразмennyго рубля ярким образом выступает и «*длинный полосатый жилет с нашитыми на него стекловидными пуговицами, от которых исходило блистание*», к которому все шли «*как будто на самое замечательное произведение природы*» [4, 20]. Жилет подразумевает, что человеческая слава суетна и не подкреплена никакими реальными достоинствами. Лесков подчёркивает абсолютную бесполезность этой вещи, которая надета поверх полусубка, то есть она и не греет, и некрасива. Основным украшением жилета являются «*стекловидные пуговицы*» [4, 20]. Настоящую природу стеклянных пуговиц честно раскрывает мальчику хозяин жилета: «*пуговицы хотя тоже не светят и не греют, но они могут немножко блеснуть на минутку, и это всем очень нравится*» [4, 20]. Тусклый свет блестящих пуговиц на жилете герой сопоставляется с истинным светом бескорыстия. Образ жилета символизирует испытание славой, которое герой не проходит, что приводит к потере неразмennyго рубля. И здесь происходит нарушение запрета, то есть герой приобретает вещь для собственной выгоды, что тесно связано с мотивами жанра сказки. Следовательно, мы видим, что базой святочного рассказа является фольклорный жанр сказки.

В данном рассказе наблюдается и своеобразный драматизм, который необходим в произведениях для детей. Неопытный герой не знал одного

важного правила – абсолютного бескорыстия дара. И когда он сталкивается с неблагодарностью, это вызывает его обиду. Те, ради кого он совершал добрые поступки, – и кучер, и башмачник, и бедные ребятишки, и «даже старая скотница с её новою книжкою» [4, 20], – быстро забыли о маленьком благодетеле и погнались за мишурой, пошли за странным человеком, у которого поверх полушубка надет полосатый жилет со стекловидными пуговицами. Мальчик завидует этому мимолетному суетному успеху и совершает ошибку, намереваясь купить пуговицы, «которые не светят и не греют, но могут немножко блестеть на минутку, и это всем очень нравится» [4, 20]. Таким образом, прослеживается взаимосвязь двух предметов, где одно приводит к потере другого, перекрывает все его качества, что заметно в отношении людей к этим предметам.

Лесков доверяет закончить рассказ бабушке героя, взрослому человеку. Бабушка – носитель жизненной мудрости, опыта: «Помни, что отличить нужное от пустого и излишнего вовсе не так легко, как ты думаешь» [4, 25]. Бабушка олицетворяет любовь, душевность, мудрость, дом. Она становится символом света, чистоты и истины в этом произведении: «белые ручки», «белый чепчик» [4, 19]. Она помогает внуку понять, что добрый поступок приносит человеку радость и понимание того, что истинный дар всегда бескорыстен. Образ бабушки поучителен, ведь она не влияет на выбор внука, предоставляя ему самому совершать ошибки и исправлять их. Она помогает ему советом только тогда, когда мальчик просит об этом, в чем заложена истинная мудрость.

Лесков делает доступным детскому восприятию высокий уровень художественного обобщения и философского осмысления: «Неразменный рубль – по-моему, это талант, который Провидение даёт человеку при его рождении. Талант развивается и крепнет, когда человек сумеет сохранить в себе бодрость и силу на распутьи четырех дорог, из которых с одной всегда должно быть видно кладбище. Неразменный рубль – это есть сила, которая может служить истине и добродетели, на пользу людям <...> Человек в жилетке сверх тёплого полушубка – есть суета, потому что жилет сверх полушубка не нужен, как не нужно и то, чтобы за нами ходили и нас прославляли. Суета затемняет ум» [4, 22]. Следовательно, необходимые в святочном рассказе «мораль» и «урок» суммируются в словах бабушки.

В рассказе «Неразменный рубль» речь идет не только о неразменном рубле и жилете, в нем также присутствуют и другие предметы, классификация которых представлена ниже.

1. Деньги – «неразменный рубль» – «новенькая чистая монетка», «грош», «сдача».

2. Продукты – «пряники желтые с патокою», «белые пряники с мятой», «сласти», «резь», «лапша», «орехи простые и каленые», «изюм», «финики», «чай».

3. Предметы интерьера – «кроватька», «картины с генералами».

4. Одежда – «большой чепец с рюшевыми мартотками», «ситцы», «платки», «платье», «малиновый головной платок», «наборный поясной ремень», «картуз», «полушубок», «длинный полосатый жилет».

5. Инструменты – «гармония», «глиняные свистульки».

6. Вместителище – «коробка».

7. Украшение – «сердолоковые запонки», «стекловидные пуговицы».

8. Религиозные предметы – «большая книга «Псалтирь»».

При анализе было выявлено восемь категорий предметного мира рассказа, среди которых категории продуктов и одежды самые частотные. Каждый предмет в большинстве случаев – это подарки определенным людям. При составлении каталога предметного мира в рассказе предметы группируются по общности функций и принципу употребления. Таким образом, мы видим неоднородность вещей, которые окружают героев.

В произведении «Неразменный рубль» встречаются следующие закономерности в описании вещного мира: 1) детализация; 2) приближение к вещи; 3) символизация, которая приглушает значимость и выразительность предмета, но усиливает эффект внутреннего зрения; 4) обесценивание вещи, которое проявляется в эгоистичном проступке мальчика, после которого вещь теряет свою визуальную привлекательность и тревожную символику.

В рассмотренном рассказе «Неразменный рубль» название изначально дает читателю ориентир: нужно обратить внимание на конкретную вещь в изображаемом мире, образ которой становится символом и служит не только выявлению и описанию святочных метаморфоз в судьбе персонажей, но и раскрытию авторского замысла.

В результате, проанализировав святочный рассказ Н.С. Лескова «Неразменный рубль», можно выявить следующее:

1. Присутствие ключевых предметов в заглавии;

2. Наличие ключевых предметов;

3. Символику предметов;

4. Утрату изначальных положительных качеств вещи.

Таким образом, в предметном мире рассказа Н.С. Лескова «Неразменный рубль» образ неразменного рубля обогащен разными смыслами, что свидетельствует о создании автором образа вещи как образа-символа. В рассмотренном рассказе выявлена особенность символизации образов вещей. В итоге образ предметов выявляет и описывает святочные метаморфозы в судьбе персонажа рассказа, и, в то же время, раскрывает авторский замысел.

Изучение предметного мира, его роли, функций и значения в рассказе Н.С. Лескова дает возможность нового взгляда на его произведения и позволяет обратить внимание на конкретную вещь в изображаемом мире, образ которой служит для осознания авторского замысла.

Рассказ «Неразменный рубль» с его динамичным сюжетом, в котором гармонично соединились реальный и фантастический планы, где нет готовых педагогических рецептов – один из лучших святочных рассказов, написанных для детей. Лесков понимал, что человеку часто приходится делать выбор между добром и злом, и слишком часто он слаб или безволен, потому что нравственность и духовность уходят из жизни. Писатель пишет о своей эпохе, но затрагивает вечные проблемы. Только помогая ближнему, мы можем испытать настоящую радость и ощущение полного счастья. Никогда не нужно идти против своей совести. Через страдания, через осознание своего несовершенства, через испытания и искушения мы начинаем понимать себя. Автор поднимает проблему жизненного предназначения человека, реализации его призвания и способностей, чему не должна помешать человеческая слава.

Лесков отразил противоречия времени, его мятежный дух и неутомимость в поисках истины. Замечая парадоксы русской действительности, писатель не терял надежды на будущее обновление страны путем самосовершенствования ее граждан, потому что непредсказуемый русский характер таит в себе силы неисчерпаемые.

Многогранное, многоплановое литературное наследие Лескова до сих пор остается не до конца прочитанным и исследованным, в том числе и в рамках интересующей нас темы. Вклад Н.С. Лескова в понимание разнообразия и особенностей предметного мира XIX века неоценим и ждет своих исследователей.

Список литературы:

1. Старыгина Н.Н. Святочный рассказ как жанр / Н.Н. Старыгина. – URL: <http://philolog.petsu.ru/filolog/konf/1992/11-starygina.htm>.
2. Клюха И.К. Образ-символ вещи в святочных рассказах Н. С. Лескова «жемчужное ожерелье» и «Неразменный рубль» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (34). – С. 63–69.
3. Честертон Г. Лучшие рождественские истории. – М.: Эксмо, 2017. – 114 с.
4. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 12 т. / Н.С. Лесков. – М.: Правда, 1989. – Т. 7. – 463 с.
5. Руднев В.П. Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. – М.: Независимая фирма "Класс", 2002. – 272 с.
6. Одоевский В.Ф. Избранные педагогические сочинения // Под ред. В.Я. Струминского. – М.: Художественная литература, 1981. – 365 с.

СПОСОБЫ ПРОЯВЛЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В БИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

Поляк Зинаида Наумовна
к.ф.н., доцент, КазНПУ им. Абая

Наршаева Гулчехра Шафайзиевна
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. В статье исследуются варианты проявления авторской позиции в произведениях казахстанской документально-биографической прозы. Рассматриваются произведения разной жанровой принадлежности: литературная биография, биографическая повесть-эссе, поэтическая биография в литературно-критической статье, биография-некролог. В результате исследования выявлены некоторые особенности авторского присутствия в тексте.

Ключевые слова: биография, авторская позиция, нарратив, жанр, художественный текст.

Түйіндеме. Мақалада авторлық позицияның көріністері қазақстанның құжаттық-өмірбаяндық проза жұмыстарында зерттеледі. Әр түрлі жанрлық байланысы: әдеби өмірбаяны, өмірбаяндық роман-эссе, әдеби-сыни мақалада поэтикалық өмірбаян, өмірбаян-нобайлар. Зерттеуде автордың қатысу ерекшеліктері анықталды.

Түйін сөздер: өмірбаян, авторлық позиция, әңгіме, жанр, көркем мәтін.

Abstract. The article explores the manifestations of the author's position in the works of Kazakhstan documentary biographical prose. The works of different genre affiliation are considered: literary biography, biographical novel-essay, poetic biography in a literary-critical article, biography-obituary. The study revealed some features of the author's presence in the text.

Key words: biography, author's position, narrative, genre, artistic text.

В конце XX – начале XXI вв. литературоведы и социологи отмечают актуализацию литературы «non fiction». В числе других документальных жанров возродился интерес к биографиям известных людей. Биографии писателей, учёных, политиков читаются в наши дни едва ли не чаще, чем другие книги.

Условное пространство для биографии Валерий Голофаст представляет в виде треугольника. Одним из углов этого треугольника становятся автобиографии и личные документы (дневники, письма, альбомы, мемуары, истории семей, генеалогии, свидетельства). «Все эти

виды автобиографических и биографических материалов преимущественно возникли (или были сохранены) вследствие авторских усилий. Можно условно считать, что сами люди произвели их на свет или предъявили исследователю в ответ на его интерес к жизни» [1, 399]. Вторым углом исследователь называет биографическое интервью. Третья часть представлена собственно биографией, написанной другим лицом. Биографии «подразделяются на многие классы: коммерческие биографии, литературные, официальные, некрологи, энциклопедические справки и т.д. и т.п. К ним принадлежат и биографии, написанные историками» [1, 400].

При анализе художественного текста, в том числе биографического, необходимо учитывать авторскую позицию или авторскую модальность, так или иначе выраженную в произведении. В художественном произведении авторское отношение к изображаемому сравнительно редко находит отражение в прямых оценках. Несколько иначе расставлены акценты в биографическом повествовании.

Форма «биографического повествования» часто влияет на способы выражения авторской позиции. В зависимости от авторской интенции его позиция в тексте может выражаться в большей или меньшей степени. В таком случае «становится очевидным не только заданная исследователем тематизация биографических нарративов, но и реальная возможность «инсценировки», фальсификации биографии, наполнение ее вымыслом, фантазией или ложью, продуцированными в ответ на давление исследователя» [1, 400].

Валерий Голофаст справедливо именуется «исследователем» автора «биографического повествования». Ведь факты, различные данные, связанные с написанием биографии автор-исследователь проводит сквозь собственную призму. «И подобное жизнеописание – отнюдь не прямое отражение жизни человека, не простое обобщение связанных с ним фактов, а очень сложная нарративная и, соответственно, смысловая конструкция» [1, 413]. Автор-исследователь, выступая в роли биографа, пытается реконструировать факты, «отчет о жизни» которые известны только самому герою.

По наблюдениям известного литературоведа А. Рейтבלата, биографируемый живет и в процессе жизни оставляет следы: 1) вещи, которыми он пользовался и поступки, которые совершил; 2) визуальные следы (запечатлевшие его рисунки, фотографии, кино- и видеосъемки), 3) письменные (анкеты, письма, творческие работы, дневники, деловые документы и др.). Один из этих следов биограф принимает во внимание, считает биографическими фактами, придает им смысл и включает в биографию, а другие – нет. В результате отобранные биографические факты понимаются в рамках создаваемого биографом целостного биографического текста, и в результате жизнь биографируемого становится осмысленной.

Конечно, биограф не может свободно творить, подобно писателю; он ограничен фактами из жизни героя. Так, биограф Пушкина не может написать, что он был на Дворцовой площади во время восстания декабристов, а биограф Мольера – что он жил и творил в Персии. Но что касается интерпретации фактов, наделения их (и всей жизни героя) смыслом – тут его возможности достаточно широки: «... биографу надлежит дать ответ на метафизический вопрос (каков был смысл жизни этого человека?), т.е. досказать именно то, что подчас не удалось самому персонажу» [2, 423].

Таким образом, ключевой фигурой в создании биографии является биограф. Однако в рамках биографики даже последних десятилетий автору-биографу уделяется «непропорционально малое внимание, основной акцент делается на персонажах биографий, а также на поэтике и источниках биографического текста» [3, 10]. Попытаемся внести свой вклад в восполнение этого пробела и на основе изученных текстов в жанре биографического повествования выявить формы и способы выражения авторской позиции – позиции биографа.

Известный казахстанский писатель Валерий Михайлов посвятил свою биографическую книгу, опубликованную в издательстве «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ», поэту Евгению Боратынскому [4]. Интересно на основе исследуемого текста выявить позиции В. Михайлова в «жизнеописании» Е. Боратынского. Валерий Михайлов конструирует текст, стремясь, по возможности, к объективной точке зрения. Повествование ведется от третьего лица, от лица повествователя, не имеющего никакого отношения к происходящим событиям, но сведущего о них – об их содержании и хронологии.

Композиция книги предельно традиционна: в четкой хронологической последовательности автор знакомит нас с поэтом с момента его рождения и раннего детства до последних лет и преждевременной кончины. Двадцать с лишним глав вобрали в себя всю линию жизни Боратынского: усадьбу родителей, пансион, Пажеский корпус, поэтические опыты, военную службу, первые публикации и сборники, романтические чувства, интересные знакомства, путешествия по Европе, «негромкую» смерть. Названия глав и подглавок говорят сами за себя: места, события, люди. В отличие от других книг в серии ЖЗЛ, «Боратынский» богат анализом творчества героя. Стихи и поэмы поэта подробно разбираются, и мы видим его творческую эволюцию. Думается, эта особенность биографической книги связана с аналитическим даром Валерия Михайлова: поэт и прозаик, он умеет взглянуть на литературное произведение, не только как творец, но и как филолог.

Вместе с тем, автор биографии не может быть абсолютно беспристрастным. В книге встречаются субъективные коннотации авторской позиции по отношению к описываемым событиям жизни

Боратынского. В частности, при анализе его творчества: «стихи Баратынского (Бродский писал его фамилию именно так – М.В.) самые умные из всех написанных по-русски в его веке... Мысль и в самом деле отличает стихи Баратынского, в России никогда не было более аналитического лирика» [4, 224]. В данном отрывке авторская позиция выявляется на уровне семантического анализа текста. Субъективная оценка проявляется в таком определении, как «самые умные из всех написанных по-русски в его веке».

Часто авторская позиция проявляется в отборе материала для биографии. Выбирая для включения в биографическую книгу события и факты жизни своего героя, автор биографического повествования сознательно выстраивает собственную концепцию личности Е.Боратынского. Авторское начало прослеживается и в выборе В.Михайловым текстов для анализа творчества его героя. Биограф избирает наиболее выразительные и характерные стихотворения А.С.Пушкина и Е. Боратынского. Валерий Михайлов предлагает богатый материал для сравнения – две «Осени». Это два одноимённых стихотворения – А.С. Пушкина 1833 года, и Е.А. Боратынского 1837–1841 гг. По его мнению, оба стихотворения гениальны. Отбор материала для анализа напрямую связан с отношением автора биографии к личности Е. Боратынского, с его оценкой творчества поэта. Здесь необходимо отметить различие авторского отношения к герою в произведениях различных жанров. Писатель-беллетрист может свободно переиначивать факты, вплоть до неузнаваемости, автор-биограф несет большую ответственность за выбранный материал, ведь он имеет дело не с вымышленным персонажем, а с исторической личностью.

Валерий Михайлов – автор ещё одной биографии. На этот раз писатель обращается к судьбе замечательного поэта XX века Николая Заболоцкого [5]. Книга представляет собой полную историю жизни поэта. Как и при описании жизненного пути Е. Боратынского, биограф уделяет особое внимание творческой биографии своего героя. Поэтические открытия Н. Заболоцкого, его поиск собственного голоса, контраст и взаимосвязь поэтики «раннего» и «позднего» Заболоцкого – все эти темы отбираются автором биографии как наиболее важные для его человеческой судьбы, ведь в жизни поэта его творчество – основа всего.

Николай Заболоцкий – один из множества выдающихся деятелей русской культуры, попавших под пресс сталинских репрессий, автор написанной в 1956 году «Истории моего заключения». Арест, тюрьма, лагерь – эти события не могли не сказаться не только на человеческой, но и на творческой судьбе поэта. Однако «история жизни Заболоцкого – это история о том, как созидательная сила поэтического дара перемальвает страдания, превращая несправедливость и боль в печальную красоту строк. О том, что жизнь не в силах сломать человека, верящего в своё

высокое предназначение. Может, потому эта история по-настоящему трогает? Такие биографии укрепляют нашу веру в Человека, в его духовную мощь» [6, 1].

В главе книги о Заболоцком «Душа, полная тайн» Валерий Михайлов так пишет об этом: «Чем значительнее, ярче личность, тем притягательнее она как предмет самопознания человечества. И потому замечательный человек вызывает такой жадный, непреходящий интерес, как у исследователей, так и у обычных людей – вне зависимости от того, когда он жил на свете и насколько известна правда о нём и его земном существовании. Не оттого ли биография – вечный жанр литературы?» [7, 6]. Перед нами ещё один способ выражения авторской позиции – открытый разговор с читателем, которому автор доверяет свои задушевные мысли.

В казахстанской литературе многие писатели обращаются к жанру биографии. Среди них – Константин Гайворонский, автор книг о деятелях культуры XIX века, о Пушкине и его современниках. В своих размышлениях о судьбе Пушкина в повести «Между Сциллой и Харибдой» писатель иногда позволяет себе высказывания в условном наклонении, отвечая на им же самим поставленные вопросы: «Что могло бы произойти с Пушкиным, если бы устремления Пестеля осуществились?.. Мое мнение таково: А.С., столкнувшись с реалиями революционной диктатуры, которая имеет свойство превращаться в революционный произвол, оказался бы в рядах оппозиции и мог бы повторить судьбу Андрея Шенье или закончить дни где-нибудь в Бурятии. Вирус насилия в людях замаскирован благими намерениями. Пушкин после смерти Карамзина не прерывал отношений с семьей историка, ему был известен диагноз Николая Михайловича, поставленный ратующим за революционные потрясения: «Те, которые у нас более прочих вопиют против самодержавия, носят его в крови и лимфе» (Письма)» [8, 97]. К. Гайворонский, таким образом, выражает свою авторскую позицию, подкрепляя её обращением к документу описываемой эпохи. Суждение современного писателя о сложных идейных и политических противоречиях прошлого оказывается не голословным, а созвучным с мнением самого авторитетного историка XIX века.

Известный казахстанский литературовед и литературный критик Виктор Владимирович Бадиков в заметках о творчестве Надежды Черновой «Сначала было, было и потом» [9] повествует о поэтессе в контексте творчества других писателей Республики Казахстан. Он упоминает о таких поэтах, как В. Антонов, Л. Лезина, Т. Мадзигон, О. Постников, Е. Курдаков, В. Михайлов, Б. Канапьянов, Б. Каирбеков, О. Жанайдаров и др. Биография поэтессы важна Бадикову прежде всего как основа её творческого пути. Ведь «малая родина» Н. Черновой, судьбы её предков, взрастившая поэта природа Казахстана – все эти факты

биографии становятся фактами творчества, воплощаются в темах и мотивах стихотворений. Говоря о евразийском начале в судьбе Надежды Черновой, В. Бадиков отмечает, с какой поэтической точностью формулирует эту особенность своей биографии сама поэтесса: «"Как материнских две руки, Два языка меня качали". Так внутри самой поэзии происходит духовное взаимопереливание поэтической крови, без которой подлинное искусство не существует» [9, 90].

Особенностью заметок В. Бадикова является субъективная позиция автора. Отталкиваясь от «сухих фактов», автор выражает свое оригинальное видение поэзии Н. Черновой: «У стихов Надежды Черновой это имя есть, потому что это высокое искусство, и современная казахстанская поэзия, начиная с 70-х годов XX века, уже непредставима без ее имени и голоса, а главное – без того глубокого и органичного вживания в действительность нашей республики, которое особенно свойственно ее лирике» [9, 88-89].

В. Бадиков показывает, как в поэзии Н. Черновой за образом созданной ею лирической героини проглядывают черты личности и факты биографии автора: «... расставанья, в том числе и рутинный семейный альянс, когда "сменяла птицу-соловья, / на петушиный гребень я / и на тепло насеста", смерть любимого человека» [9, 93].

Героиня биографических заметок В. Бадикова, писательница Надежда Чернова тоже обращается к жанру биографического очерка. Она посвятила удивительно проникновенную статью Алексею Брусиловскому, поэту и философу своего времени. «Я знаю – мир нежен и вечен...» – эти строки из стихотворения А. Брусиловского она выбирает в качестве заголовка своей статьи, где сумела переплести «земное» и «небесное».

Рассказ о событиях жизни А. Брусиловского перемежается авторскими раздумьями: «Он был поэтом и философом. Материалистом и идеалистом. И постоянным собеседником его, учителем, исповедником был Всевышний. С Ним соизмерял он свои представления о мире земном и небесном. У Него искал путь к истине» [10, 146]. Биографические факты, записанные со слов сестры А. Брусиловского, Надежда Чернова располагает в хронологическом порядке, делая акцент на родословной своего героя. Преждевременная смерть талантливого поэта становится для читателя глубоким переживанием, благодаря включению в текст статьи отрывков из его стихотворений:

Мне некогда ждать, я не вечен,

Я тоже умру и уйду.

Но – словом я буду отмечен

И награждён по труду [10, 149].

В проведённый обзор биографической документально-художественной прозы Казахстана включены произведения разных жанров: развёрнутая литературная биография (В. Михайлов), биографическая

повесть-эссе (К. Гайворонский), поэтическая биография в литературно-критической статье (В. Бадиков), биография-некролог (Н. Чернова). Авторы биографического повествования по-разному проявляют свою позицию в тексте.

Валерий Михайлов в биографии Е. Боратынского придерживается объективного тона повествования, чему служит и хронологически выстроенная композиция книги. Однако авторская позиция «прорывается» иногда в субъективных оценках и в отборе биографического материала. В книге о Н. Заболоцком биограф выражает своё отношение к судьбе и личности своего героя не только через отбор фактов и стихотворений, но и путём открытого эмоционального авторского высказывания.

В повести К. Гайворонского «Между Сциллой и Харибдой» развивается традиция биографии-исследования, заложенная в казахстанской литературе произведениями Н. Раевского. Биограф выдвигает свои собственные догадки, версии, гипотезы. При этом все предположения писателя опираются на достоверные факты, подлинные документы и глубокое знание описываемой эпохи.

В. Бадиков не избегает авторской субъективности при воссоздании творческой биографии своей героини. В его наблюдениях и оценках просвечивает человеческая теплота и ясное понимание взаимосвязи биографии и творчества поэтессы.

Н. Черновой удаётся передать своё восхищение рано ушедшим из жизни поэтом. Биография А. Брусиловского становится средством показать его незаурядность. Раскрытию авторской позиции здесь служат размышления писательницы, которые сродни раздумьям её героя – поэта-философа.

Многообразие способов проявления авторской позиции в биографическом повествовании свидетельствует не только о широких возможностях этой жанровой формы, но и о художественном мастерстве казахстанских писателей.

Список литературы:

1. Голофаст В. Концепции индивида и пространство биографий // Право на имя: Биография XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003-2012. – СПб.: Норма, 2013. – С. 399-413.
2. Рейтблат А. Биографируемый и его биограф (К постановке проблемы) // Право на имя: Биография XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003-2012. – СПб.: Норма, 2013. – С. 413-423.
3. Павлова Т.А. Методологические проблемы. Биографистика в СССР // Историческая биография. – М., 1990. – С. 5-12.
4. Михайлов В.Ф. Боратынский. – М: Молодая гвардия, 2015. – 486 с.
5. Михайлов В.Ф. Заболоцкий: Иволга, леса отшельница. – М.: Молодая гвардия, 2018. – 652 с.

6. Книга недели. Валерий Михайлов. Заболоцкий: Иволга, леса отшельница. // Литературная газета, 2018, № 21. – С. 1.
7. Михайлов В. Иволга, леса отшельница. Книга о Николае Заболоцком // Простор, 2017. № 10. – С. 3-95.
8. Гайворонский К. Между Сциллой и Харибдой. – Алматы: Раритет, 2001. – 304 с.
9. Бадиков В. «Сначала было, было и потом»: Заметки о творчестве Надежды Черновой // Бадиков В. Новые ветры. – Алматы, 2005. – 336 с. – С. 87-96.
10. Чернова Н. «Я знаю – мир нежен и вечен...»: [о казахстанском поэте Алексее Брусилковском] // Простор. 2013. № 1. – С. 146-149.

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ ГРУППЫ «МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ»

*Абишева Сауле Джунусовна
д.ф.н, профессор КазНПУ им. Абая*

*Белоусова Анастасия
магистрант КазНПУ им. Абая*

Аннотация. Образ времени в творчестве участников группы «Московское время» рассматривается на фоне четырёх современников поэтов: И. Бродского, О. Чухонцева, В. Некрасова, Д. Пригова и Л. Лосева. В данной статье сравнивается работа со словами с семантикой времени и выявляется тенденция к наиболее частому использованию слов среди участников группы. Также проанализированы контекст и особенности употребления временных обозначений у каждого участника, выявлены сходства и различия.

Ключевые слова: Московское время, образ времени, семантика времени, А. Цветков, Б. Кенжеев, А. Сопровский, С. Гандлевский, И. Бродский, О. Чухонцев, В. Некрасов, Д. Пригов, Л. Лосев.

Түйіндеме. «Мәскеу уақыт» тобының мүшелерінің жұмысындағы уақыт бейнесі ақындардың төрт замандастары – И.Бродский, О.Чухонцев, В.Некрасов, Д.Пригов және Л.Лосевтің фонында қаралады. Бұл мақала уақыт семантикасы бар сөздермен жұмыс жасайды және топ мүшелерінің арасындағы сөздерді жиі қолдануға бейімділігін көрсетеді. Әр қатысушы үшін уақытша рәміздерді пайдалану контексті мен ерекшеліктері талданды және ұқсастықтар мен айырмашылықтар анықталды.

Түйінді сөздер: Мәскеу уақыты, уақыт бейнесі, уақыт семантикасы, А. Цветков, Б. Кенжеев, А.Сопровский, С. Гандлевский, И. Бродский, О.Чухонцев, В. Некрасов, Д. Пригов, Л. Лосев.

Annotation. The image of time in the work of the members of the Moscow Time group is viewed against the background of four contemporaries of poets: I. Brodsky, O. Chukhontsev, V. Nekrasov, D. Prigov and L. Losev. This article compares work with words with the semantics of time and reveals a tendency towards the most frequent use of words among group members. The context and features of the use of temporary symbols for each participant were also analyzed, and similarities and differences were revealed.

Key words: Moscow time, time image, semantics of time, A. Tsvetkov, B. Kenzheev, A. Soprovsky, S. Gandlevsky, I. Brodsky, O. Chukhontsev, V.Nekrasov, D. Prigov, L. Losev.

Поэтическая группа «Московское время» сложилась в 70-х годах XX века. В его названии внимание акцентируется на понятии времени, которое раскрывается в творчестве участников на разных уровнях. Поскольку объединение предполагает единую эстетическую платформу, имеет смысл выявить и изучить общегрупповой комплекс мотивов и образов, связанных с семантикой времени.

В литературной энциклопедии терминов и понятий образ определяется как факт воображаемого бытия. Он всякий раз заново реализуется в воображении адресата, владеющего «ключом», культурным «кодом» для его опознания и уразумения [1, Стлб. 671]. Мотив в словаре С. Ожегова – это «проходящие через художественное произведение, творчество художника или через целое направление компоненты формы, элементы сюжета или темы, настроения» [2, 451].

Попытаемся на примере ранней лирики представителей группы «Московское время» исследовать феномен образа времени и мотивов, формирующих его смысл, т.к., как писал М. Айзенберг, что правильная статья о них была бы повествованием о том, как одаренный человек существует во времени, которое ему неудобно или враждебно, как он обходится с таким временем и как время обходится с ним [3].

В качестве исторического фона взято творчество пяти современников поэтов группы: И. Бродского, О. Чухонцева, В. Некрасова, Дм. Пригова и Л. Лосева. Выбор данных имен для демонстрации контекста обусловлен несколькими факторами. Во-первых, они являются представителями одного поколения с участниками «Московского времени». Во-вторых, писали с ними в один промежуток времени, который выбран для рассмотрения. В-третьих, В. Некрасов, Дм. Пригов и Л. Лосев были представителями андеграунда так же, как и поэты «Московского времени», а поэзию О. Чухонцева и И. Бродского сравнивал с объединением исследователь А. Бокарев в своей монографии «Поэтика литературной группы «Московское время» в контексте русской лирики 1970–1980-х годов» [4].

Для достижения поставленной задачи мы обратились к статистическому методу. Был сделан срез одинакового объема поэтических текстов у указанных поэтов XX века. Наиболее схожее количество слов каждым из участников группы было использовано в промежутке 1976-1981 годов. Средний статистический срез для каждого из поэтов в отдельности составил 5000 слов. Также, не исключается возможность при дальнейшем изучении вопроса рассматривать тексты, не вошедшие в подборки, но подходящие по критериям темы. Кроме количества слов далее будет указано количество символов для лучшего понимания картины с учетом того, что разные поэтики могут включать слова разной длины.

В каждой подборке подсчитано количество упоминаний 17 слов с семантикой времени, их производных и однокоренных, а после выведено соотношение этих слов к общему объему текста. Это слова: *время, ночь, день, утро, вечер, рассвет, зима, лето, осень, весна, час, минута, секунда, год, век, всегда, никогда.*

Проанализированы:

- 44 стихотворения из «Сборника пьес для жизни соло» от «Гарь полуночная, спеленутая тишь» до «448-22-82» [5] *А. Цветкова*, опубликованного в 1978 году (6673 слов, 35424 знаков без пробелов);

- 46 текстов *Б. Кенжеева*, написанных в 1976-1981 годах от «Нырнуть бы в праздничную прорубь» до «На проживание около военного аэродрома» и, как репрезентативное дополнение, «неизбежность неизбежна» (5044 слов, 26235 знаков без пробелов, сборник Избранная лирика 1970-1981) [6];

- 29 стихотворений *С. Гандлевского* 1976-1982 годов от «Что ж, зима. Белый улей распахнут» до «Самосуд неожиданной зрелости» (5224 слов, 28954 знаков без пробелов) [7];

- 25 текстов *А. Сопровского* 1976-1982 годов от «Устал бежать: пошла дорога в горку» до «На краю лефортовского провала» (4657 слов, 24 494 знаков без пробелов) [8];

- 18 стихотворения *И. Бродского* 1972-1976 годов от «24 декабря 1971 года» до «Темза в Челси» (5357 слов, 26855 знаков без пробелов) [9];

- 8 текстов *О. Чухонцева* 1976-1980 годов от «Пусть те, кого оставил Бог...» до «Черемуха в овраге. Соловей...» (6192 слова, 29753 знаков без пробелов) [10];

- 184 текста *В. Некрасова* приблизительно 1978-1979 годов от «Ну знаете ли/ это / вы извините» до «день / где-нибудь» (6552 слова, 28329 знаков без пробелов) [11];

- 142 стихотворения *Дм. Пригова* с 1975 по 1989 годов от «Я всю жизнь свою провел в мытье посуды» до « В чистом поле я гуляла» (6762 слов, 29854 знака) [12];

• 40 стихотворений *Л. Лосева*, изданных в 1985 году из циклов «Память водки» и «Продленный день и другие воспоминания о холодной погоде» (4830 слов, 25926 символов) [13].

В результате составлена таблица. Самый высокий показатель использования временных словообразов в тексте – у Б. Кенжеева, а самый низкий – у О. Чухонцева, между ними разница в четыре раза. Наиболее низкий коэффициент по группе – у С. Гандлевского – 0,019, однако и он выше, чем самый высокий показатель поэта, не принадлежащего к объединению, И. Бродского – 0,014. Данная корреляция позволяет предположить, что образ времени занимает особую нишу в творчестве участников группы, и это выделяет их из массы современников. В связи с этим рассмотрим далее, пользуясь моделью В. Григорьева, описанной в его труде «Поэтика слова» [14, 155], словоформу «время». Это позволит лучше понять, как работают с образом времени поэты группы.

Время А. Сопровского

Наиболее часто словообраз «время» встречается у А. Сопровского: 21 раз. В его текстах используется время и как категория, и как вспомогательное слово.

Время как субъект у А. Сопровского связано с семантикой ускользания: *время спряталось, заканчивалось время*. Нередко заканчивающееся время упомянуто рядом с рассветом, который никак не настает. Показательно, что тема рассвета и времени, как застывшей черты, которую невозможно преодолеть, развивается всеми поэтами группы. Также в текстах А. Сопровского говорится, что *времени нет и в безвремяе отодвигается срок*. Отрицается оно и на других уровнях, например, в стихотворении «Земли осенней черные пласты» время одновременно благословляется и проклинается: *Будь проклят день и час, когда... Прости, / Благословись, возлюбленное время*. Таким образом, вводится мотив принципиального и непреодолимого одиночества, связанного с устройством мира. Также присутствует мотив хаоса в словосочетании *времени шум и гам*.

Однокоренные слова добавляют новые оттенки: *смертный мир – не больше, чем времянка* – временное в значении недолговечного; *тех времен, на заре времен, о давности времен, было время седым парикам* – время как хронологическая деталь; *вовремя рухнуть* – обозначение актуального предела.

В лирике А. Сопровского встречаются такие смысловые оттенки категории времени, как приближенность к некоторой границе: *воздух нечист, и расстроено время. / На рубежах ледяного апреля*; текучесть: *речка времени намывала*, которые не очень распространены у него, зато более активно раскрываются другим участником группы, как будет видно далее.

Словообраз время у поэта нередко выступает в сочетании с простыми по смыслу глаголами: *время спряталось; расстроено время; стынувшим надменно временам; горькой памяти время настало; время прямой / Выговаривать каждое слово*. В результате использования банальных олицетворений в новом семантическом пространстве возникает особая выразительность и появляется новый эстетический эффект, а сочетание надменности и решительности с трусостью позволяет говорить о неоднозначном отношении поэта к образу времени.

Определения, находящиеся в одном контексте со словом «время», оказываются структурообразующими в первой части стихотворения «Признание в любви, или начало прощания»: *время седым парикам, время – нежной морской синеве, горькой памяти время, время прямой / Выговаривать каждое слово*. Можно заметить градацию смыслов по мере изменения определений в тексте: сначала прошлое с оттенком ностальгии, затем спокойное принятие, а горькой памяти время совпадает со временем прямой выговаривать каждое слово. Синергией прошлого и настоящего в этом образе можно проиллюстрировать одну из стратегических универсалий группы, выделенных в посвященной данной теме статье [15, 190]: обновление традиции.

Встречаются случаи сочетания с генетивом, которые обладают уже отмеченной ранее шаблонностью: *на заре времен, о давности времен*.

Примером параномической аттракции может послужить сочетание *время прямой* в стихах:

Горькой памяти время настало,
Тайной вольности. Время прямой
Выговаривать каждое слово.

В ритмическом плане звуки слов частично друг друга отражают: *емя – яме*, а также легко перетекают друг в друга за счет согласной «р». Данный прием ускоряет ритм в конце строки и позволяет ей, следуя за смыслом, легче перейти в следующую. За счет этой сбивки ритма внимание лишний раз акцентируется на образе времени.

Таким образом, отношение А. Сопровского ко времени получается амбивалентным и ярко эмоциональным. Он одновременно стремится преодолеть его, влиться в настоящее, но постоянно обращается к прошлому, любит и ненавидит, а в результате делает живым, с собственным человеческим характером: упорным, но пугливым, грустным, но решительным.

Время А. Цветкова

В исследованной нами подборке А. Цветков 17 раз использовал слово время и его однокоренные в разных формах. В основном, как философскую категорию: *время перехвачено, время проходит, будет*

время и т.п., всего один раз оно используется во вспомогательном значении – *струсить вовремя*, и один раз, как глагол *повременить*. Остальные случаи – сочетания с генитивом. *Время* используется не как инструмент, а как полноценный субъект, участник действия. 4 раза оно и сцепленные с ним образы упоминаются в самом конце, оказываясь финальными, что заостряет на нем отдельное внимание.

Часты использования словоформы с привлечением семантики воды: *время потекло, ток временной, течение времен*. Мотив текущего времени подкрепляется другими образами жидкостей, например, в стихотворении «Звездная баллада», в котором *время потекло*. Здесь присутствуют также такие яркие образы, связанные с семантикой жидкости, как *отравленная слюна, молочный пруд, там бездомный пес мочился под черешней*, а в конце появляются *сеть рек и три звезды коньячных*. В тексте, где есть течение времен, говорится: «*Я вырос в скрещенье потоков*». Это можно назвать формулой А. Цветкова, основой его этической и эстетической стратегии.

У А. Цветкова образ времени часто переплетается с образом судьбы и мотивами греческой мифологии: в одном тексте возникают мойры, которые хотят *повременить, помедлить, изменить*, в другом – аид, ветер *заворачивал ток временной, и сотворенному жить не судьба*. Упоминает поэт *время, судьбой запасенное в срок*.

Соседствует время и с образом границы: *время клонилось к рассветному часу, Вестник времени, как неласков / Шелестящий закатный луч*, иногда оно на этой границе останавливается: *время перехвачено в пути*, иногда лирический герой хочет его остановить, *повременить, помедлить, изменить*.

Словообраз *время* не имеет при себе выразительных прилагательных – эпитетов, но есть один пример включенности его в причастный оборот. Часто используется *время* в сочетании с генитивом: *времени вода, вестник времени* и в системе сравнения: *времен тяжелая гребенка*.

Благодаря глаголам подчеркивается склонность времени к движению: *время потекло, время клонилось к рассветному часу, я до времени глух, время длится не спеша, летит наше время*. В поэтической фразе: *Вестник времени, как неласков / Шелестящий закатный луч* – присутствует двухуровневое олицетворение: через придание антропоморфных черт лучу (вестник), влиянию тропа подвергается и *время*, как обладатель вестника. Образ *Время проходит навеки* можно назвать парадоксальным.

Проведенное описание позволяет сказать, что словообраз времени у А. Цветкова тесно связан с течением, понятием границы и воспринимается как значимый самостоятельный субъект мира текстов поэта.

Время Б. Кенжеева

В подборке Б. Кенжеева слово время и его однокоренные встречаются 10 раз. В 5 из них вместе с тем упоминаются ветер, воздух, полеты и птицы: *с бедным ветром прошедших времен, лети вне времени, тихо время катится назад / ласточки над берегом скользят* и т.п. Вкупе с легким слогом поэта текст читается, как бы скользя, как ласточки.

Образ времени может выступать в качестве границы: *время на изломе, повремени – я к смерти не готов*. Встречается мотив управления временем: *время катится назад, но если время двинется вспять, лети вне времени*. В том числе граница выражается через образы конца: *и уже до конца времен, время погибать всерьез, повремени – я к смерти не готов*.

У Б. Кенжеева всего два синонимичных выражения: *время катится назад* и *время двинется вспять*. В сравнении с примерами из А. Сопровского, они еще более банальные. Встречается всего два эпитета к словообразу время: *прошедших времен* и *это время*.

Часто словообраз время занимает позицию перед определением: *время на изломе, время погибать, время выше подозрений*. В этом выражается попытка нетривиально описать время, не используя прилагательные, числительные и генитивы. Вынесение на первый план объекта описания, а не свойства, позволяет выделить склонность к предметности.

Отношение Б. Кенжеева к образу времени прагматическое и перекликается со взглядами других участников группы. Кроме осмысления времени как границы он прибавляет ей оттенок трансцендентности за счет использования таких образов границы, как сон и смерть. В том числе на этот эффект работает и такое свойство Б. Кенжеева, как гипнотичность. Его слог завораживает, закручивается и погружает в состояние транса. Например, это может осуществляться за счет повтора сходных конструкций и создания эффекта бормотания:

До горизонта поля полыни
до горизонта поля полыни
а за полынью поля сирени
а за сиренью поля беглеца
до самой смерти попытка жизни
до самой смерти возможность жизни
до самой жизни возможность смерти
и так без конца, без конца.

Время С. Гандлевского

В подборке словоформа время встречается 7 раз. В отличие от других участников группы С. Гандлевский в основном использует время для непосредственной отсылки к нужному хронологическому периоду, прошлому или настоящему.

использует метод повторов, намеренных тавтологий, то слово, упомянутое в тексте один раз, с большой вероятностью повторится в нем в среднем еще 3-4 раза. Например:

Во все время
В свое время
В то же время
В это время
В наше время
В вашем доме
И в нашем
Районе

У В. Некрасова есть отрывки текста, где словоформа *времен* употребляется три раза подряд, а также словосочетание *временные времена*.

Два раза повторяется: *свое время* и *современники*.

Контекст употреблений В. Некрасовым словоформ времени разнообразен, потому что они несут функцию непосредственного названия временного отрезка. Подробный анализ творчества данного поэта не входит в задачи нашей статьи, но нельзя исключать и того, что для В. Некрасова образ времени может иметь особенное значение, и его мировоззрение отличается от мировоззрения группы «Московское время». Для последних характерно восприятие образа времени как пограничного (см. статью «Стратегические универсалии группы «Московское время» [15, 193]). Для каждого поэта группы характерно осмысление образов времени, как границы, черты, которую необходимо, но тяжело и зачастую опасно преодолевать.

Частота обращений участников объединения к словам с семантикой времени позволяет говорить об их особом отношении к данной теме, в сравнении с другими современниками, взятыми для демонстрации поэтического контекста. Это дает дополнительное основание считать «Московское время» полноценным объединением с особенной структурой и своей эстетической платформой, отличающей участников от других поэтов.

В результате изучения особенностей работы поэтов группы «Московское время» с образами и мотивами времени, выяснилось, что они являются ключевыми в творчестве участников объединения и связаны с их идиостилем: стремление к трансцендентному у А. Цветкова, мотивы свободы у Б. Кенжеева и борьбы – у А. Сопровского, а также онейричность в поэзии С. Гандлевского.

Для А. Сопровского важен мотив сна как пограничного состояния, мотив освобождения и своеобразного воскрешения: «рассвет» и его производные он использует в два раза чаще, чем остальные. Наблюдается у него одна общая черта с Б. Кенжеевым: высокий уровень употребления слов, связанных с ветром и полетом. Для Б. Кенжеева данный мотив органично подкрепляется образом времени в виде ветра или крылатой вьюги. А. Цветков и Б. Кенжеев активно работают с образом ночи.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что образ времени важен для каждого участника объединения, но они актуализируют его разными путями за счет рознящихся мотивов, периодически пересекающихся между собой.

Список литературы:

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М., 2001.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. – М., 1997.
3. Айзенберг М. Минус тридцать по московскому времени // «Знамя» 2005, № 8 // <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/8/aiz7.html> (дата обращения: 21.03.2018).
4. Бокарев А.С. Поэтика литературной группы «Московское время» в контексте русской лирики 1970–1980-х годов: монография / – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – 183 с.
5. Цветков А. «Сборник пьес для жизни соло» (1978), <https://www.tema.ru/trr/litcafe/tsvetkov/1.html> (дата обращения: 21.11.2018).
6. Кенжеев Б. 46 стихотворений (1976-1981) сборник Избранная лирика 1970-1981, с. 31-81, с. 87, https://vtoraya-literatura.com/pdf/kenzheev_izbrannaya_lirika_1970-1981_aridis_1984_text.pdf (дата обращения: 21.11.2018).
7. Гандлевский С. Избранные стихотворения (1976-1982) на персональном сайте, <http://www.gandlevskiy.poet-premium.ru/poetry/1973-1994.html#1> (дата обращения: 21.11.2018)
8. Сопровский А. 25 стихотворений, <http://www.vavilon.ru/texts/soprovsky1-1.html> (дата обращения: 21.11.2018).
9. Бродский И. «Части речи», <http://lib.ru/BRODSKIJ/chastx.txt> (дата обращения: 21.11.2018).
10. Чухонцев О. Избранные стихотворения на персональном сайте, <http://chuhoncev.poet-premium.ru/poetry.html>, (дата обращения: 21.11.2018).

11. Некрасов В. // <http://levin.rinet.ru/FRIENDS/NEKRASOV/StihIzZhurnala.html> (дата обращения: 22.01.2019).
12. Пригов Д. <http://lib.ru/ANEKDOTY/PRIGOW/prigov.txt> (дата обращения: 22.01.2019).
13. Лосев Л. «Чудесный десант», Стихи. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012.
14. Григорьев В.П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. 1979. М.: Наука.
15. Абишева С.Д., Белоусова А. Стратегические универсалии группы «Московское время» // *LingvLit: науч. альманах*, вып. 2. – Алматы 2018. – С. 189-197.

ТИП «ГЕРОЯ-НЕВИДИМКИ» В РАССКАЗАХ ВИКТОРИИ ТОКАРЕВОЙ

*Рустембекова Жансая Рустембековна
магистрант КазНПУ им. Абая*

Аннотация. В статье исследуется тип «героя-невидимки» в рассказах Виктории Токаревой. На основе текста рассказов «Рубль шестьдесят – не деньги», «О том, чего не было» и «Пропади оно пропадом» рассматривается социально-психологический тип героя-мужчины. При анализе выявляются общие черты, свойственные токаревским героям: заниженная самооценка; важное значение рефлексии; незаметность героя и равнодушие к нему окружающих; слабость характера; беспомощность в ситуации выбора и др.

Ключевые слова: общечеловеческие и индивидуальные черты, способы создания характера, психологический тип героя, герой-невидимка.

Түйіндеме. Бұл мақалада Виктория Токареваның әңгімелеріндегі «көрінбейтін кейіпкер» түрі зерттеледі. «Рубль шестьдесят – не деньги», «О том, чего не было» және «Пропади оно пропадом» әңгімелері негізінде кейіпкер-ер адамның элеуметтік-психологиялық түрі қарастырылады. Талдау барысында Токарева кейіпкерлеріне тән жалпы белгілер анықталды: өзін төмен бағалауы; рефлексияның маңыздылығы; кейіпкердің еленбеуі және қоршаған адамдардың немқұрайлығы; мінездің әлсіздігі; таңдау жағдайындағы дәрменсіздік және т. б.

Түйін сөздер: жалпыадамзаттық және жеке қасиеттер, сипатты құру тәсілдері, кейіпкердің психологиялық түрі, көрінбейтін кейіпкер.

Abstract. The article investigates the type of «invisible hero» in stories Victoria Tokareva. On the basis of the text of the stories «Рубль шестьдесят – не деньги», «О том, чего не было» and «Пропади оно пропадом» is considered socially-psychological type of the male hero. The analysis reveals common features, characteristic Tokareva heroes: low self-esteem; important meaning of reflection; the invisibility of the hero and the indifference to him of others; weakness nature; the helplessness in a situation of choice.

Key words: universal and individual traits, ways create character, psychological type of hero, invisible hero.

Виктория Токарева интересна своей художественной индивидуальностью, своеобразием стиля, нестандартным подходом к решению современных проблем. Творчество В. Токаревой представляет собой жанровое единство, поскольку входит в целостное направление современной литературы. В творчестве Виктории Токаревой особенной чертой является то, что сюжеты взяты из повседневной жизни обыкновенных людей, и поэтому легко узнаваемы. Писательница рассказывает о знакомой нам жизни занимательно, с юмором.

Автор черпает материал из окружающей действительности. Сюжет нередко характеризуется монтажностью, передаются только те моменты, которые наиболее полно характеризуют, раскрывают психологическое состояние персонажа. Характер персонажа в творчестве В. Токаревой строится как проявление общего через частное, общечеловеческого через индивидуальность. В ее текстах наблюдается высокая степень психологического обобщения [1, 161].

Как отмечает Р. Чаплл, персонажи Токаревой – одинокие мужчины и женщины, не понятые другими. Эти персонажи депрессивны, можно сказать, изгнаны из общества. Они осознают окружающую их реальность и хотят выбраться из нее и преуспеть в жизни. У этих героев часто есть какая-то мечта, но эта мечта не является непременно практичной, и она не всегда согласована с окружающей их реальностью. Герои Токаревой одновременно и хотят изменить ситуацию, и не желают прилагать усилия [2, 185].

Часто мужчины в произведениях В.Токаревой оказываются в экстремальной житейской ситуации. Это, в свою очередь, влияет на занимаемое ими место в обществе. Герои Токаревой разные по социальному и семейному положению, но в то же время они схожи по характеру, восприятию мира, отношению к окружающей их среде и к семье.

Объектом исследования в статье станет тип героя в ранней прозе Токаревой, а предметом – психотип мужчины в рассказах В.Токаревой. Для анализа были выбраны три рассказа: «Рубль шестьдесят – не деньги», «О том, чего не было» и «Пропади оно пропадом». В каждом из них

главный герой – ещё молодой мужчина, который не удовлетворен своей жизнью и затрудняется что-либо изменить.

В характере мужчин можно выделить общие черты, которые свойственны этим токаревским героям.

1. Заниженная самооценка.
2. Важное значение рефлексии (в форме внутреннего монолога).
3. Мужчины – «невидимки» (точка зрения окружающих людей).
4. Подражание определенным личностям.
5. Наличие мечты.
6. Слабость характера.
7. Беспомощность в ситуации выбора.

Героем рассказа «Рубль шестьдесят – не деньги» является молодой изобретатель Слава, задавленный своим одиночеством, несмотря на наличие семьи, друзей. Он мечтает походить на своего руководителя Копылова, в котором видит гения. «Завидую потому, что он – гений, а я просто способный человек. Я, может быть, могу выдумать самолет, но на это уйдет много времени. Потому что я буду отвлекаться. А Копылов ни на что не отвлекается. Все остальное ему неинтересно» [3, 204].

Славу больше всего расстраивает тот факт, что его никто не замечает. Им не интересуются коллеги. Друг просто игнорирует его, думая, что он лишь хочет оказаться в центре внимания, и даже жена, которая перестала его замечать. «Но, в сущности, меня здесь нет. И она привыкла к этому и перестала меня замечать» – говорит он про себя [3, 216]. Единственным надежным человеком Слава считает свою дочку, Витьку, которая всем сердцем любит своего отца и ни на кого не променяет.

Слава даже с помощью шапки-невидимки не обретает желаемого. Наоборот, он все больше убеждается в том, что для окружающих, особенно Копылова, он человек-«невидимка». «Копылов стал смотреть на меня, и это продолжалось долго – минуту или две. Я попробовал даже слабо улыбнуться, но лицо Копылова оставалось бесстрастным, и я понял: он смотрит на меня и меня не видит» [3, 206].

Но в характере Славы есть и положительные черты, которые вызывают симпатию к герою. Купив шапку-невидимку, он мог бы позволить себе недоброжелательные поступки, но Слава не допускает подобного. Даже при шапке-невидимке он добросовестно стоит в очереди в кассу, чтобы купить билеты в кино. Также Слава думает: «Хорошо бы где-нибудь возле Парка культуры имени Горького продавали в ларьке талант, любовь, надежду по килограмму в одни руки. Я поехал бы туда и набрал целую хозяйственную сумку – для себя и для своих знакомых» [3, 210]. Из этих его размышлений можно понять, что он нисколько не эгоистичен, и желает окружающим людям только добра.

Чувствуя внутреннюю опустошенность, персонаж рассказа постоянно ведет монолог. Если прислушаться к его монологам, можно увидеть одинокого мужчину, который всегда задается вопросами. «Зачем я купил эту шапку? Чтобы узнать все о себе? А так ли это необходимо знать о себе все? Люди не дураки. Недаром эти шапки лежали навалом, и никто не хотел их брать. Даже за рубль шестьдесят» [3, 210].

Оказавшись в безысходном положении, пытаясь определить свое место в обществе, Слава ищет утешения в женщине, которую бросил четыре года назад. К великому его удивлению, Слава узнает, что он является причиной счастья для Вики, и что она по-настоящему верит в него.

«...– Зато она каждый день тебя видит.

– Думаешь, это такое уж счастье?

– Счастье! – убежденно сказала она. Мы снова помолчали...» [3, 220-221].

Все же в конце рассказа герой обретает смысл жизни, достигает того, к чему стремился, занимает свое место в жизни любящей его женщины.

В рассказе «О том, чего не было» героя мы видим в образе молодого врача «Неотложной помощи» Димы. Жизнь Димы и люди в ней были однообразны, как и его работа. Как и Слава, он был «невидимкой» для окружающих его людей. «Люди вызывали его к себе домой, когда им было плохо, и очень радовались Диминому приходу. Но как только им становилось получше и Дима уходил, они совершенно о нем забывали» [3, 248].

У Димы была любимая девушка по имени Ляля, которая тоже не наделяла его особым вниманием. Даже близкие люди Димы, в особенности мама, не относились к нему с нужным уважением. Собственная мама напоминала ему, что им любой может просто воспользоваться. «У тебя ничего нет и никогда ничего не будет» [3, 250]. От таких слов Дима всегда напивался, и если ему плохо, становилось еще хуже от выпитого. После всего он отправлялся в дом соседки Регины, которая, в свою очередь, просила его не разговаривать и не отвлекать её от работы. От Димы все ждали помощи, а ему самому никто не хотел помочь.

Дима с детства мечтал, чтобы у него дома жил тигр. Как правило, эта мечта всем казалась уму непостижимой, но Дима же не отказывался от этой мечты и ходил по зоопаркам и дрессировщикам, чтобы купить тигра. Но даже при исполнении мечты он не испытывал счастья и восторга. «Было удивление, какая-то легкая опустошенность, а восторга не было. Просто Дима первый раз переживал осуществление мечты и не знал, что именно так оно и выражается: удивление, опустошенность и покой» [3, 257]. Но все же присутствие тигренка в его жизни делало его счастливее.

И в характере Димы проявляются такие черты, как доброта по отношению к окружающим, желание совершать благие дела. «Когда человеку хорошо, он становится добрее и желает счастья другим. Дима желал счастья всем, кого он знал и кого не знал. Ему хотелось носить это счастье в своем кожаном чемоданчике и оставлять в каждом доме, куда его вызывали с неотложной помощью» [3, 258].

В конце концов, влияние других людей, его собственные сомнения, неуверенность в правильности своего поступка послужили тому, что от него сбежала мечта. Он испытывал к самому себе чувство жалости, и побоялся другим показаться неинтересным человеком, у которого не было мечты. Про себя Дима вспомнил слова Энгельса: «Что такое трагедия? – Столкновение желания с невозможностью осуществления» [3, 270].

Характер этого героя неустойчив, он почти не сформирован. Поиски смысла жизни происходят неосознанно.

Рассказ «Пропади оно пропадом» повествует о враче Смоленском, который также оказывается в экстремальной ситуации, колеблясь между женой и любовницей. Для Смоленского любовь и семья совершенно разные вещи, которые могут только сосуществовать. Если семья является постоянной, то любовь переменной. Он отождествляет любовь с болезнью, которую нужно вовремя излечить, в противном случае, она может привести тебя к гибели.

С одной стороны, – жена, самая умная и самая красивая женщина на Земле, с которой он знаком довольно долго и от которой имеет сына, являющегося смыслом его жизни. «Смоленский наклонился над раскладушкой, и все лучшее, все святое, что было в нем, полетело навстречу спящему мальчику, а мальчик летел к нему, раскинув во сне руки» [3, 37]. С другой стороны, – Надя, от которой он никак не мог заставить себя отказаться. Она отвечала ему взаимностью, но в нем жил страх, что однажды «вещество любви» уйдет, и Надя разлюбит его. Смоленский ощущал свою временность и эпизодичность в её жизни.

Смоленский оказывается в трудном положении, в беспомощном состоянии, ему не под силу исправить сложившуюся ситуацию. Дома он думает о Наде, а с Надей думает о доме. В итоге, у него ни семьи, ни любви, ни порядка, а одна только измученная совесть. В какой-то момент он старается, взяв себя в руки, начать все сначала, то есть вернуть прежнюю жизнь, но безрезультатно. В характере Смоленского можно увидеть слабого мужчину, которому никак не удастся привести в порядок свою личную жизнь, разобраться с возникшей сложностью, и, наконец, сделать выбор.

Такое проявление слабости у мужчин характерно многим токаревским героям. Как было отмечено выше, и Слава, и Дима, и Смоленский не ищут выхода из положения, а только тихо мирятся с трудностями, тем самым усложняя себе жизнь. Но все же эти герои по

своей натуре являются добродушными, порядочными, которые всегда протягивают руку помощи окружающим им людям.

Виктория Токарева в своих рассказах показывает характер героя через сюжетную линию, внутренние монологи, через рефлексию героя и отношение к нему других. Черты характера персонажей часто соприкасаются друг с другом. Душевные движения, настроения в произведениях В. Токаревой всегда выходят на первый план, а все рассуждения и «работа разума» являются их следствием. Герои приходят к определенным выводам (чаще они представлены в форме афоризмов), лишь прочувствовав, ощутив ситуацию или даже «переварив» её на интуитивном уровне. Душевное состояние персонажей передается иносказательно, через предметы, через природные явления, бытовые ситуации [1, 162].

Герои описанных рассказов В. Токаревой могут быть отнесены к одному типу – это «мужчина-невидимка», не нашедший себя в жизни неуверенный человек. У него низкая самооценка, окружающие люди его не замечают. Он страдает от невозможности быть счастливым. В нём есть задатки таланта, доброты, творчества, но он не способен реализовать свои возможности. Многие читатели прозы В. Токаревой в 70-е годы узнавали в таком герое себя или своих добрых знакомых. Писательнице удалось выявить социально-психологический тип своего современника.

Список литературы:

1. Тертычная Н.Н. Психологизм прозы В. Токаревой (О некоторых аспектах проблемы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 9 (27) 2013, часть 1. – С. 161-165.
2. Chapple, Richard. Fruit of her plume: essays on contemporary Russian women`s culture. Happy never after: the work of Viktoriia Tokareva and glasnost. Ed. by H. Goscolo. M.E. Sharpe: New York, 1993. – 202 p.
3. Токарева В. Когда стало немножко теплее. – М., 1972. – 272 с.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА Т. ТОЛСТОЙ «ДЕВУШКА В ЦВЕТУ»

Бузаубагарова Карлыгаш Сапаргалиевна
д.ф.н., профессор КазНПУ им. Абая
Молдакулова Акерке Саменовна
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Статья посвящена определению жанра произведения Т.Толстой «Девушка в цвету». Известно, что сама писательница не разделяла творчество на определенные жанры. А дала определение произведением.

Ключевые слова: художественный мир, жанры, динамика жанров, рассказ.

Түйіндеме. Алатмыш мақала Т. Толстаяның «Гүл қыз» атты туындысының жанрын анықтауға арналған. Жазушының өзі шығарманы белгілі бір жанрларға бөлмегені белгілі. Ол жұмысын мәтін ретінде анықтаған.

Түйінді сөздер: өнер әлемі, жанрлар, жанрлардың динамикасы, әңгіме.

Abstract. The article is devoted to the definition of the genre of T. Tolstoy's "A Girl in Bloom". It is known that the writer herself did not divide the work into certain genres. And gave the definition of the product.

Key words: art world, genres, dynamics of genres, story.

В литературоведении всё больше внимания уделяется проблемам жанрового развития. Интерес к ним заметно проявляется не только в теории, но и в истории литературы, всё более склоняющейся к жанровому подходу при рассмотрении тех или иных этапов литературного развития. Поэтому вполне закономерным представляется то, что вслед за известными трудами Н. Лейдермана, М. Бахтина, Г. Поспелова, А. Чичерина, С.Аверинцева современными исследователями В. Скобелевым, Н. Тамарченко и другими было создано немало интересных работ по теории и истории жанров рассказа, повести, романа, поэмы, драмы и т.д. В русской литературе XXI века наблюдается трансформация жанров до неузнаваемости. Известно высказывание М. Бахтина о роли «обновления» в процессе «воспроизведения» традиционных форм: «В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики. Правда, эта архаика сохраняется в нем только благодаря постоянному обновлению, так сказать, осовременению. Жанр всегда и тот и не тот, всегда стар и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра <.. > Поэтому и архаика, сохраняющаяся в жанре, не мертвая, а вечно живая, то есть способная обновляться» [1, 121-122].

В сборник «Девушка в цвету» [2] входит несколько рассказов. Они отличаются своеобразным стилем изложения, повествование в каждом из них ведет ироничная рассказчица. Несмотря на серьезность проблематики: в рассказах поднимаются нравственные, философские, социальные вопросы, повествование окрашено юмором. В интервью А. Генису Татьяна Толстая так определила свой излюбленный жанр: «Я продолжаю писать короткие рассказы, но я сменила рассказы чистый фикшен – вымысел – на рассказы, в которых я, как придуманный персонаж, играю какую-то роль. Это псевдоисповедь. И это даёт мне возможность пройти по узкой, интересной мне линии между чистой выдумкой и документом» [3].

Открывается сборник «Девушка в цвету» одноименным рассказом. Современный рассказ терминологически можно определить как наиболее мобильный и свободный вид художественного произведения, главным признаком которого является факт письменного рассказывания кем-то (автором, рассказчиком, персонажем) чего-то всем. Каждый автор ищет для своего рассказа адекватное тело жанра. Именно поэтому, может быть, текстотворчество в рассказе определяет миротворчество писателя [4, 447]. Данное определение в точности характеризует произведение Т. Толстой «Девушка в цвету».

В нем повествуется об одном эпизоде из жизни восемнадцатилетней девушки. Временные рамки точно определены: описанные события происходили в июне. Пространственные пределы также конкретны: место действия – Ленинград. Повествование ведется от первого лица: спустя годы рассказывается о событиях прошлого. Однако, в отличие от жанра эссе, в рассказе не соединяются прошлое и настоящее, пространственные границы не трансформируются.

Безусловно, рассказ имеет автобиографическую основу и ориентирован на адресата: «Для тех, кто не знает нашей топографии: вот так Пушкинский Дом, а вот так – через реку – баки с заринном и заманом, не знаю, с ипритом каким. Рачительно так, по-советски» [2].

В анализируемом произведении Т. Толстой так же, как в эссе, событийный ряд оказывается малонасыщенным. Фабульными эпизодами могут быть названы только устройство на работу и увольнение с почты. Все остальные события внефабульные, поскольку главная героиня выступает как свидетель происходящего. При этом каждый фрагмент рассказа сопровождается эмоциональными комментариями, выражающими эмоции и мысли героини.

Большое значение в сюжете рассказа занимают описательные фрагменты. Рассказчица точно передает особенности урбанистического пейзажа. «Был июнь, вечером светло как днем, не страшно и очень красиво: пустой летний Ленинград, волшебные улицы Петроградской стороны; на стенах домов, над парадными – коты и ундины, треугольные девичьи лица огушительной красоты: опущенные глаза, пышные волосы, дневные сны; глубокие подворотни, полные полумглы, лиловая сирень в садах и скверах, и вдалеке за Невой светла Адмиралтейская игла» [2].

В произведении представлены портреты второстепенных героев, нарисованные рассказчицей:

1) «Странный был человек, немножко ку-ку, инвалид по голове. Ничего, кроме разноса телеграмм, его вообще не интересовало» [2].

2) «Она вообще была женщиной испуганной, встревоженной, согнувшейся под каким-то невидимым грузом», «я видела, как она торопливо прошла на работу, ссутуленная, очками вперед, ничего не видя, кроме своей государственной заботы; руки плетью висели перед

туловищем. Она плохо спала; утро ее не радовало; росу долой, птиц к черту, сирень в топку» [2].

При этом наблюдательная и остроумная рассказчица создает субъективный портрет персонажа, в описании превалирует оценка нарратора, а порой – сатирическое обобщение. Почтальона-инвалида нарратор сравнивает с солдатом Почтового государства: «Он был как бы такой солдат Почтового Государства, государственный человек, без юмора. Почтовое дело представлялось ему, кажется, сияющим Проектом, одной из систем, благодаря которой Государственный Организм функционирует: лимфатической системой, или там нервной. Он гордился, что он часть этого Проекта» [2].

С целью создания сатирического эффекта нарратор использует метонимию: «само Государство, идет размеренно и строго и пахнет сургучом, мочальными веревочками, чернильными карандашами и резиновыми штампами» [2]. В интонации рассказывания чувствуется издевка над человеком, для которого государственное дело важнее личных стремлений.

Передача речи и мыслей персонажей словом нарратора позволяет создавать образы коллег героини. Приведем примеры. Руководительница озабочена выполнением инструкций, все ее фразы представляют собой краткие или развернутые указания:

1) «Начальница, воспаленная государственными тревогами и сложностями финансовой ответственности, рассказала мне, как строится нелегкая работа разносчика телеграмм.

Есть Маршрут номер 1, налево, и Маршрут номер 2, направо. Почтальон приходит в отделение, берет пришедшие телеграммы и идет либо туда, либо сюда, по очереди» [2].

2) «Но она пугливо отвечала: нет, нет, нельзя; такова инструкция, отнести сразу» [2].

Лучший работник почты, которого героиня называет инвалидом, создал точные и подробные схемы Маршрута номер 1 и Маршрута номер 2. Рассказчица комментирует поведение почтальона:

«Он показал мне свои схемы, не выпуская их из рук, не делаясь со мной: если надо, пройди по парадным сама и срисуй. Он как бы давал понять, что причастен Государственным Секретам, планам железных дорог, синькам подземных заводов, чертежам стратегических зернохранилищ, но врагу и конкуренту не отдаст. Если пуля, если смерть – быстро схватит и проглотит книжечку, разжует! И чернила с разлинованных страниц будут стекать в его уже мертвую гортань» [2].

При передаче слов персонажей и приписываемых им мыслей, нарратор использует канцелярские обороты, сатирически заостряя преданность этих персонажей государственным заботам: «А нас, временных и легкомысленных, он как минимум не уважал. Должно быть,

он виделся себе старинным, еще 1808-го какого-нибудь года, чиновником в свежеизобретенном мундире Почтового ведомства: темно-зеленый кафтан с черным воротником и черными же обшлагами, на пуговицах – перекрещенные якорь и топор. Мне, во всяком случае, он виделся именно таким, и, завидев его издалека в слабом летнем потоке людей, прямого, сухого, возвращающегося с маршрута, я думала: вот идет, сквозь беспечную и смеющуюся толпу, само Государство, идет размеренно и строго и пахнет сургучом, мочальными веревочками, чернильными карандашами и резиновыми штампами» [2].

В рассказе создаются гротескные образы женщины-инструкции и мужчины-схемы.

Главная героиня, молодая, жизнерадостная девушка, противопоставляется ущербным служащим государственной системы. В основе композиции рассказа лежит прием антитезы. Данное противопоставление обнаруживается в слове героини-рассказчицы: «мне хотелось привнести разумность и порядок в устройство почтовой службы, если не всего мироздания, хотелось быть полезной. Я говорила начальнице отделения: «Но почему же я должна так спешить отнести “встречную” телеграмму? Человек приезжает только через неделю! Да и люди все днем на работе. Давайте я накоплю штук десять и часа через два-три пройду по Маршруту. И мне веселее, и почта деньги сэкономит» [2].

Протест против строгих правил системы выражается и на сюжетном уровне. Девушка, несмотря на строгий запрет интересоваться секретной информацией, изложенной в телеграмме, делает по-своему:

«Я должна была промаршировать прямо на проходную этого загадочного секретного учреждения и молча передать Гостайну в руки вахтера в чине не меньше полковника. Так же молча получить расписку. И – строевым шагом – назад. <...> Естественно, я отгибала уголок, запускала глаз под охранную ленточку и читала секретные телеграммы, отправляемые Центром Сигме по открытой связи. Всякий бы прочитал. Ничего там интересного не было» [2].

Позиция героини в рассказе может быть определена как позиция наблюдателя, порой наблюдателя циничного:

«Есть и такой источник обогащения, как чужое горе. Поминки. Один раз мне повезло: я приношу телеграмму соболезнования: «всем сердцем с вами, скорблю о вашей потере», – дверь открывает безутешная вдова, за ней в проеме – интеллигентная, небедная квартира. Синие обои, мебель ампир. Портреты в овалах. Сделав приличествующее, чуть опечаленное лицо, вручаю телеграмму. Вдова расписывается на квитанции и вручает мне двадцать копеек на чай».

Героиня рассказа не принимает близко к сердцу радости и печали своих клиентов, наслаждаясь своей молодостью и предчувствием счастливого будущего: «Обана! Первый раз в жизни получила на чай. Интересное ощущение. Вышла, села на лавочку в скверике покурить и

обдумать. Это же какие деньжищи. Прикинула: унижают ли чаевые человека? – Неа, не унижают, только радуют; извините, вдова и покойник. Вам время тлеть, а мне цвести. Мне восемнадцать лет, и я намерена цвести. Красно-лиловым персидским цветом».

Кульминацией произведения становится эпизод в Зоологическом Саду. Героиня пробралась в Зоосад, пользуясь статусом почталбона, и решила вырвать перо у павлина, но «вольер был забран густой сеткой, и павлин смотрел <...> враждебно, и булочка <...> его не соблазнила, и над всей аллеей внезапно раздался громкий, издевательский хохот. <...>

Но рядом никого не было, и на аллеях никого не было видно, а насмешливый женский хохот, звонкий, издевательский, висел в теплом воздухе зонтиком, куполом, полусферой летнего неба».

Бессубъектный смех воспринимается героиней как насмешка над ее отношением к жизни: «А-ха-ха-ха-ха! – надо мной, и над моими планами обобрать павлина, и над моими скопидомскими расчетами – копеечка к копеечке, всё в кубышку; и над моими планами цвести, и над моими планами жить, – сам по себе висел этот смех, как будто мироздание внезапно обратило на меня внимание: ага, это ты подсматриваешь за чужими жизнями, мелкая мошка? – да ты сама как на ладони! А-ха-ха-ха-ха!..» [2].

Девушка испытывает сначала неловкость, а затем страх:

«Это был какой-то момент истины, непонятно какой, но истины: когда над вами смеются, а кто, не видать, – открываются какие-то внутренние горизонты, раздвигаются стены, загорается свет, расстилается простор. Я стояла, вросши ногами в плотную песчаную дорожку, объятая смутным экзистенциальным стыдом. Вот так будет на Страшном Суде. А-ха-ха-ха-ха!.. – женщина, она же Бог, начала свои разоблачения по третьему кругу...» [2].

Однако после того как героиня обнаружила, что смеется птица, чайка-хохотунья, все страхи сразу забываются. Повествование из драматического плана переходит в юмористическую плоскость: «Пошла к черту, дура. Напугала только» [2].

Как видим, кульминация в рассказе представляет собой не происшествие, переломившее ход действия, а момент переоценки ценностей героиней.

Это подтверждает финал рассказа: «... мне долго потом казалось, что мир как-то неуловимо изменился. Как будто шумы какие-то умолкли. Или я оглохла, что ли» [2].

Итак, в центре изображения рассказа – восприятие мира и самоощущение молодой девушки, полной надежд. Психологизм, повышенная эмоциональность, субъективность, доминирование лирического начала позволяет определить произведение «Девушка в цвету» как лирический рассказ.

Список литературы:

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
2. Толстая Т. Девушка в цвету. – [Электронная библиотека]: <https://www.litmir.me/br/?b=254213&p=1>
3. Генис А.А. Литературные мечтания: Беседа с Татьяной Толстой. – [Электронный ресурс]: <http://www.svoboda.org/programs/otb/2002/otb>.
4. Веллер М. Технология рассказа // Веллер М. Долина идолов. – СПб., 2003.
5. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения) – INTRADA. – 2001.
6. Новиков В.Н. Ощущение жанра. Роль рассказа в развитии современной прозы // Новый мир. – 1987. – № 3. – с. 239.
7. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. – М., 1976.

**О ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
«ПАМЯТИ БРОДСКОГО» Т. ТОЛСТОЙ**

*Молдакулова Акерке Саменовна
магистрант КазНПУ им. Абая*

Аннотация. Статья посвящена определению жанра произведения Т. Толстой «Памяти Бродского». Известно, что сама писательница не разделяла творчество на определенные жанры. А дала определение произведениям – текст [1].

Ключевые слова: художественный мир, жанры, динамика жанров, эссе, рассказ.

Түйіндеме. Алатмыш мақала Т. Толстаяның «Памяти Бродского» атты туындысының жанрын анықтауға арналған. Жазушының өзі шығарманы белгілі бір жанрларға бөлмегені белгілі. Ол жұмысын мәтін ретінде анықтаған [1].

Түйінді сөздер: өнер әлемі, жанрлар, жанрлардың динамикасы, эссе, әңгіме.

Annotation. The article is devoted to the definition of the genre of creativity T. Tolstoy "in memory of Brodsky". It is known that the writer herself did not divide the work into specific genres. And she defined the work as a text [1].

Key words: art world, genres, dynamics of genres, essay, story.

В литературоведении всё больше внимания уделяется проблемам жанрового развития. Интерес к ним заметно проявляется не только в теории, но и в истории литературы, всё более склоняющейся к жанровому подходу при рассмотрении тех или иных этапов литературного развития. Поэтому вполне закономерным представляется то, что вслед за известными трудами Н. Лейдермана, М. Бахтина, Г. Пospelова, А. Чичерина, С. Аверинцева современными исследователями В. Скобелевым, Н.Тамарченко и другими было создано немало интересных работ по теории и истории жанров рассказа, повести, романа, поэмы, драмы и т.д. В русской литературе XXI века наблюдается трансформация жанров до неузнаваемости. Известно высказывание М. Бахтина о роли «обновления» в процессе «воспроизведения» традиционных форм: «В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики. Правда, эта архаика сохраняется в нем только благодаря постоянному обновлению, так сказать, осовременению. Жанр всегда и тот и не тот, всегда стар и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра <.. > Поэтому и архаика, сохраняющаяся в жанре, не мертвая, а вечно живая, то есть способная обновляться» [2, 121-122].

Очень важная особенность в изучении жанра на современном этапе заключается в том, что, стремясь преодолеть отвлеченность существующих жанровых определений, исследователи идут по пути изучения конкретно-исторических типов того или иного жанра и тем самым осваивают новый вариант типологического подхода, который можно назвать внутрижанровой типологией. Важнейшим условием её разработки является нахождение научных критериев, исходящих из сущностных свойств того или иного литературного жанра. Обоснование типологии любого жанра предполагает уточнение специфики самого этого жанра, его структурных особенностей. И, следовательно, подтверждается мысль о том, что изучение жанра на современном этапе составляет двуединый процесс: поиски внутри жанровой типологии – это условие более глубокого проникновения в природу жанра, а понимание его сущности – это предпосылка выявления научно обоснованной типологии.

Несмотря на относительную разработанность в литературоведении жанровой структуры рассказа и эссе, до сих пор не выработаны общепринятые критерии для определения видовых различий внутри этих жанров. Отсутствие единых принципов классификации рассказа и эссе на типы существенно затрудняет его изучение и требует осмысления тех критериев, которые могли бы быть признаны как научно обоснованные для жанровой типологии.

На сегодня между жанрами стираются границы. Это хорошо показано в комментариях Татьяны Толстой на презентации книги «Девушка в цвету»: где сама писательница, свое творчество не разделяет

на определенные жанры. Все произведения считает текстом [3]. В произведении «Памяти Бродского» жанры эссе и рассказ находятся в пограничном положении.

Видимо, точку зрения о жанровом синкретизме современной русской писательницы Т. Толстой с высоты нынешнего века следует признать правильной, потому что на сегодняшний день тяжело определить границы между жанрами вообще. Но думающий читатель, смеет надеяться, время от времени задается вопросом: почему сама Татьяна Толстая, считала свои произведения именно текстом? Видимо, у нее для этого были веские основания. В ходе анализа мы попробуем определить жанр произведения не по конкретным определениям, а по жанровым признакам. При чтении «Памяти Бродского», в глаза бросается: «Ему ли было не знать все на свете о поэтических законах – да он сам их создавал!» [1, 226], – говорит Т. Толстая, тем самым, давая ответ на наш анализ. Конечно великий, креативный писатель современности хорошо знает законы(правила) прозаического текста. И здесь мы видим авторское начало писателя.

Наша точка зрения: несмотря на то, что в произведении «Памяти Бродского» есть отличительные *жанровые признаки* [4] рассказа и характерные особенности жанра эссе, мы утверждаем, что «Памяти Бродского» – это мемуарное эссе с характерными признаками рассказа.

На сегодняшний день границы малого жанра между собой очень размыты. Если раньше можно было раскрыть Литературную энциклопедию или словарь литературоведческих терминов и выяснить значение слов: сюжет, композиция, деталь, образ и характер, зачин и экспозиция, пролог и эпилог, завязка-кульминация-развязка, тема и идея. Понятия эти, увы, расплывчаты и трактуются по-разному. В современном литературном мире каждый автор, писатель стремится показать свою индивидуальность, нежели придерживаются общим литературоведческим правилам нынешнего века, что мы и видим в произведениях Т. Толстой.

Термин рассказ в современном мире – это наиболее мобильный и свободный вид художественного произведения, главным признаком которого является факт письменного рассказывания кем-то (автором, рассказчиком, персонажем) чего-то всем. Каждый автор ищет для своего рассказа адекватное тело жанров. Именно поэтому, может быть, текстотворчеством в рассказе определяет миротворчество писателя [5, 447]. Данное определение в точности характеризует произведение Т. Толстой «Памяти Бродского».

В словаре литературных терминов дается следующее определение: «Рассказ – малая форма эпического рода литературы, в которой дается изображение какого-либо эпизода из жизни героя» [6]. Изображение небольшого эпизода из жизни главного героя является главным признаком жанра рассказ.

В рассказе события происходят в узком, но при этом – реальном и очерченном пространстве. Главные герои (их бывает один, максимум два). Сюжет же развивается спокойно и медленно. Ярким примером здесь могут послужить рассказы А.П. Чехова, которые настолько оригинальны, где соблюдается точные, характерные признаки малого жанра – рассказ [7]. По нашим наблюдениям в произведении «Памяти Бродского» есть точные жанровые признаки рассказа. Сюжет конечно же детально не продуман, но если рассматривать его пристально, – можно обнаружить сюжетную линию. К примеру, Толстая пишет: «Иосиф Бродский ушел, и в нашем доме пусто» (наш дом – здесь автор имеет в виду Россию) «Я познакомилась с ним в 1998 году во время короткой поездки в Америку». «А в Москве меня сразу позвали на вечер, посвященный Бродскому. Старый друг читал стихи Иосифа, потом исполнялась музыка». «Я была первым живым человеком, видевшим поэта после многих лет изгнания» [1, 223], – делится Толстая фактами из жизни, о знакомстве с великим поэтом. Главный герой, в принципе, один, сама Толстая. Натура героини, самостоятельная, энергичная и страстная. В качестве пространства выступает цепкая Россия, великая держава Америка. С Россией Бродский расставался два десятилетия назад, пытался стать американцем, любил Америку, писал эссе по-английски, но Россия – цепкая страна: сколько бы ты ни вырывался, она держит тебя до последнего [1].

Еще несколько признаков, на наш взгляд, красноречиво свидетельствует о том, что перед нами – хоть и не точный (по признакам), но рассказ. Первый признак – небольшой объем, ограниченное число действующих лиц (Татьяна Толстая, в роли повествователя и Иосиф Бродский), в которой показана одна сюжетная линия, хоть очень сжато, но точно (по факту) Толстая в данном произведении отражает судьбу Иосифа Бродского. «Памяти Бродского» Т. Толстой представляет собой несколько страниц воспоминаний о памятных встречах автора с Бродским.

Первое воспоминание связано с беседами о возможной поездке Бродского в Россию, которую, как мы знаем, он так и не предпринял. Второе воспоминание – лекция Бродского в американском колледже, где преподавала Толстая. Повествование в силу духовной и эмоциональной близости двух людей, участвующих в диалоге, является целостным и связным текстом со своей событийной основой. Диалогический характер текста предполагает обмен репликами, при которой одна из реплик непосредственно воздействует на смысл и строение последующей, а другая является непосредственной реакцией на предыдущую. Этот обмен репликами, из которых состоит текст-воспоминание, демонстрирует заинтересованность, сопереживание, эмоциональную вовлеченность во все те события, о которых повествует рассказчик, и, как следствие, способствует возникновению необходимого «духовного сближения».

Смысловая связность текста-воспоминания опирается на связность лексико-грамматическую. Формальный по организации вопрос: «Знаете что, Иосиф, ... почему бы вам не отправиться в Петербург инкогнито?» рождает в самом рассказчике бурю эмоций-откликов. «Инкогнито?» – он вдруг не сердится и не отшучивается, но слушает очень внимательно. «Ну да, знаете – наклейте усы или так просто... Закройтесь газетой в самолете. Не говорите никому – вообще никому. Приедете, сядете на троллейбус, проедете по Невскому. Пройдете по улицам – свободный, неузнаваемый. Толпа, все толкаются. Мороженое купите. Да кто вас узнает? Захотите – позвоните друзьям из автомата, – можете сказать, что из Америки. А если понравится – позвоните приятелю в дверь: вот я. Просто зашел – соскучился». Я говорю, шучу и вдруг вижу, что ему совсем не смешно – и на лице его возникает детское выражение беспомощности и какой-то странной мечтательности, и глаза смотрят как бы сквозь предметы, сквозь границы вещей, – на ту сторону времени... он молчит, и мне становится неловко, как будто я подглядываю, лезу, куда меня не просят, и, чтобы разрушить это, я говорю жалким и бодрым голосом: «Ведь правда, замечательная идея?..». Он смотрит сквозь меня и говорит: «Замечательная... Замечательная...» [1].

Смысловое содержание следующей фразы рассказчицы, синтаксически оформленное при этом как продолжение ее неоконченной предшествующей фразы, также демонстрирует эмоциональное взаимодействие участников диалога и способствует предугадыванию дальнейшего развития воспоминания. Языковое единство реплик, когда повторяются одни и те же лексические единицы, является в данном контексте следствием единения эмоционального. Это доказывает, что своё воспоминание Т. Толстая выстраивает как текст диалогической структуры.

Воспоминание имеет ассоциативный характер, фрагменты текста-воспоминания образуют общую речевую партию рассказчика в диалоге. «Памяти Бродского» характеризуется установкой на повествовательную устную речь, на рассказывание одним из участников диалога.

Второй момент, свидетельствующий о том, что перед нами все-таки рассказ, конечно, художественная деталь. В данном случае это эпитет «белый конь», курение сигарет. В начале текста Толстая пишет: «Иосиф, вы поедете в Россию?», «Вам там проходу не дадут. Вас там будут носить на руках – вместе с самолетом. Толпа навалится, снесет Шереметьевскую таможену и пронесет вас до Москвы на руках с песнями. Или до Петербурга. Хотите – на белом коне». И второй случай, эпитет «белый конь» используется второй раз уже в конце рассказа. «Знаете, что Иосиф, если вы не хотите поехать с шумом и грохотом, не хотите ни белого коня, ни восторженных толп, почему бы вам не отправиться в Петербург инкогнито?». Концепт «Белый конь». В народе

въезжать / въехать на белом коне – появиться в роли триумфатора, быть в роли победителя; связано с символикой белого цвета [8].

Иосиф Бродский был победителем для своего народа, хотя он сам этого не признавал, народ его любил и чтит, данная деталь доказывает, подчеркивает, что если Бродский вернулся бы, то его носили бы на руках, подчеркивает Т. Толстая. Жизнь Толстой и Бродского схожи. Оба жили в Америке, работали, творили там. Толстая сопоставляет свою жизнь с жизнью Бродского, сравнивает образ жизни, менталитет людей в Америке, в России. Делает выводы для себя, если прочитать текст пристально это можно заметить, но не делает громких выводов для читателей. («Не обижают ли там нашего поэта американцы?» // «Иосиф, вы поедете в Россию?» – «Я там никому не нужен».-«Не кокетничайте! Вам там проходу не дадут» // «Вы не хотите им дать поглядеть на себя издали, вашим настоящим читателям? За что вы их наказываете?» // «Они не пустили меня на похороны отца! Мама без меня умерла- я просил-они отказали!»-«Кто отказал- ваши читатели?» [1, 225].

Образ главного героя автор передает детально точно. Пытался стать американцем// Там его молодого мальчика- судили за то, что он поэт. // «Кто вас назначил поэтом?» – кричали на него. «Я думал... я думал, это от Бога». // «Иосиф, вы поедете в Россию?» – «Наверно». «Не знаю». «Может быть». «Надо бы поехать». «Не поеду». // Бродский колебался, но остался [1, 225].

Третьим признаком жанра рассказ выявляется в повествовании. В «Памяти Бродского», есть повествование, ведется оно от лица автора. В небольшом по объему произведении Толстая сумела выразить свое негодование, сатирическое, даже саркастическое отношение к менталитету, порядку в России, сравнительно с Америкой, где человека оценивают по-разному.

Итак, по вышеперечисленным признакам мы видим жанровые признаки рассказа, но рассказ не классический литературы, а современный, где мы видим эмоции автора. Толстая делится с нами о воспоминаниях, где дает ответ на трудные вопросы читателей, собравшись с мыслями. Она будто ведет диалог с читателями, опережая их ответами на поставленный вопрос. Именно поэтому описание жизненного уклада у Т. Толстой больше приближены к реальной действительности, что отражает ее творчество.

Но, в произведении «Памяти Бродского», есть множество признаков жанра эссе. В свою очередь, эссе- небольшое по объему прозаическое произведение имеющее произвольную композицию и выражающее индивидуальное мнения и впечатления по конкретному поводу (вопрос), не претендующие на исчерпывающие и определяющие трактовку темы. Определяющими чертами эссе, как правило, признают незначительный объем, конкретную тему, данную в подчеркнуто

свободном, субъективном ее толковании, свободную композицию, парадоксальную манеру мышления. В литературоведении подчеркивается, что эссе отличается образностью, афористичностью, использованием свежих метафор, новых поэтических образов, сознательной установкой на разговорную интонацию и лексику, а также тем, что на первый план в тексте выступает личность автора [9, 144].

По определению В. Хализева, «эссеистская форма – непременно-свободное соединение суммирующих сообщения о единичных фактах, описаний реальности и размышлений о ней». Мысли, высказанные в эссеистской форме, как правило, не претендуют на исчерпывающую трактовку предмета, они допускают возможность совсем иных суждений [10]. А автор статьи В. Муравьев считает, что «эссеистический стиль отличается образностью, афористичностью и установкой на разговорные интонации и лексику» [11]. Автор эссе выступает таким образом, не как носитель знаний, а выразитель мнения касательно определенной темы.

Если с этих позиций мы посмотрим на «Памяти Бродского», то увидим: кажется, черт, характеристик эссе все же больше. Анализ теоретических работ [7-11] выделяет ряд признаков характерных для жанра эссе.

В первую очередь, субъективность, отчетливо выраженная авторская позиция. Авторская позиция присутствует и в рассказе, но в рассказе он может находиться подтекстом, а именно в жанре эссе выражается большей степени. К примеру: «Он не мог не понимать, что его единственный читатель, его настоящий читатель-там, он не мог не знать, что он- русский поэт, хотя он и убедил себя – одного лишь себя, – что он поэт американский. Он писал стихи по-английски, он переводил свой стихи на английский язык, он сердился на кислые порой рецензии...».

Во-вторых, достаточно конкретная узкая тема. В эссе тема уже говорит за себя. В произведении «Памяти Бродского» диапазон охватывает очень широкий, он охватывает от философских вопросов «Лучше в Америке или в России?!», до бытовых проблем, – «Да, видела Бродского... Да, живого. Болет. Курит. Пили кофе»

В-третьих, ориентация на общение с читателями и, как следствие, использование разговорной речи.

Исходя из исследуемого материала, мы можем сказать, что произведение Т. Толстой «Памяти Бродского» является в большей степени эссе, с характерными признаками рассказа. Творчество Т. Толстой многомерно, как и сама её жизнь. Это не даёт возможности оставаться в пределах обозначенных и прочно утвердившихся магистральных линий анализа и интерпретации. Художественный мир с поэтикой времени и пространства, метафорической семантикой и игрой с литературными

аллюзиями – важные составляющие творчества писательницы. В малой прозе Т. Толстой мы наблюдаем удивительные образцы поэтического мировосприятия, даже если речь идет в них о сугубо прозаических явлениях.

Список литературы:

1. Девушка в цвету / Татьяна Толстая. – Москва: Издательство АСТ., 2015. – 348 с.
2. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
3. Презентация книги Т. Толстой «Девушка в цвету». Опубликовано на сайте youtube.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=WrfhQ6H7Ve8>.
4. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. Коженикова В.М., Николаева П.А. М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
5. Веллер М. Технология рассказа // Веллер М. Долина идолов. – СПб., 2003.
6. Словарь литературоведческих терминов. Опубликовано на сайте litena.ru [Электронный адрес]. Режим доступа: <http://litena.ru/literaturovedenie/>.
7. Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. – М., 1989.
8. Бытотова Л. И. Отражение концепта «лошадь» в языковом сознании русских и хакасов (на материале пословиц и поговорок) [Текст] // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). – СПб.: Реноме, 2013. – С. 40-44. – URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/106/4413/> (дата обращения: 27.02.2019).
9. Эншпейн М.Н. На перекрестке образа и понятия (Эссеизм в культуре Нового времени) // Парадоксы новизны. – М.: Советский писатель, 1988. – 416 с.
10. Хализиев В.Е. Теория литературы: Учебник. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.
11. Судьбы традиционной культуры. Сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой / Под ред. Кен В.Д. Санк- Петербург .: 1998. – 368 с.
12. Кройчик Л.Е. Эссе: свобода повествования или свобода мысли // Российская журналистика: смена приоритетов. – Воронеж, 1995. – 65 с.

РАЗВИТИЕ НАРРАТОЛОГИИ

Ходжамуратова Шолпан Бекмуратовна
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Данная статья посвящена изучению развития нарратологии. Нарратология оформилось в конце 1960-х годов в результате пересмотра доктрины структурализма. Главная цель нарратологии – преодоление имманентного анализа текста. Исходя из коммуникативного понимания природы литературы, приверженцы нарратологии обосновывают положение о цепочке повествовательных инстанций, по которой – в ходе активного «диалогического взаимодействия» писателя и читателя – осуществляется передача художественной информации.

Ключевые слова: нарративность, драматизированный повествователь, нарратор, нарративные произведения, панорамный обзор.

Түйіндеме. Нарратологияның негізгі мақсаты – құрылымдық ақындықтың мәтіндік сипаттамасын имманенттік талдаудан өткізу. Әдебиеттің табиғатын түсіну негізінде коммуникативті түсіндіруге сүйене отырып, нарратологияны ұстаушылар әңгіме-дүкендер тізбегін бекітуді негіздейді, оған сәйкес – жазушы мен оқырман арасындағы белсенді «диалогтық өзара әрекеттесу» барысында – көркем ақпараттарды беру жүзеге асырылады.

Түйін сөздер: нарративтік, театрландырылған әңгімелесуші, нарратор, нарративтік шығармалар, панорамалық көрініс.

Abstract. Narratology formed in the late 1960s as a result of the revision of the doctrine of structuralism. Based on the communicative understanding of the nature of literature, adherents of narratology substantiate the statement of a chain of narrative instances, according to which – in the course of an active “dialogical interaction” between the writer and the reader – artistic information is transmitted.

Key words: narrative, dramatized narrator, narrator, narrative works, panoramic view.

Как пишет в своей уже широкоизвестной книге В. Шмид, нарратология («теория повествования»), «в отличие от традиционных типологий, относящихся более или менее исключительно к жанрам романа или рассказа и ограничивающихся областью художественной литературы стремится к открытию общих структур всевозможных «нарративов», т.е. повествовательных произведений любого жанра и любой функциональности» [1, 9]. Однако, по авторитетному мнению

В.Тюпы, «предмет этой научной дисциплины и, соответственно, ее эпистематический статус на сегодняшний день нельзя признать вполне определенными» [2, 5]. Сам Шмид также поясняет, что даже в понимании опорного (поскольку «объектом нарратологии является построение *нарративных* произведений») термина «нарративный» нет единства.

В классической теории повествования к нарративному (повествовательному) разряду произведения причислялись по признакам коммуникативной структуры. Суть повествования сводилась к преломлению повествуемой действительности через призму восприятия нарратора.

В собственно же структуралистской нарратологии нарративными являются произведения, которые излагают некую историю. Понятие же истории подразумевает *событие*. Событием является некое изменение исходной ситуации: или внешней ситуации в повествуемом мире (*естественные, акциональные и интеракционные* события), или внутренней ситуации того или другого персонажа (*ментальные* события). Термин «нарративный», противопоставляемый термину «дескриптивный» («описательный»), указывает не на присутствие опосредующей инстанции изложения, а на структуру самого излагаемого материала [1, 19].

Несмотря на то, что история собственно нарратологии начинается в 1960-е годы, исследование структур повествования началось гораздо раньше. В частности, еще в конце XIX в. немецкий исследователь Отто Людвиг предложил типологию «форм повествования». Кэте Фридеманн в книге «Роль нарратора в эпической прозе» обосновала гносеологический базис понятия нарративности: оно восходит к «принятому кантовской философией гносеологическому предположению, что мы постигаем мир не таким, каким он существует сам по себе, а таким, каким он прошел через посредство некоего созерцающего ума» [2, 6]. Она же, размышляя о повествовании, противопоставляет повествовательный модус драматической передаче действительности: «Действительным» в драматическом смысле является событие, которое имеет место теперь... «Действительным» же в смысле эпическом является, в первую очередь, не повествуемое событие, а само повествование» [2, 14].

В 1884 году американский романист Генри Джеймс в эссе «Искусство прозы», а затем в предисловиях к изданиям своих произведений предложил концепцию «точки зрения». Роман, по Джеймсу, – изощренная форма писательского искусства, а точка зрения – выбор повествовательной дистанции, исключаяющей авторское вмешательство (автор везде и нигде, произведение не рассказывает, а показывает) [3, 144]. Автор-драматург не вторгается в повествование, живущее своей «органической» жизнью, но присутствует и владеет структурой своего произведения – «образцовостью», «сетью», но отнюдь не тем, что она в себя захватила». Роман, таким образом, является волей к форме и

законченности, «целесообразностью без цели» ... соответственно Т.З. – это органичность формы, а художник – ее настройщик...» [3, 98].

Один из самых значимых этапов в формировании будущей науки – разработка английским литературоведом Перси Лаббокком нарративной типологии на основе анализа творчества Толстого, Флобера, Теккерея, Диккенса, Мередита и Бальзака. Лаббок систематизировал категорию «точки зрения», ставшую центральной категорией [2, 27] и в формулировке исследователя означающую «отношение нарратора к повестуемой истории». Лаббок стремился свести все многообразие прозы к комбинациям ограниченного количества повествовательных форм [4, 58].

На основе этих критериев Лаббок выделил четыре повествовательные формы: 1) панорамный обзор; 2) драматизированный повествователь; 3) драматизированное сознание; 4) чистая драма. Панорамный обзор – это ясное присутствие всезнающего, всеведущего, стоящего над своими персонажами и исключенного из действия автора. «Драматизированный повествователь» – это присутствие рассказчика в повествуемой истории (нарратор, не обладая ни всезнанием, ни вездесущностью, рассказывает, как правило в первом лице, свою историю в «картинном» модусе с позиции индивидуализированного, личностного восприятия описываемых событий [4, 97]. По Лаббоку, недостатком этой формы является доминирование «рассказа» над «показом», и неспособность нарратора достоверно передавать внутреннюю «психическую жизнь» даже самого рассказчика, чему мешает «описательность», «репортажность» ретроспективного изложения событий [4, 98].

Развивая Лаббока, американский исследователь Норман Фридман («Точка зрения в литературе», 1955) создал тщательно разработанную систему. Следуя разграничению между «субъективным рассказом», осуществляемым «видимым» нарратором, и «объективным показом», за которым стоит «безличный» (от третьего лица) повествователь, Фридман предложил классификацию из восьми нарративных форм:

1) «редакторское всезнание»; 2) «нейтральное всезнание»; 3) «Я как свидетель»; 4) «Я как протагонист»; 5) «множественное частичное всезнание»; 6) «частичное всезнание»; 7) «драматический модус»; 8) «камера» [5, 187].

В первой автор выступает в роли «издателя-редактора», легко «вторгаясь» в повествование со своими рассуждениями о жизни, нравах и обычаях. «Нейтральное всезнание» отличается от редакторского всезнания только отсутствием прямого вмешательства автора. «Я как свидетель» – автономный персонаж внутри истории, простой наблюдатель происходящих событий с ограниченным знанием. «Я как протагонист», в противоположность периферийному положению «Я как свидетеля», занимает центральное место в романном действии, в результате его «точка зрения» постоянно служит для читателя фиксированным центром

ориентации. «Множественное частичное» и просто «частичное всезнание» характеризуются устранением «видимого», «явного» нарратора и восприятием романного мира через ограниченное, «частичное» знание нескольких персонажей в первом случае или одного – во втором [2, 67].

«Драматический модус», где преобладает техника внутреннего монолога, «потока сознания», по мнению Фридмана, ярче всего выражен в романе Г. Джеймса «Неудобный возраст». «Камера» – это абсолютное исключение автора, «регистрация» жизненных впечатлений через того, кто воспринимает: «Целью здесь является передача пласта жизни без какого-либо ощутимого выбора или организации материала, в том виде, как она разворачивается перед регистрирующим ее медиумом» (впоследствии Фридман пришел к выводу, что прием «камеры» противоречит самой сути повествовательного искусства, представляющего собой «про-цесс абстрагирования, выбора, отбрасывания ненужного и упорядочивания материала», и исключил «камеру» из своей классификации 1975 г.) [2, 68].

Как уже говорилось, нарратология тесно связана со структурализмом: отправным пунктом для любого современного нарратолога служит статья Р. Якобсона 1958 г., «Лингвистика и поэтика», где он предложил схему функций акта коммуникации, где каждому из шести факторов – адресату, адресанту, контакту, коду, сообщению, контексту – соответствует особая функция языка [2, 74].

Особую роль сыграли труды французских структуралистов А.-Ж.Греймаса, Ц. Тодорова, раннего Р. Барта, пытавшихся отыскать единую формальную повествовательную модель, т. е. структуру или грамматику рассказа, на основе которой каждый конкретный рассказ рассматривался бы в терминах отклонений от этой базовой глубинной структуры. При этом данная модель осмыслялась в духе структурализма как языковая и дискурсивная: «Очевидно, что язык повествовательных текстов представляет собой лишь одну из идиоматических разновидностей, которые изучает лингвистика дискурса ... со структурной точки зрения всякий повествовательный текст строится по модели предложения, хотя и не может быть сведен к сумме предложений ... в повествовательном тексте можно обнаружить присутствие всех основных глагольных категорий ... «субъекты» и их предикаты в повествовательных текстах также подчиняются законам фразовой структуры» [6, 200].

Эти поиски логико-семантических универсальных моделей «повествовательных текстов» и привели к созданию той, по определению Г.Косикова, «структурной поэтики сюжетосложения» [7, 205], от которой отталкивались и которую под воздействием коммуникативных и рецептивно-эстетических идей развивали дальше нарратологи, стремясь преодолеть структуралистское представление о замкнутости и автономности литературного текста и сместить акцент на те уровни функционирования текста, где четче всего проявляется его дискурсивный характер.

Исследования структуры повествования в России велись изначально в рамках других, более широких подходов. Так, широко-известная «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского, абстрагирующая, моделирующая конкретные мифы и предания, фактически содержит в себе начала «повествовательной грамматики» – учение о мотивах как простейших, далее не членимых повествовательных единицах и сюжетах как синтетических темах, в которых комбинируются («снуются», по терминологии Веселовского) разные положения-мотивы [8, 305]. Бесконечное разнообразие предлагалось свести к относительно ограниченному числу комбинаций мотивов.

Теория мотивов оказала огромное влияние на все европейское литературоведение. Русская наука восприняла ее непосредственно – в связи с авторитетом имени Веселовского; западноевропейская – более сложно, через последующие литературные школы, опирающиеся на идеи Веселовского. Прежде всего это ... формальная школа, развившая и в чем-то даже абсолютизовавшая теорию Веселовского. Кроме того, огромное влияние на западноевропейское литературоведение оказали идеи русского фольклориста В.Я. Проппа, воспринявшего и творчески переосмыслившего традицию теории мотивов. На этом построены знаменитые исследования Проппа: «Морфология сказки», и «Исторические корни волшебной сказки», оказавшие большое влияние на мировую науку» [9, 101]. Пропп, предложив вместо понятия «мотив» понятие функции (и этим, согласно современным представлениям, не отменив, а дополнив учение Веселовского), свел многообразие сказочных повествовательных ситуаций к комбинациям из нескольких десятков функций.

Наиболее влиятельной из всех порождающих моделей нарративного конституирования оказалась выдвинутая русскими формалистами дихотомия «фабула – сюжет». Она используется во всех международных нарратологических контекстах и стала исходным пунктом глобальных нарратологических моделей. Как пишет В. Шмид, «сюжетосложение исчерпывается у него теми операциями «параллелизма», «повторения», «ступенчатого строения», «раздробления», «задержания», которые способствуют «приему „остранения" вещей и приему затрудненной формы» ... Объектом восприятия, «трудность и долгота» которого должны увеличиваться ... являются сами акты затрудненного оформления – «плясание за плугом» и «деланье вещи». Шкловский понимает сюжет не как субстанцию, оформленное содержание или продукт применения приемов к фабуле, а как «форму»; он вообще подчеркивает иррелевантность категории содержания для сюжета» [1, 148].

У Б.В. Томашевского граница между долитературностью и литературностью проводится иначе, чем у Шкловского. Если Шкловский отождествляет фабулу с эстетически индифферентными, долитературными событиями, то Томашевский, вводящий понятие мотива как

«неразлагаемой части», «самого мелкого дробления тематического материала», признает за фавулой – по крайней мере имплицитно – литературный характер: она является «совокупностью мотивов в их логической причинно-временной связи». «Радикальный антисубстанциализм мышления формалистов мешал им увидеть художественную значимость, «деланность» и семантическую содержательность фавулы. Этот антисубстанциализм препятствовал также рассмотрению фавулы и сюжета как различно оформленных субстанций, напряжение которых помимо эффекта острания сказывается и в новых смысловых потенциалах» [1, 149].

С других позиций, но не менее значимыми являются суждения М.М.Бахтина, для которого решающей оказывается двоякая событийность нарратива: «Перед нами два события: событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте. Мы воспринимаем эту полноту в ее целостности и нераздельности, но одновременно понимаем и всю разность составляющих ее моментов» [10, 404].

Бахтин, работавший над «Проблемой речевых жанров» (1953) с начала 50-х годов, как раз и выступил предтечей бурного развития «новой риторики» на Западе. И для «металингвистики» Бахтина, и для современной неориторики (в противовес классической риторике, размежеванной с поэтикой), все литературные жанры стоят в общем ряду «относительно устойчивых типов» высказываний, вырабатываемых «каждой сферой использования языка» и определяемых «спецификой данной сферы общения». Как пишет, обобщая вклад Бахтина в создание нарратологии, В. Тюпа, специфика эстетического дискурса (художественного высказывания в том или ином литературном жанре) определяется архитектуроникой референтного события [2, 23].

По М.М. Бахтину, архитектуроническая форма художественности представляет собой реализующее эстетическую завершенность целого «ценностное уплотнение» воображенного мира вокруг «я» героя («своего другого» для автора) как «ценностного центра» такого мира [11, 163]. По другой мысли М.М.Бахтина, любой речевой жанр есть «типическая форма высказывания», соответствующая «типическим ситуациям речевого общения» – «по теме, по композиции, по стилю» [12, 191]. Архитектоническая форма референтного (тематического) содержания нарратива, таким образом, взаимосвязана с соответствующими композиционно-стилистическими характеристиками развертывания тематики высказывания.

Как утверждает П. Рикер, событийная история может быть только историей-рассказом; история не может порвать всякую связь с рассказом, не утратив своего исторического характера [13, 209].

Заключение. Как особая литературоведческая дисциплина со своими проблемами и терминологическим аппаратом нарратология сложилась в конце 60-х годов в результате пересмотра структуралистской доктрины с позиций коммуникативных представлений о природе искусства. Поэтому она занимает промежуточное место между структурализмом и рецептивной эстетикой: если для первого художественное произведение – это прежде всего автономный объект, не зависимый ни от автора, ни от читателя, то для второй оно реализуется именно в сознании воспринимающего читателя.

Нарратология оказывается не сводимой к поэтике сюжета или поэтике повествования, но неразрывно связанной с ними: «Объект нарратологии – это культурное пространство, образуемое текстами определенной риторической модальности, а предмет ее постижения – коммуникативные стратегии и дискурсивные практики нарративной интенциональности. Однако ни литературная сюжетология, ни теория литературного повествования, входя в состав нарратологии, не утрачивают ни своей специфики, ни своей актуальности. Напротив, богатый литературоведческий опыт изучения поэтики жанров, сюжета, повествования, будучи экстраполирован на нехудожественные нарративные тексты, открывает перед их исследователями новые эвристические возможности». Особенно продуктивным в рамках современной нарратологической парадигмы гуманитарных исследований представляется бахтинский подход к изучению «речевых жанров», разграничивающий «первичные (определенные типы устного диалога)» и «вторичные (идеологические) жанры» как формы «построения речевого целого, его завершения, учета слушателя».

Список литературы:

1. Шмид В. Нарратология. – М., 2002.
2. Тюпа В. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. – М., 2002. Вып. 5.
3. Толмачев В.М. Точка зрения // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. – М., 1999.
4. Ильин И.П. Нарративная типология // Современное зарубежное литературоведение.
5. Фридман Н. Точка зрения в литературе. – 1955.
6. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М., 2000.

7. Косиков Г.К. Структурная поэтика сюжетосложения во Франции // Зарубежное литературоведение 70-х годов. Направления, тенденции, проблемы. – М., 1984.
1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989.
9. Николаев А.И. Литературоведение: Учебное пособие для студентов-филологов. Ч. 1. – М., 2008.
10. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
1. Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 тт. – М., 1996.
2. Рикер П. Время и рассказ. – М.; СПб., 2000.

ТЕОРИЯ НАРРАТИВА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Ходжамуратова Шолпан Бекмуратовна
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Данная статья посвящена феномену нарратологии как одного из важных научных направлений современности, имеющего междисциплинарный характер. Нарратология, обозначив одну из сторон антропологического поворота в философии XX века, имеет родство с семиотикой, литературоведением, мифокритикой, лингвистикой. Нарратология как общеэстетическая дисциплина призвана выяснять отношения между событийными рядами рассказываемого и рассказывания, исследовать не только природу явления, но и его коммуникативные характеристики.

Ключевые слова: нарратология, нарратор, дискурс, нарративные типы, литературный текст.

Түйіндеме. Мақала нарратология феноменіне пәнаралық сипатқа ие қазіргі заманның маңызды ғылыми бағыттарының бірі ретінде арналған. Нарратология, жалпы эстетикалық тәртіп ретінде, әңгімелесу оқиғасы мен әңгімелеу оқиғалары арасындағы қарым-қатынасты түсіндіруге, құбылыстың табиғатын ғана емес, оның коммуникативтік сипаттамаларын да зерттеуге арналған.

Түйін сөздер: Нарратология, әңгімелесуші, дискурс, әңгіме түрлері, әдеби мәтін.

Abstract. The article is dedicated to the phenomenon of narratology as one of the important modern schools of cross-disciplinary character. Having denoted one of the sides of anthropological turn in philosophical studies of the

20th century, narratology is a relative of semiotics, literary studies, mythocriticism, and linguistics. Narratology as a general aesthetic discipline is appealed for sorting out the relations between eventful ranges of narrative and narrating, for investigating not only the character of the phenomenon but also its communicative characteristics.

Key words: narratology, narrator, discourse, narrative types, literary text.

В настоящее время наука о литературе представляет собой неоднородную сферу исследовательских практик. Художественный текст – комплексная структура, описать которую при помощи одной модели практически невозможно. Сложность организации текста делает его предметом изучения многих дисциплин, в частности – литературоведения, лингвистики, семиотики, семантики и др. Одним из важнейших разделов литературоведения является теория литературы, в рамках которой активно разрабатывается нарратология, или теория повествования, сложившаяся как особая литературоведческая дисциплина к середине 60-х годов XX в. после пересмотра основных концепций теории повествования: идеи приёма и функции В.Я. Проппа, В.Б. Шкловского и Б.М. Эйхенбаума; принципа диалогичности М.М. Бахтина; теории точки зрения П. Лаббока и Н. Фридмана; комбинаторной типологии З. Лайбфрида, В. Фюгера, Ф. Штанцеля, идей рецептивной эстетики и герменевтики (Г.С. Яусс, Г. Изер, П. Рикёр, Ф. Растье) [1, 12].

Кроме того, влияние на формирование нарратологии оказали труды чешского структуралиста Л. Долежела, а также работы Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского. Особую роль сыграли труды французских структуралистов А.-Ж. Греймаса, К. Бремона, Ц.Тодорова, Р. Барта. Основу нарратологии заложили исследования представителей русской формальной школы ОПОЯЗа и Пражского лингвистического кружка [1, 17].

В отечественном литературоведении основные идеи нарратологии разрабатываются в трудах В.И. Тютю, Н.Д. Тамарченко, С.Н. Бройтмана, В.А. Андреевой, И.П. Ильина.

Современная теория повествования (или нарратология) представляет собой особую область междисциплинарного знания. Семиотическая и ментальная природа повествовательных высказываний из проблемы классической поэтики выросла в общегуманитарную проблему. Нарративом мыслится всякий текст (включая невербальный), сообщающий о каком-либо событии или о цепи событий. Такие высказывания имеют место не только в литературе, где они лучше всего изучены, но и в любой другой сфере человеческой культуры [2, 98].

Помимо художественной литературы, свои нарративы характерны для религиозного дискурса, дискурсов воспитания и образования, науки,

публицистики, политики, масс-медиа. Все это подлежит актуальному изучению с точки зрения нарративного подхода.

Значительное воздействие на формирование нарратологии оказали концепции чешского структуралиста Л. Долежела, русских исследователей Ю. Лотмана и Б. Успенского, а также переосмысленный опыт всего французского структурализма.

Значителен, к примеру вклад Ю.М. Лотмана. В классической монографии «Структура художественного текста» событие, стержень повествовательного текста, было определено как «перемещение персонажа через границу семантического поля» или как «пересечение запрещающей границы» [3, 282]. Эта граница может быть топографической, прагматической, этической, психологической или познавательной.

Таким образом, событие заключается в некоем отклонении от законного, нормативного в данном мире, в нарушении одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство этого мира. «Сюжетным» (т.е. нарративным) текстам Лотман противопоставил «бессюжетные» (или «мифологические») тексты, не повествующие о новостях в изменяющемся мире, а изображающие циклические повторы и изоморфности замкнутого космоса, утверждающие порядок и неизбежность его границ [3, 286].

Современный сюжетный текст, по Лотману, есть «плод взаимодействия и интерференции этих двух исконных в типологическом отношении типов текстов» [4, 226]. Лотман рассматривал и критерии событийности: *релевантность* изменения (событийность повышается по мере того, как то или иное изменение рассматривается как существенное; тривиальные (по меркам данного фиктивного мира) изменения события не образуют); *непредсказуемость* (закономерное, предсказуемое изменение событийным не является, даже если оно существенно для того или другого персонажа. Если невеста выходит замуж, это, как правило, событием является только для самих новобрачных и их семей, но в нарративном мире исполнение ожидаемого событийным не является – для этого она должна, например, порвать с женихом). «Событие мыслится как-то, что произошло, хотя могло и не произойти» [5, 139].

Это последнее и на вид простое определение – своего рода итог формирования художественной категории события. В художественном нарративе, по словам В.Тюпы, нет ничего нейтрального, незначимого. Здесь даже однообразие, повтор, демонстративная бессобытийность – художественно событийны, но уже в рамках коммуникативного события рассказывания, а не с точки зрения референтной событийности рассказываемого [5, 285].

Общепризнан вклад в мировую нарратологию книги Б.А. Успенского «Поэтика композиции» (1970), где впервые выделены четыре плана выражения точки зрения (до этого она мыслилась одноплановой):

1) «План оценки» или «план идеологии», где проявляется «оценочная» или «идеологическая точка зрения» (т.е. видение в свете определенного мировосприятия, выражаемого разными способами: от постоянных эпитетов в фольклоре, когда в бытине Калин-царь сам называет себя «собакой» [6, 31], до речевой характеристики персонажей и сочетания разных пластов в стилистике автора).

2) «План фразеологии» – описание разных героев различным языком или использовании элементов чужой речи при описании (из книги Е.Тарле «Наполеон» Успенский заимствует яркий пример – смену наименований свергнутого императора в парижских газетах по мере его продвижения к Парижу в период «Ста дней»: «Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан», «Людоед идет к Грассу», «Узурпатор вошел в Гренобль», «Бонапарт занял Лион», «Наполеон приближается к Фонтенбло», «Его императорское величество ожидается сегодня в своем верном Париже») [6, 32].

3) «План пространственно-временной характеристики» – Успенский описывает множество вариантов этого ракурса (последовательный обзор, «с птичьего полета», «немая сцена», т.е. издалека, и т.п.), а также совпадения и несовпадения пространственной и временной позиции автора и персонажа.

4) «План психологии». У автора есть возможность ссылаться «на то или иное индивидуальное сознание», «оперировать данными какого-то восприятия» («психологическая» точка зрения) или стремиться «описывать события объективно», основываясь на «известных ему фактах». Так, сцена покушения Рогожина на князя Мышкина дана в восприятии князя: «Глаза Рогожина засверкали, и бешеная гримаса исказила его лицо. Правая рука его поднялась, и что-то блеснуло в ней...». Двумя абзацами ниже – от автора – «что-то» уже названо ножом и состояние Рогожина охарактеризовано [6, 34].

В каждом из этих планов «автор» может излагать события с двух разных точек зрения – со своей собственной, «внешней» по отношению к излагаемым событиям, точки зрения или с «внутренней», т.е. принимая оценочную, фразеологическую, пространственно-временную и психологическую позицию одного или нескольких изображаемых персонажей [2, 34].

Один из наиболее авторитетных современных нарратологов, Франц Штанцель, в основу своей типологии кладет три нарративные категории: 1) лица, служащего показателем тождественности или нетождественности, разделенности мира нарратора и мира акторов; 2) перспективы, разделяемой, под влиянием Лайбфрида, на внешнюю и внутреннюю; и

3) модуса, где Штанцель следует традиционной дихотомии рассказ/показ. Отсюда возникают три «базовые» повествовательные ситуации («аукториальная», «персональная», т.е. «персонажная», и «Я-повествовательная», где рассказ идет от первого лица) и целая гамма опосредующих нарративных форм, число которых, по его мнению, теоретически бесконечно [2, 42].

Голландский исследователь Ян Линтвельт предложил свою обобщающую классификацию нарративных типов, основанную на центре ориентации читателя (его воображаемой позиции) в романном мире. В зависимости от того, где находится этот центр, в повествователе или акторе, ученый устанавливает две основные повествовательные формы (гетеродиегетическую и гомодиегетическую, гетеродиегетическое и гомодиегетическое повествование) и три нарративных типа: аукториальный, акториальный и нейтральный (нарративные типы аукториальный, аукториальный, нейтральный), из которых все три присутствуют в гетеродиегетическом повествовании и только два (аукториальный и акториальный) в гомодиегетическом) [7, 39].

В итоге получается пятичленная классификация, причем Линтвельт уточняет вслед за Б.Успенским каждый нарративный тип в четырех планах: 1) перцептивно-психологическом (фокализация), 2) временном, 3) пространственном и 4) вербальном, давая им детальные характеристики. «Повествование является гетеродиегетическим, если повествователь не участвует в рассказываемой истории в качестве действующего лица, т.е. актора, и гомодиегетическим, если он одновременно выступает в роли рассказчика и действующего лица. Нарративный тип будет аукториальным, если центром ориентации для читателя служит сам повествователь со своими оценками и замечаниями и никто из акторов-персонажей. Таким образом, на этом типе повествования читатель ориентируется в романном мире, ведомый нарратором как организатором («ауктором») рассказа. Если же, наоборот, центр ориентации совпадает не с нарратором, а с актором, то повествовательный тип будет акториальным. Наконец, Если ни нарратор, ни актер не функционируют в качестве центра ориентации читателя, то нарративный тип будет нейтральным (neutre)» [7, 63].

Поэтому современная нарратология, противопоставляя повествование (общение, посредничество автора и читателя) изображению (отражения вымышленной действительности в сознании романного персонажа), выделяет аукториальное повествование (безличный повествователь) и акториальное (я-повествователь): «я-повествователь» «живет в том же мире, что и другие персонажи романа», тогда как аукториальный повествователь «существует вне вымышленного мира» [8, 238]. Несмотря на различие в терминологии, ясно, что исследователь (Ф. Штанцель) имеет в виду повествователя и рассказчика.

Но четче проведено разграничение, и в этом смысле «повествователь – тот, кто сообщает читателю о со бытиях и поступках персонажей, фиксирует ход времени, изображает облик действующих лиц и обстановку действия, анализирует внутреннее состояние героя и мотивы его поведени, характеризует его человеческий тип ... не будучи при этом ни участником событий, ни – что еще важнее – объектом изображения для кого-либо из персонажей» [8, 239].

Повествователь может легко возвращаться или забегать вперед, а также знать предпосылки или результаты событий изображаемого настоящего. Его возможности ограничивает только автор-творец (*первичный* автор по терминологии М.М. Бахтина), для которого любой *субъект речи* в произведении является предметом изображения.

В противоположность повествователю рассказчик находится не *на границе*, а целиком *внутри* изображенной реальности. Он связан с определенной социально-культурной и языковой средой, с позиций которой и изображает других персонажей (например, Максим Максимыч в «Герое нашего времени») [2, 27].

Основные положения сегодняшней нарратологии таковы: 1) коммуникативное понимание природы литературы; 2) представление об акте художественной коммуникации как о процессе, происходящем одновременно на нескольких повествовательных уровнях; 3) преимущественный интерес к проблеме дискурса; 4) теоретическое обоснование многочисленных повествовательных инстанций, выступающих в роли членов коммуникативной цепи, по которой осуществляется передача художественной информации от писателя к читателю, находящихся на различных полюсах процесса художественной коммуникации [9, 56]. Коммуникативная природа литературы (как и всякого другого вида искусства) предполагает:

1) наличие коммуникативной цепи, включающей отправителя информации, сообщения (коммуниката), т. е. автора литературного произведения; сам коммуникат (в данном случае литературный текст); получателя сообщения (читателя);

2) знаковый характер коммуниката, требующий предварительного кодирования знаков текста отправителем;

3) систему обусловленности применения знаков, т. е. закономерно детерминированной соотнесенности, во-первых, с внелитературной реальностью и, во-вторых, с художественной традицией как системой принятых литературных конвенций [9, 95].

Нарратологи концентрируют внимание на том факте, что художественное произведение, даже в своих формальных параметрах, не исчерпывается сюжетом в строгом понимании этого термина.

Старое понятие сюжета оказывается недостаточным, и в нем выделяются два аспекта: 1) формальная структура повествования, касающаяся способа подачи и распределения повествуемых событий (строго хронологического или ахронологического изложения фактов и ситуаций, последовательности, причинности и связности событий), времени, пространства и персонажей; 2) способы подачи этой формальной структуры с точки зрения прямого или косвенного диалога писателя с читателем [10, 256].

Для современных нарратологов, разделяющих в данном случае мнение структуралистов, понятие *нарратора* носит сугубо формальный характер и категориальным образом противопоставляется понятию «конкретный», «реальный автор». Об этом писали и ранее: так, В. Кайзер еще в 1954 году утверждал, что повествователь – это сотворенная фигура, а Р. Барт придал этому положению характер общепринятого догмата: «Нарратор и персонажи по своей сути являются «бумажными существами»; автор рассказа (материальный) никоим образом не может быть спутан с повествователем этого рассказа» [11].

Англоязычные и немецкоязычные нарратологи иногда различают «личное» повествование (от первого лица безымянного рассказчика или кого-либо из персонажей) и «безличное» (анонимное повествование от третьего лица).

Франкоязычные исследователи, как правило, убеждены, что в принципе не может быть безличного повествования: все равно кто-то берет слово и ведет речь, и всякий раз, когда говорит персонаж, то тем самым роль повествователя передоверяется ему. В частности, швейцарская исследовательница М.-Л. Рьян, исходя из понимания художественного текста как одной из форм «речевого акта», считает присутствие нарратора обязательным в любом тексте, хотя в одном случае он может обладать некоторой степенью индивидуальности (в «имперсональном» повествовании), а в другом – оказаться полностью ее лишенным (в «персональном» повествовании): «Нулевая степень индивидуальности возникает тогда, когда дискурс нарратора предполагает только одно: способность рассказать историю». Нулевая степень представлена прежде всего «всезнающим повествованием от третьего лица» классического романа XIX в. и «анонимным повествовательным голосом» некоторых романов XX в., например, Г. Джеймса и Э. Хемингуэя [12, 350].

Заключение. Бурно развивающийся литературный процесс порождает новые направления, стили, течения, которые в свою очередь порождают новые стилевые, повествовательные тенденции. Современная нарратология представляет собой весьма обширную область научного поиска в области сюжетно-повествовательных высказываний, соотносимых с некоторой фабулой.

Являясь сложной коммуникативной структурой, нарратив основывается на взаимодействии совокупности повествовательных инстанций, под которыми понимается особая категория литературного текста, персонифицированная в функции автора, нарратора и читателя. При этом представление о художественном произведении как коммуникативной системе предполагает решение вопроса и о соотношении разноуровневых каналов взаимодействия повествовательных уровней.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что в настоящее время теория повествования, обладающая обширным теоретико-методологическим аппаратом, представляет собой перспективную сферу исследования. Основные направления практического применения достижений нарратологии – это, прежде всего, анализ протосхем построения литературного текста (нарративные структуры различных жанровых моделей), разработка системы повествовательных инстанций на разном уровне коммуникации и поиск способов и приёмов их маркирования в тексте, а также методов нарратологического анализа и путей экстраполяции описательных моделей на конкретные тексты.

Список литературы:

1. Мамуркина О.В. Теория нарратива. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-narrativa-v-sovremennom-literaturovedenii>, 2011.
2. Тюпа В. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. – Вып. 5, 2002.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – Л., 1970.
4. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин, 1992.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста.
6. Успенский Б. А. Семиотика и поэтика, 1995.
7. Ильин И.П. Нарративная типология.
8. Теория литературы: В 2-х тт. – М., 2004. (под ред. Н.Д. Тмарченко).
9. Ильин И.П. Нарратор // Современное зарубежное литературоведение.
10. Николаев А.И. Литературоведение: Учебное пособие для студентов-филологов.
11. Цит. по: Постмодернизм: Словарь терминов // <http://www.i-ru/biblio/content.aspx?dictid=145725>.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.

FEATURES OF THE SHORT STORY NARRATIVE STRUCTURE

Lomova Elena Alexandrovna,
Candidate of Philology, Associate Professor

Muslimova Assem Bakhytovna
master student, Kazakh National Pedagogical
University after Abai

Abstract: This article makes effort to investigate the problem of the modern English novel by the multicultural aspect from the opinion of Western and Russian scholars. The studies in this field observed multi-structural art form in the mentioned genre based on correlation between parody overtone and semantic principles, which shaped the nature and features of the subject-object narrative forms.

Key words: overtone, semantic principle, subject-object narrative form, a philological novel, artistic heritage, the plot tread, creative process, philosophical issue, artistic communication.

Түйіндеме. Бұл мақалада батыс-еуропалық және орыс әдебиетшілерінің өзара түсіністігі тұрғысынан шағын көлемдегі әңгімені мульти-мәдениеттік аспектіде қарауға әрекет жасалады. Осы саладағы зерттеулер мәтінаралық корреляцияға және семантикаға негізделеді және авторлық әңгімені субъективті-объективті тұрғыда қолдануға мүмкіндік беретін ментальді аспектінің көркемдік құралдарын қосу арқылы талданады.

Түйін сөздер: подтекст, семантикалық принцип, пәндік-нысан сюжеттік нысаны, эстетика, философиялық роман, көркем мұра.

Аннотация. В этой статье делается попытка рассмотреть малую повествовательную форму в мультикультурном аспекте с точки зрения взаиморецепции западноевропейских и русских литературоведов. Исследования в этой области включают в себя анализ художественных форм с точки зрения ментального аспекта, который базируется на корреляции между подтекстом и семантикой и позволяет обнаружить особенности использования субъектно-объектных форм в авторском повествовании.

Ключевые слова: подтекст, семантический принцип, субъектно-объектная повествовательная форма, философская новелла, художественное наследие, сюжет, лирический отрывок, творческий процесс, литературное отражение.

The general concept of Modern English novel in the context of diverse studies literary creativity of British novelists of the twentieth century was actively explored by Russian and Western scholars.

In particular, Y.Sysoev revealed multi-structural art form novels by R.Bradbury based on the "complex relation ship between the clear parody overtone and structural and semantic principles, which shaped the nature and features of the subject-object narrative forms" [1, 69].

The problem of perception aesthetics in the activity process was highlighted with respect to the problem of so called "philological novel" in the English literature on content of such works as "Flaubert's Parrot" by G.Barnes, "Chatterton" by P. Ackroyd, "Obsession" by Bayatt and creativity other writers.

In Russian literature the genre of philological novel was developed by the artistic heritage of U. Tynyanov, B. Kaverin and A. Bitov.

The same literary process was typical also for the United State artistic works.

According this view, the Russian scientist Y.Grebenyuk affirmed, that the American writer John Barth combined in his novel "Letters" (1979) the plot threads with inserted lyrical and scientific passages.

The mentioned approach represented the author efforts to recognize own personal significance and value their literary works in international literary creative process.

The philology novel, both in Russia and abroad, generally gravitated to such global philosophical and aesthetic issues such as the problem intertwining of reality and fiction, the real and artistic communication. This process "was greatly facilitated with literary postmodern trend characterized by the solid interest in investigation text structure, intertextual relations and destruction of boundaries between reality and fiction" [2, 83].

The Western writers P.Ackroyd, J.Barnes and A.Bayatt represented in their works special image of hero related to creative type of personality such as a writer ,a poet, an artist accepted and shared both fictional and real area of human existence.

Not only the main characters, but the images of heroes took part in the background scenes overcame the creative process self-awareness and self-certification.

On account of these traits the novels of defined above writers were served as the subject of reflection and criticism for their readers and researchers.

The Western scholars observed the distinguish pathos of literary creativity of J.Barnes, P.Ackroyd and A.Bayott "based on the concept the presence of intertextuality of different levels artistic story and on the complex architectonic and subjective methods of literary reflection" [3, 83].

All these writers made efforts to involve in their novels the modern literary theories and their representation took part in the magic and real narrative levels of the author story.

In connection with this belief a reader quietly was involved in scientific discussions, debates in a wide range of the philosophical and aesthetic problems. The creativity of the mentioned writers was considered by the Western scholars as attempts to discover philosophical and existential aspect of human existence used the unity analysis and synthesis, figurative symbols. "The artistic convention and unique organization of plot traits was associated by different chronological layers of the artistic story" [4, 97]. The chronological sequence of events combined with mythology and grotesque metaphors took place in spatio-temporal structure of narrative.

In the novels by Bayatt the trend of English Postmodernism trend of the late XXth century was considered in terms perception of the artistic tradition of the Victorian literature.

The researching works of Y.Muratova and O.Tolstych paid attention to the field of the intertextual dialogue and forms of intertextual ties. The experiments in the English post-modern novel, Victorian novel, as well as a dialogue with Victorian literature as a specific culture trend based on the analyzing of a novel by A.Byatt "Morpho Eugenia", The French Lieuknant's woman" by J.Fowles and "Good job" by Lordge.

The scientists believed, that modern industrial affirm of novel genre of the XXth century was characterized by complicated compositional levels of narrative and ideological and thematic interaction.

The modern researches emphasized the clear multicultural context of contemporary English novel.

The multicultural trend has emerged as an objective phenomenon in the postcolonial, historical period and matured in the context of contemporary English literature.

The adverted literary trend has emerged as the source of the story and the foundation system images to accurate reflect the multicultural reality.

The nature and traits of a multicultural novel was defined as the efforts to transform the universal language related the intercultural "reality using figurative –expressive means, the mixing of different cultures and combination of various ethnic systems" [5, 73].

These circumstances served as the source for subjective and specific features of mythology basic of the multicultural novel and embodiment its typological intensity, complex architectonic and subjective methods of literary reflection, the presence of different level of story ,distinctive art system, spatio-temporal narrative structure and intertwining real and fiction level of author depiction.

In this case a language claimed as basic for transnational perception and evaluation of reality.

However, in the process of adaptation the new cultural values and social shift artistic language couldn't avoid various alterations and eventually became as impact of destruction of original historical narrative overtone.

According mentioned belief, the Russia scientist S.Tolmacheva investigated the nature of translation process as a means of broadcasting multicultural in the genre of the novel.

The relationship and the ratio of ‘‘mass’’ and ‘‘elite’’, as well as the originality of human community, was represented in the historical aspect in the creativity of S.Rushdie, V. Neipol and N. Kyreish.

Until before the second part of XXth century the scholars believed that the term ‘‘English literature’’ included primarily the artistic works created in the area of British Isles.

From this opinion, the researchers stood apart the creativity a lot of great writer have lived outside UK or haven’t been studied in the trend of English cultural tradition. The scholars admitted that these works related to their national history.

In the second half of the XXth century the view of the Western critics were attracted by Australian and West Indian prose and the talented works of Africa and Asia writers. They belonged to the countries gained independence as result an important historical and political, changing their status in the world.

In a number of Universities in Canada, Australia and South Africa opened courses of African, Irish and Canadian literature. The works written by the defined above ‘‘regional authors expanded their own idea of nature and artistic perception and interpretation of reality and the image of a hero existed in its boundaries’’ [2, 57].

The plot, style and overtone of these works resorted to the symbolic prototype, which was not sometimes available for understanding of European reader.

In accordance with this issue, the English reader, who made acquaintance with the modern literary production, had to deal with such social phenomena as psychological and ethnic mentality of the British in the subjective perception citizens of the farmer colonies.

The growing influence of the national literatures in English became a vivid reflection of the cultural and political phenomena as the collapse of the British Empire, the entry the new nations to the international world culture.

The mentioned process indicated failing ties with in the British Commonwealth countries, increasing awareness in independence in the former colonies and the response to USA attempts to keep a dominant part in the international communication.

Finally English cultural tradition and mentality had lost its unrivaled influence outside the British Isles and couldn’t be able to support further British, who accepted and shared only defined above approach of understanding and interpretation of reality [4, 103].

The profound destruction of established notions of national literatures in English, reflecting the growing separation English language became contradictory with the lifestyle, behavior and national culture lead to recognition

that the adoption of distinct qualities of different national cultural traditions had become actual reality.

The writers, who belonged to small nation community, faced with a difficult task to use the English language included the accurate reconciliation “the foreign” aspect of colonizer language and coming to terms its own ethnic and cultural communication, and transferring it to a new generation of readers.

The emergence in the last decades of the XXth century the artistic works belonged to defined above trend, due to the fact that United Kingdom was settled and assimilated by a huge amount of descendants of the former British colonies.

The “new British”, learning the traditional culture, unwittingly transferred their own archetypes and manifested their way of the image of British artistic creativity as the whole.

References:

1. Sysoev Y. Polystructural art form of the novel M. Bradbury. – Diss.cand. – M., 2005. – 203 p.
2. Grebenuk Y. The problem of “philological novel” in English literature (“Flaubert’s Parrot” George by Barnes, “Chattertonpy” P. Ackroyd, “Obsession A. Bayatt) . – Diss.cand.-Voronezh 2008. – 207 p.
3. Muratov Y. Myth poetics in modern English novel :D. Barnes, A., D. Fowles.-Diss.cand. – M., 1999. – 180p.
4. Thick O. English post-modern novel of the late of XXth century and Victorian Literature: intertextual dialogue on the novels by A. Bayatt and Dodje-Diss.cand. –Ekaterinburg, 2008. – 197 p.
5. Tolkachev S. Multi-cultural context of contemporary English novel. – Diss.cand. – M., 2003. – 200 p.

ПРИЗНАКИ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ В ПОВЕСТИ З. НАУРЗБАЕВОЙ И Л. КАЛАУС «В ПОИСКАХ ЗОЛОТОЙ ЧАШИ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАТУ И ЕГО ДРУЗЕЙ»

Поляк Зинаида Наумовна
к.ф.н., доцент, КазНПУ им. Абая

Ермек Надира Серікқызы
магистрант, КазНПУ им. Абая

Аннотация. В статье проведен подробный жанровый анализ повести З. Наурзбаевой и Л. Калаус «В поисках Золотой чаши. Приключения Бату и его друзей». Доказано, что повесть принадлежит к жанру

фэнтези, так как соответствует пяти основным чертам жанра, выявленным современным литературоведением. Мифологическая основа сюжета, система персонажей-антагонистов, специфический хронотоп, магическое обоснование связи миров, конфликт между добром и злом – все эти особенности повести казахстанских авторов позволяют утверждать, что это произведение – чистый образец жанра фэнтези, а не экшн с элементами детектива. Повесть следует традиции жанра и в плане воспитания у юных читателей высоких критериев духовности, личной ответственности и нравственности.

Ключевые слова: проза для детей, жанр фэнтези, современная казахстанская литература, квест, тюркская мифология.

Түйіндеме. З. Наурызбаева мен Л. Калаустың «В поисках Золотой чаши. Приключения Бату и его друзей» повесінің толықтай жанрлық талдауы жүргізілді. Повестің фэнтези жанрына жататыны дәлелденді, өйткені қазіргі заманғы әдебиеттану анықтаған жанрдың негізгі бес бөлігіне сәйкес келеді. Сюжеттің мифологиялық негізі, антагонист-кейіпкерлер жүйесі, ерекше хронотоп, әлем байланысының сикырлы негіздемесі, жақсылық пен зұлымдықтың арасындағы қақтығыс – қазақстандық авторлар повесінің барлық осы ерекшеліктері – детектив элементтері бар экшн емес, фэнтези жанрының таза үлгісі деп айтуға мүмкіндік береді. Повесть жанр дәстүрлерін сақтап, жас оқырмандарда рухани, жеке жауапкершілік пен адамгершіліктің жоғары критерийлерін тәрбиелеу тұрғысын ұстанады.

Түйін сөздер: балаларға арналған проза, фэнтези жанры, қазіргі қазақстандық әдебиет, квест, түркі мифологиясы.

Abstract. A detailed genre analysis of the story by Z. Naurzabayeva and L. Kalasus “In Search of the Golden Bowl. Adventures of Batu and his friends.” It is proved that the story belongs to the fantasy genre, as it corresponds to the five main features of the genre, revealed by modern literary criticism. The mythological basis of the plot, the antagonist character system, the specific chronotope, the magical rationale for the worlds connection, the conflict between good and evil – all these features of the Kazakh authors lead to the claim that this work is a pure example of a fantasy genre, not an action with elements of a detective story. The story follows the tradition of the genre in terms of educating young readers of high standards of spirituality, personal responsibility and morality.

Key words: prose for children, fantasy genre, modern Kazakhstan literature, quest, Turkic mythology.

В современном литературоведении постепенно складывается теоретическое представление об основных специфических чертах жанра

фэнтези. Исследователи приходят к выводам о возможности жанровых контаминаций в фэнтезийной прозе, о многочисленных разновидностях самого жанра: фэнтези эпическое и историческое, «ролевое фэнтези» [1, 5], фэнтези «серьёзное» и «комическое» [2, 2] и др.

Наиболее интересной в ряду произведений казахстанских авторов, где основой сюжета становится тюркская мифология, нам представляется детская книга, которую написали известные в Казахстане литераторы, – культуролог Зира Наурызбаева и писательница Лиля Калаус. Жанр книги сами авторы определяют как фэнтези с элементами экшн и детского детектива. Попробуем показать, что повесть «В поисках Золотой чаши. Приключения Бату и его друзей» [3] является достаточно чистым образцом жанра фэнтези.

Исследователь жанра фэнтези, подводя итоги изучения его особенностей современным литературоведением, приходит к заключению о том, что «основными чертами детского фэнтези как жанрового феномена являются следующие:

- 1) герой произведения – ребенок или подросток;
- 2) сюжет построен на мотиве квеста, действие разворачивается по законам магии;
- 3) специфический хронотоп основан на концепции миров-матрешек;
- 4) «переход» героя в другой мир происходит с помощью магического предмета, мифического существа или в необычном месте, причем всегда неожиданно, быстро и просто;
- 5) ядром произведения становится конфликт между добром и злом» [4, 194].

Попробуем соотнести эти черты жанра с произведением казахстанских писательниц.

Главный герой их повести – школьник Бату. Среди его друзей и недругов – ребята его возраста, одноклассники и соседи. Герой вовсе не идеален: авторы не скрывают его недостатков и слабостей. Ему свойственно тщеславие, поэтому он любит похвастаться и приврать, например, о своих успехах в боевых искусствах: «У меня уже несколько поясов есть – белый, желтый... Недавно на турнире получил черный пояс, семнадцатый дан» [3, 19]. Авторские ремарки не оставляют сомнений: «хвастливо заявил», «раздув щеки, подтвердил» [3, 20]. Когда Бату увлекается мыслью о поисках клада, ему не хватает выдержки и терпения, он злится и раздражается по пустякам [3, 23-24].

Но самая главная слабость подростка – недостаток мужества и храбрости в критических ситуациях. Он боится вымогателя по прозвищу Скорпион и его приятеля-громилу Кайрата. Богатое воображение Бату позволяет ему представлять себя в опасных ситуациях, и в первых главах книги он не проходит этот «тест на смелость»: «Бату поёжился,

представляя, как он скачет навстречу огромному всаднику. <...> “Нет уж, лучше пить чай с аже”, – подумал он, усаживаясь на табуретку на кухне» [3, 28-29].

Однако по мере развития сюжета характер Бату претерпевает эволюцию. Приключения и испытания в фантастическом мире прошлого, пример Золотого человека – героического юноши Аспары – постепенно воспитывают в мальчике способность преодолевать страх и совершать мужественные поступки.

Эти качества героя повести «В поисках Золотой чаши» совпадают с теми, которые исследователи жанра фэнтези отмечают как типологические: «Герой является обычным подростком, в котором в ходе сюжетного развертывания приключений проявляются его лучшие качества: отвага, великодушие, сила духа» [4, 203].

Вторая характерная для жанра фэнтези особенность – это построение сюжета на мотиве квеста. «В критической литературе, посвященной этому явлению, как один из признаков фэнтези называется особый вид сюжета – описание пути героя («квест»). Обобщая предлагаемые критиками определения, можно полагать, что квест в фэнтези характеризуется тремя составляющими: во-первых, путь героя изображается как перемещение в пространстве, во-вторых, задается целью, в-третьих, предполагается внутреннее, качественное изменение героя в процессе пути» [5, 213].

В повести «В поисках золотой чаши» мотив квеста отражается не только в заглавии, но и на сюжетном уровне: события сосредоточены вокруг путешествия с определённой целью. Аспара, попавший в наше время из далёкого прошлого, привлекает своего нового друга Бату к поискам волшебной чаши, пропавшей когда-то при таинственных обстоятельствах. В соответствии с законами квеста происходит перемещение в пространстве: герои из обычной городской квартиры мгновенно переносятся в Дегелен, где – по верованиям современников Аспары – находится Сердце Мира и растёт самое большое дерево на земле – Байтерек. Однако надежды Аспары не оправдались: они попали не в древний, а в современный низкогорный массив Дегелен, где около тридцати лет назад располагалась испытательная площадка Семипалатинского ядерного полигона. Авторы повести рассчитывают на затекстовые знания своих юных читателей, для которых достаточно некоторых намёков и упоминаний, чтобы догадаться: герои действительно попали на заброшенный полигон, покрытый торчащей из снега ржавой арматурой. Теперь это не святое, а гиблое место. Недаром именно здесь происходит нападение на мальчиков страшной ведьмы – Жезтырнак. Так в фэнтезийной повести причудливым образом переплетаются животрепещущие проблемы нашей современности и мифологические образы и мотивы.

Вот какую характеристику этому мифологическому существу даёт современный исследователь: «Жезтырнак – буквально: Медный Коготь, в казахской мифологии демоническое существо с медными когтями, способное менять свой облик, обладающее огромной силой и громким пронзительным голосом. Своим криком Жезтырнаки повергают в ужас людей и могут убивать птиц и мелких животных. Живут в пустынных местах и горных ущельях, ведут ночной образ жизни, не боятся огня. Сила Жезтырнаков сосредоточена в их руках. Практически неуязвимы для обычного оружия, убить можно лишь отрубив голову и руки, часто только волшебным топором и не в прямом бою, а днем, когда Жезтырнак спит» [6].

Интересно, что авторы повести по-своему интерпретируют образ Жезтырнак, приобретающий в сюжете амбивалентный характер. Вторая встреча подростков с ведьмой заканчивается неожиданным преображением Жезтырнак: «С каждым шагом лицо её менялось всё отчётливее. В тот момент, когда она присела у костра и начала кормить Тумар грудью, отвратительная маска злого чудовища окончательно сошла с её лица. Теперь перед застывшими от удивления ребятами была просто немолодая, измученная, исхудавшая женщина» [3. 176]. Выясняется, что это вовсе не злая ведьма, а превращённая в свою противоположность волшебная птица Самрук, ставшая такой после страданий, принесённых ей людьми.

Исследователи жанра фэнтези выделяют специфический хронотоп, основанный на концепции существования серии миров, которые как бы встроены один в другой наподобие матрешек. Эти представления идут из древней восточной мифологии [7]. В повести казахстанских авторов представлена родственная концепция многомирия, вложенная в уста мифологического героя Аспары: «Миры нанизаны на струны домбры, как бусы на нитку. Большинство бусин одинаковые, крупные – это разные места одного, вашего мира. А между ними встречаются разномастные бусинки других миров. На домбре твоего прадеда много таких ладов, ведущих в другие миры» [3, 64].

Одна из специфических особенностей жанра фэнтези связана с моментом «перехода» героя из одного мира в другой. Как правило, переход происходит с помощью магического предмета в необычном месте. В повести о приключениях Бату так и случается: волшебным предметом становится домбра, а место для перехода выбрано как будто вполне бытовое – порог квартиры – и вместе с тем, особенное. Недаром бабушка Бату не раз повторяла: «Не стой на пороге!» Казалось бы, – народная примета, суеверие. Однако оказалось, что за этой приметой стоит древняя магия перехода. «Я научу тебя специальному кюю Порога, – говорит мальчику Аспара, – Встанешь на пороге, сыграешь и ...» [3, 21]. «Домбра – это такой портал для путешествий во времени» [3, 22] – переводит ситуацию на язык современных понятий Бату.

В повести есть ещё один вариант перехода: на этот раз – из фантастического мира в реальный. Характерно, что он тоже быстр и прост, как и положено в фэнтези: как только Бату удаётся ощутить запах семи пятничных шельпеков своей бабушки, он оказывается за столом на своей кухне. Запах ритуальных лепёшек, отведенных близкими мальчика со словами «тие берсін», т.е. «пусть коснется» или «пусть достигнет» (имеется в виду, что «божий хлеб» в этом случае коснется и духов предков, аруахов), стал проводником героя при его возвращении в реальный мир.

Возвращаясь к магическому предмету для перехода – домбре, – мы невольно затрагиваем важную для этой детской книги тему – тему музыки. Среди взрослых персонажей повести есть герой, которому подростки доверили рассказ о своих необыкновенных приключениях. Это кюйши – человек особой доброты, мудрый и талантливый. С его помощью ребята преодолеют новые испытания.

Описание в художественном тексте произведения другого вида искусства (живописи, балета, музыки) принято определять термином экфрасис. В повести «В поисках Золотой чаши» такой экфрасис – исполнение кюя на домбре – представлен в восприятии трёх персонажей – Саши, Бату и их недруга Скорпиона. Оказывается, что способность понимать музыку может стать критерием душевности и порядочности. Скорпион эту проверку, конечно, не проходит.

Здесь уместно будет сказать о системе персонажей повести, в которой (в соответствии с жанром) есть герои «с историей», т.е. меняющиеся, проходящие эволюцию, а есть и застывшие в своей «положительности» или «отрицательности». Антагонистами выступают два взрослых героя – мудрый кюйши и отвратительный Скоробогат, дед Скорпиона. В конце повести раскрывается тайна долголетия старого Скорпиона: злые силы мистического мира одаривают его эликсиром молодости. Благодаря этому он, участник уничтожения Байтерека в годы коллективизации и чекист в годы сталинских репрессий, всё ещё жив и продолжает творить зло. Противостояние двух героев происходит не только на нравственном уровне – оно завершается прямой схваткой, в которой кюйши побеждает.

Таким образом разрешается неременный конфликт фэнтезийного произведения – конфликт между добром и злом. Характерной жанровой чертой повести можно считать присутствие обеих сторон конфликта в двух мирах – мистическом и реальном. В фантастическом мире, куда перенеслись герои повести, силы зла олицетворяет гигантский зверь – медведь Шахрух. Именно ему служат и подчиняются дед и внук Скоробогаты. Добрым помощником для Даны и Бату становится хозяин подземного мира Змеиный царь. Возродившаяся из небытия пернатая воительница Самрук вступает в схватку с Шахруком на стороне добра. Когда раненый Бату, балансирующий между жизнью и смертью,

оказывается в «мире ином», он встречает белобородого аксакала – своего прадеда. Мудрый старец помогает мальчику вернуться в мир живых. Победа добра над злом завершает сюжет.

Как видим, все специфические черты жанрового феномена «фэнтези» обнаруживаются в этой повести. А как же результат фэнтезийного квеста? Чем закончились поиски золотой чаши? В финале произведения чаша ещё не найдена, что позволяет надеяться на продолжение приключений Бату и его друзей. Появление таких произведений в казахстанской литературе для детей – отрадное явление. Захватывающие приключения близкого современным школьникам героя, который сумел преодолеть свои слабости, подготавливает читателя-подростка к жизненным трудностям. Книга знакомит с казахской мифологией, учит верить в свои силы, различать добро и зло, прививает высокие понятия нравственного долга и справедливости.

Список литературы:

1. Гусарова А.Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х годов XX века // Автореф. дис. ... к.ф.н. – Петрозаводск, 2009. – 26 с.
2. Королькова Я.В. Две модели фэнтези в современной русской литературе (романы М.В. Семеновой о Волкодаве, М. Г. Успенского о Жихаре) // Автореф. дис. ... к.ф.н. – Томск, 2012. – 20 с.
3. Наурзбаева З., Калаус Л. В поисках Золотой чаши. Приключения Бату и его друзей / З. Наурзбаева, Л. Калаус. – Алматы, 2014. – 256 с.
4. Дворак Е.Ю. Русское детское фэнтези: жанровая специфика и особенности мифопоэтики // Дисс. ... к.ф.н. – М., 2015. – 237 с.
5. Королькова Я.В. Квест героя фэнтези (на материале цикла романов М. Семеновой о Волкодаве) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2012. – 3 (118). – С. 213-217.
6. Мусабеева У.А. Образ женщины в мифе, фольклоре, тюркской литературе (на материале тюркской культуры) // Нефилология. 2016. № 4 (8). // [Электрон. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhenschiny-v-mife-folklore-tyurkskoy-literature-na-materiale-tyurkskoy-kultury> (дата обращения: 24.04.2019).
7. Штайнзальц А. Роза о тринадцати лепестках. / А. Штайнзальц – Иерусалим – Москва – Рига. «Шамир», 1990. – 220 с.

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЖЕЙ В РАССКАЗЕ И. ОДЕГОВА «ПУРУША»

*Нурлыбек Айнур Нурлыбековна
магистрант КазНПУ им. Абая*

Аннотация. Произведение И. Одегова «Пуруша» примечательно наличием в его смысловой структуре неомифологизма. В данной статье рассматривается система персонажей произведения с учетом влияния неомифа, проводится анализ согласно классификации, экспериментально составленной автором статьи на основе авторитетных литературоведческих источников.

Ключевые слова: неомиф, персонаж, типология персонажей, И.Одегов.

Түйіндеме. И. Одеговтың «Пуруша» шығармасы неомифологизмнің семантикалық құрылымында болуымен ерекшеленеді. Бұл мақалада неомифтардың әсерін ескере отырып, жұмыстың кейіпкерлері жүйесі талқыланады, талдаулар әдебиет көздеріне негізделген автордың экспериментальды түрде жасаған классификациясына сәйкес жүргізіледі.

Түйін сөздер: неомиф, кейіпкер, кейіпкерлердің типологиясы, И.Одегов.

Abstract. The work of I. Odegov “Purusha” is remarkable by the presence in its semantic structure of neomythologism. This article discusses the system of characters of the work, taking into account the influence of neomyths, analyzes are carried out according to the classification experimentally compiled by the author on the basis of authoritative literature sources.

Key words: neomyth, character, character typology, I. Odegov.

М.И. Ибрагимов, российский исследователь, в своей статье описывает явление неомифа следующим образом: «Неомифологические тексты, созданные в рамках одной культурной традиции, часто наделяются статусом «неомифов» в других национальных культурах. В русской культуре рубежа XIX–XX вв. произведения Ф. Ницше, Р. Вагнера, Г.Ибсена функционировали как культурные мифы, как источники литературного мифотворчества» [1, 307].

Можно определить неомиф как миф новый, адаптированный – рождающийся в процессе литературного (или научного) творчества. Нередко за основу берется миф из определенной национальной культуры, получающий новое смысловое обрамление в другой национальной культуре и статус неомифа.

Литературовед М. Найдыш описывает особенности проявления неомифа в художественной среде произведения: «неомиф – это всегда некий наглядно-чувственный обобщенный образ в неразрывном единстве с его личностным смыслом. Образ – это сложно структурированный феномен. Как продукт сознания он заключает в себе двойственное отношение: к отображаемому предмету и к субъекту, условиям отражения. Отношение к отображаемому предмету представлено знанием. Знание есть всегда осознание мира, находящегося вне самого сознания» [2, 235]. То есть, неомиф как образная структура закладывает в художественном произведении знание для персонажей в плане описываемого мира.

Второе, что следует учесть при анализе системы персонажей рассказа, это способ их типологизации.

Таблица 1 – Типология персонажей по основным признакам

персонаж	имя или условное обозначение
отношение к протожанру:	1. эпос 2. драма 3. лирика
количественный показатель	собираТЕЛЬный или групповой герой
степень присутствия	первостепенный, второстепенный, эпизодический или внесценический герой
заимствование	(из других источников литературы)
проявление как альтер-эго или противоположного по качествам “двойника”	
степень проявления в событийном поле	активный пассивный

*Примечание – таблица составлена на основе базы данных Л.В.Чернец и И.Н. Исаковой [3].

Приведем список анализируемых персонажей: Камал (главный герой), Пуруша (Творец), Пуруша (альпинист, пришелец), Асмет (отец Камала), Мама, Гита (лошадка), Дедушка (храбрый воин, образец для подражания), Кешаб (пес), Илам (сосед).

Камал – маленький мальчик, сознание которого частично пронизывает неомиф о Творце, Пуруше: «Ему на днях только-только исполнилось восемь, и мир все еще вертелся вокруг него» [4]. Жанр данного произведения – рассказ.

Камал: количественный показатель – в единственном лице. Степень присутствия – первостепенный герой. Критерий заимствования – имя героя не заимствовано из классических источников литературы, однако

является каноническим в арабском языке, так как в переводе на русский язык означает «совершенство». Дав такое имя главному герою, автор произведения пытается символически приблизить персонажа к неомифу о Пуруше, к Творцу, который совершенен и из которого происходит все вокруг. Явление как альтер эго: у персонажа проявляется подобный признак. Мальчик испытывает влияние мифа о Пуруше, в сюжете присутствует даже упоминание об этом (по сюжету Камал «утверждает» себе право на эту способность: «...да кто он такой, вообще! Может быть, это я сплю, а он мне только снится?» – возмущенно подумал Камал. От таких мыслей лицо его нахмурилось и посуровело» [4].

По степени проявления в событийном поле персонаж Камал – активный персонаж. Он предпринимает действия, меняя ход развития. Так, встретив раненого альпиниста в горах, Камал решает, что ему невероятно повезло, и он должен спасти Творца, чтобы мир не погиб: «...и он торопился, надеясь, что папа сможет Пуруше помочь» [4].

Персонаж Пуруша является центром неомифа, главным смысловым стержнем рассказа. Информация о Пуруше дана в форме отцовской сказки на ночь, культурного наследия Непала. Это миф о Творце, который создал мир из своего воображения и затем уснул, чтобы сохранить свое творение. Несомненно, повествование о Пуруше, о котором идет речь в легенде, относится к протожанру эпоса. По количественному показателю персонаж Пуруша относится к собирательному, поскольку влияние неомифа как «окутывающего» архетипа распространяется на Камала и на нескольких других персонажей рассказа. К примеру, сказка продолжается и в его сне: «Вот с тех пор Пуруша и спит. Иногда он вспоминает, что сам себя обрек на вечный сон, и злится на наш мир – и тогда на земле происходят несчастья. Но чаще Пуруша спит спокойно и улыбается во сне... как мой маленький Камал» [4].

Степень присутствия: одновременно и первостепенная, и второстепенная, так как влияние мифа проникает и в сознание главного героя Камала. В финальной части рассказа Камал по-детски непосредственно воспринимает свою способность творить во сне, выполнять функцию Пуруши: «Он закрыл глаза и начал представлять себе тяжелые, неподвижные горы и торопливые, спешащие куда-то реки... И еще он представил себе людей. Много-много людей. Там были мужчины, женщины и дети. Они спали, ели и разговаривали, ловили рыбу в реке, строили дома и работали на полях, смеялись и плакали. Некоторые из них были похожи на него и папу, другие – длинноногие и светлоглазые – напоминали Пурушу, а были и вовсе странные, ни на кого из знакомых Камала не похожие» [4].

Второстепенный же это герой постольку, поскольку влияние неомифа распространяется и на других персонажей, к примеру, альпиниста, которого мальчик воспринимает как «Пурушу». По критерию

заимствования: персонаж Пуруша заимствован из мифа. Пуруша – явление альтер эго или двойника. Поскольку неомиф распространяется на персонажей рассказа, он выступает как скрытое альтер эго как Камала, так и альпиниста (исходя из восприятия мальчика). Степень проявления в событийном поле: одновременно и активная, и пассивная. С одной стороны, согласно непальской космологии, Пуруша создает миры, а затем погружается в сон забвения, чтобы сохранить их. То же происходит и в рассказе: с одной стороны, Пуруша в сказке создает миры, а затем в состоянии сна альпинист «врывается» в мирок деревеньки, меняя ее привычный уклад, создавая вокруг себя событийный ряд, сам, однако, пребывая в пассивности.

Неомиф просачивается в реальность рассказа, когда мальчик находит в горах альпиниста, погруженного в полубоморочное состояние (по причине полученной травмы при камнепаде). Камал решает, что этот спящий человек никто иной как сам Пуруша, созидающий мир во сне: «Ему стало страшно и стыдно, что он кидался в Пурушу камнями и резал его лицо ножом. Ведь если бы тот проснулся – весь мир бы исчез!» [4]. Таким образом, писатель показывает, как чувствителен и восприимчив созидающий мир воображения ребенка, не ограниченный ничем в осознании мироздания помимо родительских авторитетов.

По количественному показателю это герой в единственном лице, ведь в мире взрослых он – альпинист-неудачник, которому требуется помощь. В мире же Камала – это Пуруша, то есть мы имеем дело с собирательным образом. Степень присутствия персонажа – он второстепенный, так как возникает в эпизоде и появляется в фокусе внимания художественной линии произведения, ровно настолько, насколько в фокусе внимания читателя фигурирует Камал. По степени заимствования альпинист никак не относится к мировым образам литературы, если не считать его прообраза «Пуруши». По степени проявления в событийном поле – он пассивный, постоянно находящийся в состоянии полусна, все события разворачиваются вокруг него без его активного участия.

Асмет, отец Камала, относится к персонажу жанра эпоса, он активен (везет альпиниста в больницу), и он же рассказывает сыну легенду о Пуруше. Персонаж представлен в единственном лице. Степень присутствия – второстепенная. Из других источников он не заимствован. Качества альтер эго или двойника у персонажа отсутствуют. Степень проявления – активная.

Мама Камала. По форме произведения относится к эпосу, поскольку о ней повествует автор-рассказчик. По количественному показателю персонаж представлен в единственном лице. Степень присутствия – второстепенная, она появляется в нескольких эпизодах. Из других

источников персонаж не заимствован. Двойника или альтер эго у персонажа нет. Степень проявления в событийности – пассивная, не принимает активного действия в развертывании сюжета, лишь напоминает об обязанностях.

Гита – лошадь Камала. Персонаж по количественному показателю представлен в единственном числе. Второстепенный персонаж символизирует собой быт и хозяйство: «Возле стойла с Гитой – их единственной и уже старенькой низкорослой лошадкой – лежал гигантский, в несколько раз больше самого Камала тюк шерсти, обмотанный мешковиной» [4]. Персонаж не заимствован из других источников литературы, альтер эго не имеет. По степени проявления в событийном поле – пассивный, просто лошадь, имеющая свой характер, но находящаяся под управлением своего юного хозяина.

Дедушка Камала, воин гуркх – эпический персонаж. О его подвигах часто рассказывают в кругу семьи Камала: по рассказу отца, даже у Пуруши был шлем как у его дедушки: «А еще у него был длинный острый нож кукури, чтобы сражаться с врагами, а на голове шлем....Он любил старый дедушкин шлем из жесткой толстой кожи. Дедушка служил наемным гуркхом и последний раз воевал несколько лет назад где-то в Индии. После того как дедушку убили, шлем остался как память» [4]. Персонаж представлен в единственном лице. Персонаж относится к внесценическому, его как такового в произведении нет, но его влияние продолжается: именно благодаря защитному шлему Камал опознал в раненом Пурушу: «Все сходилось. Незнакомец был большой, бородатый, наверняка сильный, непривычно одетый. Судя по шлему и кукури, он был воином» [4]. Из других источников персонаж не заимствован, альтер эго нет. По степени проявления в событийном поле – пассивный, присутствует в тексте в виде знаковых упоминаний.

Кешаб, пес Камала – эпический персонаж, поскольку о нем идет речь в повествовании от лица автора произведения. Персонаж проявляется в рассказе в единственном лице. Степень присутствия – эпизодическая. Пес Кеша является заимствованным персонажем, поскольку: «...они с друзьями прозвали его Кешаб, как царя ушастых ежей, который, по легенде, упав с Мачапучры, ухватился за скалу ушами и растянул их» [4]. Альтер эго пса – сам царь ежей Кешаб, воссозданный Камалом во сне на основе впечатлений мальчика: «...он видел во сне лопухих ежей, взбирающихся по крутому склону Мачапучры» [4]. Неомиф Пуруши просачивается и в детскую способность воображать и «создавать миры». Степень проявления персонажа в событийном поле рассказа, несмотря на эпизодичность, активная: «Из маленькой хижины Саурава, местного кузнеца, выбежал и увязался за ними лопухий пес.... погнавшись за вынырнувшей из-под изгороди коренастой курицей» [4].

Илам, «Сильный мужчина из племени», – сосед семьи Камала, участвующий в общем акте спасения альпиниста: «Илам принес носилки, на которых они с братом таскали осенью мешки с рисом» [4]. Является одним из эпизодических персонажей рассказа. По количественному показателю представлен в единственном числе. Из других источников литературы персонаж не заимствован. Двойника или альтер эго нет. По степени проявления – активный, предпринимает действия, участвует в общей помощи, но особо развитие сюжета не двигает.

Таким образом, предложенный экспериментальный образец типологии достаточно эффективен, так как дает возможность провести исследования персонажной сферы текста (в аспекте оригинальности, архетипичности (заимствований), степени активности героев в событийном поле, количества и степени проявленности (первостепенность, второстепенность, эпизодичность, внесценичность), а также психологической глубины произведения (двойник).

Благодаря проведенному анализу очевидна связь альпиниста – «пришельца из чужого мира» с «Пурушей», богом космического пространства.

Опыт анализа показал, что неомиф создается на основе влияния нескольких персонажей: Пуруши, Камала, альпиниста и дедушки гуркха (как знакового влияния).

Примечателен отрывок из интервью с И. Одеговым, комментирующий образ Пуруши и подтверждающий нашу гипотезу: «Если бы я сам пытался определить центральный образ своих произведений, то это образ чужака, человека со стороны, который внезапно оказывается в чужой среде. В рассказе это альпинист, который произносит в рассказе всего несколько слов и находится в течение всего действия преимущественно в бессознательном состоянии, но при этом сильно влияет на окружающее новое для него пространство и мироощущение непальского мальчика» [5].

Список литературы:

1. Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект / Казан. гос. ун-т. Филол. фак-т. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – 348 с.
2. Ибрагимов М.И. «Неомиф» как предмет сравнительного и сопоставительного изучения. – С.306-308.
3. Мифология учебное пособие / В.М. Найдыш. – М. КНОРУС, 2010. – 432 с.
4. Чернец Л.В., Исакова И.Н. Теория литературы: Анализ художественного произведения. Электронный курс // Образование // Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и IT–Агентство «ОСЗ» по заказу Федерального агентства по образованию РФ в

- рамках Федеральной целевой программы «Русский язык (2006–2010 гг.).
<http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=3&raz=2&pod=2&pag=1> (дата обращения 10.03.2019).
5. Одегов И. Пуруша // «Дружба Народов». – 2012, № 3. // <http://magazines.russ.ru/druzhba/2012/3/o7-pr.html> (дата обращения 11.03.2019).
6. Интервью с Ильей Одеговым, отцом «Пуруши» // <http://russpremia.ru/press/000000195/> (дата обращения 12.03.2019).

ТИПОЛОГИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ М. ЗЕМСКОВА «КОГДА «МЕРЛО» ТЕРЯЕТ ВКУС»

*Нурлыбек Айнур Нурлыбековна
магистрант КазНПУ им. Абая*

Аннотация. В данной статье проводится анализ типологии персонажей остросюжетного психологического романа Михаила Земскова «Когда Мерло теряет вкус». Научная новизна работы заключается в том, что типологическая классификация персонажей произведения известного отечественного писателя Михаила Земскова «Когда «Мерло» теряет вкус» осуществляется впервые.

Ключевые слова: персонаж, типология персонажей, М. Земсков, психологический портрет

Түйіндеме. Бұл мақала Михаил Земцовтың «Мерлоты дәмін татқан кезде» драмалық психологиялық романының кейіпкерлерінің типологиясын талдайды. Жұмыстың ғылыми жаңалығы – атақты ресейлік жазушы Михаил Земсковтың «Мерлоты дәмін жоғалтқан кезде» кейіпкерлерінің типологиялық классификациясы бірінші рет жүзеге асырылады.

Түйін сөздер: кейіпкер, кейіпкерлердің типологиясы, М. Земков, психологиялық портрет.

Abstract. This article analyzes the typology of the characters of Mikhail Zemskov's dramatic psychological novel "When Merlot Loses Taste." The scientific novelty of the work lies in the fact that the typological classification of characters in the work of the famous Russian writer Mikhail Zemskov "When Merlot Loses Taste" is carried out for the first time.

Key words: character, character typology, M. Zemskov, psychological portrait.

Главной задачей данного исследования является создание типологии персонажей, описанных в романе М. Земскова «Когда «Мерло» теряет вкус». Для этой цели используется образец классификации, составленный на основе методов, используемых в социальной психологии. М. Земсков в своем романе создает глубокий психологический портрет каждого героя в стиле философского анализа-рассуждения. В произведении довольно детально описываются межличностные социальные взаимоотношения героев.

Анализ персонажей в романе Михаила Земскова, согласно методу типологизирования, общепринятому в социальной психологии, способствует раскрытию оригинальности личности персонажей и глубины художественного мира автора в целом. Следует отметить в первую очередь типы персонажей, значимые в плане наилучшей передачи авторского замысла, раскрывающего определенные социальные темы.

Произведение автора тесно связано с воспоминаниями о прошлом, свойственных поколению автора. Например: «Я сидел перед открытым ящиком письменного стола. Школьные и студенческие фотографии. Старые кассеты «Кино» и «Наутилуса» (интересно, будут ли они еще крутиться в магнитофоне или уже нет?), перочинный ножик, брелоки (каждый из которых имел когда-то определенное символическое значение), серебряный портсигар, в котором когда-то много чего пряталось – от анаши до самиздатовских копий репортажа о декабрьском восстании восьмидесяти шестого года. Старый кассетный плеер. Значки «Битлз». Тетрадь с рисунками, сделанными простым карандашом. Этот мир кажется невероятно гармоничным и полным в своей законченности. Только я ему уже не принадлежу. Сейчас я – особое, отдельное от него существо» [1, 15].

Соприкосновение разных жизненных путей в романе Михаила Земскова неслучайно – это показатель идеи о том, что каждый человек – это сила, влияющая на линии судеб других людей. В финале романа жизненный путь каждого героя колоссально меняется, каждый усваивает определенные уроки.

Термин «персонаж» имеет латинское происхождение, хоть и взят из французского языка. В древнем Риме слово «persona» обозначало маску актеров, которую надевали во время выступления. Позже термин «persona» стал обозначать действующее лицо в художественном произведении. Персонаж, по В.Е. Хализеву, это либо вымышленный продукт писателя, либо реальный человек с вымышленным образом, либо уже известный литературный персонаж, с новой обработкой (прием заимствования) [2, 112].

Определение литературного героя включает в себя объемный образ человека – его облик, духовный мир, поведение, глубину его мыслей. Схожий по смыслу термин «характер» отличается тем, что описывает психологический внутренний «срез» личности, ее глубинные свойства.

Герой – это характер «действующий», тогда как значение слова «персонаж» используется более в узком понимании и просто подразумевает одно из «лиц» произведения. Характер определяется по степени совершаемых поступков, действий, также манерой общения и поведения, внутренних чувств, ощущений, мировидения, мыслей и преследуемых героем целей. Герой – это всегда личность, являющая собой отражение характера реального автора [4, 221].

Социальная психология изучает личность, особенности ее формирования и социализации, особенности социальных типов и их функциональность общения между собой. Таким образом, социальная психология поднимает темы межличностных взаимоотношений.

Поскольку идет речь о детективном остросужетном социальном романе, в котором описываются социальные взаимодействия между людьми и психологические особенности различных типов людей, роль социальной психологии в произведении «Когда «Мерло» теряет вкус» велика.

Художественная культура (такая, как поэзия, публицистика, или проза) являет собой предмет пристального внимания психологии. Литература содержит в себе информацию, значимую в плане социальной психологии, поскольку раскрывает как социологические, так и психологические алгоритмы, открывая механизмы человеческого поведения на уровне социокультурных шаблонов.

«Художественный психологизм», художественное исследование внутреннего мира человека, функционирует в художественной литературе в трех характеристиках: как родовой признак литературы, как определенное выражение психологического мира автора, как сознательно выбранный писателем эстетический принцип, определяющий художественную целостность произведения [6, 81].

В своем произведении М. Земсков не заостряет внимания только на главном герое. Автор затрагивает в романе и другие жизни, параллельно связывая их между собой, описывает и включает в повествование социально-психологические аспекты.

Для более подробного анализа, описывающего типы персонажей с социокультурной точки зрения, будет уместно применить метод Э. Шпрангера. Социально-психологическая типология личности Э. Шпрангера основана на категориальных различиях жизненных ценностей, позиций и ориентаций, отношений и мировоззрений личностей.

Таким образом, персонажи романа будут классифицированы как шесть различных типов.

Таблица 1 – Образец типологии персонажей. Метод Э. Шпрангера [5, 127].

тип персонажа	описание
теоретический человек	характерна страсть к проблемам, неясным вопросам, их познанию и объяснению;
экономический человек	главным является мотив полезности, достижений в своей деятельности;
эстетический человек	характерно собственное миропонимание, красота духа, бережное отношение к природе;
социальный человек	характеризуется социальной направленностью деятельности, стремлением к контактам с другими людьми;
политический человек	характеризуется преобладанием власти как основной ценности;
религиозный человек	основным считает высшие ценности души.

Согласно таблице, будет произведена классификация персонажей романа «Когда «Мерло» теряет вкус» и проведено исследование на основе социально-психологической типологии личности.

Вот весь список персонажей: Егор (главный персонаж), Наташа (родственница Лехи), Дэн (парень Наташи), Евгений Игоревич (ухажер мамы), Юля (эпизодический персонаж), Леша (одноклассник), Медсестра (эпизодический персонаж) Людмила Юрьевна (эпизодическая героиня), Света (эпизодический персонаж, продавщица), женщина-почтальон (эпизодический персонаж), Водитель “Опеля” (эпизодический персонаж), милиционеры (эпизодический персонаж), Иль (эпизодический персонаж), Олег (эпизодический персонаж, сын Юлии), Леонид Анатольевич (эпизодический персонаж, директор музея), Федоров (эпизодический персонаж, художник), Жанна Абулхаировна и Сауле Нурболатовна (эпизодические персонаж, подруги мамы), Ирина Владимировна (эпизодическая персонаж, соседка) Дамир и Ербол (эпизодические персонажи, сыновья подруги), Андрей Филиппович (эпизодический персонаж), священник (эпизодический персонаж, отец Дэна), Баха и Серик (эпизодические персонажи), Антонина Сергеевна (эпизодические персона, арт-директор Дэна), Дмитрий Васильевичи Андрей (эпизодические персонаж, партнер по бизнесу Лехи, кореец и друг, одноклассник), Катя (эпизодический персонаж, сестренка Дэна), Анвар (эпизодический персонаж, приятель Дэна), Рустем Габдулин (эпизодический персонаж, преподаватель по танцам Дэна), Абзал (эпизодический персонаж, худощавый четырнадцатилетний мальчишка), Алла (эпизодический

персонаж, бывшая Алексея), водитель (эпизодический персонаж), кассирша (эпизодический персонаж), Смоли (эпизодический персонаж), Мама Дэна (эпизодический персонаж), и др.

В качестве исследовательского материала для одной статьи будет достаточно провести анализ трех персонажей, одного главного, одного второстепенного и одного эпизодического.

Главный герой, Егор, по социально-психологической типологии личности относится к теоретическому и религиозному типам. Он любит размышлять, поднимая глубокие философские темы, задаваясь постоянно вопросами, которые требуют поиска ответов. У данного героя на протяжении всего романа идет постоянный внутренний диалог и борьба со своими сомнениями. «Ангелы бродили по улицам. Ангелы и беременные женщины... Я видел только ангелов и беременных женщин. И не было никаких сомнений, что эти женщины разродятся только ангелами и новый род придет на Землю и заполнит собою поля, леса и урбанизированные кубические пространства городов. И их кубы расцветут яблонями и цветами. Нити радости и благоденствия распустятся из их почек и свяжут между собой все живые существа, объединив их в один совершенный организм, осознавший и понявший все, услышавший ритм и слово Вселенной, поклонившийся ей – ее бесконечности, полноте, вечности и незыблемости. И будет он покоиться в волнах Вселенной вечно, насыщать ее и насыщаться от нее. Я ехал в такси. Смотрел на улицы, по которым шли ангелы и беременные женщины. Трудно сказать, кем я больше хотел быть: ангелом или беременной женщиной. Ничего не получалось. Я вдруг понял, что не могу стать ни ангелом, ни беременной женщиной. Не могу...» [1, 33].

Еще цитата из «потока» сознания Егора: «А я хочу нарисовать танцующего Христа, – вернув Наташе баллончик, я прислонился к забору, – как он танцевал на свадьбе, например... Но у меня получается не Христос, а просто какой-то танцующий дядька» [1, 22].

Наташа по социально-психологической типологии личности относится к социальному и эстетическому типам. Наблюдая за данным персонажем, можно заметить ее любовь к социальному общению: умение ладить с людьми, жизнерадостность и энергичность. Ее творческие способности и любовь к искусству, свое видение мира отражается в диалогах с главным героем.

« – Мне иногда кажется, что люди – это цветы, – проговорила Наташа после нескольких минут нашего молчания и общения только через пожатия рук, – они прекрасны в момент созревания и распускания бутонов, но потом они увядают и умирают» [1, 91].

Дэн по социально-психологической типологии личности относится к экономическому типу. Причем, чтобы отнести его к этому типу, нужно отметить ряд трансформаций как аспект развития личности персонажа.

Изначально его еще можно было отнести, согласно нашей типологии, к типу религиозному: «Дэн закрыл глаза и тихо зашептал: – Прости, Господи Иисусе. Спаси и помилуй. Дай прожить эту ночь, и пусть она скорее закончится. Спаси и помилуй, Господи. Дай еще хоть немного пожить. Спаси и помилуй, Господи» [1, 75]. В финальной части романа его взгляды на жизнь существенно меняются, и отнести его можно уже к типу экономическому: «Я больше не верю в Бога» – написал Дэн карандашом на сложенном вдвое листе ксероксной бумаги. Писать карандашом было непривычно – еще более непривычно, чем ручкой. – Ну его на фиг.. – прошептал он одними губами, отбросил карандаш и вышел из палаты» [1, 77].

Леша, второстепенный персонаж, по социально-психологической типологии личности относится к политическому типу. Главной целью для него становятся богатство и деньги. В погоне за деньгами он готов на риск. В конце романа неожиданно убивает своего одноклассника посредством несчастного случая, в финале попадает в исправительное учреждение.

Мама главного героя, второстепенный эпизодический персонаж, относится к социальному и религиозному типам одновременно. Она отличается от других героев тем, что находит в себе гармонию, не теряя по отношению к другим свою искренность и доверие. В процессе повествования читатель может наблюдать, как она обретает свое женское счастье, которое становится одной из главных причин возврата главного героя в родные края.

Как наглядно показано в романе М. Земскова «Когда «Мерло» теряет вкус», автор свои философские взгляды и размышления доносит через разных персонажей, совершенно разных по социальному типу. Поднимает вопросы на социально-психологические темы: вера в божественное, чувство страха, экзистенциальные сомнения, парадоксы развития человеческой личности в современных социальных условиях, искренняя дружба и конечно же, любовь. Любовь в финале романа служит победоносным чувством: главные герои, несмотря на трудности, выбирают именно это светлое чувство.

В итоге можно дать оценку результатам проделанного анализа согласно методу Э. Шпрангера. Данный метод используется впервые в литературоведении по отношению к персонажам отечественного детективного романа. Мы предприняли попытку классификации персонажей по социально-психологическим типам личности. Личностная трансформация персонажей приводит к смене социального типа. Также замечено, что один и тот же персонаж может одновременно относиться к нескольким типам по данной классификации.

По сюжетной линии всех объединяет главный герой. Каждый персонаж выбирает свой жизненный путь и принимает важные решения, характерные для своего типажа. Решения персонажей, которые помогают

им справиться с проблемой, приводят к смене типа. Так, один из персонажей теряет веру, но обретает здравый смысл.

Результаты анализа демонстрируют, что М. Земсков подошел к составлению социальных характеров своих персонажей очень ответственно, поднимая проблемы всего спектра психологических ценностей – читатель получает возможность отследить как моменты личностного роста каждого из них, так и следствия опасных решений, ими принятых. Читатель получает возможность отследить всю динамику развития последствий из-за совершенных персонажами жизненных выборов на примере всех шести социальных типов и, таким образом, получить богатый материал для собственного роста.

Список литературы:

1. Земсков М. Когда «Мерло» теряет вкус. – М., 2015.
2. Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 2002.
3. Введение в литературоведение: Учеб. Пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2004.
4. Толстой Л.Н. Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана // Л.Н.Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 15.
5. Шпрангер Э. // Новая философская энциклопедия: в 4 тт. / Под. ред. В.С. Стёпина. – М.: Советская энциклопедия, 2010.
6. Челдышова Н.Б. Шпаргалка по социальной психологии. – М., 1972.

**ПОЛИФОНИЯ ГОЛОСОВ В ПОВЕСТИ НИКОЛАЯ ВЕРЕВОЧКИНА
«ГОРОДСКОЙ ЛЕШИЙ, ИЛИ ЕРОХА БЕЗ ПОДВОХА»**

*Кендебай Жансяя
магистрант КазНПУ им. Абая*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу полифонии голосов в повести Н. Веревошкина «Городской леший, или Ероха без подвоха». Актуальность исследования определяется тем что в одном фрагменте существует несколько микротекстов, имеющих разных трансляторов. Нарратор определяет и другие значимые позиции рассказывания. Задачи исследования состоят в том, чтобы определить формы взаимодействия субъектов повествования в произведении.

Ключевые слова: полифония голосов, нарратор, наррататор, несобственно-прямая речь.

Түйіндеме. Аталмыш макала Н.Веревошкиннің «Городской леший, или Ероха без подвоха» хикаятындағы көпдауысты құбылыстарын талдауға арналған. Зерттеудің өзекті мәселесі, яғни бір фрагментте әр түрлі тасымалдаушысы бар бірнеше микромәтіндер бар екендігін анықталуы. Зерттеудің негізгі міндетіне шығармадағы субъектілердің өзара ара – қатынасының түрлерін анықтау болып табылады.

Түйін сөздер: көпдауыстылық, нарратор, наррататор, жақсыз сөйлем.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the polyphony of voices in novel of N.Verevchkin. The relevance of the study is determined by the fact that in one fragment there are several microtexts that have different translators. Narrator also defines other significant narrative positions. The research aim is to determine the forms of interaction between narrative subjects in a work.

Key words: polyphony of voices, narrator, narratator, not actually direct speech.

Повесть Н. Веревошкина «Городской леший, или Ероха без подвоха» открывается интригующим словом фиктивного нарратора, говорящего о себе в третьем лице и называющим себя автором: «Признаюсь, не сразу автор решил обнародовать эту престранную историю. Долго сомневался» [1]. При этом в начале повести появляется и фиктивный наррататор, которому нарратор адресует свой рассказ. В первых строках повести адресат изображается эксплицитно: нарратор напрямую обращается к читателю, используя местоимение вы: «Так или иначе, вы все равно бы узнали о нескладном художнике Мамонтове, изменившем свою сущность» [1]. Повествующий субъект вовлекает фиктивного читателя в своеобразную игру, предлагая ему роль не участника, но свидетеля изображаемых событий: «Да видели вы его. Просто не знали, что он – Мамонтов» [1]. Таким образом, между повествующим субъектом и фиктивным читателем в игровом поле повести устанавливаются доверительные отношения. Далее индексы, указывающие на присутствие наррататора, то ослабевают, то вновь усиливаются. Например, повествователь, обращаясь к читателю, дает комический совет: «Лешим, чтобы вы на всякий случай знали, вредно смотреть телевизор. Причем не только канал для охотников. Проявите гуманность». Так волей нарратора трансформируется позиция читателя: он выступает уже не только как свидетель, но и как потенциальный участник изображаемых событий (возможно, и ему когда-нибудь придется принимать у себя в доме лешего).

Нарратор определяет и другие значимые позиции рассказывания – призывает серьезно отнестись к фантастической истории. Он заявляет, что читатели «все равно бы узнали о нескладном художнике Мамонтове, изменившем свою сущность. Разумеется, в искаженном, анекдотическом виде» [1]. И тут же добавляет, что «смеяться, собственно, не над чем. Дело серьезное» [1].

В следующем фрагменте повествователь инициирует активные действия нарратора, вовлеченного в интерактивную игру: «Но прежде чем прочтете слова лешего, автор должен предупредить вас об опасности. Ни в коем случае нельзя читать заговор вслух. Пока есть время, сплюньте на всякий случай через левое плечо, предварительно посмотрев – не стоит ли кто сзади. И самое главное: читая, прикройте левый глаз правой ладонью» [1].

Все рекомендации рассчитаны на адресата, принимающего условия игры. Тем самым в тексте формируется образ «своего» нарратора, обладающего определенными чертами.

Отметим, что именно при обращении к фиктивному читателю нарратор называет себя автором и говорит о себе в третьем лице.

В пределах одного текстовом фрагмента повести сосуществует несколько микротекстов, имеющих разных трансляторов. Полифония голосов в повести принимает разные формы.

Порой в монологическом голосе нарратора обнаруживается присутствие голоса автора. Авторское начало проявляется в именных номинациях персонажей: гламурная владелица салона современного искусства зовется Гламурой Ивановной. При этом героиня носит немецкую фамилию Птурс. Отметим, что фамилия пятикратной вдовы напоминает аббревиатуру ПТУРС, что означает «противотанковый управляемый реактивный снаряд» [1]. Созвучие фамилии и названия снаряда далеко не случайно: каждый мужчина, связавший жизнь с Гламурой Ивановной, оказывается в могиле.

Главные герои произведения, ищущие в единении с природой душевной гармонии, – носят фамилии Мамонтов и Воробушкин, ассоциирующиеся с названиями животных. Зовут главного героя Алеандр Павлович. Необычное имя подчеркивает непохожесть центрального персонажа на других людей, а фонетическая близость с названием цветка (олеандр), напротив, указывает на его близость к природе.

Фамилия другого героя, лишившего семью Мамонтова, Папашин. Это влиятельный и богатый человек, который смог удовлетворить все материальные запросы бывшей жены Алеандра Павловича. В контексте рассказанной истории фамилия Папашин ассоциируется с нарицательным существительным «папик», часто используемым в 90-е годы для характеристики состоятельного мужчины, содержащего женщину и имеющего криминальную историю.

Таким образом, автор проявляется в тексте произведения как последователь комедиографов Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, широко использующих такой прием, как «говорящие» имена.

Создавая художественную реальность, автор дает названия и различным заведениям. Так, кафе, в котором Мамонтов искал душевного спокойствия, называется “Ностальгия”, а салон современного искусства до переименования – “Голубая подкова”, после – “Городской леший”.

Кроме этого, иногда внутри речи нарратора обнаруживаются, не относящиеся к рассказываемой истории, фразы, как-то: «Слова мужик и музыка созвучны», «Леший, отшельник – одинаковый шелест осенних листьев». Эти фразы, представляющие собой филологические наблюдения над текстом повести на фонетическом уровне (повтор звукокомплексов), тоже, без сомнения, принадлежат автору.

В другом фрагменте текста также четко слышится голос автора, озвучивающий субъективное, обобщающее знание, которое не доступно нарратору. Это знание гораздо шире знания нарратора, ограниченного его видением «здесь и сейчас»:

«Человеку, рожденному в большом провинциальном городе, и в голову не придет завоевывать его. Что его завоевывать, если он с рождения твой? Горожанин относится к своему городу слегка снисходительно, легкомысленно. Он полагает: его предназначение и признание где-то там – в Москве, мировых столицах, иных мирах. А здесь так, временное прозябание.

И только человек из глуши к большому городу относится с почтительной серьезностью. Именно за счет этой серьезности он легко обгоняет легкомысленных сверстников, детей этого города» [1].

В следующем описательном фрагменте наблюдается слияние голосов нарратора и героя произведения: «Непокорная бежевая грива собрана в тугой хвост. Усы и борода с первой проседью. Глаза зеленые. Кошачьи. Редко кто выдерживал пристальный, холодный взгляд художника. Особо тонкие натуры чуяли его даже спиной. На ногах круглый год альпинистские ботинки-термосы, рассчитанные на перепад температур от плюс пятидесяти до минус пятидесяти. Всепогодные. /Очень удобно/. В остальном – одет по сезону. Без особых примет. В теплое время – джинсы, ковбойка. В холода добавлялся пуховик» [1]. В речь основного повествующего субъекта внедряется голос героя (в цитате ему принадлежащее выражение отмечено косыми линиями). Фраза «очень удобно» раскрывает ощущения носящего круглый год одни и те же ботинки Мамонтова, что вряд ли доступно сознанию повествователя.

Соединение голосов повествователя и героя обнаруживается в несобственно-прямой речи, когда мысли героя формально выражены словом нарратора. Приведем примеры:

1) «Заплати тысячу тенге и через пятнадцать минут – получи. Цена смехотворная. Все равно что в парикмахерскую сходить. Отбоя от желающих нет. /Хочешь шарж? Пожалуйста/. Дело даже не в скорости исполнения и не в удивительной точности изображения» [1]. Выделенный косыми линиями фрагмент представляет собой типичный ответ Мамонтова на вопрос потенциального заказчика портрета, но при этом звучит из уст повествователя.

2) Косая линия отделяет в речи повествователя слова, отражающие восприятие лешего героиней повести: «Прикрывши платочком носик, Гламура Ивановна с интересом посмотрела на незнакомца и послушно включила электрочайник. /Внешность и манеры мужчины были столь первобытно изысканны и неподражаемы, столь мужественно просты, что ему приятно было подчиниться/. Долгое время вращаясь среди актеров, художников и литераторов, госпожа Птурс, составляя мнение о новом человеке, доверяла исключительно интуиции и не принимала в расчет слова» [1]. Безусловно, мысль о том, какому мужчине приятно подчиниться, может принадлежать только женщине.

3) Мысли и чувства героя передаются словом повествователя, не теряя при этом своей экспрессивности:

«1Он впервые видел малыша. Но не мог не узнать. /2Она обманывала. Это был его сын.

Потому они и прятали от него Игорька за крепостными стенами загородного особняка./ 3Нехорошо обижаться на погибшего человека.

Но он обиделся.

Впрочем, что значит – обиделся? Слова лишь скрывают смысл. Ни одного чувства в чистом виде нет. Подобные события поднимают такую волну, такую волну... Поди разберись, что тебя захлестнуло – старая или новая боль? Ностальгия воспоминаний? Незажившая рана ревности? Раскаяние, сожаление, печаль, холодок вечности, который веет от смерти? Все вместе, разом. Да еще многое другое.

И кому нужно в такие минуты разбираться в своих чувствах.

На ногах бы устоять, пережить, не захлебнуться./4

Алену было жаль. Но думал Мамонтов только об украденном и убитом сыне. Оборвалась паутинка, связывающая его с вечностью. И почувствовал он себя безъязыким колоколом, подвешенным на колокольне заброшенной церкви. И ни души вокруг.

Пустота. Без надежды. Без веры.

Лодка без весел. Часы без стрелок. Ружье без курка. Жизнь без смысла» [1].

Первая часть фрагмента представляет собой объективное слово нарратора. После косой линии (вторая часть) – эмоциональная догадка героя о своем потерянном сыне. Третья часть – оценка состояния героя повествователем. Четвертая, наиболее экспрессивная, насыщенная

метафорическими оборотами и сравнениями, передающими трагическое мироощущение, безусловно, отражает сознание Мамонтова. Здесь можно говорить о «лабиринте голосов», где в речи повествователя преломляется слово героя.

Нередко слово героя вводится в повествовательный текст открыто, в форме первого лица, но не оформляется как прямая речь:

«Долго смотрел он в просвет домов на пик Лавинный, пытаюсь восстановить душевное равновесие. Но качели не останавливались. Пальцы дрожали. Он думал то, о чем рано или поздно думает всякий взрослый человек, расставшийся с иллюзиями юности: /чем я, собственно, здесь занимаюсь? Неужели он появился на свет для того, чтобы изо дня в день рисовать портреты случайных прохожих? Какой в этом смысл? А чем занимаются все эти люди, сидящие перед ним и стоящие за спиной, и те, кто, не останавливаясь, проходит мимо? Есть ли среди них хотя бы один, кто скажет о себе: я занимаюсь тем, чем должен заниматься/.

В конце концов, художник извинился перед очередным клиентом и, сославшись на головную боль, собрал свой скарб» [1].

Неоформленность прямой речи создает впечатление соединения речевых потоков нарратора и героя, проникновения сознания повествователя в сознание персонажа.

Чтобы точнее определить формы взаимодействия субъектов повествования в произведении, отметим некоторые особенности, характерные для речевой манеры нарратора. Для выразительности описания повествователь часто использует сравнительные обороты, а также скрытые сравнения – метафоры, парадоксально сближая казалось бы не имеющие ничего общего явления и предметы, что порождает комический эффект. Например:

- «...руки его, как два проворных паука, снуют по бумаге» [1], «руки-пауки» [1];

- Мамонтов похож «на сказочное, беззаботное существо. Вроде гнома-переростка» [1];

- Описывая знатоков искусства, повествователь использует сравнения: «Один был маленьким, как гномик», «Другой – длинный и худой, как журавль в фонтане» [1];

- Изображая Ероху, принимающего ванну, нарратор замечает: «...перископом выглядывало мужское достоинство размеров преудивительных» [1];

- «Смотреть на плачущего лешего без слез невозможно. Как если бы вдруг зарыдал, содрогаясь плечами, шоколадный Пушкин» [1];

- «Забрел Мамонтов в такую глухомань, что само Чертово болото в сравнении с ним – Красная площадь» [1].

В слове повествователя нередко звучит ирония, создаваемая за счет использования лексически не сочетаемых слов. К примеру: «Ероха

благоухал болотом, прелой листвой, грибами, разнотравьем, трухлявым деревом» [1]. Оксюморное сочетание, в котором вместо слова «вонял» используется «благоухал», порождает комический эффект.

Описывая героя, повествователь нередко «надевает на себя его маску», используя в своем слове слова и обороты, характерные для героя. Например, говоря о Ерохе, нарратор использует слов «ремки» из словаря лесного гостя: «Видит: вместо его ремков, на стуле городская одежда висит» [1].

В речи повествователя и Мамонтова возникают схожие образы. Так, например, описывая впечатление, которое произвела на Ероху Гламура Ивановна, нарратор, демонстрируя свою эрудицию, вспоминает о великом скульпторе конца XIX – начала XX вв.:

«– Ай? – откликнулся Ероха, скребя бороду и с изумлением косясь на круп хозяйки. Родена на него нет» [1].

В то же время герой произведения, Мамонтов, приревновав к Ерохе хозяйку салона, иронично сравнивает далекого от искусства лешего с художником эпохи Возрождения Микеладжело Буонарроти:

«– Сможет, сможет, – мрачно заверил ее Мамонтов. – И чехольчик для мобильника, и бюст президента из лыка сплетет. Он у нас талантливый, как Буонарроти» [1].

В речи Мамонтова так же, как и в слове нарратора, нередко возникают парадоксальные выражения, как-то: «Хороший человек был кот Пушок. Жизнь прожил – мышцы не обидел, – вздохнул хозяин» [1].

Для слова Ерохи характерно использование фольклорных выражений: частушек, пословиц, поговорок, прибауток и др.

• «Я человек лесной, хожу босой, борода из моха – зовусь Ероха». «Белый ворон летит, крылья стерлися. Вы не ждали нас, а мы приперлися» [1];

• «..одна теперь у тебя одёжа – волосня да кожа» [1];

• «Эх, хозяин, на помойную яму не напасешься хламу» [1] и др.

Речь лешего отличает также использование древнерусских слов и устаревших конструкций: «много моих детишков», «самые лесники да егеря из лешачат получают», «вишарник нетронутый», «лешачиха», «одёжа».

Особую роль полифония голосов начинает играть во второй части произведения. Здесь представлены самые разнообразные формы звучания голосов автора, нарратора и персонажей. Обратимся к тексту:

«– Искал карась в чужих сетях счастье, в своей верше не найдя, – вздохнул Ероха.

– Какая разница – верша, сеть?

– А такая, что держись, блоха, своей собаки.

– Твоя правда, Ерофей. Только с чего ты взял, что я блоха?

– Ай не блоха? – удивился Ероха и покачал с осуждением головой. –

Алеандра, Алеандра, и на твою спесь спесивец есть.

– Не одобряешь?

– Каждый чужой плещи завидует, – уклончиво ответил леший и, положив на стол рядом с надкусанным яблоком недоплетенный лапоть, указал на кресло. – Садись.

Перешагнув через спящую рысь, Мамонтов сел.

Хорошо в дупле. Уютно. Защищено. Спокойно. Словно в чреве самой природы.

И отрешенный, ровный гул.

Сидишь, как в деревянном, вековом колоколе.

Если есть человек, желающий стать лешим, почему бы не быть лешему, желающему стать человеком? Только первым об этом леший никогда не заговорит. Век будет ждать случая. А попадетя простодырый – душу ему растравит, распалит, схватит за язык да и вывернет всего наизнанку» [1].

В данном фрагменте, одном из ключевых в произведении, передается диалог центральных героев, комментируемый повествователем. Тут же представлена несобственно-прямая речь («Хорошо в дупле. Уютно. Защищено. Спокойно. Словно в чреве самой природы. И отрешенный, ровный гул. Сидишь, как в деревянном, вековом колоколе.») Причем, словом нарратора воспроизводятся ощущения обоих героев и самого повествователя, незримо присутствующего рядом с участниками диалога. Так, в несобственно-прямой речи сталкиваются не два, а три голоса.

Заканчивается данный фрагмент словом автора, обобщающим, философичным, включающим в себя риторический вопрос: «Если есть человек, желающий стать лешим, почему бы не быть лешему, желающему стать человеком? Только первым об этом леший никогда не заговорит. Век будет ждать случая. А попадетя простодырый – душу ему растравит, распалит, схватит за язык да и вывернет всего наизнанку».

Рассмотрев «конфигурацию голосов» в приведенном фрагменте, можно с уверенностью говорить о повествовательной полифонии.

Порой в высказываниях разных героев встречаются одни и те же слова и выражения. Иногда речь Мамонтова становится зеркальным отражением высказываний Ерохи.

1) «– Облепиха – хорошо, – согласился Ероха, – и малина – хорошо. А без лешахи тошно.

И вздохнул.

– Вот-вот! – обрадовался Мамонтов. – Может быть, и лешахику сосватаем».

2) «– Эх, бывало, ягодницу подкараулишь, – предался сладким воспоминаниям Ероха, – да заманишь в вишарник нетронутый <...>.

« – <...> И многим ягодницам ты нетронутый вишарник показывал?».

Повтор слов Ерохи Мамонтовым, несмотря на иронию, свидетельствует о близости героев, сочувствии Мамонтова лешему.

Другой пример: устаревшее слово «пообвыкнешься», произнесенное интеллигентом Мамонтовым, явно заимствовано из словаря лешего Ерохи:

«Посмотрим, погостим, познакомимся. Палатку возьмем. Поживу с тобой день-другой, пока пообвыкнешься, с местной нечистью подружишься».

Как видим, Мамонтов, постепенно обрастая чужим голосом, превращается в двойника Ерохи. Это преобразование замечает и нарратор: «Мамонтов задолго до того, как выпил кровавый коктейль, чувствовал: в нем под дряхлеющей, надоевшей оболочкой вырастает другой человек. Другое существо. То, кем бы он хотел быть» [1].

Отметим, что трансформация Мамонтова и лешего на уровне наррации также проявляется и на уровне истории: Мамонтов в финале произведения превратился в лешего, Ероха стал художником. Максимально уподобившись друг другу, персонажи обмениваются душами: «И по мере того, как зеленая кровь лешего перекрашивала в свой цвет кровь человечью, перебарывая ее, все глубже проникая в тело, Мамонтов чувствовал, как, наполняя все существо свежестью, ликованием и головокружением, прорастают в его душе дремучие дебри».

С этого момента происходит расподобление Мамонтова и Ерохи, и каждый из них занимает свою позицию в истории и приобретает свое, независимое от другого слово.

Ценностями для Ерохи становится выменянный им художественный дар, деньги, комфорт. После своего превращения в лешего Мамонтов, наоборот, практически теряет голос, проявляя свою волю в виде физического или психологического воздействия на людей, угрожающих природе.

В результате анализа повести «Городской леший, или Ероха без подвоха» мы пришли к выводам:

В пределах одного текстовом фрагмента повести сосуществует несколько микротекстов, имеющих разных трансляторов. Полифония голосов в повести принимает разные формы.

Главные герои, Мамонтов и Ероха, постепенно сближаются друг с другом. Каждый из героев начинает высказывать мысли, соотносимые со взглядами собеседника, использует в своей речи чужие слова и фразы. Притяжение героев на нарративном уровне можно рассматривать как метафору стремления человека к целостности, соединения двух его половин. Взаимное притяжение героев оборачивается их трансформацией на уровне истории: Мамонтов превращается в лешего, Ероха становится художником. Потеряв смысл в своей прежней жизни, персонажи обмениваются душами, каждый из них занимает свою позицию в истории

и приобретает свое, независимое от другого слово. Расщепление голосов героев в финале повести свидетельствует о невозможности обретения человеком утраченной целостности.

В тексте формируется образ «своего» наррататора, обладающего определенными чертами. Повествующий субъект вовлекает фиктивного читателя в своеобразную игру. Между наррататором и наррататором в игровом поле повести устанавливаются доверительные отношения. Вовлеченный в интерактивную игру наррататор, по всей вероятности, должен воспринимать рассказ как имеющий реальную основу. А вот реципиенту еще предстоит решить – верить или не верить рассказанной истории.

Список литературы:

1. Веревокин Н.Н. Городской леший, или Ероха без подвоха // Дружба народов. – 2008. – № 4. – <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2006/11/ve2-pr.html>.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПОЛИФОНИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПОВЕСТИ Н. ВЕРЕВОЧКИНА «ГОРОДСКОЙ ЛЕШИЙ, ИЛИ ЕРОХА БЕЗ ПОДВОХА»

Кендебай Жансая
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Данная статья посвящена анализу полифонии голосов в повести Н. Веревокина «Городской леший, или Ероха без подвоха». Актуальность исследования определяется инновационным подходом к анализу полифонии голосов в постмодернистском тексте с нарратологических позиций. Задачи исследования состоят в том, чтобы рассмотреть дискурсивные полифонические стратегии в художественных текстах Н.Веревокина с нарратологических точки зрения.

Ключевые слова: полифония голосов, нарратор, постмодернистский текст, неофилогизм.

Түйіндемe. Аталмыш мақала Н. Веревокиннің «Городской леший, или Ероха без подвоха» хикаятындағы көпдауысты құбылыстарын талдауға арналған. Зерттеудің өзекті мәселесі инновациялық тәсілмен постмодернистік мәтінде көпдауысты талдауды нарратологиялық тұрғыдан анықтау. Зерттеудің негізгі міндетіне дискурсивті полифониялық стратегияны Н. Веревокиннің көркем мәтіндерінде нарратологиялық тұрғыдан қарау жатады.

Түйін сөздер: көпдауыстылық, нарратор, постмодернистік текст, неофилогизм.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the polyphony of voices in novel of N. Verevchkin. The urgency of the research is determined by an innovative approach to the analysis of the polyphony of voices in the postmodern text from a narratological standpoint. The aims of the research is to consider the discursive polyphonic strategies in N.Verevchkin's texts from the narratological point of view.

Keywords: polyphony of voices, narrator, postmodern text, neomythologism

Богатый интертекстуальный фон, используемый в повести, значительно расширяет границы ее семантики.

Тема искусства – одна из центральных в произведении. Повествователь неоднократно упоминает имена известных живописцев. Приведем примеры:

1) «То, что всякий леший похож на художника-передвижника, давно известно всякому, кто видел портреты Ге Николая Николаевича, Мясоедова Григория Григорьевича или того же Шишкина Ивана Ивановича. В славном этом товариществе вообще не встречалось художника без бороды. Причем бороды косматой» [1].

2) «Следом за Папашиным полюбоваться плакатом вышли из джипа два испанца. Один на Пабло Пикассо похож. Только с усами. Другой – на Сальвадора Дали. Только без усов» [1].

Номинативная аллюзия выступает как имя художника, при этом создает широкий круг ассоциаций, связанных в первую очередь с творчеством того или иного живописца. Реализуется функция номинативной аллюзии: имя Мамонтова вводится в ряд талантливых художников; так путем непрямого сравнения определяется ценность таланта героя произведения.

В тексте повести возникают аллюзии, вызывающие в памяти читателя древнегреческие мифы. В слове нарратора Мамонтов сопоставляется то с освободившимся Атлантом, то с ангелом, освободившем Прометея:

1) «Сейчас, когда художник понял, что жизнь его не имеет больше и капли смысла, он испытал неожиданное чувство облегчения. И невероятной пустоты.

Словно Атлант, сваливший свое небо на плечи Гераклу.

Он понял, что совершенно свободен. Ему стало тоскливо. А кто сказал, что свобода – это радость?

Нет ничего печальнее и беспрощетнее *настоящей* свободы» [1].

2) «Кроме сострадания, продавец чувствовал еще не осознанное им самим облегчение. Этот псих, как светлый ангел, явился ниоткуда и огненным мечом разрубил цепь, приковавшую продавца желтых газет к надоевшему перекрестку» [2].

Так, «чужое слово» в форме аллюзии формируют мотив освобождения, связанный с образом главного героя, потерявшего все самое ценное в жизни и обретшего трагическую свободу.

Образ Ерохи, напротив, посредством аллюзий соотносится со сказочной реальностью.

«И увидел Мамонтов дупло у основания дуба.

Столь вместительное, что в полости хватало места для круглого столика и двух плетеных кресел-качалок <...>

В дупле, покачиваясь в кресле, сидел Ероха. Он мурлыкал под нос и плел лапоть. <...>

У ног Ерохи, положив голову на культю, дремала рысь. Ошейник расшит бисером. Цепь позолочена. А может быть, и золотая. Большая кошка приоткрыла один глаз, посмотрела на гостя без интереса и снова погрузилась в дрему» [1].

Представленный отрывок обнаруживает переключку с текстом-донором, поэмой А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», в которой так же, как и в повести, реализуются мотивы любви, похищения любимой, возмездия. Однако наиболее актуален, на наш взгляд, мотив возрождения. Но если в поэме Пушкина Руслан возрождается благодаря живой и мертвой воде, то в повести Веревошкина Мамонтов перерождается в результате колдовских действий лешего.

В повести реализуется мотив двойничества, связанный с поиском самого себя и смысла существования, который отсылает к творчеству Ф.М. Достоевского. С другой стороны, обмен судьбами Мамонтова и Ерохи, отчасти напоминает сюжет известного романа О. Уальда «Портрет Дориана Грея».

Так, в произведении Веревошкина мы наблюдаем игру, рассчитанную на «цитатное сознание» читателя [2, 226], способного услышать другие голоса, разгадать коды, заложенные автором в интертексте произведения, являющегося своего рода частью «великого интертекста» культурной традиции, как определяет его И.П. Ильин [2, 226].

Н.Ю. Георгинова также указывает на активизацию читателя, обнаружившего интертекстуальные элементы в читаемом тексте: «Когда речь идет о межтекстовых связях, переключках одного текста с другим, то имеется в виду диалог – работа сознаний автора принимающего текста и автора текста-источника, а также ментальная деятельность реципиента, воспринимающего и интерпретирующего интертекстуальные включения» [3, 150]. На столкновении голосов текста-донора и принимающего текста, имеющих равноправное звучание, формируются новые смыслы произведения.

Особое значение в рассказанной истории, как и в истории рассказывания, принадлежит образу Алёны. Автор наделяет героиню именем, происходящим от древнегреческого Хелене, что в переводе означает «светоч», «факел», «сияющая», «солнечная». В славянских языках оно считается внецерковным вариантом Елена. Также данное имя трактуется как «алая», «огненная» [4].

В тексте реализуются оба значения имени Алёна. В начале повести актуализирована солнечная ипостась героини: девушка предстает как нежная, бескорыстная, любящая. Это проявляется в ее слове: «– Вы такой талантливый, Алеандр, – шептала Алёна, – такой талантливый, что просто повесить рядом некого» [1]. Позже, когда Алёна становится женой Мамонтова, достигает успехов в карьере, находит обеспеченного и имеющего власть любовника, начинает реализовываться второе значение имени – «огненная», и голос героини резко меняется:

«– Ты, Мамонтов, не мужик. Ты лопух.

– Почему – лопух?

– Потому что от тебя пользы, как от лопуха. Вот если бы я родилась мужиком, я бы на все пошла, чтобы обеспечить семье сносное существование. Оторвись от своей пачкотни, оглянись вокруг. Люди крутятся, люди состояния сколачивают. А ты чего ждешь? Когда скажут: отбой? Думаешь, ты Шишкин, Куинджи? Ты даже не Шилов. Ты, Мамонтов, прирожденный рогаговец. Да, рогаговец!» [1].

Заложенная в имени двойственность отсылает читателя, с одной стороны, к народным сказкам, с другой, к мифам о Елене Троянской. Эти параллели расширяют семантическое пространство повести. Алёна в прошлом не равна Алёне в настоящем.

Деревенская девушка Алёна росла в естественной среде. Недаром, описание повествователем ее малой родины имеет признаки сказочного пространства:

«Колдовское место.

Между лесным массивом Раздолье и деревенькой Раздолье не было границ. Коричневые растрескавшиеся бревна, составляющие избы, выросли в этом же лесу, на этой мшистой почве. В жилищах не было ничего чужеродного. Вначале они были соснами, здешним камнем и глиной. И дятлы не делали различий между живыми деревьями и срубам. Случалось, молодые лоси, пугая женщин у колодца, перебежали единственную улицу, а из окна на ближайшем дереве можно было увидеть рысь, горящим глазом следящую за домашней живностью» [1].

В этом пространстве звучит чистый и наивный голос героини:

Вдруг слышат – Алёна кричит: “Папа, папа! Иди скорей сюда. Здесь змея!” – “Желтая? За сараем?” – спрашивает тесть. – “Желтая. Толстая”. – “Не бойся. Это наша змея. Мама ее подкармливает. Попьет молоко и уползет”[1].

Как видим, в вопросных и ответных репликах героев значимыми являются лексемы «папа» и «мама». Алёне, находящийся в родительском доме, важна защита отца и мудрая забота матери.

Отец и мать – образы-архетипы, по терминологии К.Г. Юнга. Архетип является общим характеризующим образом. Архетипы Юнга [5, 17] смоделированы из мифологии, легенд и народных сказок. В них выражается коллективное бессознательное. Архетипы – это всеобщие схемы поведения, «вызывающие к жизни комплексы представлений, которые выступают в виде мифологических мотивов» [6, 12]. С точки зрения Л.В. Сафроновой, архетипы – результат спонтанного порождения инвариантными для всех народов нейродинамическими структурами мозга. Это, например, архаические образы-персонажи, представляющие не отдельные личности, а человека вообще [7, 45].

Образ Алёны построен в соответствии с архетипом дитя, в нем заключена вся мощь духа, вся сила природы и коллективного бессознательного. С одной стороны, беззащитное дитя может уничтожить кто угодно, но с другой для него характерна потрясающая живучесть.

Оказавшись в городе, героиня приспосабливается к его условиям. Она желает иметь ту же стабильность и защищенность, что и в родительском доме. Недаром, она называет своего мужа, сокращая его фамилию, Мама.

«– Не понимаю тебя, Мама...

– Встань вполборота. Спinoй ко мне. Так. И посмотри на меня чуть исподлбья, колдовским взглядом.

– Колдовским? Это как?

– Так, будто очаровать меня хочешь. Заманить в чашу и погубить.

– Это зачем?

– Колдунью с тебя хочу написать. Ведьму из Раздолья.

– Я не понимаю тебя, Мама, родился в городе, а ведешь себя – деревня деревней. При твоём таланте, при таких возможностях я бы давно лауреатом была. Скажи мне, почему ты до сих пор не лауреат?

– Зачем? Что я от этого – писать лучше буду?

– Не раздражай меня своей глупостью. Зачем, зачем... Ты хотя бы вместо зарядки шевели иногда мозгами.

– Вот, вот. Так и смотри.

– Ну, кому нужны эти лешие, колдуньи, кикиморы? Кто тебе за них лауреата даст?» [1].

Отметим, что мысли героев и их стремления отражаются в репликах диалога. Повествователь как бы наблюдает за ними со стороны, не комментирует фразы участников диалога, давая им возможность высказать свою точку зрения. При этом, реплики Мамонтова характеризуют его как творческую личность, а высказывания Алёны обнаруживают в ней корыстную натуру. Она приписывает мужу черты архетипа матери и

раздражается тем, что супруг не проявляет понимания и рвения в исполнении навязанной ему роли.

Не получив желаемого благополучия, не чувствуя себя защищенной рядом с Мамонтовым, героиня ищет поддержки в лице Папашина, чей образ ассоциируется с архетипом отца. Позже, когда у нее рождается сын, Алёна, желая его обеспечить всем необходимым, окончательно уходит к Папашину. Точнее Папашин, словно троянец Парис, увозит Елену из роддома, воспользовавшись отсутствием супруга.

Когда Мамонтов приехал за Алёной и малышом в роддом, его ждала записка от жены: «Мама! Так будет лучше для всех. Особенно для Игорька. Понимаю, тебе тяжело будет пережить это. Но чем раньше, тем лучше. Игорек не твой сын. Думаю, честнее и правильнее сказать это сейчас. Не горячись. Будь женщиной. Все формальности, связанные с этой ситуацией, решим позже. Алёна»[1].

Как видим, слово Алёны представляет собой монолог, без включений комментариев нарратора. Так, от образа изменившейся Алёны, городской, корыстной женщины, повествователь намеренно дистанцируется. Его позиция по отношению к словам Алёны может быть охарактеризована как безоценочная. Даже о смерти Алёны сообщает не нарратор. Известие пришло из газеты:

«Алёна Папашина разбилась в подаренном автомобиле стоимостью 360 000 долларов».

«Жена и сын сгорели в новеньком джипе. Муж безутешен».

«Молодая. Успешная. Мертвая»[1].

Фразы, которые улавливает сознание героя, объединяют лексемы, относящиеся к семантическим группам «смерть» («разбилась», «сгорели», «мертвая») и «материальные ценности» («в подаренном автомобиле стоимостью 360 000 долларов», «новеньком джипе», «успешная»). Ключевые слова-образы, центрирующие смыслопорождение, формируют представление о мотиве смертоносного благополучия. Причем, эта мысль в повествовательном пространстве повести максимально объективна, поскольку выражается в «чужом слове».

Безучастность повествователя к высказываниям и судьбе изменившейся до неузнаваемости Алёны сменяется сочувствием, когда тот говорит о Мамонтове:

«Мамонтов купил газету, первую полосу которой занимала фотография: Алена, стоя на коленях, поправляла шарф мальчику.

Он впервые видел малыша. Но не мог не узнать. Она обманывала. Это был его сын» [1]. В несобственно-прямой речи обнаруживается слияние голосов героя и нарратора.

Переживания героя, воссоздаются сочувствующим словом нарратора: «Мамонтов стоял у газетного развала и смотрел на газетное фото. Мертвая Алена поправляет шарф мертвому Игорьку» [1].

Лексический повтор («Алена», «поправляет», «шарф»), а также использование эпитета «мертвый» указывают на слияние сознаний героя и повествователя, воспринявших новость как чудовищную трагедию.

Таким образом, концепция жизни, утверждаемая Алёной, отрицается и на уровне наррации (отчуждение слова Алёны повествователем), и на уровне истории (смерть героини и ее сына).

Впрочем, не только Алёна оторвалась от своих истоков, отказалась от естественной жизни, от бескрайних просторов Раздолья, но и многие русские люди. В этой связи ее образ символизирует весь русский народ, изменивший свой образ жизни.

Мысли о причинах тоски русского человека приходят в голову Мамонтову в Раздолье, «лесном острове среди бескрайней степи», и озвучиваются словом нарратора:

«Русский – человек леса. Веками жил он в дремучем уюте непроходимых лесов. Лес давал ему богов, защиту, пищу, представление о красоте и родине.

Но человек сам выжег, вырубил его дерево за деревом. И вот вместо привычного леса обнаружилась голая равнина, степь без конца и края, где укрыться негде.

Русская тоска – тоска лесного человека в пустом пространстве степи, тоска по лесу. Тоскует лесная душа по лесному раю. Тоскует и кается.

Да, именно так. Кто были предки Мамонтова? Лесные люди, то есть, собственно говоря, лешие. Но вдруг вместо леса – степь. Голая, скучная. Затоскуешь.

И в этой тоске – большая доля вины. Лишив себя леса, русские перестали быть русскими. Так уж получается: прежде чем вырубить лес, нужно убить его душу – лешего. Приятнее думать, что леший – вымысел, сказка.

Особенно, если сам ты – леший» [1].

В другом фрагменте воссоединяются голоса Ерохи, Мамонтова и нарратора. Словом повествователя выражается мнение Ерохи и согласие с этим мнением Мамонтова:

«Мамонтов слушает, кивает. Лес жив, пока в нем обитает страх, нечисть то есть.

Нечисть, чистое дело, к тому и предназначена – лес охранять. Чище дела нет» [1].

Три повествующие субъекта сходятся в парадоксальном утверждении, состоящем из двух тезисов: 1) нечисть служит чистому делу и 2) «Уж если и есть на свете нечисть, то это – алчный человек, потерявший страх».

Как видим, в философские размышления представляют собой трехголосую конструкцию, в которой позиция героев раскрывается в слове повествователя:

«Исчезает страх – уходит из леса леший, заповедная глушь вырубаются, высушиваются болота, мелеют озера, деградирует все живое. Исчезает страх – вымирает искусство. Остается тщеславие изощренных снобов, единственная цель которых – заявить о своеобразии собственной личности. Искусство, в котором нет страха и тайны, – мошенничество, как лес без лешего – делянка» [1].

Все приведенные двуголосые, трехголосые конструкции своим совокупным звучанием с перемежающимися голосами порождают полифонические эффекты в повести. В этих многочисленных философских рассуждениях в форме бездоминантных конструкций постепенно рождается новый миф о мире.

«Неомифологизм – специфическая для XX века форма художественного мышления, предполагающая особое отношение к мифологическим сюжетам, образам и символам, которые не столько воспроизводятся, сколько проигрываются или пересоздаются, тем самым рождая новые мифы, соотносимые с современностью» [8].

Неомифологизм повести создает некую другую реальность, моделируемую автором посредством нарратора и персонажей в противовес хаотичному миру современности.

В повести звучит мысль о возврате современного человека к своим корням, к природе, к обретению человеком утраченной целостности.

Таким образом, нарративная стратегия повести включает в себя неомифологизм, который выступает элементом игры с читателем, апеллирующей к его «цитатному мышлению». Цель игры - активизация читательского восприятия за счет расшифровки авторских интенций.

Список литературы:

1. Веревошкин Н.Н. Городской леший, или Ероха без подвоха // Дружба народов. – 2008. – № 4. // <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/11/ve2-pr.html>
2. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – Москва: Интрада, 1996. – 256 с.
3. Георгинова Н.Ю. Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония: к соотношению понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2014. – № 7. – С.149-155 // <http://names.neolove.ru/national/russkoe/female/>
4. Юнг К.Г. Психология бессознательного М., 1996.
5. Юнг К.Г. Психология и поэтическое творчество// Самосознание европейской культуры 20 века. М., 1991.
6. Сафронова Л.В. Автор и герой в постмодернистской прозе. – С.-П., 2007.
7. Неомифологизм // Справочник литератора // <http://www.verses.ru/vocabulary/188.html>.

ТРИ СЦЕНАРИЯ ЖИЗНИ В КНИГЕ Д. САБИТОВОЙ «ТРИ ТВОИХ ИМЕНИ»

*Лебедева Александра
студентка КазНПУ им. Абая*

Аннотация. Статья посвящена анализу произведения Дины Сабитовой «Три твоих имени». На основе сопоставления трех частей произведения рассматривается поэтапное изменение судьбы главной героини исходя из особенностей ее номинации.

Ключевые слова: Сабитова, «Три твоих имени», судьба, имя, жизненный путь.

Түйіндеме. Мақала Диана Сабитованың "Үш сенің атың" туындысына арналған.

Шығарманың үш бөлігін салыстыру негізінде басты кейіпкердің аты ерекшеліктеріне қарай оның тағдырының кезең-кезеңмен өзгертуі қарастырылады.

Түйін сөздер: Сабитова, "Үш сенің атың", тағдыр, аты, өмір жолы.

Annotation. The article analyzes the work of Dina Sabitova "Three of your names". On the basis of a comparison of the three parts of the work discusses the gradual change in the fate of the protagonist based on the characteristics of its name.

Key words: Sabitova, "Three of your name", destiny, name, way of life.

Как родителям порой просто осчастливить своего ребенка. Достаточно просто дарить ему должную ласку, понимание и любовь. Но как же быть, если ребенок остался совершенно один в этом незнакомом и непонятном ему мире? Как сделать счастливым его? Как подарить ему все то, в чем он нуждается? Ответы на эти вопросы можно найти в книге российской писательницы Дины Сабитовой «Три твоих имени» [1].

Произведение состоит из трех частей, каждая из которых раскрывает важные моменты и события в жизни героини. В основе сюжета – проникновенная, трогательная история маленькой девочки Маргариты Новак, которая с самого начала повествования предстает перед нами как веселая, жизнерадостная и мудрая не по годам девочка.

В первой части произведения мы узнаем ее как Ритку – девочку, которая живет с родителями и младшей сестрой, любит смотреть мультки, купаться в речке и петь песни во весь голос. Однако семью Ритки нельзя назвать благополучной. Ее родители имеют пристрастие к выпивке, отец часто поднимает руку на мать, иногда и на дочь. Едят они чаще всего вареную картошку, пьют исключительно воду, несмотря на

наличие у них коровы. Но невзирая на это, Ритка ценит каждое мгновение, проведенное с семьей, радуется нечастым разговорам с отцом, радуется, когда мать ее пребывает в здравии и не жалуется на головную боль.

Счастлива она и от того, что отец разговаривает с ней как со взрослой, рассказывая иногда непонятные ей истории. Более того, Ритка не норовит пожаловаться на отца, когда тот ведет себя по отношению к ней не самым лучшим образом. Она боится не того, что, по словам ее отца, ее заберут в детский дом, не того, что там жизнь Риткина будет тяжелой. Она боится того, что потеряет свою семью, ведь семья для нее – это мир, в котором она живет и чувствует, многое, отдает, даже не получая и не требуя чего-либо взамен.

Эта девочка познает жизнь, пытается узнать что-то новое для себя, сталкивается с разочарованиями, узнает, как умирает дружба, видит состояние своих родителей после очередной «встречи гостей», которые являются компаньонами их веселого вечера (не без выпивки, конечно), но и вместе с тем причиной их частой головной боли наутро. Она, благодаря своей соседке, которая, по сути, является ее воспитателем, учится вязать, приобщаясь таким образом к прекрасному и приобретает чувство эстетики. Это в дальнейшем четко проявляется в ее умении красиво писать, напевая при этом себе еле слышную мелодию. Здесь уже обнаруживается созидательность Риткиной натуры, ее стремление творить, улучшать.

Ритка очень аккуратно относится к вещам, которые представляют собой определенную ценность. Но, пожалуй, самую огромную ценность для нее составляют люди. Она тянется к ним, пытается видеть в них исключительно хорошее. Каждый человек в ее жизни является учителем, который преподносит ей определенный урок.

Ритка, несмотря на свой возраст, достойно переживает стрессовые ситуации, возникающие на ее пути. Одна из таких ситуаций, которая, фактически, является самой страшной и неожиданной для Ритки – пожар, который произошел по вине ее родителей. Она чуть было не лишилась жизни, пытаясь спасти от пожара свой портфель. Но, к счастью, все закончилось благополучно: родители Ритки, осознав всю сложность данной ситуации, берутся за голову, в надежде исправить совершенные ими ранее ошибки...

Таким образом, будучи маленькой Риткой, героиня вполне оправданно носила это имя. Автор указывает нам на то, что судьба ребенка не предопределена. У нее есть родители, но будущее с родителями-алкоголиками весьма размыто. Мы не можем себе представить, каковы перспективы ее развития, становления ее личности, несмотря на ее явный потенциал. Ритка, имея таких родителей, словно обречена остаться Риткой до конца своей жизни.

Эта номинация больше походит на кличку, нежели на имя, которое должно отражать индивидуальность человека. Имя Ритка – усеченная и упрощенная форма имени Маргарита, которое звучит женственно, статусно и даже знатно. Ритка же – словно незначительный обрубок последней, задней части имени Маргарита. И данный факт является показателем отношения к ней ее родителей и уровня жизни, которую она проживает рядом с ними. Родители словно унижают ее таким обращением и обесценивают ее достоинства. А Ритке так важно было быть признанной, замеченной своими родителями, быть ценной для них.

Вторая часть произведения показывает нам жизнь юной Маргариты Новак, которая потеряла своих родителей в результате пожара, который, помимо этой потери нанес, пожалуй, основную – потерю той жизни, в которой она в какой-то мере была счастлива. Девочка с особым душевным переживанием принимает известие о том, что родителей у нее больше нет, и она теперь сирота. Следствием пожара стала совершенно новая для Маргариты жизнь – жизнь в детском доме.

Адаптация к новой жизни является, несомненно, нелегкой для ребенка. Ей приходится жить по-новому, встретить новых людей, которые выступают повествователями в данной части. Они видят и показывают девочку по-разному. Она является чужой для каждого из них, но запоминается им в силу своих необычных проявлений и, порой, странного поведения. Кому-то она показалась странной из-за агрессивного способа защитить свой портфель (вцепилась зубами в руку девочке-обидчице), на кого-то произвели впечатление ее угрозы, касательно того, что она может запросто взглянуть обидчика своими разноцветными глазами.

Разный цвет глаза главной героини является символической деталью ее образа. Известно выражение: «Глаза – зеркало души», и разные глаза Маргариты отражают ее метущуюся натуру, неопределенность ее жизни и как бы разные пути развития ее личности. И все ее жизненные перипетии доказывают это.

Девочке недолго пришлось пробыть в детском доме: над ней вскоре берет опеку медсестра детдома Лариса Сергеевна, и именно с этого момента начинается новая жизнь Маргариты, которая отныне носит новое имя – Марго, кардинально противоположное приземленному «Ритка».

Лариса Сергеевна дает ей новое имя, тем самым как бы меняя ее судьбу и давая шанс на новую жизнь. Однако здесь усматривается не только и даже не столько желание новой матери изменить судьбу девочки, сколько придать значимости самой себе за счет приемной дочери. Безусловно, возникает ассоциация с королевой Марго, о чем говорит и сама девочка: называя себя Марго, она указывает на то, что «это такая королева была» [1]. Но таковой она себя не считает и не чувствует. Примечателен в этом смысле разговор героини с учителем: «Марго меня зовет *только* мама. А вы можете звать Маргаритой».

Интересен этот момент и тем, что самоидентификация девочки связана с ее полным именем – Маргарита, несмотря на то, что ей слышится в нем исключительно «стук острого гравия» [1]. Героиня представляется длинным именем Маргарита, не усекая его до «Рита», что было бы вполне логично и ожидаемо, учитывая ее возраст. Очевидно, что полное имя звучит достойно и жизнестойко. И в своих собственных глазах девочка – Маргарита, не взирая на попытки окружающих называть ее не так, как она сама себя ощущает. А ощущала она себя при любых обстоятельствах Маргаритой, что говорит о цельности и постоянстве ее натуры и сильной (для своего возраста) личности. Восприятие своего имени и помогло остаться девочке самой собой при всех испытаниях, выпавших на ее долю. Этой самономинацией героиня как бы сохранила свой внутренний мир при разрушающемся внешнем мире ее жизненных обстоятельств.

Знаменательной в данном контексте является фамилия девочки – Новак – как указание на бесконечные изменения в ее истории жизни, на новые жизненные ситуации, в которых она как бы всегда новая, но вместе с тем внутренне постоянная, благодаря, как замечено выше, сохранению своего исходного имени – Маргарита.

Девочка достаточно быстро привыкает к Ларисе Сергеевне, зовёт ее матерью, живет в ее доме, является членом семьи. Но не все так радужно в этой истории, как кажется на первый взгляд. Опекун часто ругает Марго, фактически, ни за что, не может купить ей карандаши, в которых она так нуждается. Можно сказать, относится она к ней весьма предвзято. Марго вполне осознанно зовёт Ларису Сергеевну своей матерью, но женщина не считает ее своей дочерью и не ощущает ее таковой в принципе. Ведь нужна ей была Марго в качестве помощницы, роль которой девочка удачно исполняла в силу своей аккуратности и чистоплотности. И, пожалуй, не менее важная цель, преследуемая Ларисой, проскальзывает в словах директора: «Оформляй-ка ты патронат, тебе же денежка не лишняя...» [1].

Осознание того, что Марго является не просто помощницей, но и человеком, который нуждается в любви, в заботе, и, наконец, в семье, приходит к Ларисе Сергеевне практически случайно. Мать ее мужа умирает, и они вынуждены покинуть нынешнее место жительства. И, соответственно, в семье встает вполне логичный вопрос: стоит ли брать Марго с собой? Виктор, муж медсестры, не видит повода не брать Марго с собой, ведь девочка считает их своими родителями, зовёт их папой и мамой. Однако Лариса сомневается и мечется, боясь совершить ошибку.

Марго, поняв всю сложность данной ситуации, покидает семью и возвращается в детский дом, фактически, все решив за них. Узнав об этом, Лариса осознает значимость Марго в их с мужем жизни, уже не представляет их семью без нее, и супруги принимают совместное решение – удочерить девочку.

Переход к третьей части является весьма сложным для восприятия. В его основе стоит краткая, но очень драматичная история отказа от ребенка, который вот-вот уже надеялся обрести самое ценное в жизни – семью. И номинация героини становится аккумуляцией драмы.

Марго – тоже краткая форма имени Маргарита, но по сравнению с именем-кличкой Ритка, оно звучит фонетически более выигрышно и несет в себе некую самостоятельность и состоятельность, благодаря все той же ассоциации с королевой Марго. Тем не менее, это опять же усеченное имя, оно совершенно не отражает истинной сущности Маргариты, не показывает ее индивидуальности. После драматичного опыта с приемной семьей девочка категорически не позволяет называть себя Марго, т.к. это имя связывает ее с прошлым, которое принесло ей много боли и разочарования.

Третья часть является повествованием от лица самой главной героини произведения. Автор словно дает девочке право наконец-то самой рассказать о себе, а не кому-то со стороны. И здесь возникают две неименные ее номинации: для кого-то она Рыжая, для кого-то Золотая, что связано с цветом ее волос. И это не случайно. Издавна о рыжих говорили, что их любит солнышко, а, значит, Бог. Обе номинации, особенно Золотая, подчеркивают это. Они акцентируют, что героиня отмечена солнцем, а, значит, в ней много жизни.

Однако вскоре у нее появляется новое имя, подобное «плюшевому мишке», «куску теплого пирога», «облаку» [1] – имя Гошка. Его дает ей Лида – женщина, которая увидела Риту сначала в телевизионной передаче, посвященной детям-сиротам, которые ищут семью, а затем в кукольном театре. Именно там Лида убеждается в том, что Рита ей нужна, и выражает свое желание удочерить ее.

Любовь Лиды к девочке проявилось в имени Гошка. На первый взгляд, его сложно связать с исходным именем героини – Маргарита. Но если изменить его на уменьшительно-ласкательное Маргоша, то видно, откуда взялось «Гошка».

Эта номинация, как и два первых коротких имени девочки, является усеченным, но звучит не так резко и уничижительно, как Ритка, не так величественно и надменно, как Марго, а более ласково, мягко, нежно и душевно. Именно оно больше всего подходит этой стойкой, сильной, но в душе – маленькой, хрупкой, нежной девочке, которая так искала счастья. И с именем Гошка она становится счастливой. Гошкина история заканчивается хеппи-эндом – она приобретает семью, приобретает новую для себя жизнь и открывает новую страницу своей судьбы...

Таким образом, Дина Сабитова дает нам возможность проследить на фонетическом уровне, как жизнь героини определяется ее именами – от «скребущего», как бы оборванного имени Ритка – к пафосно-надменному Марго – и ласково-нежному Гошка.

Все три имени были даны Маргарите извне, другими людьми, она лишь послушно следовала этим именам, каждое из которых определяло ее жизненный путь.

Имя Ритка – усеченная форма последней части имени Маргарита, остается там же, где и берет свое начало – в сгоревшем родительском доме, в прошлой жизни, в которую она уже больше никогда не вернется.

Став Марго не по своей воле, героиня дала право называть себя так своему опекуну, которому доверила свою жизнь. Имя Марго – усеченная форма средней части имени Маргарита – чужое, пафосное – сопровождает девочку до тех пор, пока она не теряет человека, который ей это имя дал. Оно отпадает от нее само собой, как только закрывается страница жизни, связанная с Ларисой Сергеевной.

И, наконец, мягкое имя Гошка – усеченная уменьшительно-ласкательная форма от производного имени Маргоша. В нем полностью исчезает «рычащий», взрывной звук «р», что актуализирует мотив счастливых перемен в жизни девочки, которых она так ждала. Хотя и это все еще не полное имя героиня, а, значит, ее история остается открытой...

Таким образом, Дина Сабитова своей книгой хотела обратить внимание читателя не только на тяжелую судьбу детей-сирот, но и на сакральный смысл имени в судьбе ребенка. Ведь имя – это некий код, в котором зашифрован жизненный путь человека, его представление о себе и восприятие окружающими. В этом мы убеждаемся, следуя за героиней повести «Три твоих имени» от начала до конца произведения.

Список литературы:

1. Сабитова Д. Три твоих имени // http://loveread.ec/view_global.php?id=18731

ПАРАДОКСЫ ВОСПИТАНИЯ В КНИГЕ Р. ДАЛЯ «МАТИЛЬДА»

*Нусиббекова Арайлым
студентка КазНПУ им. Абая*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу парадоксального воспитания в семье. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном мире часто дети являются воспитателями взрослых, что и отражено в книге Роальда Даля «Матильда». В работе исследуется влияние окружения на ребенка и влияние самого ребенка на взрослых.

Ключевые слова: детская литература, воспитание, развитие, дети, родители, взрослые.

Abstract. This article is devoted to the analysis of paradoxical education in the family. The relevance of the study is due to the fact that in the modern world, children are often adult educators, as reflected in Roald Dahl's book "Matilda". The work examines the influence of the environment on the child and the influence of the child on adults.

Keywords: children's literature, education, development, children, parents, adults.

Түйіндеме. Берілген мақала отбасыдағы парадоксалды тәрбиені талдауға арналған. Зерттеудің өзектілігі, қазіргі заманда балалар көбіне үлкендерді тәрбиелеуші болып табылатынына негізделген. Бұл Роальд Далдың "Матильда" атты кітабында көрініс тапқан. Сонымен қатар жұмыста қоршаған ортаның балаға әсері мен баланың өзінің ересектерге деген әсері зерттеледі.

Түйін сөздер: балалар әдебиеті, тәрбие, даму, балалар, ата-аналар, ересектер.

Роальд Даль – английский писатель норвежского происхождения, автор романов, сказок и новелл. Мастер парадоксального рассказа. Огромный успех ему принесли детские книги «Чарли и шоколадная фабрика» и выбранная нами для исследования «Матильда».

Ни для кого не секрет, как важна роль, в первую очередь, родителей, затем учителей в воспитании детей. Они развивают самые необходимые ребенку навыки для выживания, базовые основы человеческого поведения и нравственности. Формируют мировоззрение ребенка, которое определяет их будущее, характер, умение разграничивать хорошее и плохое, жизненные принципы.

Однако иногда наблюдаются крайности в воспитании детей. Многие родители проявляют чрезмерную опеку, не желают отпускать ребенка из-под своего надзора, окружают заботой и лаской, считают его гениальным, «чудом природы», а он в итоге вырастает посредственным, равнодушным и черствым. И, напротив, другая ситуация, когда ребенок ищет такого внимания от родителей, обладает уникальными способностями, но те не замечают этого и не проявляют к нему никаких чувств. Именно второй тип родителей представлен в книге Роальда Даля «Матильда», где он четко обрисовал картину деформированных отношений «родители-ребенок» и парадоксы такого воспитания.

В центре повествования находится маленькая девочка Матильда пяти лет, которая с самого юного возраста выделяется своей гениальностью, уникальными способностями и находчивостью. Её окружают неумные, по сравнению с ней, взрослые – родители и директриса школы, которых она решает наказать за их невежество.

Родители Матильды смотрели на нее, как на болячку, с которой приходится покорно жить и ждать, когда же наконец они от нее избавятся. Они неистово мечтали о том, когда смогут вышвырнуть дочь с глаз долой. Матильде не повезло с родителями. Даже если бы она вползла в дом со сломанной ногой, они бы ничего не заметили. При этом у девочки была добрейшая душа. Как бы родители к ней не относились, она искренне их любила и переживала за них.

Кроме того, Матильда была наделена исключительным умом. Быстро соображала, схватывала всё на лету. В полтора года прекрасно разговаривала, знала столько же слов, сколько и взрослые. Однако родители, вместо того, чтобы восхищаться и радоваться такому счастью, обзывали дочь болтушкой, трещоткой, балаболкой. Делали неоднократные замечания, что девочки должны быть видны, но не слышны.

В три года Матильда начала полноценно читать газеты и журналы, разбросанные на полу по дому. Как-то раз Матильда попросила у отца купить книжку, на что он ответил: «Книжку? Это еще, спрашивается, зачем? Да чем тебе телек не угодил? Слава тебе господи, телек у нас отличный, телек – грех жаловаться, двенадцатидюймовый экран, а ей книжку подавай! Совсем ты у нас избаловалась, дочка!» [1]. Начиная с этого момента, наблюдается равнодушие отца к желанию дочери учиться. Для него источником информации и знаний служит телевизор, а книги – лишь пустая трата денег и скопления мусора в доме.

Матильда всегда сидит дома одна. Отец на работе, брат в школе, а мама всей душой предана бинго, играет в него пять дней в неделю. Девочку никто не контролировал, никто не заботился о том, чем она занимается весь день. Тем временем Матильда посещает библиотеку, и полностью погружается в мир художественной литературы. Она перечитала все детские книги, произведения Диккенса, Бронте, Хемингуэя, Стейнбека и т.д. Библиотекарь часто обеспокоенно и с восхищением смотрит на маленькое чудо, в руках которого огромные книги, в два раза больше самой девочки. На вопрос библиотекаря, не беспокоятся ли её родители, что их дочь так много читает, Матильда ответила, что им лучше об этом не знать. Несмотря на запрет, она не может отказаться от своей страсти к книгам. Они открыли ей другую жизнь. Девочка начала смотреть на окружающий мир другими глазами и воспитывала в себе благородную личность.

Матильда жила вполне обеспеченно: большой двухэтажный дом, собственная спальня. Её отец продавал подержанные машины и сделал на этом состояние. Но каким образом? Он гордо говорил о том, как сыпет опилки в мотор, прокручивает пробеги, чтобы машины выглядели как новенькие, тем самым надувает людей. Его маленькая дочь категорически против обмана и не раз призывает отца прекратить это.

Мистер Мухомор своим авторитетом подавляет девочку, не считаясь с мнением дочери. Он обращается с ней весьма грубо, обзывает «невеждой», «нахалкой», «дурой» и т.п. Ложь отца и такое его обращение были первым толчком на активный протест Матильды против родителей.

Тем не менее отец и мать всегда стараются сплотить семью во время ужина в рамках своего представления о семье. Место ужина – гостиная перед телевизором, столом служат их же колени. На ужин – готовая еда, которая продаётся сразу на алюминиевых подносах. У миссис Мухомор нет времени на готовку, так как она постоянно занята либо своей внешностью, либо игрой в бинго. Они не разрешают Матильде есть на кухне, т.к. для них еда перед телевизором подобна семейному ритуалу.

В душе девочки закипает гнев. Обман отца, ненормальный образ жизни, постоянное унижение довели её до крайности. Матильда понимает, что родителей ненавидеть плохо, но относиться к ним по-другому она не может. Девочка принимает решение: каждый раз, когда папа и мама с ней гнусно поступят, она будет стараться их проучить. В пятилетнем возрасте трудно идти против взрослых, тем более против своих родителей. Но Матильда идёт на такой шаг. Автор не зря дает ей такое имя, что с древнегерманского означает: *math* – «сила, мощь» и *hiltja* – «борьба», т.е. «сила и борьба». Девочка полностью оправдывает своё имя. Она отличается решимостью и силой воли.

Отца Матильда наказывает тем, что намазывает суперклеем внутреннюю сторону его шляпы. Мистер Мухомор всегда ходил в шляпе, т.к. считал, что она предает ему значительности. Надев любимый головной убор, он не сразу заметил подвох. В итоге ему пришлось срезать шляпу вместе с волосами. Отец с подозрением смотрел на дочь, но промолчал.

Наказание удалось, опыт получен, целую неделю в доме царило спокойствие, однако мистер Мухомор не усвоил урок. Однажды вечером он вернулся с работы крайне раздражённым. Не получив должного внимания от семьи, отец стал придирается к Матильде, читающей книгу. Выхватив книгу из рук дочери, он начал осуждать ее за чтение, назвал книгу «дрянью», стал рвать ее. Для девочки, обожающей читать, это было большим ударом. Но Матильда не расплакалась, как сделали бы другие дети, она придумала план мести. Девочка одолжила попугая у своего друга и с помощью него до смерти напугала своих родителей: положила клетку внутрь камина и во время ужина, как только попугай начинал произносить слова, она говорила, что это, видимо, вор или приведение. Испуганные родители выбегают из дома. Таким образом, второй план тоже удался.

Каждый вечер ужинать с подносом перед орущим телевизором, быть в доме одной, молчать, когда ей велят замолкнуть – всё это сильно угнетает маленькую девочку. Ей стало приносить удовольствие проучать родителей. После происшествия с попугаем, они были вежливы с ней, но недолго.

После очередного рабочего дня мистер Мухомор возвращается довольным после удачной торговли и начинает учить арифметике старшего сына, т.к. хочет передать ему в наследство своё дело. Матильда быстро решает все уравнения в уме, но отец не верит ей. Тыча в неё пальцем, он обзывает девочку мошенницей, обвиняет в том, что она подсмотрела ответы на бумажке. Поразительно, что отец не может признать тот факт, что его дочь наделена выдающимися способностями.

Матильда в отместку перемешивает мамину краску для волос с отцовским лосьоном и превращает мистера Мухомора в «платинового блондина», и остается как бы непричастной к этому.

В глупости родителей девочки убеждается и ее классная руководительница, мисс Ласкин. Заметив в ней необычайные способности, она решает помочь Матильде перепрыгнуть классы, чтобы уникальная девочка не растрчивала свой потенциал в первом классе. Родители не выразили по этому поводу никакой реакции – ни радости, ни восхищения, одно презрение виделось в их глазах. Для них важнее был сериал, чем будущее их дочери. А уж когда разговор дошел до университета, мистер Мухомор взревел: «Да кому он нужен, ваш университет, о господи! Вредным привычкам – вот чему там учат, и только!» [1]. Книги и знания, по его мнению, лишь портят разум человека.

Миссис Мухомор во всем поддерживала мужа. Они успевают обсуждать и осуждать работу мисс Ласкин. По мнению мамы, лучше выбирать внешность, чем книги. Так можно прожить припеваючи и не волноваться насчёт будущего. Этой точки зрения придерживается и Мистер Мухомор. Считает, что просиживая на кресле и читая книги, много не заработаешь. Они всегда ищут легких путей наживы.

Корыстолюбие, глупость, лень, мелочность родителей Матильды автор передал через описание их внешности, неоднократно сравнивая чету Мухоморов с крысами/мышами. Мистер Мухомор – низенький человек, похожий на крысу, передние зубы торчали из-под тоненьких крысиных усиков, а миссис Мухомор – крупная дама, со всех сторон у нее висели колбасы жира, волосы крашенные, но у самых корней цвет мышино-серый.

Но главная примечательная деталь – это, конечно, их фамилия. Мухомор – ядовитый гриб, единственное полезное свойство которого – убивать мух, тараканов и клопов, что тоже весьма сомнительное положительное качество. За его внешней красотой прячется ядовитая сущность. За все произведение повествователь ни разу не упомянул имен родителей Матильды, как бы сведя их сущность только к говорящей номинации – фамилии Мухомор, подчёркивая этим их бесполезность. Их имена проскальзывают лишь в диалогах мужа и жены.

Заметим, что Матильда, являясь частью этой семьи, ни разу не названа Мухомором. Автор показывает этим ее непохожесть на чету Мухоморов и как бы ее непричастность к их семье.

В конце произведения, опасаясь преследования властей из-за грязных дел отца, родители Матильды решают быстро уехать в Испанию. Девочку ужаснула эта затея, т.к. ей нравится жить тут, учиться, устраивать чаепитие с мисс Ласкин. Попытка попросить родителей остаться не увенчалась успехом. Она просит мисс Ласкин помочь ей остаться. В книге этот момент является самым ярким примером безразличия и равнодушия родителей к дочери. На вопрос Матильды, можно ли ей остаться здесь, мама отвечает: «Не хочет – ну и не надо. Подумаешь. И нам забот поменьше» [1]. Отец поддерживает ее: «Хочет остаться – пусть остается. Не имею претензии» [1]. Ни минуты не сомневаясь, они сразу же уехали, даже не оглянувшись...

Следующий пример отношения «взрослый-ребенок»: взаимоотношения Матильды с учителями в школе. С классной руководительницей, Салли Ласкин, она сразу поладила. Мисс Ласкин всячески помогала девочке, пыталась оправдать её в глазах родителей и директрисы. Фамилия Ласкин говорит сама за себя, а в сочетании с именем Салли фонетически создается очень теплый, нежный образ, полный любви и ласки.

Матильда в школе сразу выделилась среди сверстников, однако, и здесь не все было гладко. Причина всему – школьная директриса, мисс Таррамбах. Её способы наведения дисциплины авторитарны. Например, она сторонник чистоты, самолично проверяет у каждого ребенка руки, внешний вид, одежду; часто собирает детей в актовом зале для всеобщей проверки или оглашения каких-либо изменений; требует полного обращения по имени; лично проверяет знания учеников, каждую неделю устраивает проверки, для каждого класса выделен час.

Казалось бы, что в этом такого? Обычная работа директора. Но минус в том, что принципиальность мисс Таррамбах доходила до крайностей. В молодости она занималась спортом, метала ядра. Всю свою силу директриса не стеснялась применять на детях. Она вышагивала, как штурмовик, тяжелой поступью, размахивая руками. Если перед ней попадалась группа детей, то она врезалась, как танк, раскидывая их в сторону. В книге не раз показана её жестокость. Например, мальчика, поедавшего лакрицу во время урока, выбросила из окна второго этажа.

Кроме того личную неприязнь мисс Таррамбах мешает с преподаванием. Во время очередной перемены, дети весело играют на улице, бегают, смеются. Но как только подходит директриса, вся радость улетучивается. В один из таких будних дней она сталкивается с Аmandой, девочкой десяти лет с золотыми косами. Но женщина терпеть не может косички, она хватает девочку за волосы, раскручивает и отправляет в полет. За такие поступки весь город не переносит мисс Таррамбах, однако никто не может возразить ей. Лишь дети изредка пакостничают. Однако за любое неповиновение она запирает детей на день в «карцер» с вбитыми гвоздями. Так она поступала не с одним поколением.

Не случайна в связи с этим номинация директрисы – Агата Таррамбах. В имени слышится название камня агат, который чаще всего ассоциируется с черным цветом, что отражает темную суть женщины. Говорящая фамилия же на фонетическом уровне показывает агрессию и злость директрисы. А то, что она до сих пор мисс свидетельствует о ее одиночестве.

Матильда самолично видела жестокость и физическое насилие Агаты Таррамбах в действии. За немые руки мальчика по имени Найджел она заставила встать его в угол с приподнятой ногой, за неверный ответ потянула за волосы и долго держала в воздухе бедолагу Руперта, тянула за оба уха Эрика. Высочайшим наказанием, по мнению директрисы, было высмеивание перед всей школой. Это приносило ей огромное удовольствие. Дети противостояли мисс Таррамбах разными шалостями. И часто в этом она обвиняла Матильду, т.к. мистер Мухомор сам посоветовал директрисе остерегаться его дочери.

Агата Таррамбах взялась за воспитание не только детей в школе, но и своей племянницы Салли Ласкин. Учитывая то, что злая женщина ненавидела детей, то страшно представить, какие муки терпела Салли в детстве. Даже повзрослев, она никак не могла пойти против тети и отдала ей все свое наследство. Тем не менее, благодаря Матильде, Салли находит силы противостоять Агате, и та возвращает ей наследство.

Ребёнок – это зеркало души родителей, их установок и стиля жизни. Дети невероятно наблюдательны, и, как губка, впитывают все: они улавливают поведение, интонации, реакции взрослых. В этой книге мы увидели отношение взрослых и детей. Всё, что они передавали младшему поколению, возвращалось им самим. Матильда наказывала родителей и директрису за их неверные поступки. Те, в свою очередь, даже не догадывались о невероятных способностях девочки. Предвзято судили, не считаясь с её умом. Воспринимали как глупого и неотёсанного ребенка, за что Матильда отвечала им сторицей. Это противостояние показывало её смелость и решимость, а также право на собственную позицию, несмотря на возраст.

Р. Даль, таким образом, наделив героиню исключительными, фантастическими способностями, а ее родителей и директора школы – абсурдными, нелепыми качествами, намеренно гиперболизировал конфликт между ними, чтобы привлечь внимание читателей, особенно взрослых, к проблеме взаимоотношений с детьми. Родители часто не замечают многого в своих детях и травмируют их с детства. Автор книги показал, как это опасно и недопустимо.

Список литературы:

1. Даль Р. Матильда / Роальд Даль: пер. с англ. Елены Суриц. – 4-е изд. – М.: Самокат, 2017 г. – 272 с.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ В КНИГЕ М. ПАРР «ТОНЯ ГЛИММЕРДАЛ»

*Потапенко Анастасия
студентка КазНПУ им. Абая*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу произведения Марии Парр «Тоня Глимердал». В статье выявлены особенности детской литературы, значительное внимание уделяется образам героев и анализу их взаимоотношений. В результате исследования рассматриваются и выделяются характерные особенности произведения, автор раскрывает содержание понятия дружбы, ее ценность и роль в жизни человека.

Ключевые слова: детская литература, взаимоотношения, образы, дружба.

Түйіндеме. Бұл мақала Мария Паррдың «Тоня Глимердал» жұмысын талдауға арналған. Мақалада балалар әдебиетінің ерекшеліктерін көрсетіп қана отырмай, кейіпкерлердің сипатына үлкен назар аударылады және олардың өзара қарым-қатынастарын талдайды. Зерттеу жұмысының сипаттамалық ерекшеліктерін қарастырады және айқындайды, автор достық концепциясының мазмұнын, оның құндылығын және адам өміріндегі рөлін көрсетеді.

Түйін сөздер: балалар әдебиеті, қатынастар, суреттер, достық.

Abstract. This article is devoted to the works of Maria Parr "Tonya Glimmerdal." In the article identified features of children's literature, considerable attention is paid to the images of heroes and analyse their relationship. As a result of the study will be reviewed and stand out characteristics of the works, the author reveals the meaning of friendship, its value and role in human life.

Keywords: children's literature, relationships, images, friendship.

"Настоящая дружба правдива и отважна".
Йоганн Фридрих Шиллер

Каждый человек нуждается в близком, теплом, доверительном дружеском общении. В детстве нам ничего не стоило подойти к другому и сказать «Давай дружить?». На что непременно получали ответ «Давай». А вот взрослая, мы часто боимся быть обманутыми, примеряем множество масок в надежде скрыть свою «душу» подальше от людских глаз. Но что таит в себе понятие «дружба», какой глубинный смысл заложен в этом одном единственном слове? И существует ли дружба между ребенком и взрослым?

Ответы на эти вопросы можно найти в книге «Тоня Глиммердал» [1] известной детской норвежской писательницы Марии Парр, которая пишет о человеческих чувствах без излишних прикрас, но от всего сердца. Книга сочетает в себе характерные черты скандинавской литературы – глубокую жизненную философию с реальностями жизни и восприятие мира ребенком, его детскую психологию.

Повесть «Тоня Глиммердал» на первый взгляд может показаться историей о забавных приключениях единственного ребенка норвежской деревушки, грозе Глиммердала – о Тоне-Грохотоне. Но если заглянуть в самую суть – это история не только о веселых похождениях главной героини, но и о настоящей дружбе, ценностях семьи, о тяжелой разлуке и трогательном примирении, о заботе и способности сопереживать и любить. А также это история о том, как живет маленький ребенок в мире больших взрослых. Как она не понимает всех запутанных сложностей, которые люди сами создают по отношению друг к другу.

Повествование ведется как бы от лица самой Тони посредством несобственно-прямой речи, снабженной забавными репликами, наивными замечаниями, лексикой ребенка. Это создает ощущение отсутствия взрослого автора, определяющего ход событий и знающего все наперед.

Главная героиня – необычная девочка. У нее грива рыжих львиных кудрей, на Пасху ей исполнится десять лет, и она собирается отпраздновать юбилей так, чтобы горы пустились в пляс. В этом описании четко прослеживается библейский мотив. Пасха является символом библейской мифологии, символом воскресения, возрождения. Рыжая копна волос Тони подобна солнечному шару и нимбу над головой. Отсюда, в образе Тони реализуется мифологема божественного ребенка, актуализируется мотив божественности, мотив воскресения, мотив доброго, светлого начала, что подтвердится ходом повествуемой истории.

Тоня, чьи волосы как огонь, "будто дверь сеновала в закатном солнце" [1], и от чьего пения молодые деревца вдоль дороги склоняются до самой земли, мчится с гор так, что вся деревня знает, что едет самый главный человек в долине. И главная она не потому, что является единственным ребенком Глиммердала, а потому что Тоня оживляет то место, где она живет, делая его таким, в котором хочется жить. Она вдыхает жизнь не только в это место, но и в тех людей, которые здесь живут и ее окружают.

Полной противоположностью Тони в повести является Клаус Хаген, основавший в Глиммердале свой кемпинг «Здоровье». Кемпинг Клауса Хагена – самое тихое место Норвегии, – говорится в его рекламной брошюре на первой странице. – Те, кто ищет покоя и тишины, найдут их здесь» [1]. И сам мрачный Клаус не раз упоминал: «Гости кемпинга приезжают послушать, как шумят сосны и бурлит река, а не как плачут, орут и вопят дети» [1].

Если подумать, то этот рекламный слоган подобен смерти. «Покой» от слова «успокоится», что означает полное отсутствие жизни, а запрет на приезд детей – это отрицание жизни, ее продолжения, создание условий, подобных смерти. Этим фактом можно объяснить отсутствие детей во всем Глиммер-дале, кроме самой Тони. И если образ этой маленькой девочки олицетворяет собой добро и божественность, то Хаген является ее абсолютным антиподом, воплощением зла, разрушительной силой, лишаящей уютную деревушку жизни.

Образы ребенка и взрослых играют важную роль в произведении. У Тони есть единственный и лучший друг – ее крестный, старик Гунвальд. И пусть ему за семьдесят, он спокойный, не показывающий никому своих переживаний старик, похожий на тролля, – с ним ей весело.

Гунвальд – с древнескандинавского – властелин, правитель мира. Гора Зубец, располагающаяся рядом с долиной Глиммердала – символ Богов. Исходя из скандинавской мифологии, Гунвальд сравнивается с огромным троллем с огромными руками и является старожилом, воплощением духа этого места. А Тоня как единственный ребенок – надеждой на продолжение жизни этого места. Таким образом, возникает аналогия: он – дух, она – душа. Ей 10, Гунвальду 74 – прослеживается связь поколений и – что еще важнее, – духовная связь на христианском уровне. Не зря ведь Гунвальд – крестный отец Тони, ее покровитель, ее духовный отец. Без них двоих в Глиммердале не было бы жизни. Их дружба – это светлая, жизнеутверждающая основа деревушки, а не мертвый, бездушный, чуждый этому месту, кемпинг Хагена.

В произведении не раз упоминается, что Глиммердал имел свою мелодию. Это гул реки, дуновение ветра, пение птиц, и – что особенно примечательно – песни рыжеволосой девочки и скрипка старого тролля. Таким образом, Тоня и Гунвальд – не только представители населения деревушки, но и ее неотъемлемая, органичная часть. Звуки, издаваемые ими, ставятся в один ряд со звуками природы, что доказывает их полную причастность к этому месту, к его истинной гармонии.

Тоня постоянно катается с горы, как бы оседлав ее. Создается впечатление, будто она летит, что не раз подчеркивается самим автором. В этом полете скрыта свобода и способность ребенка быть выше земного, быть в ином, своем пространстве. Эту связь можно проследить и в следующих словах: «Она собирается отпраздновать юбилей так, чтобы горы пустились в пляс» либо «Обычно, когда Тоня прыгает с отвесной Стены, она вопит так громко, что по шее Зубца сходят небольшие лавины» [1]. Из-за такой шумной активности и стойкой хладной позиции девочку и прозвали грозой Глиммердала и Тоней-Грохотоней.

В приведенных фрагментах из текста Тоня предстает перед нами как повелительница гор. И неслучайно она говорит Хагену: «Ты хочешь, чтобы я перестала петь в собственной долине?» [1].

Иными словами, девочка воспринимает себя не только частью Глимердала, но и его владелицей. Это ее мир, и она – его солнышко (рыжая копна волос и лучезарная детская радость). Неслучайно ведь Тоня носит фамилию по названию этой местности, что подчеркивает особую связь между девочкой и деревушкой и их принадлежности друг другу.

Даже в очень-очень большом доме, в котором живет Гунвальд, у Тони есть свое собственное место – у окна, свой крючок для шапки и даже своя кружка в шкафу, что говорит о ее исключительном месте в мире крестного отца, в его доме и в его сердце.

А еще у Гунвальда есть хлеб и овцы. Здесь снова прослеживается христианская тема, библейский мотив рождения божественного ребенка, а также жертвенности и чистоты. Гунвальд – персонаж, приближенный к Богу, он живет в единении с природой и он – носитель мудрости – архетип мудреца.

И пусть Тоня и Гунвальд разные, но они становятся лучшими друзьями, взаимно дополняют друг друга, наполняют смыслом жизнь друг друга. Тоня знает, что не выбрала бы в лучшие друзья никого, кроме Гунвальда, даже если бы в каждом доме Глимердала имелось по ребенку десяти лет. Она любит Гунвальда так сильно, что у нее иногда щемит от этого сердце. Тоня считает, что папа с мамой проявили мужество, доверив огромному лохматому троллю нести ее к купели в день крестин. Если б Гунвальд был не в настроении, он легко мог разжать руки, и она бы шлепнулась прямо на каменный пол церкви. Когда на него находит, от него всего можно ждать, правда. И все-таки папа с мамой хотели, чтобы крестным был именно Гунвальд, и никто другой. Они положили Тонию в его огромные руки, и с той минуты он ее не бросает. Это важный момент, что родители выбрали Гунвальда крестным Тони. Они увидели его силу, мощь, доброту и мудрость и вверили в его огромные руки свою дочь.

Взаимоотношения взрослого и ребенка показаны в этом произведении с целью продемонстрировать, как взаимосвязаны ребенок и взрослый, как они могут влиять друг на друга, обоюдно менять мировосприятие. Это хорошо видно на примере Тони и Гунвальда.

Девочка и крестный вместе проказничают и ведут душевные беседы. Эти проказы Тони были бы неосуществимы без ее лучшего друга. Именно Гунвальд поддерживал все проделки крестницы, в чем-то направляя, а в чем-то поправляя. Он мастерит для нее снежокат, печет удивительные кексы и даже играет на скрипке. Его отличают следующие черты: знание, интуиция, размышление, озарение, ум и мудрость.

Все эти качества, в той же последовательности, отражают внутренний мир Тони. И автор показывает нам не только бесстрашного ребёнка, для которого всё ничё, но и ребёнка взрослеющего, сталкивающегося с недетскими проблемами и переживающего, что не сможет с ними справиться. Тоня как бы «выросла» из образа хрупкого,

беспомощного ребенка и предстала перед читателями как ребенок, который не всегда принимает правильные решения, но она их принимает, и несет ответственность за последствия и осознает свои ошибки.

Однако вместе с Тоней «взрослеет» и ее лучший друг Гунвальд. Именно во второй части книги читателю раскрывается его трогательная личная драма – история Гунвальда, тосковавшего по единственной дочери, но не решавшегося позвонить ей в течение 30 лет. И его дочери - Хейди, едва ли не ненавидящей отца. Роль Тони в сложившейся ситуации непростая, она выступает связующим звеном между отцом и дочерью. Благодаря юной грозе Глиммердала Хейди поняла, что все люди способны совершать ошибки и нужно уметь прощать, а Гунвальд осознал, что если ты папа, то ты навсегда папа. Ты не можешь перестать быть папой из-за того, что случилось что-нибудь глупое и плохое. И что дети ни в чем не виноваты. Ни в чем. Все глупости взрослые делают сами.

Эта книга рассказывает о том, что иногда дети оказываются намного мудрее взрослых, помогая им увидеть и понять то, что взрослые никак не могли решить годами. И этим мудрым ребенком для доброго старика стала Тоня. «Гунвальд, что бы ты делал без меня?» – часто спрашивает Тоня. «Я бы сам закопал себя в землю и сдох», – отвечает Гунвальд. «Гунвальд, если ты умрешь, я тебя убью», – говорит Тоня [1].

Пример Тони и Гунвальда говорит о том, что дружба – это больше, чем близость интересов. Это взаимоотношения, основанные на взаимной открытости, полном доверии, и их постоянной готовности в любой момент прийти друг другу на помощь. Для Тони эта дружба началась с детства. А для Гунвальда – в старости, и это лишь подводит к мысли, что умение дружить – это не возрастная характеристика.

Проанализировав книгу Марии Парр, мы пришли к выводу, что образ Тони является центральным, основополагающим в мире произведения, поэтому ее имя вынесено в его название. Ее роль в воскрешении Глиммердала первостепенна. Она – как единственный ребенок деревушки – ее единственная надежда на возрождение. Тоня выступает своего рода спасительницей Глиммердала. Ее образ гармоничен и с его природой, и со всем миром деревушки. Он символизирует созидательное, доброе начало, сохранение жизни и продолжение будущего этого места.

«Тоня Глиммердал» – глубокая философская книга, в которой на фоне интересного сюжета раскрывается важная проблематика сложности и неоднозначности взаимоотношений между людьми: взрослых и детей, взрослых между собой, родителей и детей.

Список литературы:

1. Парр М. Тоня Глиммердал. – М.: ООО «Издательский дом «Самокат», 2011.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В УЧЕБНИКЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ

Мустаева Манат Шаяхметовна
д.ф.н., профессор, КазНПУ им. Абая

Нусупбекова Айжан Сейсеналовна
докторант, КазНПУ имени Абая

Аннотация: Проблема модернизации общественного сознания связана с аксиологическим потенциалом общества, изучению которых уделяется большое внимание в гуманитарных науках, в том числе и в лингводидактике. В этом процессе огромная роль отводится школе, призванной формировать и закреплять систему ценностей на протяжении всех лет обучения. В данной статье делается попытка анализа учебника по русскому языку и литературе для 7 класса казахской школы в контексте целевых установок развития РК.

Ключевые слова: модернизация общественного сознания, структура учебника, лингводидактика, морально-этические и духовно-нравственные ценности, формирование.

Түйіндеме. Қоғамдық сананы жаңғырту проблемасы гуманитарлық ғылымдарға, оның ішінде лингводидактикаға үлкен назар аударатын қоғамның аксиологиялық әлеуетіне байланысты. Бұл үдерісте барлық жылдар бойы құндылықтар жүйесін қалыптастыру мен нығайтуға бағытталған мектеп үлкен рөл атқарады. Бұл мақала Қазақстан Республикасының даму мақсаттары контекстінде қазақ мектебінің 7-сыныбындағы орыс тілі мен әдебиеті бойынша оқулықты талдауға тырысады.

Түйінді сөздер: әлеуметтік сананы жаңғырту, оқулық құрылымы, лингводидактика, моральдық-этикалық, рухани және адамгершілік құндылықтар, қалыптасу.

Abstract: The problem of modernization of public consciousness is connected with the axiological potential of society, the study of which pays great attention to the humanities, including linguodidactics. In this process, a huge role is played by the school, which is called upon to form and consolidate a system of values throughout all the years of study. This article attempts to analyze the textbook on the Russian language and literature for the 7th grade of the Kazakh school in the context of the target set of development of Kazakhstan.

Key words: modernization of public consciousness, textbook structure, linguodidactics, moral and ethical and spiritual and moral values, formation.

В Послании Первого Президента РК Н.А. Назарбаева «Стратегия «Казахстан-2050. Новый политический курс состоявшегося государства» [1] определяется стратегический курс развития нашей страны. Одной из существенных составляющих, способствующих реализации обозначенной целевой установки является соответствующая этой высокой миссии шкала духовно-нравственных и морально-этических ценностей казахстанского общества. Именно она включает в себе солидаризирующий и мобилизирующий факторы общества на поэтапное решение «Стратегии «Казахстан-2050». Основные направления стратегии нашли отражение в статье Главы государства Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» [2].

Анализ этой стратегически важного для РК документа позволяет выделить соответствующих 13-и изложенным в Послании утверждениям ценности, отражение которых в школьных учебниках представляет особую важность. Проиллюстрируем их:

- умение сконцентрироваться, изменяться и адаптироваться к меняющимся условиям; умение брать лучшее из того, что несет в себе новая эпоха;
- сохранение своей культуры и использование лучших традиций для достижения успеха;
- «культ знаний»;
- трехязычие как залог культурного и конфессионального согласия;
- прагматизм, проявляющийся в бережном отношении к природным ресурсам и окружающей среде;
- прагматизм, проявляющийся в умении рационально планировать свое будущее;
- ориентация на практическое достижение конкретных целей с расчетом своих возможностей и пределов;
- сохранение внутреннего ядра национального «Я» при изменении некоторых его черт;
- бережное отношение к культурному и историческому наследию;
- оценка людей по личному вкладу и по личным профессиональным качествам, недопустимость кумовства;
- глубокое знание своей истории и извлечение уроков, в том числе из мировой истории;
- понимание сути глобальных процессов в современном мире, в том числе касающихся собственной страны;

- готовность к переменам, которые несет новый технологический уклад;
- способность перенимать чужой опыт, учиться у других;
- открытость к лучшим мировым достижениям и восприимчивость.

Перечисленные ценности в совокупности должны определять аксиологические стандарты духовно-нравственных и морально-этических ценностей.

Учитывая, что центральное место в обучении занимает учебник, необходимо использовать заложенный в нем аксиологический потенциал. Этому способствует современная система среднего образования по обновленной программе обучения, формирующая творческий потенциал обучающихся через эвристичность текстов, упражнений и заданий.

Рассмотрим подход к реализации социального заказа по формированию ценностных ориентаций учащихся в учебнике У.А. Жанпейс и Н.А. Озекбаевой «Русский язык и литература для 7 класса казахской школы» [3], подготовленном в соответствии с Типовой программой [4] по обновленному содержанию и утвержденной Министерством образования и науки РК. Это интегрированный учебник, в котором содержание учебной программы организовано по разделам обучения, включающим традиционные виды речевой деятельности, как слушание, говорение, чтение и письмо, а также использование языковых единиц, т.е. грамматических форм слов и синтаксических конструкций.

Учебник начинается с темы «Путешествие и достопримечательности», в рамках которого учащиеся получают сведения об исторических памятниках, расположенных на территории Казахстана, о наиболее ярких явлениях казахстанской культуры, об истории появления главных городов казахской степи, о необходимости изучения родного языка, об особенностях национального характера и др. Так, на странице 6 авторы приводят текст из воспоминаний известного казахстанского публициста и переводчика Г.К. Бельгера, в котором он, говоря о важности знания языка, истории и культуры своего народа, отмечает, что *«знать культуру, быт, язык того народа, в среде которого ты живешь, – это азбука человечности и порядочности»* (упр. 4, стр. 6). Ценность языка и его связь с культурой народа передают также пословицы: *«Где нет языка, там нет нации»*; *«Язык – ключ к душе народа»*; *«Без родного языка нет Родины»* (упр. 2, стр. 5). Уважение и любовь к Родной земле, языку, культуре и истории, собственной матери, а также уважение к другим культурам, истории, языкам являются ключевыми моментами стихотворения известного казахского поэта М. Шаханова, текст которого в переводе на русский язык представлен на страницах учебника (упр. 6, стр. 7).

Особый интерес вызывают материал из книги «Язык есть исповедь народа» (упр. 8, стр. 8), в котором раскрываются национальные

особенности развития культуры русского и казахского народов. На понимание и уважение культуры братского народа направлены также задания о городах Москва и Санкт-Петербург (упр. 13, 14, стр. 10-11).

На знание истории и сохранение национальной культуры казахского народа направлены ряд текстов и упражнений. Так, в упражнении 20 повествуется о столицах Казахстана, начиная с 1920 года. Это и Оренбург, Ак-Мечеть, Акмола, Алма-Ата и Астана (упр. 20, стр. 15). Отдельно дан текст об истории наименования города Алматы (упр. 23, стр. 16), далее можно узнать об истории других древних казахских городов Туркистан (Ясы), Тараз (Талас), Атырау (упр. 64, стр. 40). На воспитание уважения к родному краю и гордости за него направлены также тексты и задания о городах Алматы и Астана (упр. 32,33, стр. 22, 23). Особую гордость вызывает история создания монумента Байтерек, в основу которого положен сюжет древней легенды о чудесном дереве, объединяющий собой три мироздания: корни – подземный мир, ствол – земной, а крона – небесные силы. Легенда о птице Самрук и драконе Айдахаре символизирует понятие добра и зла. Это монументальное сооружение символизирует не только философию нашего народа, но и олицетворяет идеологию нашего современного казахстанского государства, ориентированного на модернизацию (упр. 40, стр. 27).

Об известных памятниках зодчества, расположенных в разных регионах республики (упр. 24, стр. 16). Тему «Памятники прошлого» продолжает текст о наскальных рисунках Тамгалы и уникальном «Золотом человеке», найденного в Исыкском кургане (упр. 27, стр. 19). Эти памятники широко известны в мире как объекты, приравненные к Семи чудесам света, и вызывают неподдельный интерес у учащихся. Другим сооружением, внесенным ЮНЕСКО в список ценных архитектурных памятников человечества, является Мавзолей Айша-биби. На страницах учебника даны не только описание мавзолея, но и приводится легенда о его создании (упр. 60, 61, стр. 38-39). Особенности и значимость музейных экспонатов для развития культуры и сохранения истории народа нашли отражение в описании Центрального государственного музея РК (упр. 41, стр. 27). Перечисленное позволяет сделать вывод о том, что автором учебника прививается уважение и бережное отношение к своей истории.

Ценность «культы знаний» отражается уже в эпиграфе к первому уроку, где авторы приводят восточную мудрость *«Ни один сосуд не вмещает больше своего объема. Кроме сосуда знаний, и он постоянно расширяется»*. Эта мысль нашла продолжения при выполнении диктанта, в котором в качестве предложения дана пословица: «Мир освещается солнцем, а человек – знаниями» (Тема 2, упр. 16, стр. 13).

Проведенный анализ материала учебника также показал, что в нем приведены тексты и задания, в ходе работы над которыми отрабатываются не только те или иные грамматические темы, но и особое внимание

уделяется формированию и развитию тех или иных общечеловеческих ценностей, такие как доброта, милосердие, честность, порядочность и др. Так, при изучении темы «Публицистический стиль» по тексту «Что значит быть воспитанным?» предлагается выполнить следующие задания: *Прочитайте текст. Почему его можно отнести к публицистическому стилю? Какова задача автора: 1) сообщить информацию; 2) воздействовать на массы; 3) сформировать определенное отношение к общественной жизни, гражданскую позицию? А что значит для вас быть воспитанным?* В итоге учащиеся приходят к выводу, что *воспитанность* – это не только хорошие манеры, но *нечто глубокое в человеке*. Это значит *быть внимательным к другим, деликатным, тактичным, скромным* (Тема 37, упр. 37, стр. 25). При изучении темы «Рассказ», авторы учебника предлагают работу над рассказом И.С. Тургенева «Воробей», в котором повествуется о случае, произошедшем на охоте. Здесь автор стал свидетелем того, как *старый воробей*, несмотря на опасность, кинулся на помощь *молодому воробью*. Он резюмирует: *Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным её порывом. Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь*» (Тема №17, упр. 99, стр. 64).

В рамках адаптации к развивающимся условиям затрагивается тема «Молодежная культура: Интернет и социальные сети» с 264 по 273 страницы. В материалах рассматриваются предназначение, плюсы и минусы социальных сетей для детей.

На основе проведенного анализа учебника можно сделать вывод о том, что все духовно-нравственные и морально-этические ценности, обозначаемые в статье Главы государства Назарбаева Н.А. «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» реализуются в учебнике «Русский язык и литература» для 7 классов уровня среднего образования, подготовленным У.А. Жанпейс и Н.А. Озекбаевой. Вместе с тем, представляется целесообразным усиление отдельных аспектов, связанных с такими ценностями как институт семьи, ответственность, а также значимость со-организации для решения поставленных задач.

Список литературы:

1. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» Новый политический курс состоявшегося государства». – Астана, Акорда, – 2012.
2. Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» 12 апреля 2017
http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya

3. Жанпейс У.А., Озекбаева Н.А. Русский язык и литература: Учебник для 7 классов. общеобразовательных школ с казахским языком обучения. В 2-х частях. – Алматы: «Атамұра», – 2017. – 288 с.
4. Об особенностях организации образовательного процесса в общеобразовательных школах Республики Казахстан в 2017-2018 учебном году: Инструктивно-методическое письмо. – Астана: Национальная академия образования им. И. Алтынсарина, 2017. – 370 с.

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

*Байбосинова Гульмира Кенесхановна
Божбанбаева Майра Муратбековна
Кривошеева Надежда Юрьевна
учителя НИИШ ХБН г. Алматы*

Аннотация. Актуальность данной статьи состоит в решении вопросов учащихся критически мыслить, находить нужные решения, социально адаптироваться в жизни. В статье рассматриваются различные технологии развития критического мышления, направленные на умение учащихся эффективно находить знания, анализировать и оценивать информацию. Поднимаются вопросы о развитии у учащихся навыков работы с различными ресурсами и умение применить её в жизни.

Ключевые слова: критическое мышление, познавательная деятельность, аналитическое мышление, обучение, технологии, методы, теория, осмысление, оценивание.

Түйіндеме: Осы мақаланың өзектілігі оқушылардың сыни тұрғыдан ойлау, дұрыс шешім қабылдау, өмірге әлеуметтік тұрғыдан бейімделу мәселелерін шешуден тұрады. Мақалада оқушылардың тиімді білім алу, ақпаратты талдау мен бағалау шеберлігіне бағытталған сыни тұрғыдан ойлаудың әр түрлі технологиялары қарастырылады. Сонымен қатар оқушылардың әр түрлі ресурстармен жұмыс істеу және оны өмірде қолдана алу дағдыларын дамыту жөніндегі мәселелер көтерілді.

Түйін сөздер: сыни тұрғыдан ойлау, танымдық әрекеттер, талдау тұрғысынан ойлау, білім алу, технологиялар, әдістер, теория, ой елегінен өткізу, бағалау.

Abstract: Actuality of current article consists of finding answers for issues in students critical thinking, problem-solving and socially adapting for life. The article rises the questions of students skills development in copatation's with variojz resources and ability to apply them in real life.

Key word: critical thinking, cognitive activity, analytical thinking, teaching, technologies, methods, theory, assessment.

На сегодняшний день образовательный процесс является динамичным процессом, в связи с чем регулярное обновление содержания образования является актуальным вопросом. В условиях растущей глобализации и конкуренции обществу нужны грамотные специалисты с высокими коммуникативными качествами, способными работать в команде во благо общего дела. В связи с этим, перед образованием стоит задача воспитать не только грамотного специалиста, но и креативного и открытого к диалогу. XXI век – это время обширного информационного пространства. В таких условиях актуальной является задача мотивация молодых людей к критической познавательной деятельности. Что же такое критическое мышление и почему его необходимо применять в современных условиях?

Обыденное понимание критического мышления ограничивается применением логического подхода с подверганием сомнению достоверности информации.

Вопрос определения понятия «критическое мышление» остается открытым, так как бытует разнообразное мнение относительно его. Выделяют две точки зрения: первая точка зрения базируется на понимании критического мышления как негативного, предполагающего конфликт, вторая – на более обширном понимании с учетом применения логического и аналитического подходов. Термин критическое мышление педагоги стали употреблять на практике сравнительно недавно. Ранее термин был известен из работ психологов, как Ж. Пиаже, Дж. Брунер, Л.С. Выготский.

На международной арене одними из первых вопросами применения критического мышления задались американские ученые. В работе американского психолога Дайаны Халперн «Психология критического мышления» раскрывается механизм работы критического мышления. Д. Халперн определяет критическое мышление в указанной работе таким образом: это «направленное мышление, оно отличается взвешенностью, логичностью и целенаправленностью, его отличает использование таких когнитивных навыков и стратегий, которые увеличивают вероятность получения желательного результата» [1, 120]. В целях достижения структурированности, системности, корректности рекомендуется применять критическое мышление. По мнению Д. Халперн критическое мышление – приобретаемый, а не врожденный навык, в связи с чем его можно развивать, что и требуется в современном обществе.

В рамках работы по развитию критического мышления широкое распространение получило понятие «технология развития критического мышления» (РКМ). Методическая литература по данному вопросу включает работы как отечественных, так и зарубежных ученых. Вопрос необходимости применения критического мышления через теорию осмысленного обучения поднимал еще Л.С. Выготский. В 90-е годы прошлого столетия в трудах американских ученых Курт Мередит, Дженни Стил, Чарльз Темпл раскрывается теория РКМЧП (развитие критического мышления посредством чтения и письма). РКМЧП в школах применяется в ряде дисциплин, в том числе в процессе преподавания русского языка. «Мышление развивается в проблемной ситуации, когда ребенок сам «собирает» понятие о предмете [2, 176].

Критическое мышление во всех аспектах остается малоизученным. Закономерно наличие спорных вопросов при раскрытии тех или иных вопросов критического мышления. Разрешение спорных вопросов является важным в деле теоретического и экспериментального осмысления критического мышления. Изучение вопроса с позиции механизма саморегуляции личности является актуальным на сегодняшний день, в этом направлении известны работы исследователей (Б.В. Зейгарник [3], И.А.Кудрявцев [4], Ш.А. Амонашвили [4], Ч. Темпл, Дж. Стил, К. Мередит [6]), ранее вопрос поднимали ряд философов (Платон [7], К. Поппер [8]). Несмотря на значительные результаты вопрос влияния структурных компонентов педагогических технологий обучения людей одной возрастной категории остается недостаточно исследованным.

В рамках работы по развитию критического мышления необходимы специальные методические инструменты. Наиболее полно данные инструменты раскрываются при применении педагогической технологии развития критического мышления (Дж. Стил, К. Мередит, Ч.Темпл). Структура чтения и письма в рамках развития логического мышления, этапы соответствуют закономерностям когнитивной деятельности субъекта. Указанную структуру С.И. Заир-Бек и И.В. Муштавинская раскрывают в виде следующей таблицы:

В связи с этим перед учителем стоит непростая задача в достижении баланса между применением ярких и запоминающихся форм подачи материала, востребованного у молодого поколения людей и необходимостью формирования рефлексии и критического мышления.

Таблица 1 – Технология развития критического мышления – стадии и методические приемы

Технологические этапы	Деятельность учителя	Деятельность учащихся	Возможные приемы и методы
<p>I стадия (фаза). Вызов (evocation): - актуализация имеющихся знаний; - пробуждение интереса к получению новой информации; - постановка учеником собственных целей обучения.</p>	<p>Направлена на вызов у учащихся уже имеющихся знаний по изучаемому вопросу, активизацию их деятельности, мотивацию к дальнейшей работе</p>	<p>Ученик «вспоминает», что ему известно по изучаемому вопросу (делает предположения), систематизирует информацию до изучения нового материала, задает вопросы, на которые хочет получить ответы.</p>	<p>Составление списка «известной информации»: рассказ-предположение по ключевым словам; систематизация материала (графическая): кластеры, таблицы; верные и неверные утверждения; перепутанные логические цепочки; мозговая атака; проблемные вопросы, «толстые» и «тонкие» вопросы и т.д.</p>
<p>Информация, полученная на стадии вызова, выслушивается, записывается, обсуждается. Работа ведется индивидуально, в парах или группах.</p>			

Продолжение таблицы 1

<p>II стадия. Осмысление содержания (realizationofmeaning): - получение новой информации; -корректировка учеником поставленных целей обучения.</p>	<p>Направлена на сохранение интереса к теме при непосредственной работе с новой информацией, постепенное продвижение от знания «старого» к «новому»</p>	<p>Ученик читает (слушает) текст, используя предложенные учителем активные методы чтения, делает пометки на полях или ведет записи по мере осмысления новой информации</p>	<p>Методы активного чтения: «инсерт»; «фишбоун»; «идеал»; ведение различных записей типа двойных дневников, бортовых журналов; поиск ответов на поставленные в первой части урока вопросы</p>
<p>На стадии осмысления содержания осуществляется непосредственный контакт с новой информацией (текст, фильм, лекции, материал параграфа). Работа ведется индивидуально или в парах. В групповой работе должны присутствовать два элемента – индивидуальный поиск и обмен идеями, причем личный поиск непременно предшествует обмену мнениями.</p>			
<p>III стадия. Рефлексия (reflection): -размышление, рождение нового знания; -постановка учеником новых целей обучения.</p>	<p>Учителю следует вернуть учащихся к первоначальным записям-предположениям; внести изменения; дать творческие, исследовательские или практические задания на основе изученной информации</p>	<p>Учащиеся соотносят «новую» информацию со «старой», используя знания, полученные на стадии осмысления содержания.</p>	<p>Заполнение кластеров, таблиц. Установление причинно-следственных связей между блоками информации. Возврат к ключевым словам, верным и неверным утверждениям. Ответы на поставленные вопросы.</p>

			Организация устных и письменных круглых столов. Организация различных видов дискуссий. Написание творческих работ. Исследования по отдельным вопросам темы и т.д.
На стадии рефлексии осуществляется анализ, творческая переработка, интерпретация изученной информации. Работа ведется индивидуально, в парах или в группах.			

В рамках развития критического мышления рекомендуется составление в списках всевозможных путей решения задачи. Например, визуализация помогает решить мыслительную задачу. Полезно воспользоваться такими инструментами, как применение схем, гистограмм, таблиц, рисунков.

Особенно эффективно на уроках использовать групповые игровые формы работы, так как сильный ученик обучает слабого. В результате каждый ученик задействован в работе. Здесь роль учителя заключается в правильном распределении групп, так как в каждой группе должен быть представлен сильный ученик наряду со средними и слабыми учениками. Функционал между учениками можно распределить в разрезе «спикер» (озвучивает результаты групповой работы), «редактор» (запись задания), «аналитик» (подает идеи, а также оценивает работу каждого участника группы), «тайм-кипер» (засекает время). При этом необходимо менять роли в дальнейшем, в целях всестороннего развития каждого ученика. Изменение роли необходимо также в рамках формирования навыков совместного размышления, необходимых во взрослой жизни. Ведь будучи специалистом каждому человеку предстоит работать в коллективе и быть ответственным за совместные результаты работы. Одним из путей развития у детей навыков совместного размышления при групповой работе является применение метода групп сменного состава. Стратегия «Зигзаг» направлена на развитие навыков совместного критического анализа.

Рисунок 1 – Стратегия «Зигзаг»

Рисунок 2 – Стратегия «Зигзаг»

Стратегия «Зигзаг» развивает у учеников следующие навыки помогает организовать поисковую деятельность в процессе изучения большого круга вопросов темы:

- совместный анализ текста,
- исследовательская работа в группе,
- умение излагать мысли,
- самостоятельное определение направления работы в рамках изучения определенного вопроса с учетом интересов группы.

У ученика также развиваются навыки формирования разноуровневых вопросов, переуточнения вопросов, лаконичного формирования высказываний, доступного изложения мысли, генерирования идеи в группе и др. По окончании групповой работы ученикам предоставляется возможность самооценки путем заполнения листа самооценки, он может осознать в каком направлении еще предстоит работать, а у учителя появляется возможность оценить самооценку ученика и восприятие его роли в групповой работе.

Обучение – взаимный процесс. При создании проблемной ситуации ученики больше самовыражаются через самостоятельное решение

ситуации. По мнению П.Г. Редкина ценность немногословного учителя повышается, если такой учитель сможет поддержать интерес и напряжение в классе: П.Г. Редкин придерживается точки зрения, что в классе немногословных или даже молчаливых учителей, но умеющих поддержать в постоянном возбуждении содействие учеников господствует гораздо большее напряжение внимания, нежели на уроках тех учителей, которые пытаются говорить в большей степени сами [9, 392]. В связи с этим, повышение голоса становится совсем не обязательным и не актуальным способом привлечения внимания учащихся. Систематическое включение критического мышления в учебный процесс должно формировать особый склад мышления и познавательной деятельности.

Предлагаем краткосрочный план урока с применением технологии критического мышления в 9-м классе.

<p>Урок 2: Интегрированный урок (русский язык и физика) Предмет: Русский язык Раздел 4: Космос Тема: «Космос как национальная идея»</p>	<p>Школа: НИИШ ХБН г. Алматы</p>
<p>Дата:</p>	<p>Имя учителя:</p>
<p>Класс: 9</p>	<p>Количество: отсутствующих- присутствующих-</p>
<p>Цели обучения, которые будут достигнуты с помощью данного урока</p>	<p>СГ2. определять основную мысль, опираясь на структуру ПЗ. представлять информацию в виде различных схем, таблиц, диаграмм</p>
<p>Цели урока</p>	<ul style="list-style-type: none"> – сформировать умение определять основную мысль, опираясь на структуру; – научить представлять информацию в виде различных схем, таблиц, диаграмм; – сформировать умения давать аргументированный ответ на вопрос; – воспитать интерес к исследовательской работе.
<p>Критерии оценивания</p>	<p><i>Учащиеся достигли цели, если:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – умеют определять основную мысль, опираясь на структуру;

	<ul style="list-style-type: none"> – извлекают основную информацию из текстов; – извлекают второстепенную информацию из текстов; – умеют представлять информацию в виде различных схем, таблиц, диаграмм; – дают аргументированный ответ на вопрос; – соблюдают лексические нормы.
Языковые цели	<p>Программа 9 класса опирается на знания, понимание и языковые навыки, развитые учащимися в 8 классе.</p> <p>Тема раздела: «Космос». Языковые навыки будут развиваться в рамках контекста данной темы. Учащиеся сосредоточатся на слушании, беседе, составлении монологической речи. Учащиеся будут развивать коммуникативные навыки, навыки монологической речи, с учётом целевой аудитории.</p>
Привитие ценностей	<p>Привитие ценностей осуществляется через содержание темы урока, аудиовизуальные материалы и др. Создание коллаборативной среды будет способствовать сотрудничеству, выстраиванию доброжелательных отношений в процессе деятельности на уроке.</p> <p>Привитие учащимся патриотических чувств через содержание урока: просмотр видеоролика о космосе, слушание, осмысление через рассуждение.</p> <p>Воспитание патриотизма, чувство уважения и признательности к заслугам космонавтов, интерес и уважение к историческому прошлому народа.</p> <p>Учить учащихся познавать самих себя, формировать мировоззрение учащихся, готовность к самовоспитанию.</p>
Межпредметная связь	Связи с родным языком и литературой, физикой, географией, историей.
Навыки использования ИКТ	Работа с аудиовизуальной информацией: слушание, просмотр видеоролика. Показ слайдов – презентация.

Предварительные знания	На данном уроке отрабатываются навыки слушания и говорения и чтения, а также навыки самостоятельного исследования, отбор релевантной информации, составление устного высказывания (представление информации в виде постера). Это 2 урок раздела «Космос».
-------------------------------	---

Этапы урока	Запланированная деятельность	Ресурсы
Начало 1 урока 7 мин.	<p>1. Психологический настрой.</p> <p>2. Выход на тему https://www.youtube.com/watch?v=UkMb_jcyUFlo</p> <p>3. Актуализация знаний <u>Стратегия «Вопрос-ответ»</u></p> <p>1. Какое из слов не название планеты? А) Юпитер Б) Земля В) Солнце</p> <p>2. В какой из этих республик находится космодром Байконур А) Армения Б) Казахстан В) Украина</p> <p>3. В каком году человек полетел в космос? А) 1958 Б) 1969 В) 1961</p> <p>4. Сколько планет в Солнечной системе? А) 9 Б) 12 В) 8</p> <p>5. Кто был первым казахским космонавтом? А) Аубакиров Б) Мусабаев В) Гагарин</p> <p>6. Кто первый побывал на ЛУНЕ А) США Б) Россия В) Казахстан</p> <p>4. Введение в тему. Постановка целей (презентация)</p> <p>5. Проверка домашнего задания. Вызов. Просмотр фильма учащимися (опережающее задание). Обсуждение. http://www.ntv.ru/video/1414047/</p>	<p>Презентация</p> <p>Видеоролики Интервью учащихся (опережающее д/з)</p> <p> IMG_3550.MOV</p> <p> IMG_3552.MOV</p> <p>http://www.ntv.ru/video/1414047/</p> <p>В Москве представили фильм «Время первых» о выходе Леонова в открытый космос</p>

<p>Середина 15 мин.</p>	<p>6. Деление на группы. «Байконур-космическая гавань» «Байконур-казахстанский бренд» «Роботы в космосе» К.Г. 7. Работа в группах. Работа с текстом. Учащиеся читают тексты о космосе. Выполняют задания <u>Задания:</u> 1. Определите основную мысль текстов 2. Извлеките основную и второстепенную информацию из различных ресурсов (текстов, иллюстраций) 3. Опираясь на данные ресурсы, дайте развернутый ответ на вопрос, оформите ответ в виде постера, который содержит схемы, таблицы, диаграммы. 1 группа: Почему космодром Байконур построили на территории Казахстана? 2 группа: Может ли космодром Байконур стать одним из центров выставки EXPO 2017 в Казахстане? 3 группа: Могут ли роботы участвовать в освоении космоса? ФО. Оценивание по критериям оценивания: - определяет основную мысль, опираясь на структуру - извлекает основную информацию из текстов - извлекает второстепенную информацию из текстов Наблюдение учителя. Обратная связь от учителя учащимся. 8. Защита постеров. Взаимооценивание по критериям оценивания: - представлять информацию в виде различных схем, таблиц, диаграмм - даёт аргументированный ответ на вопрос - соблюдает лексические нормы</p>	<p>Карточки стойки с названием группы</p> <p>Карточки с вопросом</p> <p>Тексты и иллюстрации о космодроме Байконур, о роботах в освоении космоса www.inform.kz/rus/article/234800</p> <p>1 вопрос Учитель физики Рисунок Слайд</p> <p>2 вопрос https://www.youtube.com/watch?v=6teKgURzNwY</p> <p>3 вопрос Видеоролик о роботах НИИШ</p>
-----------------------------	---	---

	<p>1 группа: Учитель физики оценивает выступление 1 группы, дает обоснованный ответ на вопрос с точки зрения физики</p> <p>2 группа: Оценивание + новостной сюжет с верным ответом на вопрос https://www.youtube.com/watch?v=6teKgURzNWY</p> <p>3 группа: Оценивание + демонстрация роботов + видеоролик НИИШ Ученики определяют основную мысль прослушанного, определяют основное содержание текста, извлекая главную и второстепенную информацию.</p> <p><i>«2 звезды, 1 пожелание» (мяч «глобус» передаётся тому, кто будет оцениваться)</i> <i>Звездочки на лист оценивания</i></p> <p>Комментарии учителя. Анализ своей деятельности учащимися.</p>	
<p>Конец урока 2 мин.</p>	<p>Рефлексия «Планета вопросов» Что я узнал? Что мне понравилось? Если бы повторился этот урок, что бы я изменил в уроке? Чей ответ мне понравился больше всего? Что у меня получилось на уроке? Что бы я хотел узнать на следующем уроке?</p>	<p>Коробка с вопросами в виде планеты</p>
	<p>Домашнее задание: 1. Составьте интересный вопрос для игры «Брейн-ринг» из истории освоения космонавтики. 2. Написать эссе-рассуждение на тему «Казахстанский космос, как национальная идея». Включите информацию по трём проблемным вопросам урока, на которые получили ответ. 3. Составьте кроссворд по теме урока</p>	

Дополнительная информация

<p>Дифференциация – как Вы планируете оказать больше поддержки? Какие задачи Вы планируете поставить перед более способными учащимися?</p>	<p>Оценивание – как Вы планируете проверить уровень усвоения материала учащимися?</p>	<p>Межпредметные связи Здоровье и безопасность Связи с ИКТ Связи с ценностями (воспит. элемент)</p>
<p>Группы будут поддерживать друг друга. Дифференциация по результату, так как некоторые группы могут иметь меньше информации, чем</p>	<p>Метод наблюдения Вопрос и ответ (целевые и случайные). Оценивание ответа одноклассника</p>	<p>Кабинет организован для групповой работы. Навыки ИКТ, чтобы посмотреть видео. Умение работать в группе (взаимоуважение) Отвечать на вопросы и активно слушать других в ходе обсуждения в классе.</p>
<p>Рефлексия</p>	<p>Размышления над уроком. Ответы на вопросы из левой колонки.</p>	
<p>Были ли цели урока/цели обучения реалистичными? Что учащиеся выучили сегодня? Какая атмосфера царила в классе? Сработала ли дифференциация, проводимая мной? Уложился (лась) ли я в сроки? Какие отступления были от плана урока и почему?</p>		

<p>Общая оценка:</p> <p>Какие два аспекта урока прошли хорошо (подумайте как о преподавании, так и об изучении)?</p> <p>1:</p> <p>2:</p> <p>Какие две вещи могли бы улучшить урок (подумайте как о преподавании, так и об изучении)?</p> <p>1:</p> <p>2:</p> <p>Что я узнал(а) на уроке о классе или отдельных учениках, что поможет мне подготовиться к следующему уроку?</p>	
--	--

Список литературы:

2. Халперн Д. Психология критического мышления. – СПб., 2000.
3. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под. ред. В.В.Давыдова. – М.: Педагогика, 1991. – 479 с.
4. Зейгарник Б.В. Личность и патология деятельности. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 100 с.
5. Кудрявцев В.Т. Идея субъекта основание единства отечественного психологического знания // Вопросы психологии. 1999. № 1. – С.123 -125.
6. Амонашвили Ш.А. Единство цели. – М.: Просвещение, 1987. – 205с.
7. Темпл Ч., Стал Дж., Мередит К. Чтение, письмо и обсуждение для любого учебного предмета. Пособие III / Подготовлено в рамках проекта «Чтение и письмо для развития критического мышления». – М.: Изд-во «ИОО», 1997.
8. Платон. Апологии Сократа, Критон // Собр.соч. – Т.1. М.: Мысль,1990.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. // Вопр. философии. – 1992. – №8-10.
10. Редкин, П.Г. Взаимное посещение учителями своих уроков / П.Г. Редкин // Редкин П.Г. Избранные педагогические сочинения / сост. В.Я. Струминский. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во мин-ва просвещения РСФСР, 1958.
11. Муштавинская И.В. Роль технологии развития критического мышления в формировании метакогнитивных умений учителя и ученика // Проблемы и перспективы развития образования: материалы II междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2012 г.) – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 19–24 [Электронный ресурс].

12. Заир-Бек С.И., Муштавинская И.В. Развитие критического мышления на уроке: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 2004)
13. Загашев И.О., Заир-Бек С.И.. Критическое мышление: технология развития: Пособие для учителя – СПб; Альянс “Дельта”, 2003.

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Мамыт Макпал Нагашбековна
магистрант КазНПУ им. Абая

Аннотация. Данная статья посвящена развитию творческих способностей учащихся в условиях обновленного содержания образования с применением технологии развития критического мышления на уроках русской литературы и выявлению наиболее эффективных методов и приемов данной технологии. Цель статьи: определить задачи сегодняшнего образования, обосновать возможность и необходимость применения технологию развития критического мышления в процессе преподавания русской литературы.

Ключевые слова: дескриптор, обновленное содержание образования, развитие критического мышления, стадия вызова, стадия осмысление, рефлексия.

Түйіндеме. Бұл мақала оқушылардың шығармашылық қабілеттерін орыс әдебиеті сабақтарында критикалық ойлауды дамыту технологиясын қолдана отырып, жаңартылған білім мазмұны барысында дамытуға және осы технологияның ең тиімді әдістерін анықтауға арналған. Мақаланың мақсаты: орыс әдебиетін оқыту процесінде сын тұрғысынан ойлауды дамыту технологиясын қолдану қажеттілігі мен қажеттілігін негіздеу үшін бүгінгі білім беру міндеттерін анықтау.

Түйін сөздер: дескриптор, жаңартылған мазмұнды оқыту, сыни ойлауды дамыту, қонырау кезеңі, ұғыну кезеңі, рефлексия.

Abstract. This article is devoted to the development of creative abilities of students in the context of the updated content of education using the technology of developing critical thinking in Russian literature classes and identifying the most effective methods and techniques of this technology. The purpose of the article: to identify the tasks of today's education, to justify the possibility and necessity of applying the technology of developing critical thinking in the process of teaching Russian literature.

Key words: handle, updated education content, development of critical thinking, stage of challenge, stage of comprehension, reflection.

В Послании Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана говорится: «Результатом обучения школьников должно стать овладение ими критического мышления, самостоятельного поиска и глубокого анализа информации» [1, 4-6]. Становится очевидным, что применение даже некоторых приемов технологии РКМ даёт возможность развить и совершенствовать творческий потенциал учащихся.

Современная школа динамично меняет свой облик. Это связано, прежде всего, с серьезными переменами в казахстанском образовании.

Обновление содержания образования в Республике Казахстан ставит перед собой главную цель: совершенствование педагогического мастерства учителей в контексте обновления образовательной программы и внедрение системы критериального оценивания. Данная программа основана на развитие спиральной формы образования, основанной на когнитивной теории Д. Брунера. Спиральная форма обучения предполагает, что повторное рассмотрение материала, который будет усложняться на протяжении всего школьного обучения, дает большее преимущество в развитии современного учащегося, нежели традиционные формы обучения [2, 7-11]. Так же развитие казахстанских учащихся будет проходить путем внедрения активных форм обучения, в ходе которых предполагается, что учащиеся будут самостоятельно развивать функциональную грамотность, активно «добывать» знания, с огромным желанием развивать коммуникативные навыки общения со сверстниками, и творчески подходить к решению проблем. Задача педагогов в ходе применения обновленной программы, привить учащимся основные человеческие нормы и морали, сформировать толерантность и уважение к другим культурам и точкам зрения, воспитать ответственного, здорового ребенка [3, 13-15].

Традиционная школа подразумевала, преподносить ученикам истину, а современное Кембриджское понимание об учении строится именно на том, чтобы учитель направлял учеников на то, чтобы они сами находили и постигали истину [4, 32]. Многие годы учителя придерживались классно-урочной системы, но пришел новый век технологий и все, что было приемлемо в прошлом столетии, стало неактуальным сегодня. Учитель в вечном поиске нового интересного и современного, того, что могло бы привлечь учеников, повести их за собой.

На основе Стандартов литературного образования и Типовой учебной программы обновленного образования содержания по предмету «Русская литература» для уровня среднего образования, утверждены Министерством образования и науки РК в 2016 году. Это программа:

1. Ориентирует процесс обучения на использование методического потенциала каждого предмета для осознанного усвоения учащимися знаний и приобретения умений по предметным областям, развитие самостоятельности путем овладения способами учебной, проектной, исследовательской деятельности, умениями ориентироваться в социокультурном пространстве;

2. Организация активной деятельности обучающегося по самостоятельному «добыванию» знаний. Такой подход способствует не только приобретению предметных знаний, социальных и коммуникативных навыков, но и личностных качеств, которые позволяют ему осознавать собственные интересы, перспективы и принимать конструктивные решения. Активная познавательная деятельность обучающегося приобретает устойчивый характер в условиях сотворчества и поддержки учителя как партнера, консультанта.

3. Такого характера усиление личностно-ориентированного образования возможно при использовании интерактивных методов обучения, которые в различных сочетаниях создают предпосылки для сотрудничества всех участников образовательного процесса, не допуская авторитарности во взаимоотношениях. Использование диалоговых и рефлексивных технологий сочетается с организацией проектной и исследовательской деятельности учащихся.

4. Все инновационные подходы к организации образовательного процесса превращают обучение в модель общения учащихся в реальном творческом процессе, предполагающий активный обмен знаниями, идеями, способами деятельности.

5. Позволяет развивать активность ученика в познавательном и социальном плане путем организации учебной проектной деятельности, ориентированной на использование материалов регионального характера (объекты, предприятия, источники информации). Проектная деятельность воспитательного характера, осуществляемая в рамках достижения целей обучения данного предмета, может быть организована в партнерстве с родителями, представителями местного сообщества.

Содержание учебного предмета составляют 3 раздела: «Понимание и ответы по тексту», «Анализ и интерпретация текста», «Оценка и сравнительный анализ».

Раздел «Понимание и ответы по тексту» включает следующие подразделы:

- 1) Понимание терминов;
- 2) Понимание художественного произведения;
- 3) Чтение наизусть и цитирование;
- 4) Составление плана;
- 5) Пересказ;
- 6) Ответы на вопросы.

Раздел «Анализ и интерпретация текста» включает следующие подразделы:

- 1) Жанр;
- 2) Тема и идея;
- 3) Композиция;
- 4) Анализ эпизодов;
- 5) Характеристика героев;
- 6) Художественный мир произведения в разных формах представления;
- 7) Отношение автора;
- 8) Художественно-образительные средства;
- 9) Творческое письмо.

Раздел «Оценка и сравнительный анализ» состоит из следующих разделов:

- 1) Оценивание художественного произведения;
- 2) Сравнение художественного произведения с произведениями других видов искусства;
- 3) Сопоставление произведений литературы;
- 4) Оценивание высказываний.

Для решения поставленных задач, требуются эффективные формы организации образовательного процесса, новые педагогические технологии, активные методы обучения, так как традиционное репродуктивное обучение отводит пассивную роль ребенку и не позволяет достичь поставленных целей. Основная деятельность педагога заключается в развитии, воспитании и обучении обучающихся и осуществляется с помощью методов и приёмов обучения.

Методы обучения

Метод в переводе с греческого – «путь к чему-то». Метод – это процесс взаимодействия между учителем и учениками, в результате которого происходит передача и усвоение знаний, умений и навыков, предусмотренных содержанием обучения.

Универсальных методов обучения в педагогике не существует. Использовать только один метод в процессе обучения школьников на уроке невозможно. Как правило, на уроке в зависимости от его типа, цели и задач педагог комбинирует несколько методов обучения. На наш взгляд, в коррекционной школе педагогам может быть частично использована классификация методов обучения, составленная по характеру учебно-познавательной деятельности. Это связано с тем, что успех обучения в решающей степени зависит от направленности и внутренней активности школьников, от характера их деятельности. А в данную классификацию заложены степень самостоятельности и творчества в деятельности обучаемых [5, 235]. Заметим, что на предметах гуманитарного цикла, характер деятельности, степень самостоятельности и творчества имеют особое значение и служат важным критерием при выборе методов обучения.

Объяснительно-иллюстративный метод обучения – метод, при котором учащиеся получают знания из рассказа педагога, учебной литературы, через пособия и технические средства обучения. Материал обсуждается и осмысливается с помощью репродуктивного (воспроизводящего) мышления. Этот метод чаще всего используют при объяснении нового материала.

Репродуктивный метод обучения – применение изученного материала осуществляется на основе образца или правила. Деятельность учащихся носит алгоритмический характер. Задания и упражнения выполняются по инструкциям, предписаниям, правилам в аналогичных, сходных с показанным образцом ситуациях. Как правило, этот метод используется при формировании и закреплении изученного материала.

Метод проблемного изложения в обучении – метод, при котором, используя самые различные источники и средства, педагог, прежде чем излагать материал, ставит проблему, формулирует познавательную задачу, а затем, раскрывая систему доказательств, сравнивая точки зрения, различные подходы, показывает способ решения поставленной задачи. Школьники становятся свидетелями и соучастниками учебного поиска. Метод используется при изучении нового материала.

Частично-поисковый или эвристический метод – заключается в организации активного поиска решения выдвинутых в обучении (или самостоятельно сформулированных) познавательных задач под руководством педагога или на основе методических указаний на карточке, в учебнике и т.п. Процесс мышления приобретает продуктивный характер, но при этом поэтапно направляется и контролируется педагогом или самими учащимися с учебными пособиями. Этот метод используется как на этапе знакомства с материалом, так и на этапе его закрепления и обобщения.

Исследовательский метод обучения – метод, в котором после анализа материала, постановки проблем и задач и краткого устного или письменного инструктажа обучаемые максимально самостоятельно выполняют работу. Именно в исследовательской деятельности наиболее полно проявляются инициатива, самостоятельность и творческий поиск. Данный метод чаще всего используют на этапе обобщения и контроля.

Типы уроков

Традиционные типы уроков:

- изучение нового материала;
- формирование и закрепление новых знаний;
- обобщение и систематизация знаний;
- комплексное применение знаний;
- проверка и оценка знаний;
- комбинированный урок.

Нетрадиционные типы уроков:

- урок-соревнование (марафон, КВН и т.д.);
- урок-экскурсия;
- урок-праздник (Рождество, Масленица и т.п.);
- урок-диалог;
- урок-игра;
- урок-викторина;
- кино-урок;
- урок-путешествие;
- урок-спектакль;
- урок-проект;
- интегрированный урок;
- урок-диспут, урок-лекция, урок-обсуждение, урок-конференция и

т.п.

При использовании активных методов обучения меняется роль ученика – из послушного «запоминающего устройства» он превращается в активного участника образовательного процесса. Эта новая роль и свойственные ей характеристики позволяют на деле формировать активную личность, обладающую всеми необходимыми навыками и качествами современного успешного человека.

Ученики XXI века должны получить качественные знания, отвечающие современному состоянию гуманитарной науки. Одновременно соблюдались принципы доступности и занимательности, так как важные и научно апробированные идеи должны быть изложены интересно и достаточно популярно [6, 142].

В основу учебной программы положен принцип: от известного -> к новому, от простого -> к сложному.

В учебниках русской литературы реализуется принцип межпредметных связей с дисциплинами лингвистического, исторического цикла, с социологией, философией, психологией, культурологией, искусствоведением, музыкой, живописью, компьютерной графикой и т.д.

Сверхзадачей преподавания русской литературы в школе является формирование у учеников творческого начала, определённых нравственных качеств, чувства сопереживания, воспитание эстетического вкуса.

В учебно-методических комплексах по литературе ориентированы на сотворчества учителя и учеников в постижении литературы, потому что преподавание искусства слова только тогда эффективно, когда не предполагает насилия над индивидуальностью читателя, будь то взрослый человек или подросток. Ориентация на индивидуальный подход и сотворчества проявляется в заданиях, предполагающих не только получение учащимися знаний, но и обмен интерпретациями, развивающими способности, умение образно мыслить, излагать свое мнение, вырабатывающих вкус к художественному слову.

Например: Учебник для 5 класса требует от учителя нового методического подхода и взгляда на все программные тексты в аспекте, касающемся фольклоризма [7, 6].

В современной науке намечается тенденция, чтобы термином «фольклоризм писателя» обозначать существование и взаимодействие явлений двоякого рода: 1) сознательное обращение к фольклору; 2) бессознательное включение его.

1. Сознательное использование фольклора предполагает четко осознанную художественную задачу автора, его целенаправленную и непосредственную работу со сборниками фольклорных текстов, фольклористическими исследованиями, обработку им самим записанных произведений, исполняющихся в народе.

2. Мы полагаем, что бессознательное появление фольклорных элементов в произведении определяется особенностями психологии творческого процесса, проявляющимися в интуиции авторов, непроизвольном возникновении в их памяти разнообразных культурных ассоциаций, соединяющих архаические формы устной поэзии, но уже освоенных литературой, более поздними структурами. Связано это и с работой над словом, в результате которой оно, помимо воли и сознания автора, в контексте произведения способно восстанавливать все семантические связи в диахроническом срезе, приводя к мифическому истоку.

По нашему мнению, чем ближе автор к народному мировоззрению, к народным основам жизни, тем более естественен и органичен бессознательный путь проникновения в его произведение фольклорного материала, который может сочетаться и с сознательным обращением к традиционным жанрам устной поэзии.

Ясно, что с пятиклассниками обо всем этом и на таком уровне мы говорить не будем, хотя они могут проявить удивительное языковое чутье и способность видения этой проблемы изнутри, так как сознание у детей в большей степени, чем у взрослых, мифологическое, они теснее связаны с мифом, сказкой, миром мистическим и во многом иррациональным, окружающую природу они воспринимают сквозь призму мифа как способа освоения мира. Их сознание свободно от стереотипов и штампов, они легче ориентируются в новых условиях, так как принимают их такими, какими их им предлагают, и поэтому в интерпретации текста они, возможно, будут исходить от интуиции, и на этом пути их ждут открытия. Задача учителя создать атмосферу творчества, сопереживания и соучастия, когда принимаются различные точки зрения и версии толкования текста. Учитель не должен навязывать ученику свои пристрастия и идеалы, он должен тактично помогать понять и пережить те «умные эмоции» (по Л.С.Выгодскому), которые возникают в процессе общения с искусством слова, и давать объяснение тем мыслям и чувствам, которые неизбежно возникают при соприкосновении с искусством.

Урок в 5 классе на тему: «Что такое художественная литература?»

Цели урока: познакомить с понятием «художественная литература», с особенностями художественного текста; научить учащихся отличать художественный текст от текстов другого стиля.

Ход урока:

Начало урока.

1. Организационный этап.

Я рада приветствовать вас в нашем классе

Возможно есть классы и лучше и краше.

Но пусть в нашем классе вам будет светло,

Пусть будет уютно и очень легко,

Теперь друг другу улыбнитесь,

Настройтесь на урок и соберитесь.

И все проблемы – пустяки,

Ведь все мы вместе – знатоки.

Девиз урока: Все за одного, а один за всех, тогда и в деле будет успех. Произносят девиз урока.

(Проверка готовности к уроку. Психологический настрой).

ФО: Словесная похвала.

2. Актуализация знаний «Мозговой штурм» (5 минут). *Метод «Толстые и тонкие вопросы» (для начала беседы по изучаемой теме).*

Постановка таких вопросов даёт возможность выйти на разговор о значимости речевых и коммуникативных навыков.

– Что такое язык?

– Что изучает литература?

– Какие литературные рассказы изучали?

– Прием «Разговор в паре». Разговорная пятиминутка.

(Демонстрируют свои знания).

Проблемный вопрос: – Как вы думаете, какова будет тема нашего урока? Тема нашего сегодняшнего урока: «Что такое художественная литература».

ФО: «Три хлопка».

Дескрипторы: обсуждает и отвечает на вопросы.

Середина урока. Для дальнейшей работы мы разделимся на 3 группы. Стратегия «Пазл» (20 минут).

З а д а н и я :

1) Прочитайте выразительно высказывания.

2) Обсудите в группе и передайте основной смысл понравившегося высказывания.

3) Перепишите понравившееся высказывание и выскажите отношение к нему.

Ребята, вам нравится осень? Что вы вспоминаете в связи с этим словом?

Ассоциация к слову «Осень».

Чтение текстов об осени. Откройте учебники на странице 4 и прочитайте тексты об осени.

- Какие из этих текстов можно отнести к художественной литературе?
- Откуда может быть взят первый текст? Охарактеризуйте язык этого текста: есть ли в нем точные сведения, факты, цифры?
- Есть ли во втором тексте образные слова и выражения?
- Какие чувства выражены в этом тексте?
- Что вы узнали о русском лесе, о русской осени?

Напишите эссе на тему: «Осень в моем поселке».

Знакомство с понятием «Художественная литература».

Художественная литература – это вид искусства, который отражает жизнь при помощи слова (художественного языка). Художественные произведения показывают жизнь людей прошлых времен, современных людей и людей будущего. Художественные произведения не только дают нам знания о жизни героев, о времени, в котором они жили, но и вызывают у нас разные чувства, когда мы читаем эти произведения. Мы радуемся за героев, переживаем за них, огорчаемся или восхищаемся. Это происходит потому, что художественные произведения великих писателей и поэтов так написаны, что мы не можем оставаться равнодушными к тому, о чем они пишут. Художественные произведения нужно читать очень внимательно, ничего не пропуская.

Выступление участников групп по стратегии «ПОПС»:

Позиция – «Я считаю, что...»

Обоснование – «Потому что...»

Пример – «Я могу это доказать на примере...»

Суждение – «Исходя из этого, я могу сделать вывод о том, что...»

ФО: «Две звезды, одно пожелание»

Дескрипторы: передает основной смысл понравившегося высказывания;

выражает свое отношение к нему; доказывает на примере свою позицию.

Физминутка «Веселые ребята» (2 мин.)

1. Стратегия «Трехминутное эссе» на тему: «Литература моей жизни». Стратегия «Авторский стул».

Дескрипторы: пишет и презентует свою работу, используя эмоционально-окрашенные слова и прилагательные согласуя слова в роде, числе и падеже (6 минут).

ФО: «Аплодисменты».

2. Стратегия «Ролевая игра» (9 мин.).

1 группа. «Сказка»

2 группа. «Кино»

3 группа. «Рассказы»

Дескрипторы: составляет диалог, демонстрирует речевые и коммуникативные навыки.

ФО: «Три хлопка».

Конец урока. Рефлексия. Прием «Минуточка». Учащиеся по очереди говорят в течение одной минуты о теме урока без повторения, паузы и ошибок.

ДЗ. по выбору:

1. Сочинить четверостишие о родной природе.

2. Подготовить пословицы, поговорки о роли языка в жизни человека.

3. Составить синквейн на тему: «Осень».

Список литературы:

1. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Казахстанский путь – 2050: единая цель, единые интересы, единое будущее» от 17 января 2014г. // Газета Казахстанская правда. – 2014 г.
2. Бессарабова И.С. Педагогические взгляды Джерома Брунера в контексте американского образования (1950–1990-е годы) // Волгоград, – 2000.
3. Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление: технология развития. – СПб.: Альянс – Дельта, – 2003.
4. Развитие критического мышления: Опыт неспортивного, но здорового и полезного ориентирования в реальности и в себе / Е.Н.Волков, – 2006.
5. Заир-Бек С.И. Развитие критического мышления на уроке: Пособие для учителя. – 2004.
6. Павлова А.И. О технологии развития критического мышления учащихся на уроках русского языка. Русский язык в школе. – 2009 .
7. Сафронова Л.В., Свидова Н.В. Учебник для 5 класса Русская литература. Алматы: Издательство «Атамұра», – 2017.

КРИТЕРИАЛЬНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ КАК НОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОЦЕНИВАНИЯ

*Айтмаганбетова Айтолкын Жалгасовна
магистрант КазНПУ имени Абая*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о переходе казахстанского среднего образования на обновленное содержание. Внедряемая система критериального оценивания направлена на развитие учащегося, повышение его мотивации к обучению. Важной становится роль критериев оценивания и регулярной обратной связи, понятных для каждого ученика и его родителей. Эффективность реформы среднего образования во многом будет зависеть от подготовленности казахстанских учителей к работе по обновленному содержанию среднего образования, в связи с чем становятся важными практика учителя и его исследовательская деятельность.

Ключевые слова: формативное оценивание, критерий, дескриптор, обратная связь, координатор.

Түйіндеме. Мақалада қазақстандық орта білімнің жаңартылған мазмұнға ауысу мәселесі қарастырылады. Кіріспе критериалды бағалау жүйесі оқушыны дамытуға, оны үйренуге деген ынтасын арттыруға бағытталған. Әрбір оқушы мен оның ата-анасы үшін түсінікті, бағалау критерийлері мен тұрақты кері байланыс рөлі маңызды. Орта білім беру реформасының тиімділігі негізінен қазақстандық мұғалімдердің орта білім берудің жаңартылған мазмұны бойынша жұмыс істеуіне дайын болуына байланысты болады, мұның салдарынан мұғалім мен оның ғылыми-зерттеу қызметі тәжірибесі маңызды болып табылады.

Түйінді сөздер: қалыптастырушы бағалау, критерий, дескриптор, кері байланыс, координатор.

Abstract. The article deals with the issue of the transition of Kazakhstan's secondary education to the updated content. The introduced criterion assessment system is aimed at developing a student, increasing his motivation to learn. Important is the role of evaluation criteria and regular feedback, understandable for each student and his parents. The effectiveness of the reform of secondary education will largely depend on the preparedness of Kazakhstani teachers to work on the updated content of secondary education, in connection with which the practice of the teacher and his research activities become important.

Key words: formative evaluation, criterion, descriptor, feedback, coordinator.

В Послании Президента РК Н.Назарбаева «Казахстанский путь – 2050: единая цель, единые интересы, единое будущее» одними из главных приоритетов являются качественное образование, вхождение в мировое образовательное пространство.

В связи с этим, в 2020 году в Казахстане осуществится полный переход на 12-летнюю модель обучения. В школах оценивание рассматривается как одна из важных целей обучения, направленных на правильный выбор учителем эффективных приемов и средств обучения. Основной целью нового Государственного общеобязательного стандарта образования Республики Казахстан является подготовка педагогов по основным вопросам критериального оценивания для внедрения системы критериального оценивания учебных достижений учащихся в учебный процесс. Альтернативой традиционной системе оценивания является критериальное оценивание 12-летней школы, разработанное АОО «Назарбаев Интеллектуальные школы» и Национальной академией образования им. Ы. Алтынсарина. В основе критериального оценивания лежит критериальный подход – определение степени индивидуального приближения ученика к ожидаемым результатам образования. Объективность оценок при критериальном оценивании подтверждается дескрипторами, в создании которых принимают участие ученики, модерацией, обсуждением и сравнением оценок. Новая система оценивания позволит ученику стать активным не только в процессе обучения, но и в оценивании результатов своего обучения. Критериальная система оценивания позволяет учителю делать акценты на успехах ученика, отмечая зоны роста, выделяя то, чему еще предстоит научиться.

Смысл критериального оценивания заключается не в отказе от отметки, а позволяет ученику планировать свою учебную деятельность, определять цели, задачи, пути их достижения, оценивать результат своего труда. Учитель берет за основу критерии оценивания, которые определяются задачами обучения и представляют собой перечень различных видов деятельности учащегося, которую он осуществляет в ходе работы и должен в совершенстве освоить в результате работы. Дескрипторы описывают уровни достижения учащегося по каждому критерию (последовательно показывают все шаги по достижению наилучшего результата) и оцениваются определенным количеством баллов: чем выше достижение – тем больше балл. Таким образом, критериальное оценивание учит обучающихся нести ответственность за свое обучение.

В содержании Казахстанского образования происходят качественные изменения: акцент с предметных знаний, умений и навыков как основной цели обучения перенесен на формирование функциональной грамотности учащихся. Это влечет за собой и изменения в системе оценивания.

Традиционная «отметочная» система оценивания при таком подходе нежизнеспособна, так как она лишь выполняет функцию внешнего контроля успешности учащегося, не формирует у учащегося самостоятельности в оценивании, малоинформативна потому что, отметка не позволяет определить реальный уровень знаний и, что самое главное, нельзя определить вектор дальнейших усилий учащегося. Обратная связь учителя с учениками при «отметочной» системе не служит целям оказания помощи ученикам в улучшении результатов обучения. Среди учителей распространена практика оценивать объем и форму выполненной работы, а не уровень достижений учащихся, что снижает активность и мотивацию ученика. Одна из *проблем*, которая стояла и стоит перед учителем, – как организовать оценивание учебных достижений школьников, чтобы не свести его только к оцениванию знаний, умений и навыков, а охватить весь процесс учебной деятельности и его результаты. Оценивания без критериев не бывает! Как формирующее, так и суммирующее оценивание опирается на заранее разработанную и предъявляемую ученику систему критериев.

Для оценивания в критериальном подходе часто используются критериальные таблицы – *рубрикаторы*, основными элементами которого являются *критерии*, *дескрипторы*, *индикаторы* (баллы). *Критерий* – признак, основание, правило принятия решения по оценке чего-либо на соответствие предъявленным требованиям (мере). *Дескриптор* – обобщённая характеристика какого-либо объекта, процесса или его результата. *Индикатор* – объект, отображающий изменения какого-либо параметра, в форме, наиболее удобной для непосредственного восприятия [1].

Под *критериальным оцениванием* М.Ю. Демидова, С.В. Иванов, О.А. Карабанова, А.А. Вертьянова *понимают процесс оценивания, основанный на сравнении учебных достижений учащихся с четко определенными, коллективно выработанными, заранее известными всем участникам образовательного процесса критериями, соответствующими целям и содержанию образования, способствующий формированию у учащихся умения учиться* [2, 13].

Если исходить из того, что аналогом понятия «критерий» в отечественной педагогике может считаться понятие «содержание образования», то критерий представляется как цель, ожидаемый результат образования, а оценивание по любому из критериев – это определение степени приближения ученика к данной цели. Критериев, раскрывающих понятие «отличный ученик», несколько. В самом общем виде их можно сгруппировать следующим образом:

1. Владение предметным языком, знание основных фактов, концепций, методов.
2. Применение полученных знаний при решении как стандартных, так и нестандартных задач.

3. Синтез новых знаний на основе полученных (умение поставить задачу, самостоятельно выбрать адекватные средства и решить ее).

4. Отношение к результатам своей деятельности (умение предвидеть последствия своего решения и готовность нести ответственность за него) [2, 70].

Как мы применяем критериальное оценивание во время учебного процесса? При составлении краткосрочного планирования нужно определить цели и задачи урока, и указать какими умениями и навыками должны овладеть учащиеся в результате. По по этим же принципам составляются критерии оценивания. Например, наличие теоретических знания, применение полученной информации, синтез новых знания на основе полученных, а также готовность учащихся анализировать свои достижения и результаты. Критерии оценивания можно составить в виде таблицы и предложить для заполнения лидерам групп или самим учащимся.

Таблица 1 – Критерии оценивания

ФИО учащегося	Наличие теоретических знания	Умеет применять новую информацию	Умеет синтезировать новые знания на основе полученных	Умеет анализировать и подводить итоги по учебному процессу

Какие же качества мы хотим видеть у своего обучающегося, чтобы в современной жизни он был успешен? Знание предметов конечно важно, но сформированность универсальных учебных действий, которые позволят ребенку успешно социализироваться и самостоятельно освоить любой учебный предмет все же важнее.

Одна из *целей* безотметочного обучения – сделать оценку учащихся более содержательной, объективной и дифференцированной. Это позволит учителю, во-первых, не причинять вреда эмоциональному здоровью ребенка и, во-вторых, более эффективно формировать знания и навыки, поднять мотивацию ученика.

Вторая важная *цель* безотметочного обучения – сформировать и развить оценочную деятельность у детей, делая педагогический процесс гуманным и направленным на личность ребенка. Это становится и условием, и результатом сотрудничества между учителем и детьми, закрепляет взаимопонимание и взаимодействие. В классе создается атмосфера психологического комфорта не только для ученика, но и для его родителей и учителя. Оцениванию подлежат индивидуальные учебные

достижения учащихся, в сравнении с его собственными вчерашними достижениями. Положительно оценивается каждый удавшийся шаг ученика, попытка, даже неудачная, самостоятельно найти ответ на вопрос. Учащиеся учатся сравнивать свою работу с образцом, находить ошибки и устанавливать их причины, вносить исправления. Осуществление информативной и регулируемой обратной связи с учащимися должно быть ориентировано на успех, содействовать становлению и развитию самооценки.

Важным результатом обучения без отметок становится умение ученика сопереживать, радоваться за успехи одноклассника, критично подходить к выполненной работе, уважать свои и чужие достижения, у ребят развивается опыт активных форм взаимопомощи, взаимоподдержки. Важно по итогам урока оценить как можно больше учащихся: одних – за активную работу, других за точность и правильность ответов, третьих – за аккуратность выполнения задания, четвертых – за то, что внимательно слушали на уроке, а есть и такие ученики, которых нужно поблагодарить и за то, что не мешали слушать другим.

В целом критериальное безотметочное оценивание позволяет *учителям*: разработать критерии, способствующие получению качественных результатов обучения; сверять достигнутый учащимся уровень с определенным минимумом требований, иметь оперативную информацию для анализа и планирования своей деятельности; фиксировать общий уровень подготовленности каждого учащегося и динамику его успехов; выстраивать индивидуальную траекторию обучения каждого ученика; поощрять и развивать самооценивание учащимися своих достижений, а также рефлекссию происходящего с ним в ходе учебного процесса; бережно относиться к психике учащихся. *Учащимся*: использовать многообразие стилей обучения, типов мыслительной деятельности и способностей для выражения своего понимания; знать и понимать критерии оценивания для прогнозирования результата; участвовать в рефлексии, оценивая себя и своих сверстников; использовать знания для решения реальных задач, выражать разные точки зрения, критически мыслить. *Родителям*: получать доказательства уровня обученности ребенка; отслеживать прогресс в обучении ребенка; обеспечивать ребенку поддержку в процессе обучения.

В целом система оценивания становится совершенно прозрачной в смысле способов выставления текущих и итоговых отметок, получения качественного образования.

Конечно, мы видим всю сложность внедрения критериального оценивания, трудоемкость процессов на уроке, на котором часенъко времени не хватает на собственно предметные знания. И все же, приобретение функциональной грамотности обучающимися невозможно без анализа своей деятельности, умения понимать свои особенности

метапознания, рефлексии своей работы на уроке и дома, а именно это и развивает критериальное оценивание в конечном смысле, возвращает конкурентоспособную и развитую личность. Мы уверены, что в новых подходах в образовании, критериальное оценивание является краеугольным камнем, серьезнейшей составляющей.

Современный этап общественного развития характеризуется постоянной изменчивостью, динамизмом. Меняются знания, технологии, информация, что обуславливает быстрое устаревание полученных знаний. В связи с этим возникает потребность по – новому определить цель обучения и его функции. Сегодня в процессе ежедневного обучения нам необходимо выработать у учащегося умения, навыки и желание учиться в течение жизни, чтобы всегда быть конкурентоспособным. Мы должны также научить его учиться, тем самым обеспечивая индивидуальную и самостоятельную работу ученика (согласно требованиям Болонского процесса), ориентировать содержание и методы обучения на компетентность. Развитие человечества приобрело глобальный характер, и это делает конкурентоспособным только человека, способного жить и действовать в таком пространстве. Требуются изменения системы ценностей, которые мы хотим видеть у наших детей.

В основе критериального оценивания лежит критериальный подход – определение степени индивидуального приближения ученика к ожидаемым результатам образования. Объективность оценок при критериальном оценивании подтверждается дескрипторами, в создании которых принимают участие ученики, модерацией, обсуждением и сравнением оценок.

Новая для Казахстана система критериального оценивания направлена на развитие обучающегося, повышение его интереса и мотивации к обучению, она позволит ученику стать активным не только в процессе обучения. Учителю же критериальная система оценивания позволит делать акценты на успехах ученика, отмечая зоны роста, выделяя то, чему еще предстоит научиться.

Этого можно достичь, если установить ясные и измеримые критерии оценивания, понятные каждому обучающемуся и его родителям. Система критериального оценивания определяет основы для внесения изменений в действующую практику оценивания учебных достижений обучающихся общеобразовательных школ. Это позволит обеспечить качество процедур оценивания, их соответствие международным стандартам и потребностям обучения каждого обучающегося.

Итак, что же такое критериальное оценивание? Это оценивание по определенным критериям для достижения успешности учащихся. Смысл критериального оценивания заключается не в отказе от отметки, а позволяет ученику планировать свою учебную деятельность, определять цели, задачи, пути их достижения, оценивать результат своего труда.

Учитель за основу критерии оценивания, которые определяются задачами обучения и представляют собой перечень различных видов деятельности учащегося, которую он осуществляет в ходе работы и должен в совершенстве освоить в результате работы. Дескрипторы описывают уровни достижения учащегося по каждому критерию и оцениваются определенным количеством баллов: чем выше достижение – тем больше балл. Таким образом, критериальное оценивание учит обучающихся нести ответственность за свое обучение.

В заключение хотелось бы сказать, что оценивание для обучения сконцентрировано на том, что учитель и ученики могут предпринять, чтобы развиваться дальше. В завершении своего выступления я хочу привести строки У. Джеймса: «Глубочайшим свойством человеческой природы является страстное стремление людей быть оцененным по достоинству».

Список литературы:

1. Современный словарь по педагогике / сост. Е.С. Рапацевич. – Минск: Современное слово, 2001. – 928с.
2. Вертьянова А.А. «Технология критериального оценивания образовательных достижений учащихся» кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков ПГГПУ Учебно-методическое пособие. – Пермь 2014 год. – С. 13, 70.

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ИНТЕРАКТИВНОМ УРОКЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ (В 5 КЛАССЕ)

*Касенова Айнура Кадырахметовна
магистрант КазНПУ им Абая*

Фундамент нравственных качеств и образования человека закладывается в школе. В этом велика роль школьного учителя.

Учитель школы – самая ключевая фигура в системе образования любой страны. От уровня компетентности учителей школ зависит качество всей системы образования, а от качества образования – благополучие и будущее страны.

Современный этап развития методики преподавания русского языка характеризует новые подходы к определению целей обучения и выбору конкретных технологий и методик. В качестве специальных целей преподавания русского языка в образовательном компоненте государственного стандарта выделяются языковая, коммуникативная, лингвистическая и культуроведческая компетенции.

Понятие «компетенции» в методике преподавания русского языка в школе связано, в первую очередь, с поисками более точного, строгого определения целей обучения с выявлением уровней владения языком, иначе говоря, с ответом на вопрос, как ученик владеет языком. Компетенция – способность к выполнению какой-либо деятельности на основе приобретенных знаний, навыков, умений. Под компетенцией в современной методике понимается совокупность знаний, умений и навыков, которые формируются в процессе обучения русскому языку и обеспечивают овладение им и, в конечном счете, служат развитию личности школьника.

В теории и практике преподавания русского языка выделяются следующие компетенции: языковая, лингвистическая, коммуникативная, культуроведческая.

Кратко охарактеризую содержание компетенции каждого типа.

Языковая компетенция – способность учащихся употреблять слова, их формы, синтаксические конструкции в соответствии с нормами литературного языка, использовать его синонимические средства, в конечном счете, – владение богатством языка как условие успешной речевой деятельности.

Лингвистическая компетенция представляет собой результат осмысления речевого акта учащимися. Она включает в себя знание основ науки о русском языке, предполагает усвоение комплекса лингвистических понятий, усвоение тех сведений о роли языка в жизни общества и человека, благодаря которым воспитывается устойчивый и постоянный интерес к предмету, чувство уважения и любви к русскому языку. Наконец, лингвистическая компетенция включает в себя и элементы истории науки о русском языке, о ее выдающихся представителях.

Коммуникативная компетенция – это способность понимания чужих и порождения собственных программ речевого поведения, адекватного целям, сферам, ситуациям общения. Она включает в себя знание основных речеведческих понятий: стили и типы речи, строение описания, повествования, рассуждения, способы связи предложений в тексте и т.д.; умения и навыки анализа текста. Однако охарактеризованные знания и умения еще не обеспечивают общения, адекватного коммуникативной ситуации.

Современный период развития методики преподавания языков характеризует обостренный интерес к кумулятивной функции языка, к обучению языку как средству приобщения к мировой и национальной культуре. Изучение языка должно развивать *культуроведческую компетенцию*, которая обеспечивает формирование русской языковой картины мира, постижение национальной культуры своего народа, познание ее самобытности, формирование одной из важнейших ценностных ориентаций – осознание значимости родного языка в жизни народа,

развитие духовно-нравственного мира школьника, его национального самосознания.

В педагогической практике давно применяется термин «активные методы и формы обучения». Он объединяет группу педагогических технологий, достигающих высокого уровня активности учебной деятельности учащихся. В последнее время получил распространение еще один термин – «интерактивное обучение». Современная наука об образовании приблизилась к тому моменту, когда возникла потребность в создании педагогических технологий, которые обеспечивают самое главное в образовательном процессе – развитие личности каждого учащегося, его активности. Необходимо создавать такие условия обучения, чтобы учащийся стремился получить новые результаты своей работы и в дальнейшем успешно применить их в практической деятельности. На сегодняшний день мы не можем не задумываться над тем, что ожидает наших учащихся. Известно, что будущее потребует от них огромного запаса знаний не только по выбранной специальности, но и в области современных технологий. Большинство предложений требуют минимальных компьютерных знаний, поэтому очень важно при подготовке учащихся учитывать то, что современные информационные технологии всё глубже проникают в нашу жизнь.

Сегодня в школьную практику широко внедряются информационные технологии – это процесс подготовки и передачи информации обучаемому, средством осуществления которого является компьютер и интерактивная доска.

При использовании интерактивной доски обычный урок становится более эффективным, повышается динамичность урока, открывается возможность видео действия, возможность оперативного получения информации. Обучение с помощью интерактивной доски существенно отличается от привычных методов преподавания, хотя основы успешного проведения занятия одни и те же. Прежде всего, любое занятие, в том числе и с использованием интерактивных технологий, должно иметь четкий план и структуру, достигать определенных целей и результатов. Все это помогает учащимся лучше усвоить материал и соотнести его с тем, что они уже знают. Интерактивное творчество учителя и ученика безгранично. Важно только умело направить его для достижения поставленных учебных целей – подготовки высококвалифицированного специалиста.

Например, во время подготовки урока по теме «Национальные инструменты» учащиеся кропотливо собирают материал по теме, подбирают тексты, переводят их на казахский, русский и английские языки и выступают с презентациями перед учителями и учениками других классов. Во время таких выступлений отрабатываются дикция, правильное произношение звуков, умение выступать перед аудиторией.

Компьютер и интерактивная доска как средство обучения в силу своей универсальности помогают решить задачу развития личности ученика:

- увеличивается скорость овладения учебным материалом;
- наблюдается положительная динамика движения детей из групп со слабой и средней успеваемостью в группы со средней и высокой успеваемостью;
- становится более качественным операционный самоконтроль учащихся при решении учебных задач;
- в исполнительной основе действий наблюдаются положительные сдвиги, что сказывается на уровне общей грамотности (уменьшается количество орфографических ошибок, реже применяются исправления);
- с использованием системы программных средств эффективно реализуются наиболее значимые с позиции дидактических принципов методические цели;
- индивидуализация и дифференциация процесса обучения (за счет возможности поэтапного продвижения к цели по маршрутам различной степени сложности);
- осуществление самоконтроля с обратной связью, с диагностикой ошибок и оценкой результатов деятельности;
- высвобождение учебного времени;

Задачи модернизации образования не могут быть решены без оптимального внедрения информационных технологий во все его сферы. Использование информационных технологий дает толчок развитию новых форм и содержания традиционных видов деятельности, что ведет к их осуществлению на более высоком уровне. Работа с компьютером и интерактивной доской должна быть организована так, чтобы с первых же уроков она стала мощным психолого-педагогическим средством формирования потребностей школьников, средством поддержания и дальнейшего развития их интереса к изучаемому предмету. Правильно организованная работа учащихся с интерактивной доской может способствовать в частности росту их познавательного и коммуникативного интереса, что в свою очередь будет содействовать активизации и расширению возможностей самостоятельной работы обучаемых по владению казахским языком, как на уроке, так и во внеурочное время.

Развитие коммуникативной и информационной компетенции в процессе обучения является одним из ключевых направлений обновления средней школы. Одной из принципиальных задач педагога при формировании коммуникативной компетенции является организация таких условий, при которых учащиеся приобретают навыки и умения, соответствующие высокому уровню общения.

Необходимо отметить, что основной стратегией обучения русским языком является лично-ориентированный подход, ставящий в центр учебно-воспитательного процесса личность школьника, учет его способностей, возможностей, склонностей и потребностей. Это предполагается реализовывать на основе дифференциации и индивидуализации обучения.

Интерактивная доска, мультимедийные приложения и программы, такие как, «ActivInspire», позволили реализовать в моей практике потенциальные навыки ИКТ, развить информационную культуру, облегчить работу по усвоению и закреплению нового материала. Большинство заданий были направлены на самостоятельный поиск ответов, работу с Интернет-ресурсами, исследовательскую деятельность.

Для работы с одаренными детьми я разработала дифференцированные задания, так же категория этих учеников активно помогала обучению детей с более слабыми способностями, это дало равные возможности всем группам учащихся и включила в работу весь классный коллектив. Для сложных заданий я разработала дескрипторы, а при выполнении одного письменного упражнения мы с детьми совместно разрабатывали дескрипторы и критерии успеха. В дальнейшем планирую продолжить данный прием работы.

Активная работа в парах научила детей взаимооцениванию, а самооценивание было проведено при помощи стратегии "Радуга успеха". Это дало моим ученикам осознать на каком уровне знаний они находятся, увидеть свои пробелы, найти пути их восполнения. А мне помогло определить вектор дальнейшей педагогической практики, подобрать стратегии и прием для помощи тем, кто затруднялся. К концу урока я смогла определить, что ученики не только самостоятельно могут находить некоторые материалы, они стали больше рассуждать и четко доказывать свое мнение, так же дети стали более ответственными, собранными, могли выслушивать и корректировать при необходимости мнение других.

Реализация лично-ориентированного подхода к обучению и воспитанию школьников предъявляет повышенные требования к профессиональной подготовке современного учителя, способного работать на разных ступенях обучения с учетом их специфики. Безусловно, учителю необходимо знать и применять на практике не один метод обучения. Но залог успешного урока заключается не только в выборе технологии, важно вызвать интерес каждого ребенка к уроку, т.е. сформировать внутреннюю мотивацию учащихся.

Список литературы:

1. Божович Е.Д. Учителю о языковой компетенции школьников: психолого-педагогические аспекты языкового образования. – М.: МПСИ, 2002. – 288 с.

2. Быстрова Е.А. Цели обучения русскому языку, или какую компетенцию мы формируем на уроках / Е.А. Быстрова // Русская словесность. – 2003. – № 1.
3. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. – Либроком, 2010.
4. Казарцева О.М. Культура речевого общения: теория и практика обучения. Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 1998. – 496 с.
5. Ахметжанова Ф.Р. Моделирование коммуникативных ситуаций при обучении казахскому языку как второму // Учебное пособие. – Усть-Каменогорск, 1999.
6. Народное образование 2001 г. – № 3. – С. 29-34.
7. Педагогический альманах 2009 г. – № 6. – С. 12-14.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ

Представляя этот альманах, кафедра русского языка и литературы КазНПУ им. Абая возобновляет традицию издания периодического кафедрального научного сборника. В наше время нет недостатка в печатных и электронных изданиях и, конечно, доктора и кандидаты наук нашей кафедры активно публикуются на страницах казахстанских изданий, а также в журналах и сборниках ближнего и дальнего зарубежья. Но кафедра решила, что было бы неплохо иметь свою профессиональную визитную карточку в виде небольшого издания, которое представит актуальное научное содружество авторитетных и начинающих филологов в Казахстане. Таким изданием стал наш альманах LingvLit. Он решает как образовательные, так и воспитательные задачи и нацелен на перспективу развития молодых ученых, привлечение к публикации учителей, а также популяризацию научных трудов отечественных ученых.

Сбор материалов в альманах ведется с марта по май каждого года. Сборник выходит в июне в печатном и электронном виде. Электронная версия альманаха размещается на сайте КазНПУ им. Абая.

Требования к статье в нашем сборнике.

Текстовый редактор – Microsoft Word. Формат – А 4. Поля – 2 см. со всех сторон. Шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 10. Межстрочный интервал – 1. Автоматический абзацный отступ – 1. Ориентация – книжная, без простановки страниц, без переносов, без постраничных сносок. Графики, таблицы и рисунки – черно-белые, без цветной заливки, все элементы должны быть скреплены в единый макет, без подвижных частей. Объем статьи – 4-6 страниц. В названии файла обязательно указывать: Фамилия автора_Альманах_год, например: <Абаева_Альманах_2019>.

Оформление статьи:

По центру, без отступа: *название статьи* – прописными буквами, жирным шрифтом.

Двойной интервал.

По правому краю: первая строка – *фамилия, имя, отчество автора* – жирным шрифтом, курсивом, строчными буквами; вторая и третья строки – *ученая степень, звание, должность, название представляемой организации* (для каждого автора отдельно, в том же порядке).

Двойной интервал.

Аннотация – жирным шрифтом. Аннотация статьи на русском, казахском и английском языках содержит характеристику основной темы, цели работы и ее результаты. *Объем аннотации* – не более 50 слов.

Ключевые слова – 5 слов на трех языках (рус., каз., англ.).

Двойной интервал.

Текст статьи – выравнивание по ширине. В конце статьи обязательно делаются выводы.

Двойной интервал.

Список литературы приводится в порядке цитирования по тексту в конце статьи в виде нумерованного списка. Библиографические ссылки в тексте берутся в квадратные скобки. Цифры в скобках разделяются запятой [3, 21] (первая цифра – номер источника в списке литературы, вторая – номер страницы в цитируемом источнике, буква с. (стр.) не ставится). В предложении точка ставится после скобок, а не до.

Оплата за публикацию в нашем сборнике составляет:

одна статья + один печатный экземпляр сборника – 4000 тенге,

две статьи + один печатный экземпляр сборника – 6000 тенге,

одна статья + два и более печатных экземпляра – 4000 тенге +

2000 тенге за каждый дополнительный печатный экземпляр.

Оплата вносится лаборанту кафедры русского языка и литературы одновременно с предоставлением статьи к рассмотрению для публикации. Редакция оставляет за собой право отбора материалов для публикации. В случае отклонения статьи рецензентами оплата за публикацию возвращается автору.

Материалы высылать по адресу: lingv-lit@mail.ru. В теме письма обязательно указывать: Альманах.

Телефон для справок: 8 (727) 385-87-84 (кафедра рус. яз. и лит.).

С ожиданием новых работ,
редакция альманаха **LingvLit**

LingvLit
Научный альманах
Выпуск 3

Под ред. С.Д. Абишевой
Компьютерная верстка – А.А. Джундубаева

Подписано в печать 27.05.2019 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага SvetoCopy
Объем 16,51 усл. п.л. Тираж 100 экз. Заказ 305

Отпечатано в ТОО «КОПИТЕК»
г. Алматы, ул. Толе би, 65.
Тел.: +7 (727) 261 46 30